

Мика Ртуть

Сумрачный дар

Пролог

- Темная колдунья...

- Она виновна в смерти короля...

- Измена...

Испуганный, ненавидящий шепот преследовал ее, пока она бежала к тронному залу. Придворные расступались, отводили глаза – и шептались, шептались за спиной.

- Вашему высочеству следует вернуться в свои покои. – Старшая сестра заступила ей дорогу. – Ступайте к себе и ожидайте решения совета.

- Но... я хочу видеть отца! Что с ним? Ристана, что с отцом?!

Сестра смерила ее ненавидящим взглядом и отвернулась.

- Что с моим отцом? Что с королем?!

Никто не ответил. Придворные отворачивались, чтобы только не встретиться с ней взглядом, и откуда-то из углов снова пополз шепот:

- Убийца... темная...

- Нет! – крикнула она и, подобрав неудобные юбки, бросилась к дверям тронного зала. – Отец! Не смейте... вы не смеете не пускать меня! Убирайтесь все!

Шепот стих, как отрезало. Повисла мертвая тишина, в которой слышался лишь гулкий перестук ее каблуков. К отцу, скорее! Пока еще хоть что-то можно исправить!..

Высокие двери отворились сами, едва она коснулась створок. Медленно. Бесшумно. Ей на миг показалось, что она оглохла, но нет – сердце стучало, как безумное, ее собственное сердце... и больше ничего. Ни единого звука во всем дворце. Словно все вымерли.

Влетев в тронный зал, она замерла, ничего не понимая. Почему темно? Свет, нужен свет!

Повинуясь ее воле, по всему залу зажглись желтые огни фейских груш, из мрака начал проступать трон... и сидящий на нем человек...

Она бросилась к отцу, смеясь и плача от облегчения. Он жив, жив! Ей просто врал, с отцом все хорошо!..

- Отец! – протянув к нему руку, не то шепнула, не то крикнула она.

И остановилась. Резко, словно наткнувшись на стену.

Тот, кто сидел на троне, не был ее отцом. Выше, шире в плечах, черты резче... но... откуда здесь ее жених? И почему на нем – корона Валанты, корона ее отца?

- Здравствуй, любовь моя. – Он улыбнулся очаровательной улыбкой, так часто снившейся ей одинокими ночами. Его бирюзовые глаза в длинных ресницах сияли... любовью? Ведь любовью же? Не торжеством?!

- Почему ты здесь? – не смея опустить взгляда ниже, на нечто страшное у подножия трона, спросила она.

- Потому что я – здесь, – ответил он неожиданно жестко. – В своем королевстве, со своей невестой. Иди ко мне, моя драгоценная.

Он встал с трона, внезапно оказавшись очень высоким, и она наконец-то заметила, что он одет как в дорогу: кожаный полувойенный френч, высокие сапоги для верховой езды, черные перчатки, шпага на поясе. И изумрудно светящаяся корона из земляничных листьев. Корона Валанты.

Протянув руку, он сделал шаг вперед, наступив на что-то у подножия трона. И она наконец-то решилась, опустила взгляд... и закричала, зажимая рот руками.

Перед тронном блестела багрянцем лужа крови. Брызги запачкали сапоги ее жениха, но его губы улыбались. А в бирюзовых колдовских глазах пылало торжество.

– Нет... нет! Где мой отец?!. – Она побежала к жениху, не желая верить в самое страшное, вопреки всему надеясь, что отец жив, что его еще можно спасти...

И когда она почти коснулась протянутых к ней рук, почти поверила, что все будет хорошо, кто-то сказал:

– Проснись, Шуалейда!

Кошмар растворился, как не бывало, оставив четкое понимание: это был не просто сон, а предостережение. Кто-то пришел в ее спальню тропой Тени, и этот кто-то сейчас будет ее убивать.

Мгновенно выставив щит, Шу развернулась в постели навстречу опасности и распахнула глаза. Единственным, что она успела увидеть, был убийца, занесший над ней черный ритуальный нож. Единственным, что она успела подумать, было: слава Двуетным, что в этой постели она, а не брат. Брат бы не справился.

В следующее мгновение нож опустился, словно никакого щита не было и в помине, и мир вокруг Шуалейды полыхнул живой тьмой... **Глава 1**

О братской любви и соленых фисташках

431 год от основания империи, 25 день ягодника

Фьонадири, столица империи

Его высочество Люкрес Брайнон, третий сын императора Элиаса Брайнона, ворвался в кабинет Светлейшего главы Конвента Магистров без доклада. Даже без стука.

– Вы это видели?! – Он бросил на стол целый ворох газет, повалив вазочку с солеными фисташками. – Я требую, чтобы вы прекратили это безобразие!

– Полнейшее безобразие, – согласился Светлейший, небрежным жестом возвращая орешки в вазочку, а вазочку на место. – И как только они посмели, ай-ай-ай... Что, неправду написали? Как нехорошо!

– Я не желаю, чтобы мою личную жизнь трепали всякие писаки! – Его высочество навис над Светлейшим, хмуря фамильные сросшиеся брови и гневно сверкая бирюзовыми глазами.

– Так правду или нет, ваше высочество? – мягко улыбнулся Светлейший, раскладывая газеты веером перед собой. – Например, вот это: «Сумрачный дар – миф или реальность?» или вот – «Темных магов уравниют в правах с нормальными людьми». Не вижу здесь ничего, задевающего личную жизнь вашего высочества, всего лишь обычные сплетни и паникерство.

– Ах, не видите... – В голосе принца послышались шипящие нотки. – И вот здесь не видите?

Он ткнул пальцем с массивным перстнем в другой заголовок: «Его высочество Люкрес идет ва-банк!»

– Ничего противозаконного, – с видом усталого дедушки покачал головой Светлейший. – И чистая правда. Вы сильно рискуете, ваше высочество, делая ставку на девушку с нестабильным сумрачным даром. Если ваша жена вдруг станет темной колдуньей, вы потеряете все права на трон империи.

– Ее дар стабилен больше десяти лет. Я читал отчеты ваших же подчиненных, они утверждают, что дар ее высочества Шуалейды – на девять десятых светлый. Никакого риска.

– О, смотрите-ка, ваше высочество, какая интересная статья. – Светлейший взял в руки одну из газет и зачитал: – «Темнейший глава Конвента заявляет: дар сумрачного мага нельзя определить до совершеннолетия. Принцесса Шуалейда вполне может оказаться темной». С вашей стороны весьма смело игнорировать мнение моего уважаемого коллеги.

Принц Люкрес пробормотал что-то гневно-нецензурное в адрес Темнейшего Паука, вечно плетущего свои сети, и опять потребовал:

– Прекратите это. Немедленно! Это безобразие не должно попасть в руки ее высочества Шуалейды! Наш брак будет союзом любящих сердец, а не торговой сделкой!

На «любящих сердцах» русые, без малейшей седины брови Светлейшего скептически поднялись, но спорить он не стал. Союз так союз.

– Не могу прекратить, ваше высочество, – развел руками Светлейший. – Я бы с радостью, но еще ваш прапрадед гарантировал подданным свободу мысли и свободу слова. Кстати, я ему говорил, что газеты – зло, но он же звался Справедливым... хм... Так что уничтожить все тиражи всех газет – не в моей компетенции. Вот если Совет Семи Корон примет новый закон, ваш батюшка его одобрит и мой Темнейший коллега не наложит вето, вот тогда...

С каждым его словом принц Люкрес мрачнел, его фамильные бирюзовые глаза темнели, и без того тонкие губы сжимались все крепче.

– Это ваше упущение! – дослушав, почти выплюнул он. – Магбезопасность должна обеспечивать порядок и безопасность, а вы...

– Что я, ваше высочество?

Серые глаза Светлейшего так и светились добротой, и улыбался он в точности как любящий дедушка непутевому внуку. Даже непонятно, с чего его высочество Люкрес осекся и сбавил тон.

– Это ваш ученик допустил утечку конфиденциальных сведений в газеты. Никто, кроме полковника Дюбрайна, не знал о моем намерении сделать брачное предложение принцессе Шуалейде!

– Или же ваше высочество были недостаточно осмотрительны в выборе слуг. Я гарантирую вам, что полковник Дюбрайн здесь ни при чем, и рекомендую проверить ваших... хм... допустим, вашего секретаря на лояльность. И его помощников. А заодно уборщиков, лакеев, гвардейцев... но сначала все же секретаря.

– Моего секретаря?! Этого не может быть! Виноват однозначно Дюбрайн!

– Вы так категоричны, мой светлый принц. – Светлейший покачал головой и взял из вазочки пару фисташек. – Это пройдет лет через сто.

Принц Люкрес снова пробормотал что-то похожее на «шисов изворотливый ублюдок». Или просто подумал – Светлейший не дал себе труда вникать в несущественную разницу.

– На вашем месте я бы больше ценил дружбу вашего брата и не называл его ублюдком. Вам, одаренным сыновьям императора, стоит держаться вместе.

На яростное сверкание глаз принца Люкреса Светлейший опять же не обратил внимания, как на несущественную деталь, и продолжил:

- Хм... а вот еще интересная статья! «Принцам закон не писан», да-да... здесь пишут, что со смерти вашей супруги прошло всего полгода, обстоятельства этой смерти весьма подозрительны... Ай-ай-ай, нехорошо-то как! Мы же знаем, что ее высочество погибла стараниями собственной родни, но ваши старшие братья по-прежнему не желают ничего слушать. Законные братья, замечу я. И думается мне, в ближайшее время Магбезопасности поручат заново расследовать гибель вашей супруги. Как считаете, ваше высочество, полковник Дюбрайн справится?

- Несомненно, справится, - процедил принц Люкрес.

- Вот и хорошо, вот и чудненько. Хм... а оставьте мне эти газеты, ваше высочество. Что-то давно я не читал свежей прессы! А ведь мир не стоит на месте, ох не стоит.

Светлейший мягко улыбнулся и закинул в рот несколько фисташек.

- Читайте на здоровье, мой светлейший шер, - кивнул принц и удалился, даже не хлопнув дверью, хотя ему, несомненно, этого хотелось.

- Ну, мальчик мой, а теперь правду: твоих рук дело? - продолжая все с той же мягкой улыбкой глядеть на закрывшуюся дверь кабинета, спросил Светлейший.

- Не моих, - отозвались от широкого окна, выходящего на парк Магадемии, голосом, удивительно похожим на голос принца Люкреса.

На взгляд нормального человека, около окна никого не было. Светлейшему же и смотреть не надо было, чтобы знать: едва принц Люкрес открыл дверь кабинета, стоящий у окна полковник Дюбрайн исчез. А сейчас снова появился. Простейшая иллюзия, доступная любому менталисту хотя бы второй категории. Но не принцу Люкресу с его слабенькой третьей. Увы, Светлейший немного слукавил насчет «одаренных сыновей императора». На самом деле одаренным у его всемогущества получился лишь один - и тот бастард.

- Вот и хорошо, вот и чудненько, - кивнул Светлейший Парьен. - Итак, ты готов отправляться в Валанту и сватать своему обожаемому брату принцессу?

- И сватать принцессу, и проверять кое-чьи делишки. - Полковник Дамиен Дюбрайн, императорский бастард и лучший ученик Светлейшего Парьена, подошел к столу и с любопытством заглянул в газеты. - Надеюсь, мне не придется давать интервью.

- Тебе придется позаботиться о том, чтобы твои личные интересы не встали поперек государственных.

На этих словах ярко-бирюзовые глаза, так похожие на императорские, гневно вспыхнули. Само собой, Светлейший это проигнорировал и продолжил:

- Будь осторожен с сумрачной девочкой, такой дар встречается не каждый день.

- Разумеется, я буду осторожен. - Дюбрайн ухмыльнулся, зачерпнул горсть фисташек и тоном пай-мальчика добавил: - Шапку надену и леденцы на базаре тырить не стану. Еще ценные указания, Светлейший?

- Наглый мальчишка! Иди уже.

Коротко кивнув, полковник Дюбрайн покинул кабинет, на ходу щелкая орешки. А Светлейший откинулся на спинку любимого кресла, пережившего трех императоров, и совсем тихо сказал вслеп ученику:

- Вернись живым.

Но этого полковник Дюбрайн уже не слышал.

Глава 2

Вечерний подхалимаж

Сотворили Брат и Сестра мир из земли, огня и воды и назвали его Райхи. Долго играли Двуетдиные с новым миром, лепили горы и долины, растили деревья и травы, населяли земли зверями, небо птицами и воды рыбами.

Но чего-то не хватало Двуетдиным, и сказал Брат:

– Нет в мире равных нам, с кем могли бы мы играть!

Улыбнулась ему Сестра и ничего не ответила, лишь поцеловала и потянула на мягкую траву. А на следующий день родились семь прекрасных Драконов, и каждому из своих детей подарили Двуетдиные по одной стихии.

Катрены Двуетдинства

431 год, 6 день пыльника (семь дней спустя)

Королевство Валанта, Южный перевал, крепость Сойки

Шуалейда шера Суардис

«Его высочество Люкрес идет ва-банк!» – кричал газетный заголовок.

Схватив газету, Шуалейда принялась жадно читать, но уже через пару строк разочарованно поморщилась. Опять сплетни и домыслы! Вот уже четверть месяца Шу ненавидела газеты. Зря говорят, что нет ничего хуже неизвестности. Неправда! Хуже – домыслы и сплетни. Когда узнаешь о собственной помолвке из газет и не можешь понять – была помолвка, будет или это всего лишь очередная газетная утка.

– Наверняка утка, – без особой уверенности сказала Шу и бросила газету на пол.

Тут же из-под кровати высунулась мохнатая лапа, закогтила газету и потянула к себе.

«Мр-ря!» – послышалось довольное. Рысь по имени Морковка обожала газеты и никогда не упускала случая на них поохотиться.

– Не ешь бяку, отравишься, – сказала Шу.

Морковка презрительно фыркнула. Чтобы она – и отравилась? Да за кого вы ее держите!

– Вот скажи мне, какого ширхаба мне ничего не говорят?

Рысь недовольно заворчала. Она хотела охотиться, а не вникать в проблемы Шу.

Запретив себе злиться, Шу опять взялась за газеты, только что привезенные из ближайшего города. Газеты, продовольствие и почту доставляли в крепость Сойки четыре раза в месяц. И ровно четверть месяца прошла с тех пор, как Шу впервые прочитала о планах кронпринца империи Люкреса жениться на «таинственной принцессе, спрятанной в глуши», «мифической сумрачной колдунье» и прочая, прочая.

Планы! Потрясающе! Изумительно! А поинтересоваться планами самой Шуалейды? Может, ей этот принц сто лет не сдался! Может, она хочет не замуж, а учиться в Магадемии на артефактора! У нее, может, талант! А тут – нате вам, принц, весь такой в белом...

Шу поморщилась, глянув на первую страницу «Вечернего Герольда». Там красовался заголовок: «Наше будущее» и под ним портрет кронпринца Люкреса Брайнона.

Надменный взгляд ярко-бирюзовых глаз из-под сросшихся темных бровей, породистый горбатый нос, волевой подбородок и аккуратно уложенные волной каштановые волосы. Плюс – белый генеральский мундир с золотыми эполетами и «государственное» выражение лица. Принц был красив, о нем, без сомнения, мечтали все юные и не очень дамы империи. Все, кроме Шуалейды!

На свой портрет рядом с портретом кронпринца она даже смотреть не стала. Нечто носатое, угрюмое, похожее на ворону в кружевах. Единственный ее портрет, сделанный в конце весны, когда ей исполнилось пятнадцать. Газетчиков в крепость Сойки не пустили, но позволили корреспонденту «Вечернего герольда» сделать снимки и взять у нее короткое интервью. Разумеется, заранее согласованное с королевской Тайной Канцелярией и под бдительным присмотром капитана Магбезопасности.

Шу снова поморщилась. О тексте статьи Магбезопасность позаботилась, а о том, чтобы сделали хоть один пристойный снимок – нет! На этом портрете она вовсе на себя не похожа! Вот если взять другой ракурс, то она будет почти красивой! А здесь? Как есть пугало!

«...ее никто не видел. Уже больше десяти лет король Валанты скрывает младшую дочь и сына... сумеречный дар принцессы Шуалейды – истинное благословение богов... не стоит верить слухам... его величество заботится...»

– А вас давно пора переименовать в «Вечерний подхалимаж», – пробормотала Шу и бросила газету на пол.

На этот раз Морковка высунулась, прижав уши. Пушистые, с кисточками. Морда у нее была чуть приплюснутая, щекастая и очень серьезная. Охота же!

Пока Морковка охотилась на «Вечерний подхалимаж», Шу просмотрела остальные заголовки. Новости о железной дороге, цены на медь, светская хроника... О, вот оно!

«Ее высочество Ристана заявила, что слухи о помолвке младшей принцессы сильно преувеличены. Никаких официальных предложений от его высочества Люкреса не поступало».

Ага! Значит, предложения не поступало... или поступало неофициальное? Вот как понять, что происходит, если газеты врут, а отец не пишет?

– Ширхаб нюхай эту политику! – выругалась Шу, едва сдерживаясь, чтобы не бросить и эту газету на растерзание маленькой, бедненькой и голодненькой рыси.

– Р-р-ры! – согласилась рысь. Мол, я политику тоже не люблю, но ради тебя – съем! Вместе с женихом. Вдруг он вкусный?

Последняя газета и вовсе заставила Шуалейду длинно выругаться.

«Скандалы, интриги, расследования» опубликовала статью на всю первую страницу и специальное интервью придворного мага.

– Может ли сумеречная колдунья стать нашей королевой? – вслух, с выражением зачитала Шу для Морковки. – Или же кронпринца не интересует южное королевство, а одаренная супруга нужна ему, лишь чтобы подтвердить свои права на империю? На вопросы нашего корреспондента отвечает придворный маг Валанты, полномочный представитель Конвента Рональд шер Бастерхази...

На это имя Морковка отреагировала тихим и очень грозным рычанием. Мол, пусть только покажется, уж я его! Съем! И для пущей убедительности шлепнула когтистой лапой по деревянному полу, оставляя глубокие царапины.

– Фу так делать! – Отвлечшись от газеты, Шу провела над царапинами босой ногой, возвращая кедровым доскам изначальную гладкость. – Фу, я сказала!

Рысь покаянно муркнула и лизнула пятку Шу шершавым мокрым языком.

– Ай, щекотно же... Вот, слушай дальше: «Это сложный юридический вопрос, отвечает шер Бастерхази. Пока ее высочество Шуалейда не достигла совершеннолетия, она

считается потенциально светлой. Однако...»

Вся проблема была в этом «однако».

Шуалейда знала, что в отличие от Каетано, урожденного светлого шера, родилась бездарной. То есть, как говорил наставник, с латентным даром. Ее дар пробудился в два с половиной года, когда родился Каетано. Сама Шу этого не помнила, разве что какие-то смутные картинки, полные страха перед кем-то очень злым. Кем злым? Что тогда произошло? Почему ее дар пробудился? Она ничегошеньки не знала достоверно. Когда она лет в десять написала отцу с просьбой рассказать, он ответил: «Не торопиться узнать то, что Двоединые в милости своей от тебя скрыли». Ни ее компаньонка, ни комендант крепости Сойки, ни капитан Магбезопасности, приставленный к ним с Каетано телохранителем и наставником в магических науках, тоже не смогли рассказать ровным счетом ничего. Судя по недомолвкам капитана Энрике, потому что дали клятву о неразглашении именем Двоединых.

О пробуждении дара у второй принцессы Валанты наверняка писали газеты, но почему-то все подшивки того времени оказались изъяты из архивов. Шу проверяла. Не сама, конечно. Ей и Каетано запрещено было покидать окрестности крепости Сойки и бывать хотя бы в ближайшем крупном городе. Максимум – в деревнях неподалеку, и то в сопровождении половины гвардии и непременно капитана Энрике Герашана, светлого шера третьей категории.

Именно он и сумел найти и привезти ей несколько чудом сохранившихся газет того времени – полных таинственных намеков на нечто ужасное. Одна из статей даже была озаглавлена «Принцесса-монстр?», и говорилось в ней полнейшая чушь. Капитан Энрике тоже сказал, что ей не стоит принимать эту чушь всерьез, а следует подумать головой. Ну как девочка двух с половиной лет могла убить сотню человек, проклясть целый город и разрушить половину дворца? Тем более что дворец – цел и невредим, уж это-то Шу отлично помнила. Ведь они с Каетано жили дома еще целых два года, до смерти матери. И это были прекрасные, счастливые два года, если не считать отчаянного, иррационального страха Шуалейды перед темным шером Бастерхази и ненависти Ристаны, их с Каем старшей сестры.

Интересно, кронпринц Люкрес не читал тех газет? Или он не верит в страшные сказки? Вот Шу – не верит. Никакое она не чудовище. Она – почти обычная светлая шера, такая же, как Каетано, капитан Энрике или его жена и единственная подруга Шу, Бален. Шуалейда так же в точности может лечить, а всем известно, что целителями бывают только светлые шеры! Темные – только некромантами. Так что меньше чем через год наступит ее полное совершеннолетие, она пройдет аттестацию на шерскую категорию и получит свою Цветную грамоту. Светлую, непременно светлую! На крайний случай – сумрачную.

Потому что принцесса не может быть темной. Никогда и ни за что. Темные – зло и ужас. Не зря новые законы империи не допускают темных шеров ни к государственной службе, ни к наследованию короны и высших титулов. За последние дни, как прочитала в газетах о своей возможной помолвке, Шу изучила десяток юридических талмудов и с пристрастием допросила ученого наставника. Так что теперь могла цитировать юридические формулировки наизусть, как заправский стряпчий.

Но вот беда: в законах ни слова не говорилось о сумрачных шерах! В старых законах все шеры были равны, темный ты, светлый или в крапинку. А в новых законах темным шерам запрещалось все, кроме как дышать. Исключением оставались лишь члены и представители Конвента – такие, как темный шер Бастерхази. И насчет него Шу точно знала: лучше бы ему запретили все, включая дыхание! Хотя она в последний раз видела шера Бастерхази вживую одиннадцать лет назад, он до сих пор снился ей в кошмарах. Из-за него Шу с братом все это время сидят в глуши! Из-за него и ширхабом нюханной старшей сестры, Ристаны! Если бы не эти двое, Шу и Кай остались бы дома, с отцом, и может быть, Шуалейда в прошлом году поехала бы учиться в Магадемию...

Смяв «Скандалы», словно это было горло темного шера Бастерхази, Шу запустила бумажным комом в окно. Кружившие над скалами чайки испуганно заорали от такого подарочка. А Морковка оскорбилась до глубины рысей души. Она запрыгнула на подоконник, провожая газету недоуменным взглядом. Вкусную, свежую газету! Как могла любимая хозяйка отдать ее глупым чайкам!..

– Невкусная газета, поверь мне. – Подойдя к окну, Шу почесала рысь за ушами. Та прижмурилась, низко заурчала. – Лучше скажи, я не похожа на тот портрет, правда же?

Рысь ткнулась мордой ей в живот, подтверждая: ты самая красивая, самая лучшая, дай еще газетку, а? У тебя много! Сегодня целую пачку привезли!

– Потом, наглая твоя морда.

Отряхнув бриджи и сорочку от рыжей шерсти, Шу подошла к зеркалу. Небольшое, в бронзовой раме, оно висело напротив кровати, так что далеко ходить не пришлось. Впрочем, в ее «роскошных» покоях ходить дальше десяти шагов было некуда. Зато... зато прямо под окном было море! Огромное, ярко-синее, с редкими белыми барашками и торчащими из воды скалами. И где-то на полпути к горизонту остров Глухой Маяк с развалинами, светящимися по ночам. Жаль, она обещала не лазить туда никогда и ни под каким видом, иначе бы... эх! Мечты, мечты!

В зеркале отражалась высокая, стройная и вполне симпатичная девушка. Кожа ее была бледной – это хорошо, это модно! – скулы высокими, брови черными и густыми, вразлет. И пусть нос слегка великоват, а все лицо длинновато и узковато, зато глаза! Ярко-лиловые, в густых ресницах, с чуть приподнятыми уголками, ее глаза были определенно очень хороши. И волосы – длинные, тяжелые и блестящие, как вороново крыло, тоже. Да, Шуалейда не похожа на модный идеал. Но и не та жуть, что в газете.

Но и не красавица, в отличие от «прекраснейшей» Ристаны.

А плевать! Все равно здесь, на краю света, никто ее не видит. И если у Люкреса не выйдет с женьбой, то и дальше не увидит. Ну, кроме настоятельницы монастыря для трудновоспитуемых темных шер, куда Ристана обещала отправить Шуалейду: на момент того обещания Шу исполнилось четыре, но она его прекрасно помнила. А Ристана не раз повторяла.

Ширхаб! Как все сложно! Выйти за Люкреса – значит рисковать жизнью Каetano. Не выйти – наверняка отправиться в монастырь.

Подняв воздушным потоком газету с портретом возможного жениха, Шу подвесила ее перед собой. Что ж. Выглядит он мужественно. Правда, он старше Шу раза в три, зато единственный из сыновей императора одарен магически, и у него все шансы стать следующим императором.

Так, может быть, ему нужна она сама, сумрачная принцесса Шуалейда, а не корона Валанты?.. Ведь у него будет корона империи.

Нет, совершенно невозможно больше мучиться неизвестностью!

Кинув газету на растерзание Морковке, Шуалейда нарисовала на зеркале руны, рассмотренную в одном старом фолианте.

Глава 3

Принцесса на задворках

Каждому из детей боги подарили по одному цветку и одной стихии: Алому Дракону досталась власть над огнем, Зеленому – над деревьями и животными, Синему – над водой, Голубому – над воздухом и ветрами, Оранжевому – над камнями и земными недрами. Лиловому же Дракону, самому старшему, спокойному и разумному, Двуетиды подарили власть над правдой и иллюзиями, а самому младшему и непоседливому, Золотому – отдали птичье пение и красоту закатов.

Катрены Двуетидства

Там же и тогда же

Шуалейда шера Суардис

Зеркало затрепало, подернулось туманом и показало кабинет коменданта крепости, полковника Бертрана шера Альбарра. Он как раз беседовал со своим старшим братом, генералом Фортунато шером Альбарра, прозванным Медным за редкий для юга империи цвет шевелюры, а может быть – за несгибаемое упорство и невосприимчивость к ментальной магии. Медный только сегодня явился в крепость Сойки вместе с продовольственным обозом, ротой солдат и ежегодной инспекцией.

Изображение обоих братьев Альбарра, старшего – высоченного, загорелого и медно-рыжего, в пропыленном генеральском мундире, и младшего – такого же смуглого, но черноволосого и в одной сорочке, без френча – дрожало и плыло. В логове полковника Бертрана отродясь не было зеркал, даже для связи: все равно бездарный шер не может ими пользоваться. Но Шу для разведки годилась и бутылка вина на столе. Стекло – оно и есть стекло.

И пусть видно и не очень, все же стекло кривое, зато отлично слышно. Правда, почему-то зеркало передало не только изображение и голоса, но и запахи: нагретой солнцем кожи, лошадей, металла, цветущей магнолии и жареных бараньих колбасок.

Запах почуяла не только Шу. Морковка тут же сунула нос в зеркало и обиженно заворчала: где, где колбаски?! Кто смеет дразнить бедненькую маленькую рысь?!

У Шу тоже подвело живот. Завтрак был давно, а колдовство пробуждает здоровый аппетит.

– Тихо, – одними губами шепнула Шу и положила ладонь на горячий мохнатый загривок. – Еще не хватало, чтобы нас услышали!

Медный генерал что-то говорил о вылазке в Пустоши, проверке погодной аномалии и необходимости колдуна в этой вылазке. Шу было бы крайне интересно, если б не запах колбасок и не вопрос ребром: выдают ее замуж или нет? Но ни слова о принце Люкресе она не услышала.

– Пойдем и разведаем, – решила Шу, в третий раз сглотнув голодную слюну.

Рысь нетерпеливо боднула ее головой, мол, идем скорее, а то знаю я этих людей – все без нас съедят!

Натянув мягкие сапожки на босые ноги, Шу помчалась на разведку. Боем, и никак иначе! Рысь, задрав хвост-морковку, бежала впереди – строго на запах колбасок. И в дверь полковничьего кабинета она тоже ткнулась первой.

– Стоять, – строго велела Шу и постучала. В конце концов, хоть она и принцесса, а

следует быть вежливой.

– Входите, ваше высочество, – обреченно отозвался полковник Бертран.

Первой в кабинет метнулась рысь. Прямо к столу, за которым братья угощались кардалонским. То есть к оставшимся на блюде колбаскам. И уставилась на колбаски так укоризненно, что только совершенно бессердечный человек с ней бы не поделился.

– Надеюсь, я не помешала вам, светлые шеры, – улыбнулась Шу и шагнула вслед за рысью.

Генерал и полковник встали ей навстречу с такими лицами... А, неважно! Колбаски пахли так восхитительно, что было совершенно невозможно думать ни о чем другом!

– Угощайтесь, ваше высочество, – едва успел сказать полковник Бертран, как Шу сцапала последние две колбаски, одну бросила Морковке, а вторую тут же укусила сама.

Вкусно!.. Но мало. Тяжелый вздох Морковки подтвердил: ужасно мало, злые люди без нас все съели!

– Приятного аппетита, – с усмешкой пожелал Медный и протянул салфетку.

Вместо ответа Шу кивнула и, только дожевав, поздоровалась:

– Я ужасно рада тебя видеть, дядюшка Фортунато! – Решив, что на этом с этикетом можно закончить, она бросилась ему на шею. – Почему ты так долго не приезжал? Как отец? Что там с моей помолвкой? Что...

– Чш-ш, не все так сразу, – рассмеялся Медный, поднимая ее за талию и кружа, словно ей по-прежнему было пять лет. – Ты стала совсем взрослой девушкой. Самой красивой девушкой Валанты!

– Не заговаривай мне зубы, – фыркнула Шу.

На самую красивую девушку Валанты она не походила ни с какой стороны, тут газеты не вращали. Да и манеры... а что манеры? Если вести себя, как подобает принцессе, последнюю колбаску – и ту съедят! А вилки не было, вот. И вообще, для колдуньи естественные науки и физическая подготовка полезнее, чем придворные танцы и этикет. Тем более для колдуньи, которая живет в приграничном гарнизоне, где из высшего общества одни лишь сапсаны, свившие гнездо на смотровой башне. Ну и брат Каetano, да. Младший любимый братик. Которого надо беречь и защищать, а веером, вышивками и сонетами это делать несподручно. Зато с братом можно подраться на шпагах, запустить фейерверк или приручить лесного рысенка... который потом вымахает в здоровенную прожорливую тварь...

– Морковка, лежать! – скомандовала Шу, видя, что рысь уже поставила лапы на стол и обнюхивает пустое блюдо с явным намерением его погрызть.

Рысь неохотно послушалась – правда, улеглась не на пол, а в кресло, где только что сидел Медный.

– Я так понимаю, ты пришла не только за колбасками, – улыбнулся тот.

– Само собой. Так сватался ко мне принц Люкрес или нет?

Медный Генерал покачал головой.

– Еще нет. Тебе лучше спрашивать об этом не меня, знаешь же, я плохо разбираюсь в политике. Мое дело – зурги, пираты и прочие разбойники.

– А кого? Отец последний раз написал весной. «Дорогая дочь, поздравляю с днем рождения, расти красивая и послушная, хорошо учись и не играй со спичками». – Шу сжала кулаки, не позволяя обиде и тоске по дому прорваться наружу. – Кажется, он забыл, что мне давно не пять.

– Ваше высочество, – укоризненно покачал головой Медный.

- Наше высочество, – дернула плечом Шу. – Так что там с помолвкой?

- Его величество внимательно рассматривает брачные предложения, – налив четверть бокала кардалонского, ответил Медный. – Сашмирский султан, чеславские князья, хмирский мандарин и еще штук двадцать достойнейших претендентов. Твоей руки просят с твоего рождения.

- То есть меня еще никому не обещали? Ни султану, ни его высочеству Люкресу?

- Нет. – Медный протянул ей бокал. – Боюсь, никакой помолвки не будет.

- Вот и слава Двуетиным!

Отсалютовав бокалом облакам за окном, она отпила глоток. Сладко-терпкое вино прокатилось теплом вниз по горлу, согрело изнутри. Но не погасило злость: на собственную беспомощность, на ширхабом нюханного принца Люкреса, на Ристану...

- Шу?.. – Медный обеспокоенно заглянул ей в глаза и отобрал пустой бокал.

- Мне нужно учиться и получить свою законную Цветную грамоту. К шисовым дыссам замужество!

- Ты ругаешься, как солдат.

- Я ругаюсь, как ты.

- Ты принцесса, а не генерал.

От неподдельного осуждения в его тоне Шу разозлилась еще сильнее. Какого ширхаба ему не нравится? Кому какое дело до того, как она себя ведет, если ее законопатили в эту дыру и не собираются выпускать никуда, кроме монастыря?! Да если бы не Каетано, она бы уже сто раз сбежала! Ладно, не только Каетано. Остальных своих друзей она тоже не бросит. Но... Но! Она имеет право вести себя, как хочется.

- Принцесса на задворках. Принцесса в курятнике. Принцесса шисова балагана!

- Но-но, попрошу не обзывать наш гарнизон курятником и балаганом, – покачал головой полковник Бертран.

- Извини, Бертран. Но согласись, Сойка – это задворки и есть.

Шу сжала руки, чтобы не дрожали. Ей невыносимо хотелось сделать хоть что-то! Лишь бы не покорно ждать, пока кто-то решит ее судьбу. Но что она может? Устроить бурю, утопить десяток лодок и расстроить Бертрана, изо всех сил старающегося воспитать из нее светлую шеру и настоящую принцессу? Тогда ее уж точно упекут в монастырь.

- Зато компания хорошая, – примирительно улыбнулся Бертран.

- Компания-то хорошая... Ты не думай, я очень ценю, что ты уехал из столицы в глухомань, чтобы беречь Каетано. Но я скоро с ума сойду тут торчать!.. – И тут ее осенила гениальная идея. Однозначно гениальная! Шу тут же шагнула к Медному и потребовала: – Фортунато, тебе нужен колдун в твоём походе. Возьми меня с собой, пока я тут никого не покусала.

- В Пустоши? Чтобы его величество мне голову снял? – Медный не удивился, явно догадывался: она подслушивает.

- Его величество и не узнает, – продолжила атаку Шу. – А я не полезу в Пустоши, обещаю! Не дальше форта! Хочешь, поклянусь?

- Это может быть опасно. Что, если зурги пойдут через перевал? Я не могу рисковать твоей жизнью.

- Не будь занудой. Зурги сидели тихо семьдесят лет и просидят еще столько же. А мне надо хоть ненадолго выбраться отсюда!

- Зурги тихо лазают через хребет и воруют селян. Особенно селянок. За последний год в

районе перевала пропало два шера. Если им попадешься ты... Ты вообще представляешь, что шаманы делают с шерами во время своих ритуалов?

– За кого ты меня принимаешь? Я – и попадусь?!

Оба брата Альбарра невесело рассмеялись, только Шу не очень-то поняла чему. Найти ее в лесу не может весь гарнизон крепости, она проверяла. А он – про каких-то диких зургов!

– Тебе не место в военном походе. Ты – принцесса.

Медный сказал это очень убедительно. Пожалуй, если бы не твердая уверенность в том, что ей просто необходимо уехать из Сойки, она бы даже согласилась. У Медного в самом деле могут быть неприятности, если... хм... когда король узнает о ее участии в походе. Медный же честный служака и ни за что не скроет от сюзерена то, что сюзерену знать вовсе необязательно. Но – нет. Она поедет в ущелье, посмотрит на зургов, проветрится, успокоится... и не будет думать о том, что она для «жениха» и родни – лишь пешка.

– Поход не военный, а исследовательский – это раз. – Она твердо посмотрела Медному в глаза. – Вам нужен хоть какой-то колдун, а взять личную охрану Каetano ты не можешь – это два. Ни один ширхаб не удержит меня в крепости – это три. А четыре я не буду озвучивать, иначе ты обидишься.

– Хм. Ты уверена, что тебе всего пятнадцать, твое высочество? Торгуешься, как столетний гном, – усмехнулся в усы Медный, и Шу снова облегченно выдохнула.

– Значит, мы договорились?

– Я не сказал, что ты едешь с нами.

– Но ты же умный человек. А ни один человек в трезвом уме и здравой памяти не будет торговаться с гномом. Следовательно...

– Ладно, – кивнул генерал. – Нам в самом деле очень нужен колдун. Но при солдатах извольте соблюдать субординацию и этикет, ваше высочество. И не называть меня дядюшкой!

– Так точно, дядюшка Фортунато! – Шуaleyда шутливо отдала честь.

А генерал снова усмехнулся и велел:

– Будь готова на рассвете, а пока дай двум старым солдатам спокойно выпить... А, чуть не забыл! На вот, почитай, что тебе отец пишет, – и вынул из висящей на кресле кожаной сумки-планшета конверт, запечатанный синим сургучом с оттиском единорога.

Шу на миг опешила. Отец ей написал? Что-то здесь не то... и с чего у нее вдруг защемило сердце? Она здорова, а сердце – это вообще глупость...

Осторожно забрав конверт, словно он мог при неловком движении ее укусить, Шу сбежала из кабинета. Рысь, до того спавшая в кресле, тут же вскочила и помчалась за ней. До самой южной башни – любимого места Шу.

Только там Шу наконец-то сломала печать и достала лист бумаги, исписанный убористым почерком.

«Любимые мои дети, Каetano и Шуaleyда!» – начиналось письмо... а дальше Шу еще не прочитала. В глаз что-то попало.

Глава 4

Темное прошлое светлых шеров

В год своего шестнадцатилетия каждый шер обязан пройти аттестацию на категорию магического дара и принадлежность Свету или Тьме. Свидетельством категории является Цветная грамота.

Новое Шерское уложение

6 день пыльника, крепость Сойки

Шуалейда шера Суардис

Приближение брата Шу почувствовала намного раньше, чем услышала шаги на винтовой лестнице. От привычно-мягкого, едва уловимого касания его водной ауры она невольно улыбнулась. И не обернулась, когда Каetano подошел, только подвинулась. Между зубцов как раз было место для двоих, а рысь предпочитала спать в тенечке сбоку.

Сидеть здесь, глядя на море далеко внизу, Шу обожала.

– Покажи мне, – Кай протянул руку за письмом.

Шу молча отдала. Каetano нужно знать, что отец помнит о них. Что заботится как может.

Пока Кай читал, в голове Шу звучал отцовский голос:

«Простите меня за долгое молчание. Так было лучше для вас. Вы оба почти взрослые и скоро узнаете правду о вашей семье.

Не позже чем через год вы оба вернетесь домой, я обещаю. Пока же учитесь и готовьтесь занять полагающееся вам по праву рождения место. И не держите зла на вашу сестру, она не понимает, что ненависть разрушает ее...»

Если б только ее, Шу и не возражала. Но из-за ее ненависти они с Каetano заперты в крепости Сойки. Спрятаны от мира и от возможных убийц.

Она искоса посмотрела на Кая: он читал, хмурия брови и сжав губы. Такой красивый, такой родной, что сердце щемило от нежности.

Отец писал, что Кай обязательно вернется в Суард и станет полноправным наследником, а затем и королем. О том, что Валанта не примет у себя и не поддержит в Совете Семи Корон новый закон о престолонаследии, а по старому наследником может быть лишь одаренный шер. Слава Сестре, от матери Каetano досталась капля драконьей крови.

Об их с Каем матери, королеве Зефриде, Шу не знала почти ничего. В памяти осталось лишь что-то теплое, родное и бесконечно любимое, пахнущее лавандой и хмирским чаем. А в шкатулке – медальон с портретом. На портрете Зефрида была юной, прекрасной и нежной, как сказочная принцесса. Шуалейда совсем на нее не походила, только на отца. Вот Каetano – походил. Более мягкими и изящными чертами лица, улыбкой и ямочками на щеках. И за это сходство Шу любила брата еще сильнее.

Больше Шу ничего от матери не досталось – ни дневников, ни рукоделия, ни платьев. Украшения – и те хранились в королевской сокровищнице и дожидались ее совершеннолетия.

Но главное – у Шу не было информации, не считая короткой официальной версии: король овдовел, влюбился во фрейлину своей покойной супруги, женился и был счастлив. Целых

пять лет. За это время королева Зефрида родила ему троих детей. Первый сын родился одаренным, но прожил всего неделю. Второй была Шу, третьим – Каetano. А потом королева умерла. Как-то вдруг, непонятно почему.

Из газет выходило, что смерть обеих королей подозрительна, все покрыто мраком ужасной тайны и никто ничего толком не знает, но определенно во всем виноваты темные шеры, а если нет темных – то сумрачные, что еще подозрительнее, чем темные.

– Еще целый год, – хмуро сказал Каetano, невидяще глядя в прочитанное письмо.

И замолчал.

Видеть Кая хмурым и отстраненным было больно и неправильно. Они всегда, с самого его рождения были вместе, почти одним целым. А сейчас он усомнился в ней. Допустил, что замужество и трон могут оказаться для нее важнее, чем единственный брат.

– Кай, – позвала она брата.

– Ты хочешь замуж за его высочество? – не глядя на нее, отозвался он.

– Нет. Я вообще не хочу замуж.

– Ты могла бы стать императрицей.

– И рисковать тобой? Ты же это не всерьез, Кай! Никакой принц того не стоит.

– А вдруг увидишь и влюбишься? Станешь глупой влюбленной куропаткой.

– Ко-ко-ко, – поддразнила его Шу.

Кай улыбнулся, прижался к ней плечом. Так, как привык. И протянул письмо Шу, чтобы она его убрала. Его дара было недостаточно, чтобы переместить письмо в комнату, а у Шу это получалось проще, чем чихнуть. Все же Двоедины несправедливы. Могли же одарить их с братом поровну!

– Пусть лучше он влюбится в тебя, Шу. Наверняка влюбится, ты же красивая.

– Вы с Медным сговорились.

– Вот, и Медный со мной согласен. Ты самая красивая принцесса на свете! А кто не согласен – тот обед. Р-ры! – изобразил он голодную Морковку.

Шу рассмеялась. Наконец-то Каetano стал похож на самого себя! Смеется, радуется жизни и не мучается тем, чего не может изменить прямо сейчас. Он – истинно светлый шер, предпочитает действовать, а не ныть. И Шу тоже не будет ныть. Они с Каем обязательно что-нибудь придумают. Вместе. А пока...

– Кстати, завтра я отправляюсь с Медным в поход.

– Ого! Привези мне парочку зургов!

– Говорят, у них зубы, как у той мурены, – кивнула Шу вниз, на просвеченное солнцем бирюзовое море.

Там, между скал, ходила огромная хищная рыбина.

– Большая... – Каetano прищурился, разглядывая будущую добычу, и позвал: – Морковка, хватит спать. Там рыбка. Вкусная, большая рыбка. Хочешь?

Рысь тут же вскочила и просунула морду между Каем и Шу, посмотрела вниз, на море и скалы локтях этак в ста внизу. А потом – на Кая, очень обиженно, и облизнулась. Мол, рыбка-то вкусная, но далеко! И мокро!

– Ладно, уговорила. – Шу потрепала рысь по мохнатой морде. – Будет тебе рыбка.

– Э-ге-гей, зурги, берегитесь! К вам идет сама Хозяйка Ветров! – завопил Кай, вскакивая на ноги.

- Э-ге-гей! - еще громче брата крикнула Шу, тоже вскочила...

И прыгнула вниз. Сначала она просто падала, раскинув руки наподобие крыльев, а потом поймала воздушные потоки - и замедлилась, перевернулась в воздухе. Дальше она летела спиной вниз, чтобы видеть прыжок Кая. Он сиганул с башни через пару мгновений после нее, так же раскинул руки...

Они вошли в воду одновременно. Не под самой башней, а в сотне локтей дальше, где в просвеченных солнцем коралловых зарослях сновали разноцветные рыбы. И несколько минут плавали под водой, ища ту большую мурену. Поймали ее, вместе вышвырнули на берег, для Морковки. А потом со смехом принялись плескаться, брызгаться и гоняться друг за другом.

И лишь когда они с Каetano вылезли на берег, отряхиваясь и отфыркиваясь, Шу подумала: может быть, они зря плохо думают о его высочестве Люкресе, и ему нужна одаренная супруга, а не корона Валанты? А даже если и корона...

- Я знаю, что делать, - опередил ее всего на мгновение Каetano.

- Ты думаешь о том же, о чем и я?..

Кай улыбнулся ей ничуть не хуже, чем улыбалась мурена. И у Шу наконец-то отлегло: они справятся. Что бы ни случилось, кто бы им ни угрожал, вместе они справятся с чем угодно. Даже с императорской волей, ширхаб ее нюхай.

Глава 5

О любви сестринской и настоящем злодее

Первым наследником трона является старший сын либо дочь, за ним следующий по старшинству. Категория одаренности на порядок наследования не влияет, однако имеет значение принадлежность дара. Темный шер не имеет права на корону.

Проект закона о престолонаследовании

431 год, 25 день ягодника (семь дней тому назад)

Суард, столица Валанты. Риль Суардис

Рональд шер Бастерхази, полномочный представитель Конвента в Валанте

Рональд шер Бастерхази, полномочный представитель Конвента Магистров в Валанте, по нелепой прихоти газетчиков известный в народе как придворный маг, скромно стоял за левым плечом короля Тодора. Очень скромно. И делал незаинтересованное лицо, как и положено тому, кто обеспечивает связь с Метрополией, следит за соблюдением имперских законов, касающихся использования магии, и «оказывает магическую поддержку» бездарному королю.

– ...буду в Суарде, обсудим возможность брака вашей дочери и моего возлюбленного брата Люкреса. Светлого дня вам, августейший кузен Тодор.

Полупрозрачный полковник Дюбрайн по прозвищу Длинные Уши, он же Тихий Голос императора, поклонился королю Тодору, бросил насмешливый взгляд на Рональда и медленно истаял в воздухе.

«Эта партия за мной», – читалось в бирюзовых глазах полковника, отвратительно похожих на императорские. Ублюдок (единственный признанный императором бастард) вообще удался в отца больше, чем все законные сыновья: тот же длинный горбатый нос, сросшиеся брови, рубленый подбородок, мощные плечи и, что главное, хитрость и злопамятность мантикоры. И, конечно же, светлый дар второй категории, стихии – разум и воздух, ровно на одну категорию выше, чем у самого императора.

Проекция длинноухого ублюдка уже несколько секунд как растаяла, но в кабинете все еще висело молчание, полное ярости и ненависти. Первой отмерла ее высочество Ристана. Прекрасный ядовитый цветок, на удивление не похожий на своего отца, Тодора Суардиса. Все Суардисы отличались резкими, угловатыми чертами и высоким ростом. Даже в свои семьдесят, полностью седой, Тодор походил на боевой гномий топор, такой же острый, жесткий и опасный. Ристана же удалась в покойную мать-северянку: точеная, словно драгоценная статуэтка, изысканно хрупкая и маняще беззащитная. Сейчас, когда она сидела за одним столом с королем и его первым советником, герцогом Альгредо – резкостью, жесткостью и даже чертами похожего на Тодора Суардиса, своего троюродного кузена, – она выглядела особенно хрупкой и нуждающейся в помощи настоящего мужчины.

– Ни за что! Отец, отдать сестру за Люкреса – безумие! – Всегда нежный и негромкий голос Ристаны сорвался, сжимающие веер тонкие пальцы побелели, словно она ломала не бездушную деревяшку, а шею ублюдка Дюбрайна.

Она кинула отчаянный взгляд на Роне – она сокращала его имя на имперский манер, и ему это нравилось – словно Роне мог сотворить чудо. Интересно, какого именно чуда Ристана сейчас жаждала больше: смерти младшей сестры или же смерти неверного ублюдка? Хотя глупый вопрос. Обоих, и чтобы смерть была долгой и мучительной.

Роне стоило большого труда удержаться от сакраментального «я же предупреждал». Он

в самом деле предупреждал ее, что не стоит безоглядно верить в любовь Дюбрайна – наивные романтики не дослуживаются до полковников Магбезопасности, и газетчики не дают им выразительных прозвищ вроде «Длинные Уши» или «Имперский Палач». Но Ристана так очаровательно верила в собственную неотразимость и священное право вертеть всеми мужчинами, попавшимися на ее пути!

Отчасти в этом была и вина Роне. Он поддерживал в Ристане это заблуждение и позволял думать, что он тоже ослеплен страстью, послушен ее воле и готов для нее на любое безумство. Так было намного удобнее вертеть самой Ристаной.

Ублюдок Дюбраин, как выяснилось сегодня, делал то же самое. А Ристана верила в его пламенную страсть и всерьез рассчитывала на брак с ним. Ха-ха. Если бы Дюбраин в самом деле хотел на ней жениться, сделал бы это еще много лет назад.

– Ристана! – нахмурил седые брови Тодор Суардис. – Мы не можем просто взять и отказать его высочеству. Ты прекрасно понимаешь!..

О да. Не только Ристана, все прекрасно понимали, что отказать императору нельзя, даже если он не приказывает, а посылает свой Тихий Голос с просьбой.

– Прости, отец. – Ристана беспомощно склонила голову набок, словно под тяжестью уложенных короной смоляных кос, и вздохнула. В ее ночных глазах блеснули слезы. – Я понимаю... но... я не хочу умирать! И мой брат, Каetano, он совсем юн...

Роне мысленно поморщился. От волнения Ристане изменяет дипломатическое чутье. На отца она давит правильно, он тоже прекрасно понимает: все наследники Валанты, кроме невесты кронпринца Люкреса – лишние и будут так или иначе убраны с пути Люкреса к трону. Но вот упоминать брата при первом советнике не стоило.

– Надо же, ваше высочество вспомнили о том, что у вашего высочества есть брат, – тут же оправдал ожидания Рональда герцог Альгредо. – Впервые за сколько лет?

Первый советник, глава Тайной Канцелярии и побратим короля, герцог Урмано шер Альгредо был единственным поражением Ристаны Прекрасной. Хрупкость, тонкость и ранимая душа самой красивой дамы королевства не тронули сердце герцога Альгредо, до идиотизма обожающего собственную жену.

– Урмано, прекратите немедленно. – Усталый тон короля не соответствовал резким словам. – Не время для споров!

– Да, отец. – Нежный голос Ристаны тоже противоречил ее жестким словам. – Самое время открыто объявить, что Шуалейда – темная шера. Тогда его высочество Люкрес не станет просить ее руки. Он же не хочет лишиться права на трон империи в будущем.

– Руки вашего великолепного высочества принц Люкрес все равно не попросит. – Альгредо скривил тонкие губы и раздул крылья крупного носа. – Бездарная супруга ему не нужна, какое бы приданое за ней ни давали.

Ристана лишь повела печальным взглядом в сторону отца, мол, посмотри, как Альгредо оскорбляет твою дочь, само терпение и благородство!

Ее истинных чувств не видел и не ощущал никто, кроме Роне: ее искрящийся, терпкий гнев пополам с жаждой убийства накатывал горячей волной, переполняя его энергетический резерв. О, если бы Ристана могла, она бы давно избавилась от Альгредо. Не своими руками, разумеется, всегда найдется дурак, готовый для дамы сердца на все.

– Шуалейда не темная, – повторил Тодор.

– Пора посмотреть правде в лицо, отец, – продолжила мягко давить Ристана. – Сейчас от этого зависит... Все зависит! Неужели эта ложь важнее собственной жизни и жизни твоих детей? Его высочеству Люкресу не нужны твои законные наследники!

«Корона! Да кому она сдалась?» – хотелось воскликнуть Роне, но он промолчал. Как всегда. И как всегда, держал маску невозмутимости и незаинтересованности, хотя внутри него все кипело. Мертвым драгие императорские отродья покусились на то, что Роне давно и по праву считал своим! Редчайший сумрачный дар, подарок Двуетиных,

который Роне хранит и оберегает много лет! От Ристаны в том числе. Дай ей возможность, давно бы избавилась и от сестры, и от брата. Как будто вся эта суеда с наследованием имеет хоть какое-то значение, когда на кону стоит... Нет, он не будет даже думать о том, что стоит на кону. Неосторожные мысли бывают даже опаснее неосторожных слов.

Тем временем король перешел к обсуждению насущного вопроса: как отвадить кронпринца от Шуалейды. Результат обсуждений был предсказуем и печален: никак, кроме официального объявления Шуалейды темной шерой. А этого Роне не допустит никогда и ни за что. Она нужна ему сумрачной, и никак иначе.

Противопоставить воле императора и его верному псу полковнику Дюбрайну тоже было нечего. Боги не одарили магией ни самого Тодора, ни Ристану, а крохотный водный дар Альгредо можно было не принимать во внимание. Так что придется им снова просить помощи у него. У проклятого темного шера, которого Конвент навязал королю Валанты вопреки традициям, которого бояться и ненавидят все честные подданные королевства. У того единственного, кто хоть что-то может.

Но мочь и делать – не одно и то же. Тем более делать то, что невыгодно самому Роне.

О нем вспомнили меньше чем через десять минут бесполезного сотрясения воздуха. На этот раз даже его прекраснородушное величество понимал, что Люкрес организует похороны «дорогого тестя» сразу после свадьбы с Шуалейдой. И в ту же траву уйдут дети Тодора, Ристана и Каетано, даже если тысячу раз отрекутся от прав на трон.

– Что скажете, темный шер Бастерхази? – не давая себе труда притвориться любезным, спросил Тодор.

– На все воля Двуетиных, – склонил голову Роне. – До приезда полковника Дюбрайна полмесяца, за это время многое может случиться.

Ну не ожидали ж они в самом деле, что Роне предложит убить ублюдка Дюбрайна? Или сфальсифицировать проявление темного дара у Шуалейды? Он – темный шер, а темные шеры никогда не подставляются. Иначе это мертвые темные шеры.

Король и первый советник одарили его презрительными взглядами. Ристана же осенила себя святым окружьем и артистично подрагивающим голосом резюмировала:

– Если нас спасет лишь чудо, отец, то будем молить Двуетиных о чуде! – и выразительно посмотрела на Роне: сотворить чудо требовалось от него.

Он ответил ей едва заметным кивком и тоже осенил лоб.

Разумеется, чудо он сотворит, пусть и несколько не то, которого от него ожидает прекрасная принцесса. И проследит, чтобы этим чудом не стала смерть Шуалейды. А также позаботится о том, чтобы планы императора и его ублюдка провалились, какими бы те планы ни были.

Глава 6

Око урагана

...сказал тогда коварный бог-демон Карум:

– Нет в мире равновесия и справедливости, потому что нет их среди нас. У вас есть дети, а у меня нет. Пусть Сестра и мне родит детей.

Согласились Близнецы, и хоть не любила Райна Карума так, как любила Хисса, родила ему детей – сына и дочь, во всем похожих на богов, только с кожей красной, как кровь, клыками звериными и разумом злым, как разум отца их, демона. Назвал Карум детей зургами, по первому звуку «зурр!», что прорычали они, впившись до крови в соски матери.

– Забери народ свой, брат, – сказал Хисс, отняв детей от груди Райны и кинув на песок. – Пусть живут на Пустошах и не ходят через Дремлинские горы. Хватит людям раздоров и без кровожадных зургов.

Нахмурился Карум, указал Райне на орущих младенцев.

– Это твои дети, Сестра. Ты должна вскормить и воспитать их.

– Грудь мои болят, и сердце мое тоскует, – отвечала Райна. – Достаточно будет твоим детям молока степных коз и науки равнинных ветров. Я дала им жизнь и свою кровь, но не нужна им моя любовь. Оставь их, Карум, пусть живут сами. А лучше брось в океан, не принесут зурги нашему миру добра.

Катрены Двудединства

13 день пыльника (четверть месяца после визита Медного в крепость)

Имперский форпост в Олойском ущелье

Шуалейда

Рассвет она встречала в Гнезде Кондора, самой западной дозорной башне. За два дня в Олойском форту Шуалейда облазила все окрестности, набрала охапку редких трав, замучила Медного вопросами об устройстве фортификаций и тактике войны с зургами, обыграла старшину в кости... О да, поездка удалась! И план, их с Каetano план по укрощению коварного жениха, созрел и оформился. Дело теперь было за малым: правильно составить текст клятвы и уломать его высочество Люкреса эту клятву принести. Конечно, если он не имеет намерения хапнуть Валанту себе, то и проблем не возникнет. А если намерен – будет сложнее. Но Шуалейде и Каetano не зря уже одиннадцать лет преподает сам дру Бродерик, доктор восьми точных наук, главная из которых – надувательство. Гномы от природы в ней сильны, а дру Бродерик еще и диссертацию защитил.

И готовит себе достойную смену!

Шу пыталась обдумывать формулировки, любуясь равниной Олой-Клыз, территорией зургов. Получалось плохо. Мешала какая-то смутная тревога, не позволяя сосредоточиться. Только смотреть и слушать...

Для обычного человека равнина Олой-Клыз выглядела прекрасной и мирной. Вправо и влево, сколько хватало глаз, сияли снежные пики Дремлинского хребта, зеленый бархат лесов пятнал неровные склоны. Солнце вставало за спиной, освещая сизые, с розовыми прожилками тучи. Они кружили над бескрайней равниной, клочкотали, словно зелье в алхимическом котле. Далеко внизу проступал из ночной темноты редкий лес,

переходящий в степь, а справа уходил на восток разлом Олойского ущелья.

Но Шу видела иначе. И то, что она видела – было странным и пугающим. Тучи, горы, воздух переливались потоками диких стихий, а равнину Олой-Клыз покрывал серый, вязкий и липкий туман. Он пах змеями, гнилым болотом и несвежей кровью, он вползал в ущелье, притягивал и засасывал...

Шу дернула головой, отгоняя ощущение чужого взгляда.

– ...уснули, что ли? Подай сигнал Иволге еще раз, – донесся сердитый голос дозорного с верхнего этажа башни.

– ...должны были вернуться этой ночью, – нервничал второй дозорный. – Нож никогда...

На слове «никогда» что-то сдвинулось в сознании Шу, и тревожившие ее части головоломки встали на место. Невнятная тревога и неудобство мгновенно обрели причину. Все еще не веря себе, Шу взгляделась в противоположный, более высокий склон ущелья, где на расстоянии нескольких сотен локтей ползли струи рассветного тумана, цеплялись за камни и корни карликовых сосен. Словно лазутчики.

Лазутчики! Как она сразу не поняла!

– Тревога! Тревога! – закричала она, срываясь с места и избегая по лестнице.

Трое солдат удивленно обернулись. Снизу послышался топот: ее услышали.

– Что случилось? – спросил старший дозорный.

– Зурги идут. Смотрите! – она указала на склон. – Разве туман может двигаться вверх?!

Солдаты замерли, вглядываясь в отвесные скалы.

– Тревога! – крикнул старший. – Ваше высочество, прошу, скорее в Оплот!

Шу кивнула и побежала к гондоле канатной дороги, связывающей Гнездо Кондора и форт: единственный путь на одинокий осколок хребта, иначе доступный только птицам.

– Снимут, – испуганно шепнул один из солдат.

– Не снимут, – оборвала его Шу.

Она вскочила на парапет, остановилась на миг, чтобы сплести отводящее глаза заклинание и наложить его на четырехместную гондолу.

– Вы трое, прикроете отсюда. Вы – с ее высочеством, – распорядился старший.

Солдаты попрыгали в гондолу, один из них подал руку Шу. Едва она шагнула, старший дернул рычаг, отпуская тормоза, и гондола полетела навстречу солнцу. Почти сразу к пению каната добавился свист зуржьих стрел. Заклинание не скрывало гондолу полностью, но сбивало краснокожим прицел. Шу оставалось только молиться Светлой, чтобы зурги не догадались повредить канат: удержаться в воздухе сама она бы смогла, но трое взрослых мужчин – слишком тяжело, она не справится.

Гондола, скрипя и раскачиваясь, ползла к крепости. По перегораживающей ущелье стене деловито сновали солдаты, расчехляя катапульты и выдвигая к бойницам стационарные самострелы. Медный генерал напряженно, до слез в глазах, вглядывался в натянутые канаты, пытаясь перебороть заклинание силой воли – и ведь удалось, даром что шер условной категории. Разглядев смутную тень, Медный махнул рукой, приказывая солдатам отойти от приготовленных на площадке мешков с сеном, а паромщику – жать тормоз. Гондола вздрогнула, замедляясь...

Шу только успела порадоваться предусмотрительности генерала, как почувствовала, что везение кончается.

– Берись за пояс, – приказала она одному из солдат, еще двоих сама схватила за руки и призвала ветер.

Голубые потоки подхватили гондолу ровно за миг до того, как перебитый вражеской стрелой канат загудел и взвился, сбрасывая гондолу, словно норовистый жеребец зазевавшегося пентюха.

Гондола рухнула на скалы и разлетелась вдребезги. С северной стороны ущелья раздалось торжествующее улюлюканье, тут же сменившееся разочарованным воем: зурги увидели, что гондола пуста. Но заклинание все еще прикрывало от них саму Шуалейду, а до крепости оставалось не более сотни локтей. Не дыша, не моргая, она скользила по ненадежной воздушной бечевке к стене...

«Светлая, помоги!» – билась единственная мысль. Стена приближалась, росла, площадка для гондолы поднималась – теперь Шу видела ее не сверху, а вровень...

– Змей, прыгай! – крикнул со стены Медный.

Шу не успела сообразить, к кому он обращается, как солдат отпустил ее пояс и полетел вниз. Всего один удар сердца Шу вопреки всему надеялась, что он как-нибудь спасется... но через мгновение ее окатило волной чужой боли, темной, как ночь, и живой, как вода. Запретив себе задумываться о хорошо и плохо, Шу впитала ее всю, до капли – и устремилась к крепостной стене, быстрее, быстрее же!..

– Мангуст!.. – последовала команда, когда до стены оставалось меньше десятка локтей.

– Не надо! Держись! – крикнула Шу, крепче сжимая руки и зажмуриваясь от напряжения: кто из них Мангуст, она узнает потом, на стене... вот сейчас, еще самую малость!..

Она даже не почувствовала толком, как ее и двух солдат втащили в крепость. Просто рухнула на месте.

– ...Ваше королевское высочество! Вы не имеете права так рисковать, – сквозь темную пелену усталости и страха долетели до нее слова Медного.

– Замолчи, – потребовала она, открывая глаза.

Генерал сбился на полуслове: ему никогда не доводилось видеть Шу такой. Да и ей не доводилось еще чувствовать смерть со всех сторон. Смерть напознала, накатывала, звала... Смерть забрала дозорных и взвод Ножа. Вязкий туман шаманской волшбы нависал с севера: несколько зуржких отрядов успели проползти по отвесной скале и прилепились к расщелинам над крепостью. Еще бы полчаса промедления, и шаманы сняли с крепости магический заслон. Тогда люди бы оказались беззащитны перед отравленными стрелами зургов.

– Вы успеете, ваше королевское... Да послушай же, Шу! – Медный потряс ее за плечи, наплевав на субординацию и этикет. – Ты должна уехать сейчас же. Бери моего коня, скачи в Кардалону! Предупреди людей! Быстрее, да что ты стоишь! Бегом марш!

Знакомая команда все же пробилась сквозь тяжелые, сладкие эманации смерти. Не понимая, что делает, Шу побежала к конюшне. Лишь на половине дороги до нее дошло: ни один конь не вынесет ее из крепости. От шаманской волшбы не скрыться, вязкий туман уже сомкнул кольцо...

«...совершенно безопасно, генерал, – едкой насмешкой вспомнились слова гнома-наставника. – Если Светлейший Парьен сказал, что Орда не пройдет перевал в этом году, значит, Орда не пройдет. Вы помните хоть раз, когда Светлейший ошибался? Рано или поздно так или иначе его предсказания всегда сбываются...»

Так или иначе? Но как?.. Если способ есть – она должна его найти! Она – истинная шера, она – Суардис! Она отвечает за своих людей и должна остановить орду! Любой ценой!

Ей не хотелось даже думать о том, что это будет за цена, но погибнуть вместе с Медным и его солдатами, пропустить зургов в беззащитную Кардалону – хуже. А значит – она сделает это!..

Замерев посреди внутреннего двора крепости, Шу зажмурилась и потянулась к бушующей за спиной грозе. К возмущенным стихиям, вынужденным подчиняться

ненавистным шаманам. Она сама стала стихией, грозой и ураганом, забурлила и заклокотала, легко порвала путы шаманской волшбы – и устремилась к ущелью...

Каким-то краем сознания она все еще была и в крепости, видела, как в ней подбежал Медный. Он кричал и махал руками, что-то доказывал и требовал, но его голос потонул в реве урагана над долиной Олой-Клыз.

– Прячь людей, – пророкотала гроза, и выцветшая картинка Медного и крепостного двора окончательно растворилась в потоках дождя и ветра.

Шу больше не стала ничего объяснять. Некогда! Да и ни к чему: она уже клубилась и трещала молниями, втягиваясь облачным телом в ущелье.

Свобода! Упоительная свобода!

Шу летела с воем и свистом, сминая деревья крыльями, задевая стены и грохоча камнями. Она отрывала от скал крохотные фигурки зургов и сбрасывала вниз, к таким же ничтожным муравьям. Замирала, прислушиваясь к крикам, и отвечала счастливым смехом: муравьи брызгали вкусным, терпким соком и щекотно искрились. Она обрушивалась потоками ливня, омывала склоны, выглаживала узкое русло – и впитывала вспышки сладкой энергии, выедала мутные и горькие сгустки магии. Вонзалась молниями в скопления муравьев, рычала громом: «Стр-рах! Смер-рть!» Яростное счастье силы и свободы – в бескрайнем небе, наперегонки с орлами – распирало и рвалось песней дождя и шквала.

Совсем тонкий, едва слышный голос твердил: «Я – Шуалейда. Я – дочь и сестра, я помню... Я – Шуалейда Суардис».

Она почти отмахнулась от этого глупого голосочка, пьяная от собственной мощи и от запаха новых вкусных муравьишек – целая толпа их спряталась в камнях. Как будто жалкие камни могут защитить от нее, от Грозы!..

– Я – Гроза, я – Шуалейда Суардис!.. – проревела она, готовясь обрушиться на кучку камней... и вдруг остановилась, сама не понимая толком, почему дальше – нельзя. Почему ей нужно оставить этих людишек в живых. Зачем они сдались ей?..

Может быть, посмотреть на них ближе? Интересно же, чем они отличаются от тех, которые так сладко боялись и умирали!..

– Шуалейда! Остановись, прошу тебя! Стой! Шу! – пробился сквозь свист ветра и грохот камней чей-то голос.

«Он знает мое имя?» – удивилась она... и внезапно вспомнила себя. Увидела собственное тело, сломанной куклой свисающее с рук сумасшедшего человека, не испугавшегося грозы. Он прижимал ее к себе, укутанную в плащ, и хрипло, сорванным голосом звал, глядя в глаза урагану:

– Шуалейда!

О Светлая... Медный, это же Медный! И его люди! Мои люди, я же хотела их спасти!.. И сейчас убью!..

Остановиться, отделиться от урагана, развернуть его обратно в долину Олой-Клыз было не просто трудно, а невозможно! Невозможно больно и досадно, и голодно, и пусто... Пронизанное молниями облачное тело не слушалось, дрожало и ломалось, и голодное нечто внутри нее плакало и стонало, требуя еще боли и страха, еще, хоть капельку!

– Нет! Я – не темная, я не буду темной, – с кровью выдираясь из объятий урагана, шептала она и падала, падала...

С оглушительным звоном лопнула ее воля, распуская свитки ветров и освобождая небесные озера. Для Шуалейды наступила тьма. Без звуков, без образов, без памяти – блаженная тьма забвения.

Над ущельем взвыл последний раз ураган, взметнулся мутной волной, поднял на гребне сломанные кусты и тела – и отступил, унося в долину обломанные зубцы крепостной

стены. И вдруг опал. Разом стих ветер, побледнели клубы туч. Над ущельем повисла звонкая тишина. Сквозь прорехи облаков проглянуло солнце.

Люди опускали оружие, вертели головами, не в силах поверить, что живы, что смерть слизнула лишь врагов – несметную орду врагов! – и пощадила жалкую сотню защитников крепости.

А на руках у мокрого насквозь, исхлестанного ветром Медного генерала вздохнула бледная до синевы девушка, открыла полные бездонной тьмы глаза и шепнула:

– Я хочу домой, – и заплакала.

Глава 7

О длинных ушах и языках без костей

...не злоумышлять против императора, не оспаривать его воли, всегда и любой ценой следовать приказам императора. Прежде своей жизни блюсти интересы империи. Не разглашать текста данной клятвы. Любить и почитать императора, как отца своего и посланника Двуетиных. Клянусь в том своим даром и своей жизнью.

Дамиен Дюбрайн

12 день пыльника (за день до битвы в ущелье Олой)

Валанта, Риль Суардис

Дамиен шер Дюбрайн, полковник МБ, Тихий Голос императора и прочая

Дайм покинул постоянный двор с первыми лучами солнца. В этот раз он путешествовал инкогнито: потрепанная дорожная куртка, тощая седельная сумка и недорогая шпага на поясе – ни дать ни взять безземельный шер, едущий наниматься в королевскую гвардию. Даже характерный горбатый нос, сросшиеся брови и бирюзовый цвет глаз он временно заменил на что-то непримечательно-южное.

Пока селяне не успели заполнить Юго-западный тракт повозками, пылью и суетой, Дайм ехал не спеша, наслаждаясь птичьим гомоном и запахами едва проснувшегося леса. Для полного счастья не хватало лишь одного – запаха только что прошедшей грозы. Почему именно грозы, Дайм бы не смог сказать при всем желании. И почему несколько последних ночей ему снится гроза – тоже. Разве что списать сны на предчувствие бури, ожидающей его в Суарде...

Свою бурю он уже пережил. Высказал Люкресу все, что думает о его политических играх, вызвал его на дуэль, еще немного – и убил бы единственного из братьев, кто видел в нем человека, а не цепного пса. Остановил его император. Всего тремя словами: «Я так решил».

Единственное, что мог сделать Дайм – это склонить голову и ответить: «Как прикажете, ваше всемогущество».

Ни слова против. Ни слова, ни жеста, ни мысли. Император всегда прав, воля императора – закон. Для Дайма – безусловный, не терпящий ни вопросов, ни даже тени несогласия.

От ослепительной вспышки боли Дайм поморщился: печать верности напоминала, что думать об императоре и его воле следует исключительно с благоговейным восхищением. И любовью. Искренней любовью. Если, конечно же, Дайм не хочет валяться где-нибудь в придорожной канаве мозгами наружу.

Так что он десять раз повторил про себя умну отрешения, привычно пожелал отцу жить вечно и никогда не страдать чирьями на высочайшей заднице. Помогло. Печать успокоилась, боль отступила, и жизнь снова стала прекрасна. Вот уж чему Дайма выучила служба, так это умению радоваться тому, что имеешь. Когда в любой момент можешь потерять все и влипнуть так, что смерть покажется счастьем – хочешь или нет, а начинаешь ценить птичье пение, рассветы и улыбки прекрасных дам.

Улыбки, но не прикосновения. Что ж, и на том спасибо.

Криво усмехнувшись, Дайм подтянул новенькую лайковую перчатку. Гладко-черную, палаческую. Такие перчатки он носил всегда, не снимая даже на свиданиях с дамами – императорский бастард должен иметь яркую придурь и давать пищу слухам, иначе слухи

сожрут его сами.

Подумать обычное «подавятся!» Дайм не успел, его внимание привлекло шуршание в придорожных кустах и резкий «запах» деревенского идиотизма и жадности. Боевое заклинание само собой запульсировало в ладони, но Дайм погасил его: много чести разбойничкам, ради них портить перчатки. Ни арбалетов, ни мечей у них не было, лишь самодельный лук и дубины. Выдержки тоже не оказалось: стрела просвистела в локте слева и поразила ежевичник на обочине.

– Вылезайте, почтенные. Бить не буду.

Приглашение Дайм сопроводил магическим приказом – лиловые нити потянули ничего не понимающих парней на дорогу. Все четверо щеголяли деревянными сабо, домоткаными рубахами и прическами под горшок.

– Э... утречка вам, почтенный. – Самым храбрым оказался горе-разбойник с физиономией записного плута.

– И вам не хворать, – отозвался Дайм. – Что ж вы, юноши, потеряли в кустах? Малина не поспела.

– Да, эта... с лошади-то слазьте.

Шутник недовольно всхрипнул и скосил на деревенщину хищный лиловый глаз: он терпеть не мог, когда невежды обзывали его лошадью.

– Зачем? – зануднейшим тоном поинтересовался Дайм и погладил редкое, умнейшее и красивейшее существо по белоснежной шее.

А заодно прощупал детинушек на предмет сюрпризов от поклонников его обаяния. Навскидку Дайм бы назвал четверых принцев крови, десяток герцогов и пару дюжин графов, с удовольствием одаривших его заговоренным болтом в спину или отравленной колючкой в сапог. О честном клинке в живот сиятельные шеры разве что видели горячие сны.

– Дык эта, – почесав дубиной грязную пятку, пояснил здоровяк с глазами больной коровы. – Нас четверо, а вы один, почтенный. Делиться надо.

– Делиться? О, какие прогрессивные идеи у вашего папаши, почтенный.

Здоровяк насупился, пожевал губами и буркнул что-то неразборчивое в защиту нецензурно обруганного папаши.

– Слазьте по-хорошему! – пришел ему на помощь плут.

– Ага, слазьте, пока мы добрые! – поддержал его самый мелкий.

Лучник-мазила молча прятался за спинами дружков, пытаясь строить зверскую рожу и подрагивая подбородком. От всех четверых разило дурью, ленью и злобой.

Дайм расслабился. Подарочков нет, дурь у разбойничков своя: наслушались в кабаке баек о сладкой вольной жизни и удрали от своих коров или кого они там пасли. Спрятав ухмылку, Дайм покачал головой и одарил живописную группу укоризненным взглядом.

– И не совестно вам? Может, у меня, кроме этого благородного животного, ничего и нет. Ограбите, придется и мне в разбойники идти.

– Вы зубы-то не заговаривайте... Кошель или жизнь! – почуяв слабину, пошли в наступление парни, для храбрости подпихивая друг друга в бока. – Слазьте уж...

Дайм не выдержал и рассмеялся, чем поверг молодцов в замешательство. Они уставились на странного путника, лучник даже пригнулся на всякий случай.

– Ай, как нехорошо! – отсмеявшись, продолжил Дайм. – Вам мамки не говорили, что тракт – место опасное, тут деток обидеть могут? Ну-ка, бегом по домам, да передайте папашам, чтоб не пожалели вам вожжей!

Для пробуждения здравого смысла в твердых головах Дайм не ограничился словами. Небольшая иллюзия, и вместо веселого шера перед парнями предстало нечто среднее между демоном Ургаша и деревенским старостой: их страхи сами подарили мороку облик. Тварь приподнялась в седле, оскалилась:

– Домой, быстро! И чтобы никогда! У-у! Догоню-у!

Хруст веток, топот и сдавленное проклятие врезавшегося в дуб лучника послужили Дайму ответом. В пыли остались валяться дубинки и неуклюжий лук, в ежевике образовалась брешь, будто с тракта ломилось в лес стадо кабанов. Презрительно фыркнув, Шутник скосил глаз на смеющегося Дайма. Мол, если нам не надо в Суард, я чую неподалеку отличное озеро, поплаваем!

– Я не против искупаться, но у нас служба, дружище. Вперед!

Так и не тронув поводья, Дайм снова занялся разглядыванием изумительной красоты пейзажей. Юго-западный тракт был знаком Шутнику до последнего камня, как и все дороги империи Фьонабер: полковнику Магбезопасности кабинетная работа только снится. За три десятка лет службы Дайм изъездил все Семь Королевств вдоль и поперек, донося до шеров волю императора – не ту, что читают на храмовых площадях герольды и печатают на первых страницах газеты, а намеки, рекомендации и мягкие просьбы. А чтобы намеки не прошли мимо ушей подданных, на должность Тихого Голоса император поставил собственного бастарда, светлого шера второй категории.

Высокая честь на взгляд вельмож и министров. Чересчур высокая – по мнению двух старших кронпринцев, могущих похвалиться Цветными грамотами только условной категории. Очень разумное и практичное решение с точки зрения младшего кронпринца, Люкреса. А мнения Дайма на этот счет никто и не спрашивал, и сам он его не высказывал. Толку-то! Император сказал – надо, тут и диспуту конец.

Будь его воля, Дайм никогда бы не попадался августейшему отцу на глаза, а Магбезопасности боялся бы издали, как все нормальные люди. Отучился бы в Магадемии, получил скромную третью категорию, вернулся в родную глушь и женился на дочери соседнего барона. Но, как любит говорить его всемогущество, шер предполагает, а император располагает.

Почувствовав хмурые мысли хозяина, Шутник вопросительно фыркнул.

– Все отлично, приятель! – Дайм ласково потрепал четвероногого друга по холке. – Давай-ка быстрее, дела не ждут.

Этот визит в Суард обещал быть непростым: там, где замешаны темные шеры, просто не бывает. Но тем интереснее игра! Тем более что по некоторым данным именно в Валанте у него есть шанс найти то, за чем он охотится уже двадцать лет. То, за что император обещал ему свободу и весь мир в придачу.

Мир, да кому он нужен, весь мир?! Шис с ним, пусть живет. Дайму будет достаточно освободиться от печати, жениться на Ристане и наконец-то натянуть нос проклятому Бастерхази!

Вечер того же дня

Суард, королевство Валанта

Древняя столица Валанты больше шести сотен лет не знала ни войн, ни мятежей. Чистые широкие улицы Старого города зеленели кипарисами и померанцами, платанами и можжевельником, благоухали тимьяном и гибискусом. Каждый раз, приезжая в Суард, Дайм не отказывал себе в удовольствии полюбоваться фонтанами и словно игрушечными площадями, выложенными яркой мозаикой.

Во дворец он зашел с черного хода, под пеленой невидимости: изображать светского хлыща и тонуть в болоте придворной любезности можно будет позже. Показался он лишь лейтенанту лейб-гвардии, проверяющему посты.

– Полковник! – Лейтенант вытянулся во фронт и отдал честь.

– Светлого дня. Доложите его величеству, что Тихий Голос императора просит аудиенции завтра утром. А это отнесите ее высочеству. – Дайм подал лейтенанту темно-алую розу.

Записку Ристане он писать не стал, ни к чему. Им нужно поговорить лицом к лицу и как можно скорее.

В своей комнате, надежно защищенной от Бастерхази, – остальных шерохов можно было не принимать в расчет – Дайм с наслаждением сбросил пропахший потом дорожный френч и влез в горячий душ. Спасибо гномам, строившим Риль Суардис сообразно своим представлениям об удобстве и без расчета на магию: не приходится думать о бытовых мелочах, как в императорском дворце. Там шерохов предоставляется заботиться о горячей воде самостоятельно – тысячу лет назад никому в голову не могло прийти, что шеру сложно нагреть воду, обсушиться, достать с кухни еду, почистить свой плащ... Ха! В императорском дворце не строили даже помещений для слуг! Повар – и тот предполагался шером, причем не менее чем потомком Золотого Дракона.

С тоской припомнив последний обед у императора, напроочь испорченный брюзжанием Темнейшего и загадочным молчанием Светлейшего, Дайм открыл гардероб и оглядел два одинаковых черных мундира. Что ж, их время наступит завтра. А сегодня он может себе позволить оставить полковника МБ, Тихий Голос императора, в шкафу, и побыть самим собой, Даймом Дюбрайном. Надеть ярко-синий бархатный камзол, сорочку с кружевными манжетами, щегольские туфли с пряжками... Не то чтобы ему требовалось кому-то доказывать, что он – истинный шер. Просто ему нравилось хотя бы изредка чувствовать себя беззаботным штатским обормотом. Раза так два-три в год, чаще выбраться в Валанту не получалось, служба требовала всего его времени.

Стоило Дайму показаться в галерее западного крыла, во дворце поднялся переполох. Первый же встреченный паж, едва подметая беретом пол, понесся докладывать королю о явлении «самого полковника Длинные Уши» и делиться новостью со всеми встречными и поперечными.

В Народном зале, испятнанном бликами, – солнечные лучи дробились в витражах купола высоко над головой и скользили по паркету разноцветными пятнами – навстречу попался шер с медальным профилем и повадками опытного бретера. Граф Валентино Сильво, он же лейтенант СБ Валанты по прозвищу Шампур, двадцать девять лет, холост, благонадежен. Красный подтон ауры – кровь Огненного Дракона, блеклая серость вместо искрящей белизны или глубокой черноты – вырождение до четвертой, условной категории. «Сиятельный» шер, не светлый и не темный, никакой. Печальная насмешка над детьми Двуетиных. И эта насмешка пахнет духами Ристаны и искрит недавними любовными похождениями.

Дайму стоило большого труда не убить шисова сына на месте. О, он прекрасно понимал, что нашла в графе Сильво Ристана. Чертами лица, сложением и даже темно-каштановой мастью он напоминал самого Дайма – наверняка дальняя родня по отцовской линии, Брайноны никогда не упускали шанс улучшить чью-нибудь породу. Отличная возможность для Ристаны немного подразнить шера Бастерхази...

И самого Дайма. Причем не немножко. Проклятье!

– О, светлый шер! – Шампур просиял победительной улыбкой: еще бы, о затяжном романе полковника Дюбрайна и ее высочества Ристаны не сплетничал только ленивый. – Рад приветствовать в Суарде!

Он приложил правую руку с воображаемой шляпой к сердцу и трижды поклонился, подметая той же воображаемой шляпой паркет. Дайм ответил на «малый неофициальный поклон», которым полагается приветствовать только членов императорской семьи, кивком. Что ж, если Шампур позволяет себе насмешки над его незаконным происхождением – значит, готов к последствиям.

- Светлого дня, сиятельный шер, - кивнул Дайм.

- Как здоровье его всемогущества, да продлятся его годы на радость подданным? - Шампур так и излучал чисто мужское удовлетворение, а в его мыслях проносились картины недавнего свидания с Ристаной.

Дайм поставил ментальный блок, чтобы не видеть всего этого. Непрофессионально, а плевать. Он не обязан смотреть, как Ристана отдается шисом драному мальчишке. Уже половину луны как отдается - с тех самых пор, как Дайм известил его величество Тодора о намерении Люкреса свататься к младшей принцессе.

- Слава Двуетиным, превосходно! Его всемогущество не оставит нас своей заботой, - сказал Дайм и оглядел длинный, по последней моде сюртук и нарочито небрежно повязанный шелковый платок Шампура. - Вы забыли шляпу у дамы, Сильво. Не спешите так, а то рискуете потерять и голову.

Он усмехнулся, прямо глядя в глаза Шампуру. Тот поначалу встретил его взгляд, но не выдержал и секунды, вспыхнул гневом и отвел глаза. И правильно. Злой менталист второй категории может сжечь бездарные мозги и не заметить досадного недоразумения.

- Я буду очень внимателен, светлый шер, - выдавил Шампур и зачем-то соврал: - Ее высочество всего лишь изволили поинтересоваться мнением о новых налогах на шерсть. А шляпа не подходит к сюртуку.

Героическим усилием воли натянув на лицо наглую усмешку, Шампур попытался тоже смерить Дайма взглядом снизу вверх, но остановился на палаческих перчатках, нарушающих дворцовый этикет. В обители короля руки подданных и гостей должны быть обнажены в знак чистоты помыслов и дел.

- А, налоги! Чрезвычайно мило обсуждать налоги после обеда.

- Благодарю, светлый шер. Если позволите...

В Шампуре наконец-то проснулся инстинкт самосохранения. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Интересно, с Бастерхази он тоже пытался играть в гляделки? Завтра надо будет глянуть внимательнее, вдруг темный шер был неосторожен и оставил следы воздействия.

- Кстати, сиятельный, - снисходительно улыбнулся Дайм, прежде чем жестом отпустить Шампура. - Передайте герцогу Альгредо, чтобы подготовил ежегодный отчет к завтрашнему утру, раз уж завтра к вам пожалует начальство из Метрополии.

Шампур гневно сверкнул глазами, не смея отказать старшему по званию и титулу, коротко поклонился и удалился, печатая шаг. Теперь от него разило обидой и желанием мести. Что ж. Пусть попробует, размяться со шпагой Дайм никогда не против.

Глава 8

О принцессах и рыцарях

Аттестацию на шерскую категорию имеют право проводить любые два шера категории не ниже второй. В случае аттестации на вторую категорию и выше требуется участие либо члена Конвента, либо полномочного представителя Конвента. Первая аттестация обязательно проводится по достижении шером совершеннолетия, то есть шестнадцати лет. В дальнейшем шер имеет право запросить переаттестацию и получить новую Цветную грамоту. Переаттестация возможна не чаще, чем один раз в двадцать лет.

Шерское уложение

12 день пыльника. Валанта, Риль Суардис

Дамиен шер Дюбрайн

Пока же Дайм неторопливо шел к покоем Ристаны. По пути он раскланивался с придворными, делал многозначительную мину на вопросы о брачных планах его высочества Люкреса и одаривал комплиментами дам. Двум-трем особенно красивым поцеловал ручки, не снимая перчаток (что в глазах дам лишь придавало действию пикантности) и, упаси Двоединые, не касаясь губами обнаженной кожи – что дамам не очень-то нравилось, но обсуждать эту его привычку было не так интересно и скандально, как неизменные перчатки.

Перед дверьми будуара Дайм замедлил шаг. Ему не хотелось думать, что Ристана настолько поддалась обиде, чтобы проигнорировать его или заставить ждать на виду у стайки фрейлин. Но нет. Дежурная фрейлина, присев перед ним в реверансе, сообщила тоном заговорщицы:

– Ее высочество ожидает вашу светлость.

Глубоко вздохнув, словно перед прыжком в воду, Дайм зашел в будуар. Волна запахов заставила его ноздри затрепетать, а сердце забиться быстрее. Сандал, бергамот и лимон безуспешно пытались скрыть запах разгоряченных тел и недавней страсти. Ее высочество не изволили принять ванну после того, как принимали любовника.

«Убить! Зря отказался от дуэли», – мелькнула мысль оскорбленного самца прежде, чем Дайм успел оценить исполненную по всем правилам искусства соблазнения мизансцену «царственная задумчивость».

Ристана застыла спиной к дверям перед высоким зеркалом. Высокая замысловатая прическа с присланной Даймом розой, казалось, клонила ее голову тяжестью короны. Фрейлина, стоя на коленях, завязывала ленты на атласных туфельках. Закатное солнце облизывало гибкую, затянутую в бордовое платье фигуру, ласкало длинную шею, стекало по обнаженным плечам и шелковым маревом ложилось на бедра. Золотистая кожа в низком декольте манила коснуться, раскрыть корсет, как створку раковины, и попробовать жемчужину на вкус. А запах... шисов запах требовал повалить ее на ковер и взять, пометить как собственность.

– Светлого дня, ваше высочество. – Собственный голос показался Дайму слишком хриплым.

Совершенная статуя в зеркале затрепетала ресницами, из-под тяжелых век блеснули черные и влажные, как маслины, глаза.

– Дайм, наконец! – Ристана обернулась через плечо, скользнула взглядом по лайковым перчаткам, едва заметно вздохнула. – Я ждала тебя.

Она печально улыбнулась и легким взмахом кисти отослала фрейлину. Ни упреков, ни вопросов – ничего, словно она все прекрасно понимала. Наверное, если бы она выказала недовольство, Дайму было бы проще. Но так... Он не сумел ее защитить. Не сумел дать ей то, что обещал. Что всем сердцем хотел дать. Если бы он мог! Если бы только он мог...

Хотя бы поцеловать ее так, как ему того хочется!

– Прости, любовь моя, – склонил голову Дайм.

– Ты не можешь оспаривать волю императора, я знаю. – Ристана повернулась, позволяя любоваться плавными изгибами своего тела: привычная игра, никогда не заходящая дальше грани приличий. – Похоже, нам осталось не так уж много встреч, – шепнула она, потупила глаза и протянула руку.

Тяжесть в паху стала нестерпимой, Дайма качнуло к Ристане. Но он не позволил себе ее обнять, лишь опустился на одно колено, взял ее руку в свою, коснулся губами...

Раскаленный металл обжег, растекся по нервам, пресек дыхание. В глазах потемнело.

– Дайм, мой рыцарь, – шепнула она.

И ее голос, и движения дышали довольством и возбуждением: всемогущий Дюбрайн у ее ног, дрожит от страсти и ловит каждое слово. Сейчас он мог бы сделать с ней все, что угодно, и от этой мысли снова в штанах становилось тесно.

Она ласково провела ладонью по его щеке, очередной порцией боли возвращая его из Светлых Садов на землю. Дайм снова вздрогнул и задышал чаще: все же боли в ее прикосновениях было неизмеримо больше, чем удовольствия. Как бы он ее ни любил.

Злые боги, неужели он бы не был верен императору без постоянного напоминания? Без короткого поводка и строгого ошейника?! Он глубоко вдохнул и задержал дыхание, успокаивая злость на императора и Конвент. Мало им безусловной верности, мало бесплодия и запрета на женитьбу! Позаботились, чтобы он при каждом прикосновении к женщине вспоминал, кому принадлежит с потрохами.

Не думать об этом. Не думать. Пока печать не проснулась и не покарала его за недостаток почтения и сыновней любви.

– Я привез тебе кое-что, любовь моя. Ты позволишь? – Он достал из-за пазухи бархатный мешочек, а из него – ожерелье из редчайших черных сашмирских опалов. – Жаль, что ты не смогла покинуть Валанту, столица Сашмира удивительна и прекрасна. Тебе бы непременно понравилось.

– Жаль, – согласилась Ристана. – Но ты же знаешь, я не могу оставить отца...

– Так будет не всегда. – Поднявшись на ноги, Дайм зашел Ристане за спину и надел на смуглую шею ожерелье. Искушение коснуться губами тонкой кожи там, где билась жилка, было очень велико. Но не настолько, чтобы рисковать потерять сознание от боли. – Мы могли бы поехать в Метрополию. Ты бы блистала при императорском дворе.

– В Метрополию... – Ристана искоса посмотрела на Дайма и мягко улыбнулась. – Кем я буду там, в Метрополии? Изгнанной принцессой без наследства? Мишенью для насмешек? Я не верю, что ты желаешь для меня такой судьбы, Дайм. Хотя... не будем о грустном. Поужинай со мной, расскажи о Сашмире.

Дайму захотелось провалиться сквозь землю. Ристана права – он даже не может сделать ее маркизой Дюбрайн. Император не снимет с него второй слой печати и не позволит жениться сейчас. Он еще не доказал свою верность и пользу достаточно. И не достиг той степени мастерства и силы, чтобы снять печать самому.

Нет, об этом тоже не думать. Отвлечься, сейчас же!

– Сашмир прекрасен, особенно весной... – провожая Ристану к столу, Дайм рассказывал всякую милую ерунду. О природе, обычаях и красотах, о рисовых полях и чайных плантациях, о стадах черных буйволов и босоногих селянках. Что угодно, что не касается его поисков, опять неудачных. Опять!

Лишь через полчаса, когда он утолил голод и развлек Ристану механическим слоном, который задирает хобот и трубит почти как настоящий, только тихо, они снова вернулись к тому, что не давало им покоя. К помолвке Шуалейды и судьбе Ристаны.

– Я боюсь, Дайм, – нахмутив брови так, что между ними появилась морщинка, сказала Ристана и остановила механического слона. – Твой брат может обещать все что угодно, но как только он женится на моей сестре, я стану помехой. А ты сам знаешь, как поступают Брайноны с помехами.

– Только не с тобой, любовь моя. Я никому не позволю обидеть тебя.

– Никому, даже его всемогуществу? Если он прикажет, ты сам убьешь меня, Дайм. И не надо говорить, что это не так.

Дайм невольно сжал вилку так, что она погнулась. Ристана снова права, и понимать это – ужасно. Единственное, что он может – умолять отца о милости. Даже пригрозить Люкресу, и то не выйдет. Кронпринц в курсе ошейника и поводка, и хоть называет Дайма братом, но только до тех пор, пока ему это удобно.

– Нет, это не так. У любой верности есть предел. А я нужен императору больше, чем еще один голем лейб-гвардии.

– Разумеется. Пока ты не противоречишь ему. – В тоне Ристаны прозвучало разочарование, отдавшееся в груди Дайма болью сильнее, чем от печати. – Остается лишь надеяться, что Шуалейда покажет свою суть раньше, чем его высочество женится. Не понимаю, как его высочество может так рисковать! Даже помолвка с темной лишит его шанса на корону.

– Вряд ли ее высочество Шуалейда получит черную грамоту.

– Почему? Разве не ты должен будешь аттестовать ее? Ты и Бастерхази. Вам обоим выгодно, чтобы она оказалась темной. Он получит ученицу, Валанта – законного и заботящегося о ней правителя, а ты – меня. – Ристана внезапно посмотрела ему прямо в глаза. – Я готова ждать, Дайм. Ждать тебя. Сколько потребуется.

Дайм сам не мог понять, что в ее словах его царапнуло. Ведь именно этого Дайм и хотел, не так ли? Разве что за исключением Шуалейды – ученицы темного шера. Но кто ему эта девчонка? Правильно, никто. Он и так больше десяти лет заботился о ее безопасности и обучении. Если бы он не настоял на ссылке, то Ристана не удержалась бы от искушения и так или иначе избавилась от младшей сестры или Бастерхази наложил бы на нее лапу. Но теперь-то, когда нужно выбирать между судьбой практически незнакомой девчонки и любимой женщины, решение очевидно!

– Ты по-прежнему ненавидишь ее, – сказал он вместо «да, так и сделаю».

Зря сказал. Ристана не представляет жизни без ненависти к покойной мачехе и ее детям. За одиннадцать лет, прошедших со смерти светлой Зефриды, ничего не изменилось. И виноват в этом наверняка Бастерхази. Темным шерам ненависть нужна, как воздух.

Ристана передернула плечами.

– Как видишь, она способна сломать все, что мне дорого, даже не появляясь во дворце.

– А тебе дорога власть.

– Мне дорога моя страна! Для кронпринца Валанта будет лишь ступенькой к трону империи, он выжмет из королевства все до последней капли и забудет. Он – не Суардис и никогда им не будет! – Ристана замолчала на высокой ноте, словно опомнившись, и тут же беспомощно склонила голову набок. – Дайм, я верю в тебя. Ты можешь спасти и меня, и Валанту.

– Валанте ничего не угрожает, как и его величеству Тодору. Люкрес не зверь, чтобы избавляться от собственного тестя. Ему нужна одаренная супруга и одаренные дети, а не слава отцеубийцы.

– Ему нужно отсутствие законных наследников, – вздохнула Ристана.

– Ты в полной безопасности. По нынешним законам Валанты ты не можешь наследовать. Только если его величество ратифицирует новый закон о престолонаследии по старшинству, а не по дару. А он этого не сделает.

Ристана гневно сверкнула глазами и раздула тонкие ноздри. А Дайм внезапно подумал: похоже, зря он когда-то давно поклялся не читать ее мысли. Тогда это казалось правильным. Любить и доверять, защищать и оберегать. Быть верным рыцарем прекрасной дамы. Вместе играть в волшебную романтическую сказку. Но что-то сломалось. Позолота стерлась.

– Ты не хочешь сделать это для меня? Для нас обоих? Наши с тобой дети обязательно родятся одаренными и наследуют Валанту. Наши дети, Дайм!

– Наши дети могут вырасти свободными и счастливыми, без груза ответственности за королевство. Разве плохо быть маркизой Дюбрайн, ездить по всему миру, познакомиться с Красным Драконом и сашмирским султаном, посетить праздник Середины Зимы у Ледяного Лерда? На Валанте ветра не сошлись!

– Маркизой вместо королевы? Нет, ты не можешь говорить это всерьез. Дайм, ты сам хочешь стать королем, а не маркизом! Да что там королем, ты мог бы стать императором! Я знаю, тебе стоит лишь захотеть, и ты получишь Цветную грамоту первой категории. Наверняка его всемогущество выберет наследником тебя, ты же в сотню, в тысячу раз сильнее всех его детей, вместе взятых! Разве можно отказываться от всего этого?! Ради чего, Дайм?..

Действительно, ради чего он отказывается от короны Валанты? Ради чего он лишает любимую женщину цели и смысла жизни? Она – прирожденная королева, она живет благом своей страны, глупо предлагать ей сменить ее жизнь на что-то другое. На его жизнь.

– Ты права, любовь моя. Королевой ты будешь смотреться намного лучше, чем маркизой.

– Так ты не допустишь этого брака? Поверь, это не только ради блага Валанты, это ради блага твоего брата! Он просто не понимает, с кем собирается связаться. Ты же знаешь, ты сам видел ее.

– Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы Люкрес сам отказался от дурной идеи. Принцесса Ольбера будет ему куда лучшей партией. Но завтра я должен передать его величеству Тодору волю императора, а его воля – помолвка Люкреса и Шуалейды.

Ристана вздохнула и кивнула.

– Помолвка... Ее сложно будет разорвать, но возможно. Дайм, любовь моя, обещаю, что моя сестра не выйдет замуж за его высочество Люкреса! Ради нас обоих. Ради наших будущих детей.

Дайм резко поднялся из-за стола, отошел к окну. Глянул на свое отражение в темном стекле.

«Ты понимаешь, в какую игру вступаешь?»

Отражение сверкнуло бирюзовыми глазами – яркими, ярче императорских – и усмехнулось. Оно прекрасно все понимало. И прежде всего, что шер категории дуо не будет всю жизнь терпеть, чтобы его дергали за поводок и командовали «к ноге». Он будет верен императору. Безусловно верен. И будет заботиться исключительно о его благе и благе империи. Даже о благе августейшего брата Люкреса. Но так, как он сам понимает это благо. Он – шер второй категории, менталист, и ему виднее, чем почти бездарному Люкресу.

Что ж. Время пришло раньше, чем Дайм рассчитывал. Но не в его привычках отступать.

Обернувшись к Ристане, – она ждала, стоя около стола и нервно сцепив тонкие руки, – Дайм прямо глянул ей в глаза и шагнул к ней.

- Люкрес ее не получит, - искренне и убежденно пообещал он. - Ни за что.

- Даже если она не темная?

- Ни темную, ни светлую. Никакую!

Ристана довольно засмеялась и повернулась спиной.

- Ослабь мне корсет, душно. Не звать же камеристку? - Она искоса поглядела на него, приглашая...

Приглашения Дайм не понял. Что делать, возвышенные чувства не сочетаются с плотскими утехами. И не стоило Ристане делать этого шага. До свадьбы - то есть пока Дайм не избавится от печати - их любви суждено оставаться невинной.

Он ловко распустил последние петли шнуровки, избегая касаться обнаженной женской кожи даже в перчатках: хватит на сегодня незабываемых ощущений. Пусть в свои тридцать один Ристана выглядит юной богиней, пусть по ней сходит с ума половина шеров Валанты, пусть даже Бастерхази не способен остаться равнодушным - ни одна женщина не стоит такой боли.

Разочарование Ристаны пахло горьким ландышем, мешаясь с ароматами надежд, страхов и предвкушения. Дайм снова пожалел, что не может прочесть ее глубже: обойти ментальные амулеты Бастерхази он бы сумел на счет «раз». Но нарушать собственную клятву - не в его правилах.

Остаток вечера они провели на балконе, любясь на звезды. Дайм по обыкновению читал Ристане стихи, развлекал ее мелкими фокусами - она радовалась, как ребенок, кружащимся в хороводе волшебным птицам. Однако до того момента, как пожелать ей добрых снов, Дайм не мог отделаться от ощущения неправильности и сожаления. Словно сломалось что-то безумно хрупкое, важное и драгоценное, и теперь даже светлый шер второй категории не сможет это драгоценное вернуть как было.

Интермедия

На белом песке у кромки прибоя играют дети. Лица их похожи, как два солнечных блика. Ярко-рыжие локоны мальчика треплет ветерок. Такие же рыжие волосы девочки заплетены в две зазорные косички. Брат строит песочный замок, сестра пускает мыльные пузыри.

– Поиграй со мной, – просит она.

– Опять в куклы? – поднимает лукавый взгляд он.

– Смотри, какие красивые. – Сестра выдувает шарик. Внутри угадываются крохотные силуэты.

– Ты сделала себе девочку, а мне мальчика, как всегда?

– Да. Хочешь, поменяемся? Так будет интереснее.

Прозрачный пузырек лопаётся, оставляя в руках Сестры куклу-мальчика, а в руках Брата – куклу-девочку.

– А теперь поменяемся обратно. – Смех Сестры звенит над берегом.

– И поселим их в этот замок. – Брат опускает куклу на песок.

Сестра тоже ставит куклу, но по другую сторону стены.

– Пусть они тоже поиграют. Будет весело!

Взявшись за руки, дети снова смеются. Светлая Райна сыплет из горсти белый песок времени, Темный Хисс выдувает из соломинки мыльные пузыри надежд. Ноги Двуетиных омывает океан вечности.

Они играют. **Глава 9**

Тайна черного колдуна

Темный шер не имеет права наследовать престол и являться регентом при несовершеннолетнем короле. Члены королевской семьи, что состоят в браке с темным шером, лишаются права на престол или должность регента.

Новое Шерское уложение

431 год, 13 день пыльника (день битвы в ущелье Олой)

Валанта, Риль Суардис

Рональд шер Бастерхази, полпред Конвента в Валанте

Позавтракать не удалось. Едва Роне вдохнул аромат кардамона и имбиря, смешанный с терпкостью шамьета, курящийся над чашкой пар сгустился и посинел, пахнуло жаркой сыростью и бамбуком. Рука дрогнула, горячий шамьет плеснул на кожу, но об ожоге Роне мгновенно забыл: что значит такая ерунда, когда Паук добрался до него, несмотря на заблокированное зеркало связи и тщательно настроенные эфирные помехи! Задав приступ паники, Роне выставил барьер вокруг комнаты. Не хватало только, чтобы кто-то увидел!..

– Поставь чашку, – послышался из шамьета надтреснутый тенор. – Дубина. И почини зеркало.

– Да, учитель, – нацепив на лицо самую глупую и подобострастную улыбку, ответил Роне и бережно опустил на стол чашку с извивающимися, словно гадюки, струями пара. – Светлого вам утра.

Нестерпимо хотелось бросить чашку на пол и наступить каблуком, как на настоящую гадюку. Но толку? Паук показал, что на все ухищрения ученика ему плевать. В следующий раз он выйдет из шкафа или без затей вышибет тростью двери.

– Отвратительное утро. – Пар образовал что-то вроде кривого окна и застыл. Там, за окном, проявился из радужных пятен сидящий в позе лотоса и на листе лотоса Паук. – Как ты можешь пить эту гадость?! Магда так и не научила тебя приличным манерам.

Паук сморщил нос и помахал ладонью, отгоняя запах шамьета.

– Да, учитель, – склонил голову Роне.

Повисло молчание. Роне судорожно придумывал, что еще соврать, чтобы потянуть время. Подсунуть очередного мальчишку со светлым даром и прикинуться дубом, мол, похож же? Нет, в пятый раз этот финт не пройдет. А того, кто нужен Пауку – нет. И следов нет...

Несколько мгновений Паук с интересом рассматривал его, даже не пытаясь взломать ментальную защиту. От этого взгляда в животе холодело, хотелось то ли провалиться в Ургаш, то ли нести оправдательную чушь и обещать что угодно, лишь бы Темнейший снова фыркнул, морщился и грозил палкой.

– То есть ты ничего не сделал, – тихо и очень ровно сказал Паук.

– Сделал, – вытолкнул сквозь пересохшее горло Роне и глянул в глаза учителю. – Но чтобы был результат, нужно время. Шуалейда не выйдет замуж за Люкреса.

– Очень убедительно, – так же равнодушно прервал его Паук. – На этом месте тебе следует поклясться именем предков и собственной шкурой.

– Зачем? – в тон Пауку ответил Роне. – Если вы мне не доверяете, не вижу смысла разбрасываться клятвами. Или вы мне позволяете действовать, как я считаю правильным, или поручайте эту работу кому-то другому.

– За тринадцать лет твои «правильные» действия не принесли результата ни разу. Мальчик не найден, девочка все еще не у меня. Не вижу смысла дальше потакать твоей дури.

От бесцветного голоса учителя раскалывался череп и тошнило, перед глазами плясали цветные мушки: похоже, Паук ломился в Валанту, несмотря на запрет Светлейшего главы Конвента. Быть может, не сам, быть может, просто хотел вытянуть Роне к себе, но это было ничуть не лучше.

Преодолевая дурноту, Роне выстраивал барьеры, обрывал одну за другой нити дальней связи, но ничего не получалось. В комнате темно, эфир клокотал, давил и корежил, словно горный оползень...

– Вы послали меня, учитель, потому что больше некого. – Роне отчаянно блефовал, но ничего другого в гудящую от боли голову не приходило. – Никто на моем месте не добился бы большего.

– Большого, чем ничего? Думаю, пора поручить поиски мальчика Дюбрайну. Он, конечно, убудодок, но хотя бы не дубина.

– Вас же не устраивает смерть Шуалейды или ее сумасшествие. – Роне пожал плечами. – А более тонкие варианты требуют времени.

– Что ж, у тебя будет достаточно времени, Бастерхази. Целая вечность. Если Тодор даст согласие на ее брак, твое присутствие в Валанте потеряет для меня... – Паук вдруг поморщился и подался вперед. – Что у вас творится?!

Игла паучьего внимания вонзилась между глаз, чуть не заставив Роне заорать – не от

боли, а от облегчения и надежды. Это не Паук рвался в Валанту! Какой надо быть дубиной, чтобы не отличить спектр! Двуетидные снизошли к молитвам своего сына и послали чудо, какое и как – неважно, потом разберемся!..

– Я же сказал, что результат будет. – Роне криво усмехнулся и расправил плечи. – Чуть раньше, чем я ожидал, но – извольте видеть. Она использовала темный дар.

– Ты уверен, что это – она? – Паук склонил голову, прислушиваясь. – И уверен, что она жива?

Роне тоже прислушался, то есть попытался выделить из оглушительного и ослепительного темного хаоса что-то знакомое. Вроде – шаманская волшба, воздух, вода. Направление – юго-запад. Лишь бы только волшба зургов не убила девчонку, она же где-то там... нет, не убила! Шисова девчонка должна выжить!

– Уверен. – Роне взял вторую чашку, отпил и сморщился: от безумства темных потоков шамьет стал горше хины, а в голове зазвонили наперебой колокола храмов Райны и Хисса. – Вы правы, учитель, Эйты варит отвратительную гадость.

– Наглый щенок. – Паук фыркнул. – Наглый и везучий. Твоя бабка была права, из тебя еще может выйти толк.

Он скрипуче рассмеялся, хлопнул ладонью по воде рядом с собой, подняв тучу брызг – часть из них попала на Роне. Паук утер лоб и, посерьезнев, велел:

– Сегодня же почини зеркало и доложи. О том, что Шуалейда жива.

– Жива. Мне срочно нужна официальная бумага от Конвента, подтверждающая, что всплеск эфира порожден темным колдовством.

– Ишь ты, бумага! Тьфу!

Оконце схлопнулось, выплеснув из чашки остатки шамьета – в этот раз на скатерть, а не на руки Роне. Эфирная буря снесла все щиты с башни Рассвета, наверняка побила половину приборов в лаборатории, выпила самого Роне до дна – но ему было все равно. Губы сами собой растянулись в улыбке, Роне вскочил, шагнул к бюро: достать бутылку пятидесятилетнего бренди.

Голова закружилась, в ногах что-то запуталось, заверещало, подпрыгнуло – и Рональд, не удержав равновесия, свалился на пол. Сверху упал скелет гоблина, сердито зашипел и, оттолкнувшись от груди хозяина острой костяной пяткой, одним прыжком нырнул в стену.

– Тюф, чтоб тебя, пьяница!..

Не закончив ругательство, Роне расхохотался и раскинул руки по ковру. Буря кончилась. По комнате летали разноцветные шаровые молнии, сталкиваясь и взрываясь с веселым треском, пахло грозовой свежестью. Было хорошо.

Но недолго.

– Роне, ты пьян! – ворвался в праздничный фейерверк чей-то голос... женский? Зефрида, моя королева?!

Вздвогнув, он обернулся – и фейерверк погас. Чудеса на сегодня закончились. С порога пристально смотрела изысканной красоты дама – изгиб бедра обрисован полупрозрачным муслином, глаза глубины и цвета Ургаша таинственно мерцают, медальон с единорогом притаился в ложбинке меж солнечно-смуглых холмов.

Ристана. Всего лишь Ристана. И призрак синей ауры – всего лишь отблеск королевского медальона, а не драконья кровь... Хотя нет. Не только медальона. Еще на Ристане следы ауры Дюбрайна, серебристо-сине-лиловые искры. Кто бы сомневался, что ночь Длинноухий провел в покоех ее великолепного высочества. И судя по тому, что Ристана здесь – ее очарование на него не подействовало, и уговаривать августейшего брата сменить невесту он не собирается. Чего и следовало ожидать.

Не вставая с ковра, Роне протянул руку к принцессе и медленно улыбнулся:

– Мое прекрасное высочество, иди сюда.

– Ты пьян.

– Тобой.

– Вставайте, ваша темность. – Ристана шагнула к нему и похлопала веером по ладони. – И сделайте, наконец, хоть что-нибудь! Ублюдок уже в Риль Суардисе, еще немного – и нам придется отдать ему проклятую девчонку!

Роне подавил нервный смех: наедине с ним, вне предназначенного публике образа хрупкого и нежного цветка, ее королевское высочество чем-то напоминала Паука. Наверное, полным равнодушием ко всему, кроме Валанты и себя. Но ее это не портило, напротив, холодная рассудочность будила азарт, требовала сорвать еще одну маску и разбудить глубоко спрятанный огонь. Тот, который не удалось разбудить Длинноухому – ни этой ночью, ни предыдущими, сколько бы их там ни было.

– Что именно, моя Тайна?

– Что хочешь. Сожги ее, утопи, отдай зургам, выбирай сам! – Голос Ристаны был ровен, как и подобает истинной аристократке, только пальцы сжимали веер чуть сильнее, а на безупречно матовых скулах расцвели ядовитые маки. Голову она привычно склонила набок, подчеркивая собственную хрупкость. – Но если кронпринц получит мою сестру – ты лишишься не только должности... «...а я – не только Валанты, но и жизни». – Этого она не сказала вслух, но подумала достаточно громко.

– Подумаешь, должность. – Роне тактично не услышал ее мыслей. – Сплошные хлопоты и никакого удовольствия. Уеду в Гнездо, займусь научной работой.

– Роне... – Отбросив веер, Ристана опустилась на колени рядом с ним, провела ладонью по его щеке, улыбнулась нежно и зовуще: вот теперь она стала похожа на ту Ристану, в которую были влюблены все шеры королевства старше десяти лет от роду. – Не рассказывай мне сказки.

«Ты никуда от меня не денешься, мой темный шер, – звучало в этой нежности. – Ты смертельно боишься Паука. Ты убьешь десять принцесс, лишь бы не возвращаться к нему. А между тобой и Пауком стою только я. И ты знаешь, что я это знаю. И знаешь, что ты – моя единственная страсть... после Валанты, которая – моя жизнь и мое сердце».

– Все будет хорошо, – шепнул Роне, поймал тонкую, сильную руку и поцеловал запястье. – Ты веришь мне, Тайна?

– Нет, – проворковала она с беззащитной улыбкой и тут же отобрала руку, поднялась и отступила. – Вставай, Роне. Аудиенция через полчаса!

«А Шуалейда все еще жива, несмотря на все мои старания и обещанное тобой чудо», – опять не добавила она вслух, но Роне это и не требовалось. Удобно быть не только шером разума, но и мастером, который делает амулеты ментальной защиты для королевской семьи. Не от себя ж их защищать, в самом-то деле.

– Целых полчаса? Не вижу причин торопиться, – улыбнулся он и потянул Ристану к себе.

– А ты до сих пор не одет! – отстранилась Ристана и повела обнаженными плечами. – Я не буду тебя ждать.

Она демонстративно поправила белую кружевную перчатку выше локтя и посмотрела на гигантские напольные часы. Предыдущему (ныне покойному) полномочному представителю Конвента их подарили гномы, а Роне они достались по наследству. Часы были с гирями в виде птиц и тремя циферблатами: верхний, с двенадцатью делениями, показывал время, средний, с тринадцатью – день и месяц, а нижний, без делений вообще, показывал все и ничего, шесть разнокалиберных стрелок крутились, как Хиссова пятка захочет.

– Ты дивно хороша, когда сердишься, моя Тайна!

Роне вскочил на ноги, шепнув про себя сложную формулу заклинания: его шелковый халат превратился в черный бархатный камзол, шитый по моде двухсотлетней давности. «Пыли в глаза никогда не бывает много!» – Эту простую истину Паук не уставал вбивать в ученика на протяжении полувека.

Роне подмигнул Ристане, поправил кружевное жабо, заколотое бляхой Конвента, вынул из воздуха короткий плащ с алым подбоем и накинул на плечи. Предложил Ристане руку – та нежно улыбнулась и руку приняла. Еще бы не приняла! Ее коварное высочество принадлежит ему с потрохами, хоть и тешится иллюзией чистой и взаимовыгодной любви. Это осел предшественник, мягкой ему травы, поддался беззащитной улыбке и ночным глазам – с ним, темным шером Бастерхази, учеником Темнейшего Паука и потомком ближайшего соратника Ману Одноглазого, у Ристаны ничего не выйдет. Хотя бы потому, что его сердце давно занято. Не Ристаной.

Притянув ее к себе, он провел ладонью вдоль тонкой спины, коснулся губами ушка и шепнул:

– Ваше королевское высочество может не ждать.

Она не успела ответить, как он «исчез»: обернулся пеленой невидимости и бросился в соседнюю комнату, к зеркалу связи. Надо, шис дери сумрачную девчонку, проверить – в самом ли деле жива или пора удирать к зургам.

– Роне!.. – не то досадливо, не то восхищенно выдохнула Ристана, топнула ножкой и вылетела прочь из башни Рассвета.

Не иначе побежала снова обещать длинноухому ублюдку неземное счастье в обмен на небольшие, совсем крохотные изменения его плана. Вот же упрямая заноза, ни за что не сдастся! За что, впрочем, Роне ее искренне уважал. Пусть старается ради пользы общего дела, то есть пользы Рональда шера Бастерхази, темного шера второй категории, ученика и будущего преемника Темнейшего Паука и прочая, прочая.

Согнав с лица неподобающую серьезности момента ухмылку, Роне стер с зеркала связи блокирующий знак, начертил руну вызова и, не успев взъерошенный капитан Герашан проявиться из отдающего тленом и гарью тумана, приказал:

– Докладывайте, что у вас стряслось. И где, Мертвый дери, Шуалейда?

Глава 10

О верных врагах и чувстве момента

Темным шерам запрещается занимать высшие государственные и муниципальные должности, служить в армии, а также присутствовать на Совете Семи Корон. Исключением являются лишь члены Конвента и назначенные Конвентом представители.

Указ Роланда Первого Святого, императора Фьонабер

431 год, 13 день пыльника. Валанта, Риль Суардис

Рональд шер Бастерхази

Завтрак, он же аудиенция полковнику Дюбрайну, Тихому Голосу императора, протекал в теплой дружественной обстановке. По крайней мере, в вечерней газете напишут именно так. На самом же деле его величество Тодор и ее высочество Ристана сидели как на иголках и ковыряли в тарелках, изо всех сил делая радостные лица: как же, победа над зургами меркнет в сравнении с великой честью породниться с императором!

Роне следовал их примеру, несмотря на волчий голод – надо же поддержать монарха в его несчастье. Еще перед первой переменой блюд он доложил королю о событиях в Олойском ущелье – публично, с тем, чтобы весть мгновенно разнеслась по дворцу и всей Валанте.

Само собой, победу он приписал генералу Альбарра. По официальной версии, о событиях на перевале ему доложил капитан Герашан. По неофициальной – он и сам прекрасно сопоставил взбаламученный эфир, планы генерала Альбарра посетить форт на перевале и панический лепет капитана Герашана, от которого удрала поднадзорная девчонка. По счастью она даже не потеряла амулет связи с Герашаном, так что тот смог поговорить с генералом Альбарра и убедиться, что она жива, а зурги сметены к шисовым дыссам.

Картина вырисовывалась крайне занимательная. Мало того, что девчонка использовала темный дар, он еще и оказался такой силы, что хоть сейчас давай ей первую категорию. Темную, исключительно темную! Пусть никто не верит, что темный шер может пожертвовать собой ради спасения людей, Роне-то знает: еще как может. Темные шеры ничем принципиально не отличаются от светлых. Так же любят и ненавидят, так же ищут и ошибаются, падают и встают, чтобы идти дальше.

О предположительно темном даре инфанты Роне тоже доложил королю. Чуть раньше, приватно, так, что не слышал даже Дюбрайн. Без бумаги Конвента выводы Роне – пустой звук, и королю нечего противопоставить императорской воле, пусть и выраженной Тихим Голосом. Проклятье. Мальчишка Дюбрайн в свои едва пять десятков – полковник, шис его деря, Магбезопасности, Тихий Голос императора, его левая рука. Ублюдку неприлично везет.

Везучий ублюдок, посланный сватать кронпринцу единственную одаренную инфанту на все семь королевств, явился в парадном черном мундире и в извечных палаческих перчатках. Правда, отдавая дань этикету, снял их и положил около тарелки.

И, начав на этикет, не сводил глаз с сидящей напротив него Ристаны. Та отвечала взаимностью, нежно улыбалась, трепетала ресницами и розовела от комплиментов. Если бы Роне не знал ее истинного отношения к ублюдку, мог бы и поверить в ее нежные чувства. Ему же самому было крайне любопытно, какую игру затеял Дюбрайн? В любовь Длинноухого к принцессе Роне верил с трудом – сердца у императорских сыновей не бывает, это семейное. В то, что Дюбрайн вот так запросто расстанется с Валантой, которую уже давно считает своей, он не верил тем более. Значит, у него есть хитрый план, и в этом плане Ристане отводится важная роль. Не только невесты с короной в

приданое.

Игра с самим собой в угадайку и наблюдение за придворными помогали Роне не дергаться в ожидании шисовой бумажки от Паука. Очень удобно наблюдать, когда все отводят взгляд. Словно посмотреть на темного шера – все равно что заразиться смертельной болезнью. Вот уже тринадцать лет, как Конвент прислал его в Валанту полномочным представителем, и все это время его боятся до трясучки.

Молодцы. Пусть боятся и дальше. Их страха хватает, чтобы восстанавливать резерв. Роне бы не отказался и от чего-то более питательного, но приходится ограничиваться мелочами. По крайней мере, на публике.

Пристально глянув на министра финансов, Роне с удовлетворением отметил, как тот побледнел, став цветом в точности как его сюртук, нежно-салатовым. Вот же глупые мотыльки, постоянно придумывают новые моды. И гордятся новыми одежками, как будто это и есть их хваленый прогресс. А другие, лелеющие жалкие капли угасающего дара, изо всех сил пыжатыся, стараясь казаться настоящими шерами, обряжаются в камзолы и упелянды, которые носили во времена их прадедов.

Суета. Все – суета. Где же, шис его дери, Эйты с бумагой?! Роне давно надоело смотреть, как господа министры кушают серебряными ложечками яйца всмятку – тоже «прогрессивная тенденция», в позапрошлом году заразившая королевские дворы подобно крысиной лихорадке. Прочие же придворные, не удостоенные права сидеть в присутствии короля, толпились у стен и ловили каждый звук, каждое движение королевской брови, каждое мановение ресниц императорского ублюдка. И гадали, как бы ловчее выказать его высочеству Люкресу, будущему супругу Шуалейды и королю Валанты, свою лояльность. Ристану и Каетано они уже похоронили, о победе над зургами забыли. Расчетливые шакалы. Мертвая благодать им, а не Люкрес на престоле!

А за всей этой церемонной игрой наблюдало мягко мерцающее золотом Око Рахмана: император желал видеть, как счастливы его подданные. Еще одно Око, куда более скромное, пряталось между рожков золотой люстры: корреспондент «Герольда», глядя в «подпольно» проданное Роне зеркало, строчил передовицу. Разумеется, «подпольную» продажу одобрил Конвент, ибо имперские газеты должны своевременно и правдиво информировать население обо всех важных событиях.

Одна перемена блюд сменяла другую, лакеи уносили почти нетронутые тарелки. Разговор неспешно тек вокруг да около: король изволил интересоваться новостями из метрополии, видами на улов макрели, столичной модой на заточку шпаг и еще полусотней не менее важных материй. Дюбрайн в свою очередь восторгался доблестью валантской группы войск и генерала Альбарра, поминал прогнозы Светлейшего о том, что зурги не перейдут хребет в ближайшие годы и сетовал на недостаток одаренных шеров на военной службе. Наконец, когда подали шамьет со сливками, король улыбнулся особенно радостно – не знал бы Роне, что именно думает Тодор о брачном союзе кронпринца и своей дочери, непременно поверил бы.

– Беседа с вами, мой светлый шер, доставляет нам несказанное удовольствие. Но теперь нам бы хотелось выслушать слова вашего августейшего брата.

О да, так хотелось, что ваше величество дотянули до последнего момента.

– Благодарю, ваше величество, – тоном «я вам бесконечно верю» ответил Дюбрайн.

Отставив чашку, он вынул из воздуха запечатанный сургучом с оттиском кугуара свиток. Встал. За ним поднялись министры, по толпе придворных пронесся взволнованный шелест. Последним поднялся с кресла король. Дюбрайн подошел к нему, подал свиток лично в руки.

– Я счастлив, что именно мне выпала высокая честь служить устами моего возлюбленного брата Люкреса, герцога Бразье, – торжественно начал Дюбрайн. – Мой возлюбленный брат заверяет ваше королевское величество...

Высокопарные слова пролетали мимо ушей Роне подобно птичьему щебету за окном. Содержание письма кронпринца знали все, включая лакеев – такое щепетильное, сугубо семейное дело, как сватовство, вот уже месяц обсуждала вся империя.

– ...союз принесет нашему народу мир и процветание, – закончил Дюбрайн.

Придворные дамы сдержанно – но восторженно! – ахнули и приложили к глазам надушенные платочки, промокая слезы зависти.

– Мы счастливы, что выбор светлого принца пал на нашу дочь... – прочувствованно заговорил Тодор.

Его Роне слушал куда внимательнее: вдруг его величество сумеет так извернуться, чтобы отказать кронпринцу? А еще внимательнее Роне прислушивался к тому, что происходило за дверьми столовой: где же бумага от Конвента? Не может быть, чтобы Паук не сделал ее. Пусть он плевался, но в его интересах прекратить раз и навсегда поползновения на Шуалейду всех и всяческих принцев, ханов и раджей. Но ни механически-ровных шагов Эйты, ни его призрачно-серой ауры за дверью не было.

Тем временем Тодор перешел от выражения восторга к возражениям. Видите ли, несмотря на счастье называться отцом светлого принца, он не может умолчать о том, что Шуалейда не является светлой шерой. Ах, в роду Суардисов никогда не было темных, и король уверен, что через несколько лет дар дочери определится. Несомненно, в светлую сторону! Но до тех пор он не может взять на себя смелость обещать ее руку августейшему Люкресу...

Дюбрайн слушал увиливания с серьезным и торжественным видом, в нужных местах кивал, но, стоило королю замолкнуть, с любезнейшей улыбкой осведомился:

– Надеюсь, сир, вы уже распорядились о приезде ее высочества в Суард?

В его голосе проскользнули торжествующие нотки. Он предвкушал победу – несмотря на темную бурю? Самонадеянный ублюдок! Светлый лицемер, дери его Мертвый! Для него скрытая под маской радушия беспомощная злость Тодора как на ладони. Король проигрывает, время утекает, и лишь чудо, именуемое «предупредительной нотой Конвента» спасет его младшую дочь от брака, а остальных детей – от смерти. Кронпринцу Люкресу нужны мирная провинция без лишних претендентов на престол и сын крови Суардисов, чтобы получить в вассалы и гномов, и лесных ире – все наследство династии. Только ничего он не получит. Ни Шуалейды, ни Валанты. И Паук не получит. Ни-чего.

– Мой возлюбленный брат в нетерпении ожидает помолвки с прекрасной Шуалейдой, – продолжал Дюбрайн. – Смею заверить ваше величество, мой августейший брат всецело осознает все возможные последствия брачного союза с сумеречной шерой...

Роне сжал зубы. Еще мгновение, и придется вмешиваться, не дожидаясь бумаги. Плохо. Лезть поперек церемониала – совсем плохо. Был бы он светлым, ему бы простили все. А темному не прощается ничего. Особенно Пауком. Шис. Нельзя, чтобы Тодор дал согласие на брак! Расторгнуть помолвку – совсем не то же самое, что не объявлять о помолвке.

«Эйты! Где бумага?!» – позвал он немертвого слугу.

– ...но пребывает в уверенности, что Светлая не оставит ее высочество Шуалейду своей милостью, – закончил императорский ублюдок.

«Здесь», – отозвалось умертвие из башни Рассвета; почудилось, или в его ментальном тоне скользнуло злорадство? Проклятье, Роне же не приказал Эйты нести бумагу сразу!

«Быстро сюда! Немедленно, бегом!»

– Разумеется, наша дочь незамедлительно прибудет в Суард...

«Да, хозяин», – безразлично ответил Эйты.

– ...мы также с нетерпением ожидаем встречи с вашим августейшим братом...

Две минуты. Как минимум. Долго! Не успеет...

– О, мой возлюбленный брат горит желанием увидеть Валанту! – дождавшись паузы, вставил Дюблайн.

Поперек церемониала, с риском дипломатического скандала – зачем? Ублюдок с ума сошел? Но Тодор благосклонно кивнул – пусть нарушение церемониала, но ему не хочется произносить те самые слова. А Дюблайн продолжал восхвалять Валанту, ее чудесные обычаи, дивный климат и редкостную красоту принцессы. Странно, очень странно – но об этом думать потом.

«Эйты!»

«Здесь, хозяин!»

Дверь столовой отворилась – обе створки. Дюблайн замолк. Все обернулись.

– Срочная депеша от Конвента! – проскрипело краснокожее умертвие с порога и потопало своей механической походкой напрямик к Роне.

Придворные дамы заахали, кавалеры скривились – благородные шеры столкнулись с некромантией! Ах, ужас, теперь будет на месяц сплетен, куда там победе над зургами.

– Прошу прощения, ваше королевское величество. – Поклонившись королю, Роне взял с подноса невесомый свиток рисовой бумаги, перевитый семицветным шелковым шнуром: телепорт из Метрополии пожирает немыслимое количество энергии, даже если письмо весит как голодная муха. – Соболаговолите...

– Читайте, шер Бастерхази, – велел король, не сумев скрыть надежды в голосе.

Развернув свиток, Роне начал:

– Возлюбленный брат наш Тодор, спешим поздравить вас с поистине чудесной победой! Зурги вновь остановлены, империя рукоплещет доблести ваших войск!

Роне прервал чтение и прижал кулак к сердцу.

– Сердечно благодарим Светлейшего и Темнейшего наших братьев, – церемонно ответил король куда-то в сторону Ока Рахмана, висящего над столом. – Заслуга сия всецело принадлежит нашему коннетаблю Альбарра, отважнейшему из отважных! Наш верный друг с восемью десятками солдат сумел разгромить и повернуть вспять многотысячную орду.

Тодор прижал кулак к груди, придворные с торжественными и возвышенными лицами последовали его примеру. О Шуалейде никто из лицемеров не упомянул: не могут признать, что их толстые задницы спасла темная колдунья! Их и так заставили принять темного полпреда, и эти бездарные твари едва смирились с его присутствием. Но так и не приняли за своего, в отличие от ублюдка, желанного гостя в каждом доме и завидного, дери его Мертвый, жениха каждой благородной кобылице.

– Продолжайте, шер Бастерхази.

– Но в сей светлый для всей империи час вынуждены предостеречь вас...

Роне читал словесные завитушки, украшающие вожденную ноту, и следил за Дюбрайном. Увиденное настораживало: ублюдок был по-прежнему непроницаем, но что-то похожее на тень удовлетворения скользнуло по его ауре.

– Поручаем светлому шеру Дюбрайну и темному шеру Бастерхази незамедлительно провести предварительное освидетельствование дара Шуалейды шеры Суардис-Тальге. До результатов освидетельствования рекомендуем вам воздержаться от приема брачных предложений, – дочитал Роне и опустил взгляд на подписи: Темнейший и Светлейший.

Хм. Как Паук успел вытрясти из Светлейшего подпись за неполные полчаса? Роне рассчитывал на одну, Паучью – ее было бы вполне достаточно. Но две... ладно, об этом тоже можно будет подумать позже.

В столовой повисло напряженное молчание. Король делал озабоченное лицо, Ристана –

скорбное, придворные срочно просчитывали шансы Шуалейды на брак с кронпринцем и престол Валанты, а заодно прикидывали, кому и как поведают сенсацию: младшая принцесса – все же темная! Помилуй Двуетины, настоящая темная колдунья, людоедка, упырица, Ману в юбке, воплощенный кошмар!..

Роне тоже сделал озабоченное лицо. Конечно кошмар. Теперь ему будет куда сложнее убеждать Паука в том, что король наотрез отказывается отдавать Шуалейду в обучение Темнейшему, несмотря на все старания Роне. А короля убеждать в том, что отдавать ее Пауку нельзя ни в коем случае и лучше всего спрятать обратно в Сойку и не выпускать до второго пришествия Мертвого.

Ублюдок же принял сочувственный вид и тайком подмигнул Роне: он тоже оценил перспективу совместного развлечения. Да уж, веселье обещает быть знатным. И в прошлый раз добиться своего так, чтобы ублюдку казалось, что он правит бал, было непросто. А за тринадцать лет, прошедшие с их первого серьезного столкновения, щенок подрос и заматерел. Полковник МБ, Тихий Голос и прочая, прочая. Фу-ты ну-ты!

Знать бы еще, что ублюдку нужно на самом деле...

Глава 11

О грозе, брачных танцах и добром дедушке

Сотрудник Магбезопасности должен иметь холодную голову, горячее сердце и чистые руки.

Устав Магбезопасности

14 день пыльника (день спустя). Валанта, Риль Суардис

Дамиен шер Дюбрайн

Незапланированные каникулы в Суарде закончились ровно в тот момент, когда Дайм собрал отчеты со всех агентов, раздал им указания, завербовал еще одного купца, надумавшего торговать с Полуденной Маркой, припугнул обнаглевшего министра финансов и только собрался провести день-другой в счастливом ничегонеделании. Правда, прежде требовалось связаться с Конвентом.

Светлейший принял вызов сразу, будто только его и ждал. Зеркало на миг помутнело, и тут же в нем появился просторный, залитый светом заходящего солнца и знакомый до последней мелочи кабинет. Дайм даже ощутил привычные запахи: горьковато-смолистый – кедров, растущих под окнами административного корпуса Магадемии, и терпкий – шамьета по-сашмирски, который Парьен пил прямо за рабочим столом. Как всегда, просматривая очередные неотложные бумаги и то и дело ероша короткие русые волосы пятерней, словно это помогало ему думать. Да, и как всегда, рядом с ним стояла вазочка, полная жареных фисташек: их Парьен грыз даже при императоре, делая удивленные глаза и очаровательно извиняясь, когда император морщился столь вопиющему непочтению.

Ага. Сто раз извинился и на сто первый – снова хрустит и мягко улыбается, ни дать ни взять забывчивый добрый дедушка. Верьте ему, верьте. И что добрый, и что дедушка, и что забывчивый. Менталисты не забывают ничего, кроме того, что сами хотят забыть. А шеры-зеро выглядят ровно так, как хотят выглядеть. В случае с императором – ради здоровья императорских нервов. Негоже Светлейшему, который в три раза старше, выглядеть императору внуком, прилично – хотя бы ровесником. Хотя что такое для шера-зеро неполные три века? Юность! Даже для Дайма с его второй категорией это будет все еще молодостью.

И этого единокровные братья ему никогда не простят. Особенно Люкрес, которому второй категории не видать, даже если он заберется на шпиль Магадемии.

Услышав вызов, Парьен обернулся к зеркалу и, не опуская чашки с шамьетом, кивнул Дайму:

– Докладывай, полковник.

Официальный тон и подчеркнуто военная осанка Парьена не обещали ничего хорошего, но с другой стороны – если бы недоволен был он сам, а не император либо Люкрес, образ был бы совсем другим. Что-то вроде доброго учителя при умственно отсталом малыше.

– Докладываю, генерал...

Краткая сводка уложилась в полторы минуты. И еще полминуты – заверение в почтении и вечной верности императору.

– Ждать приезда Шуалейды еще четверть луны? – выслушав, удивился Парьен и от удивления забросил в рот сразу несколько неочищенных орешков.

Пока он хрустел фисташками и сверлил Дайма взглядом серо-голубых, обыкновеннейших для уроженца Брескони глаз, Дайм спокойно молчал. Лишь когда Парьен перестал хрустеть орешками, так же спокойно ответил:

– Шесть дней, генерал.

– Ты шутишь. День до Кардалоны, день на принцессу, и чтобы через половину луны был в Метрополии. Их высочество Люкрес крайне недовольны твоей работой и выражают надежду, что ты одумаешься и добьешься признания Шуалейды светлой, а бурю и прочую мистику спишешь на шаманов.

– Мистику на шаманов – со всем нашим удовольствием. – Дайм выделил тоном слово «мистика».

– Вот и отлично, – уже нормальным тоном ответил Парьен и развалился в своем кресле, обитом мшистым бархатом, с гнутыми ножками и совершенно неподходящем для казенного кабинета. – Я в тебе не сомневался.

– Мне нужно завершить дела в Валанте, – не стал торопиться с радостью Дайм. – Послезавтра я готов отправляться в Кардалону.

Парьен усмехнулся.

– Опять? Конечно, можешь не слушать старого маразматика, но мне кажется, твои игры с этой бездарной сукой становятся слишком опасными. Особенно если учесть, что она спит с темным мозгокрутом, который только и ждет шанса поймать тебя на горячем.

Дайм по привычке вскинулся, но возражать вслух и защищать Ристану не стал. Эту игру тоже было бесконечно жаль заканчивать, как и возвышенную любовь к прекрасной принцессе. Вместо этого он тоже усмехнулся.

– Бездарная сука – отличная пара цепному ублюдку, вы не находите, сир?

– Не груби, мальчик. – Парьен едва заметно поморщился «сир».

– Никаких игр, кроме необходимых для дела. – Дайм прямо встретил холодный взгляд Парьена. – Ристана слишком важная фигура, чтобы оставлять ее всецело под влиянием Бастерхази.

– Что, и ни слова о тонкой возвышенной натуре, беззащитности и пламенной любви к отечеству?

– Не вижу смысла повторяться. Тем более что мои чувства к Ристане никоим образом не волнуют его всемогущество и не влияют на мою службу.

– Тем не менее, заканчивай игры сегодня, и завтра с рассветом чтобы духу твоего не было в Суарде. Ты становишься чересчур самонадеянным.

– Как прикажете, сир.

– Поторопись, – продолжил Парьен. – То, что творится сейчас между Дремлинским хребтом и Кардалоной, никуда не годится. Если аномалия доберется до крупных городов, никакие шаманы не прикроют девочку, и тебе придется разбираться с массовой истерией. И постарайся девочку не покалечить. Такой дар...

– Встречается не каждый день, – закончил Дайм. – Я помню, сир. И историю Ману Одноглазого тоже. Надеюсь, мне позволено будет хотя бы эту ночь провести так, как нужно мне?

– Твоя личная жизнь меня не волнует. Но по дружбе могу одолжить неплохой ментальный амулет.

– Я не собираюсь ни пить с Бастерхази, ни спать с ним, сир. – Проглотив все рвущиеся с языка слова относительно Конвента, не вмешивающегося в его личную жизнь, Дайм склонил голову. – Даже в интересах дела.

15 день пыльника (следующий день). Южный тракт, к западу от Кардалоны

Дамиен шер Дюбрайн

Валанта в разгар лета была прекрасна, несмотря на присутствие в десятке локтей недобитой птички Бастерхази: в профиль он был особенно похож на ястреба из собственного герба. Солнце палило, из-под копыт Шутника летела пыль, зеленели покрытые виноградниками холмы, белели игрушечные, утонувшие в садах деревенские домики, старые оливы вдоль тракта шелестели серебристыми листьями и дарили прохладную тень, и вся провинция казалась огромным медовым пряником. Немудрено, что Люкрес возжелал стать местным королем, а там, глядишь, девочка Суардис родит ему сыновей-магов – и император наложит вето на новый закон о наследовании престола. Он же так мечтает об одаренных внуках!..

И давно бы их имел, если бы потребовал с Дайма не принести то, не знаю что, а что-нибудь хотя бы теоретически выполнимое! Все архивы Ману Одноглазого и его учеников, которые только сохранились на континенте, Дайм разыскал и принес. О том, как он крал эти шисом драные записи у знаменитого своим дурным нравом белогорского князя, можно было целый роман написать, а если бы он попался – его бы и сам Светлейший не избавил от плахи. Но ведь императору этого мало! Ему нужен не меньше чем сам Ману, заключенный в артефакт! Он бы еще потребовал Светлую Райну в жены, вдруг наконец-то получится достойный сын!

Хотя идея женить Люкреса на сумрачной девчонке немногим лучше.

Прекрасный был подарок Дайму, вернувшемуся из Белогории с драгоценными полуобгоревшими манускриптами. Принес – молодец, а теперь давай-ка беги и сватай младшую валантскую принцессу брату. И плевать, что Валанта и старшая принцесса уже десять лет как обещаны Дайму. Люкрес, видите ли, овдовел, и ему нужна одаренная жена, а заодно и королевство. Не то чтобы ему чего-то не хватает без Валанты, но должен же будущий император практиковаться.

А что нынешний император что-то там обещал цепному псу – ерунда, не стоит внимания. Пес и без обещаний будет служить, куда ж он денется с цепи!..

Укол раскаленного прута меж ребер оборвал непочтительные мысли. Дайм глубоко вздохнул, глянул на солнце, скатывающееся в грозовую аномалию, и очень громко подумал: «Да живет император вечно во славу Света!»

Проклятье. Лучше бы, право, он сразу сделал единственного одаренного бастарда големом, как и всех прочих, числом шесть голов, чем жаловать печатью верности. Не думать, не мечтать, не сожалеть – что может быть прекраснее? Просто забыть о том, что могут быть собственные желания, раз уж забыть о строгом ошейнике невозможно.

Вечер с Ристаной оставил Дайма злым и разочарованным. Не потому что Ристана не позволила себя соблазнить, напротив, она выгнала фрейлин, чтобы не мешали вести ученые беседы и смотреть хмирские гравюры, была обворожительно беззащитна и откровенна в своей любви к короне. Не к Дайму. Увы, эта прекрасная иллюзия рассыпалась, и никакие нежные взгляды и пылкие признания Ристаны уже не могли ее воскресить. Но если бы он мог уложить ее в постель! Если бы мог хотя бы дотронуться, не сходя с ума от боли! Никакие ее любовники, никакие советы Парьена и интересы дела не остановили бы его – ни сейчас, ни тринадцать лет назад, когда он впервые встретил ее. И были бы его всемогуществу одаренные внуки, но не от того сына...

А, к шису! И бесплодные мечты, и Ристану.

Шис не замедлил явиться.

– За вами Мертвый гонится, мой светлый шер? Только не рассказывайте о долге перед отечеством!

Догнав Дайма, Бастерхази заставил свою химеру идти вровень с Шутником. Две лиги в час для этой противоестественной помести лошади и лесной нечисти были сродни прогулочному шагу, в отличие от обыкновенного коня. И тем более ни один конь не выдержал бы такой гонки с рассвета. А Даймов белоснежный жеребец был бодр и свеж, словно не проделал путь от Суарда до Кардалоны меньше чем за десять часов, да еще полторы лиги вверх – почти до захолустья, где генерал Медный собирался заночевать.

Редкую по уму, выносливости и преданности зверюгу подарил Дайму Парьен в тот же день, когда и печать верности. Подарок с намеком – смески-единороги, как и их чистокровные собратья, имеют свое мнение о личной жизни хозяев, слава Свету, хоть не носят рогов и выглядят как аштунцы.

– Ни к чему рассказывать. – Дайм махнул рукой в сторону кипящих и рокочущих туч. – Вы сами видите.

– Мы гнали коней весь день, чтобы всю ночь воевать с шаманьей волшбой? На голодный желудок, без отдыха и сна? Вы не можете поступить со мной так жестоко, о мой светлый шер!

Дайм улыбнулся – вполне искренне. Паучий выкормыш, когда хотел, умел быть и забавным, и милым, и обворожительным. А сегодня он хотел – и прямо сейчас Дайму было безразлично, что на самом деле нужно Бастерхази. Все равно он не получит большего, чем Дайм готов выложить, но почему бы не скрасить остаток пути «дружеской» беседой?

– Ваша проницательность, как всегда, впечатляет. – Дайм коснулся пальцами полей шляпы. – Но, признаться, я не настолько велик и могуч, чтобы воевать с аномалией, – он покосился на тучи, – на голодный желудок. Да и воевать не хочется. Посмотрите, ведь она прекрасна!

– Как жаль, что она не достанется вашему драгоценному брату. Темная колдунья на престоле Валанты была бы приятным разнообразием среди бездарщины. А ваш брат уверен, что сумеет обуздать эту аномалию? – Бастерхази нежно погладил по иссиня-черной гриве свою химеру, та отозвалась тихим низким ржанием, от которого по коже пробежали мурашки: табуны из владений Бастерхази славились более сильной призрачной кровью, нежели любые другие химеры. – Дрессировать темных кобылиц надо с рождения, а не с пятнадцати лет.

– Какая трогательная забота о благе моего драгоценного брата. Право, мой темный шер, вы открываетесь с новой стороны...

– Увы, нам нечасто выпадает шанс узнать друг друга ближе. – Темный подпустил в голос низких обволакивающих обертонов, видимо, по привычке соблазнять дам. – Право, совместное расследование тринадцатилетней давности оставило у меня самые, хм... самые положительные впечатления.

Дайм на миг напрягся – надо показать, что темному удалось его задеть намеком на Ристану, иначе какое удовольствие от игры? – но тут же открыто улыбнулся:

– Ристана прелестна. Как жаль, что ей не досталось драконьей крови, какая была бы королева, а там и императрица!

– Весьма досадно, если Валанта достанется вашему брату, едва получившему третью категорию, не находите, мой светлый шер? Ристана по крайней мере Суардис. А из вас, мой светлый шер, мог бы получиться недурной король.

– Еще немного, и я заподозрю вас в дружеском расположении, мой темный шер, – хмыкнул Дайм.

Он подобрал повод, предлагая Шутнику сбавить темп: беседовать под свист ветра не слишком удобно даже магам; Бастерхази повторил маневр на полмгновения раньше и словно бы невзначай: подумаешь, какая мелочь – читать намерения шера-дуо, как погоду по звездам!

Второе очко на его счет, отлично. Шуку надо хорошо прикармливать перед тем, как забросить удочку.

– Но я не вижу смысла досадовать на то, чего не случится. Мой августейший брат не рискнет связываться с такой силой. – Дайм кинул полный искреннего восхищения взгляд на пронизанные молниями, бурлящие избытком стихийной силы тучи, и обернулся к Бастерхази. – Со смерти королевы Зефриды прошло достаточно времени, чтобы его величество начал смотреть на ее детей трезвым взглядом. Ему должно быть понятно, что Ристана будет лучшим правителем для королевства, чем Каетано. Кстати, вы не думаете, что пора вернуть Каетано и Шуалейду в столицу? Мальчику пора учиться быть принцем.

– Удивительно, но я с вами согласен, мой светлый шер.

Бастерхази улыбнулся так же открыто и для пущего эффекта повел руками, показывая пустые ладони. Пожалуй, если бы он не был темным, не был учеником Паука, не был любовником Ристаны... О да, если бы он не был темным шером Бастерхази – Дайм был бы рад иметь такого друга.

Идиллию нарушил внезапный порыв ветра: налетел, бросил Дайму в лицо горсть свежих оливковых листьев вместе с запахом грозы, сорвал шляпу – и понесся в виноградники. Дернувшись поймать потерю, Дайм внезапно для себя передумал и вместо того задрал голову, глянул в небо и рассмеялся. Недоумение Бастерхази послужило достойной наградой за пожертвованную стихии шляпу.

– Вы не находите, мой темный шер, что сегодня отличная погода? – Дайм подмигнул темному и принялся снимать френч.

В подтверждение его слов налетел следующий порыв шквала, резко потемнело и загрохотало. Ближайшая олива качнулась и угрожающе затрещала. А Дайм неторопливо, словно в собственной гардеробной, свернул френч и отправил в седельную сумку, благо Шутник не обращал внимания ни на грозу, ни на ветер. Отличная зверюга, даже лучше тех, что выращивают Бастерхази – в отличие от химер не норовит откусить хозяину ногу и не сбегает пастись в чужие сны.

– Вы правы, мой светлый шер. Погоды ныне стоят дивные! – преодолев секундное замешательство, в тон ему ответил Бастерхази; тонкие манипуляции с воздухом, позволяющие не напрягать голос, перекрикивая грозу, он проделывал так же невзначай, как и поддерживал в порядке прическу и изящные складки шейного платка.

– А, вы тоже заметили?

Избавившись от френча, Дайм принялся за сорочку: можно отыграть лишь одно очко, но отыграть досуха. Огневики не любят воды, а ученик Паука, с ног до головы покрытый шрамами, воду ненавидит.

Ветер рвал тонкий батист из рук и норовил унести вслед за шляпой, словно не признавал в Дайме брата по крови. И не только ветер – все стихии за Кардалоной взбесились, не зря Парьен заставил их с Бастерхази поторопиться. До утра аномалия подождет, но не дольше. И то вряд ли удастся спокойно выспаться в середине грозы.

– Похоже, кардалонские дожди выдались крепче кардалонских вин. – Бастерхази усмехнулся, снял оберегающее прическу заклинание, платок и камзол. Сорочку оставил: на то, чтобы выставить напоказ шрамы от паучьей трости, его выпендрежа не хватило, а может быть, пребывал в счастливом заблуждении относительно осведомленности Дайма о привычках Паука. Волосы его тут же растрепались, сорочка вздулась пузырем – но это лишь прибавило темному мерзавцу шарма. – Я бы не отказался попробовать эту грозу на вкус...

Бастерхази повел рукой, словно оглаживая женское бедро.

– Как вы небрежны к оружию, – бросив взгляд на ржавую шпагу темного, заметил Дайм и демонстративно обернул свой клинок двойной защитой.

Демонстративно вовремя: за миг до того, как на них рухнул дождь. Сладкий, холодный, пьянящий, он ласкал голые плечи, растворял в себе, звал лететь куда-то далеко и едва уловимо пах юной женщиной. Дайм подставил воде закрытые глаза, раскинул руки и на несколько мгновений даже забыл об игре в шпильки.

– Оружие истинного шера никогда не ржавеет, – одновременно с раскатом грома рыкнул

Бастерхази. – Шпаги – дурь!

– Шер, который ничего не может без магии – гнилой пень! – отозвался Дайм, не открывая глаз.

– Р-разумеется! – Темный коротко рассмеялся. – Спорим, я уложу тебя голыми руками и без магии?

Дайм наконец обернулся – слишком шальные и опасные ноты зазвучали в тоне Бастерхази. Он прямо встретил горящий азартом взгляд и еще раз оценил сухие мышцы, подобающие солдату, а не придворному сибариту, ни разу за тринадцать лет не замеченному за физическими упражнениями, если не считать постельных.

– На что?

Несколько мгновений – один раскат грома и дюжину ведер воды – Бастерхази рассматривал его, оценивая, затем одобрительно цокнул языком и подмигнул.

– Да хоть на тракт. Или ты любишь помягче?

– Не люблю драться подушками. – Дайм подмигнул в ответ. – Если я уложу тебя, покажешь мне ту книгу, что украл у Паука.

– Вы слишком любопытны, мой светлый шер. – Бастерхази на миг закаменел лицом: он что, всерьез рассчитывал, что Темнейший не похвастался Светлейшему (скверно ругаясь и грозя сделать из дубины зубочистки) прытью ученика? Смешно. – Почему вас не прозвали Длинным Носом?

Дайм пожал плечами.

– Нет, что ты, я не настаиваю. В конце концов, тебе почти сто лет, да и кости плохо срослись. Тебе не нужны услуги целителя? По старому знакомству возьму недорого.

– Наглый недопесок, – ласково отозвался Бастерхази. – Тебе папенька не говорил, что пьянство – зло? С тебя будет признание Шуалейды темной.

– Темной? – Дайм подставил ладонь дождю, принялся к набранной воде, отпил и мечтательно прикрыл глаза: напитанная стихийной силой вода пьянила лучше самого крепкого бренди. – Аномалия... чудо как хороша. – И, обернувшись к Бастерхази: – Мне еще шкура дорога, врать Конвенту. Сумеречная, но со склонностью к тьме. Вероятность... – он еще раз попробовал дождь на вкус, просто поймав капли ртом, – восемь из десяти, и только из почтения к твоим сединам.

– Идет!

Бастерхази протянул руку ладонью вверх, Дайм ударил – и пары засвидетельствовали очередной раскат грома и порыв шквала. Буря усиливалась, и даже привычный ко всему Шутник начинал недовольно фыркать и ускорять бег.

– Где эта шисова деревня?! – пророкотал Бастерхази, разгоня порывом горячего ветра дождь на несколько десятков сажен. Бесполезно: показались лишь те же оливы и те же мокрые плиты тракта.

– Не горячитесь, мой темный шер. Две минуты – и будет таверна!

Дайм сжал бока жеребца, пуская его в галоп. Бастерхази позади удивленно присвистнул: три с половиной лиги в час? Столько делает призовой аштунец на скачках, свежий и с легким жокеем, а не вымотанный дневной гонкой, да по бурлящему горной рекой тракту! А Дайм усмехнулся про себя: темный принял нужную ставку, а спрашивать про коня уже поздно. И слава Свету!

Глава 12

О добрых делах, которые не остаются безнаказанными

И была в каждом Драконе суть Сестры и суть Брата, Свет и Тьма, Жизнь и Смерть. Но не поровну досталось детям от родителей: Красный, Оранжевый и Лиловый Драконы больше походили на отца, а Синий, Голубой и Зеленый – на мать. Только Золотой Дракон унаследовал поровну от Хисса и Райны, и сутью его стало равновесие Сумрака.

Катрены Девуединства

16 день пыльника, через 3 дня после битвы в Олойском ущелье

Тавосса, городок к западу от Кардалоны

Шуалейда

Жаркое пахло старой мертвечиной.

Шуалейда отбросила вилку и выскочила из-за стола, прижимая салфетку ко рту. Подбежала к распахнутому в сумерки окну, вдохнула предгрозовую влажность, пропитанную сладостью жасмина пополам с гноем, – и желудок скрутило спазмами.

Тут же в запертую дверь ударил тяжелый кулак.

– Что случилось? Тебе нехорошо? – Медный подергал дверь. – Открой!

– Ничего, – выдавила Шу. – Оставь меня. Пожалуйста.

– Может быть, принести тебе воды?..

– Нет! – крикнула Шу и снова закашлялась. – Я ничего не хочу. Доброй ночи, Фортунато. Я буду спать.

Несколько мгновений висела тишина, лишь за окном шелестел сад и где-то далеко рокотал гром.

– Добрых снов, Шу, – в тон грому пророкотал Медный и ушел.

Шу вернулась к столу, оглядела фрукты, пирожные, паштет, – и снова к горлу подкатила тошнота. Поварские изыски воняли ненавистью, в точности как слуги и домочадцы гостеприимного шера, как сам шер, в доме которого остановился Медный.

Шу не понимала – почему? Разве она сделала что-то плохое? Разве она виновата в том, что она – сумрачная, а не светлая? Почему газеты пишут про нее гадости?

Перед глазами вновь замелькали заголовки: «Ману Одноглазый возвращается?», «Кронпринц выражает соболезнования», «Совет министров обеспокоен темным влиянием на дофина». Фортунато почти успел убрать с ее глаз газеты. Он переживает за нее. Он верит в нее. Он ничего не может сделать – только убить ее. Из милосердия.

Живот свело голодной судорогой. Схватив кувшин с водой, Шу задержала дыхание и припала к горлышку. Вода лилась на руки, на платье, но не глоталась. Горло снова сжимал спазм. Проклятье! Если бы ей налили вместо воды ужаса и боли... Если бы она посмела их съесть – просто взять то, что плещется вокруг, само...

Она закашлялась от ударившей в нос гнилостной вони и швырнула кувшин в стену. Осколки осыпали ковер, за дверью послышалось нервное шуршанье – но лакеи не решились сунуться в логово к ужасной сумасшедшей колдунье, хиссову отродью.

Труссы. Лицемеры! Если бы зурги прошли ущелье и начали грабить долину, вы бы не требовали защиты у Конвента? Вы бы сказали темному шеру Бастерхази «пойдите вон, мерзостное порождение Ургаша, мы сами защитим свои дома и своих жен»? Ненавижу!

Следом за кувшином полетели тарелки с жарким, омлетом, паштетом и пирожными – жалкие, политые брезгливостью откупные. Нет. Обойдетесь! Подавитесь вашими подачками! Провалитесь вместе с вашей худой крышей и клоповой постелью! Я, ураган и буря, должна мириться с шепотками за спиной и брезгливыми взглядами бездарной деревенщины?!

Похоже, она думала слишком громко. Или думала вслух – за дверью стало тихо и пусто. Ну и ладно. К ширхабу их всех, и Медного с его утешениями тоже.

Содрав мокрое платье, Шу натянула бриджи, сорочку, схватила солдатскую куртку с капюшоном и вышла в окно, прямо в куст жасмина. Сад шумел, трещал на ветру и отчаянно сладко пах древесным соком и цветами, сверху летели листья и веточки, путались в растрепавшихся волосах. Чулок зацепился за куст, там же слетела туфля – Шу дернулась, оставив на ветке клочок шелка, содрала остатки чулок вместе со второй туфлей и побежала прочь, к дороге. Где-то неподалеку должна быть таверна. Там никто не знает ее в лицо, никто не будет бояться и ненавидеть. Быть может, там она сможет что-то съесть?

Внутренности снова скрутило приступом голода. Страх, боль – всюду, в каждом, и нет сил закрыться, не чувствовать, не желать. Совсем рядом, в гостевой спальне – четверо раненых солдат. Кровь, гной, переломанные кости, вонь разложения и целые вихри боли, такой вкусной, нужной, необходимой боли, которую можно просто выпить и снова стать сильной, снова лечить... Ведь убить одного и вылечить остальных – это же хорошо! Это же правильно! И Медный поймет, Медный сказал: «Не бойся и делай что должно, это война».

– Я не темная! – крикнула Шуалейда kloкочущему небу.

Небо отозвалось насмешливым рокотом грома, ветер подхватил ее плащ, закрутил и швырнул через дыру в живой изгороди прямо в дорожную пыль. Ветер играл с ней, не мог понять – почему она, сестра по сути, так слаба? Почему не летит, не поет с грозой – ведь гроза здесь, рядом, третьи сутки следует за ней от самого Олойского ущелья, словно ручная зверушка.

Гроза проводила ее до таверны, напоила свежей, ничем не воняющей водой и разогнала всех селян – по дороге Шуалейде попала лишь сельская девчонка, загоняющая корову в ворота. До незнакомого оборванца, ловящего ртом дождь, селянке не было дела, она слишком боялась хворостины в отцовских руках...

Этот страх был так гнилостно сладок, что Шу не удержалась, слизнула его вместе с дождевыми каплями. И тут же, как из прорванной запруды, хлынули деревенские страстишки, зависть и опасения, ревность и злость, детские лихорадки и нытье прищемленных пальцев – все даром, только возьми!

На несколько мгновений Шу замерла, закрыв лицо руками. Она впитывала кожей вонь и мерзость, словно пожирающий навоз червяк, не в силах остановиться, а в висках билось: нет, я не темная, нет, не буду! Я никого больше не убью!..

Лишь когда пустота внутри, грызущая ее третьи сутки, утихла, Шуалейда отняла руки от лица и огляделась. Почему-то казалось, что сейчас вокруг нее соберутся люди, будут тыкать пальцами и кричать: ведьма, ведьма! Но деревенская площадь была пуста и темна, в редких всполохах молний виднелись лишь коновязь у дверей таверны и машущие ветвями чинары и гранаты, да светились узкие оконца той же таверны – маяком для заблудившихся в грозе путников.

Облегченно вздохнув, Шу надела мокрый насквозь капюшон и сунула руку в карман: надо было вспомнить о деньгах раньше, но вдруг что-то завалялось?

Не завалялось. Пальцы нащупали лишь дыру. И ладно. Не отступать же только потому, что нет денег!

Шу дернула дверь. Из освещенного фонарными жуками зала пахло жарким, вином и мужским потом, крепко настоящим на похмелье, обжорстве, похоти... Пришлось сцепить зубы и переступить порог, держась за косяк. От сумбура эмоций снова затошнило, выпитая дождевая вода подступила к горлу, но Шу пересилила себя и, сглотнув горечь, твердо пошла через зал.

Таверна «Полкабана», Тавосса

Шуалейда

Слава богам, ни селянам, ни солдатам Медного не было дела до какого-то там мокрого мальчишки. Селяне жевали баранину, пили вино и расспрашивали солдат, подливая им в кружки из глиняных кувшинов. А солдаты нахваливали местную кислятину и рассказывали сказки о несметных ордах краснорожих, мудрости Медного генерала, собственной доблести и Хозяйке Ветров – колдунье неземной красоты, божественной силы и милосердия, сосредоточии всех возможных добродетелей. Хозяйку Ветров солдаты искренне любили, восхищались ею и готовы были за нее в огонь и воду, а с ней – хоть против самого Мертвого.

Шу натянула капюшон на горящие уши и постаралась слиться со стеной. Почему-то посмотреть в глаза рассказчику – кажется, это был тот самый не то Змей, не то Хомяк, которому она не позволила разбиться прямо у стен крепости – было страшно. Может быть, потому, что его друг прыгнул и разбился, чтобы спасти ее. И потому что еще десяток его друзей остался там, в Олойском ущелье. И еще четверо умирали сейчас в доме гостеприимного шера, и она не могла им помочь – потому что она темная, а темные не способны лечить, только убивать.

«Завтра приедут шер Бастерхази и целитель из Кардалоны. И раненные доживут до завтра, если ты, темная тварь, будешь держаться от них подальше!» – очень убедительно сказала себе Шу и скользнула в самый темный угол. Еды она заказывать не стала, все равно карманы пусты, а расплачиваться золотым кольцом за миску похлебки – глупо, ее тут же узнают или примут за воришку, и Хисс знает, что хуже.

– Выпьем за Хозяйку Ветров, надежду нашей Валанты! – раздалось от центрального стола.

– За драконью кровь! За Суардисов! Слава Свету! – подхватили солдаты и селяне, застучали кружками.

– Эй, малыш, чего не пьешь? – толстяк с кудрявой бородой улыбнулся Шуалейде, подмигнул и кинул ей краюху. – Налейте кто-нибудь мальчишке! Выпьем за Суардисов, лучших королей во всей империи!

Поймав краюху, Шу приготовилась к новой порции тошноты, но на удивление хлеб пах только хлебом, немного бараниной и чуть-чуть вином. Как на столе перед ней очутилась кружка с кислятиной, Шу уже не заметила. Косого взгляда не то Змея, не то Хомяка, брошенного в ее сторону, она тоже не заметила – то есть предпочла не заметить. Шу просто впилась зубами в хлеб, серый и мягкий, пахнущий победой хлеб... А потом она пила вместе со всеми за здоровье Медного генерала, за мир в империи, за дружбу с гномами, железную дорогу и урожай оливок, и впервые после Олойского ущелья чувствовала себя живой и нормальной, а не вечно голодной нежитью с обостренным слухом и нюхом.

Ей хотелось напиться пьяной и просидеть в таверне до утра, слушая простые деревенские разговоры об отёле и сортах винограда, разглядывая редких путников, загнанных в таверну грозой и наслаждаясь крохой иллюзорной свободы. Наверное, Медному уже доложили и куда сбежала принцесса, и сколько выпила, и кто как на нее посмотрел. Но Медный, благослови его Светлая, доверяет ей – темной, полоумной девчонке. Зря. Завтра приедут настоящие маги, объяснят ему, что она никакая не

сумрачная, а самая настоящая темная, что место ей – в монастыре на острове Прядильщиц, что доверять ей нельзя, что все гадости из газет – чистая правда...

«Но ведь шер Бастерхази – темный! – пробился сквозь тоскливую муть слабый голос надежды. – Даже в Конvente есть темные! Может быть, шер Бастерхази возьмет меня в ученицы?..»

«...и вместо острова Прядильщиц я попаду в рабство к темному колдуну. Будет у него не один слуга Эйты, а два. Две. Ширхаб!..»

– Эй, малыш, пить не закусывая – нехорошо! – Волосатая рука знакомого толстяка выдернула у нее из рук полупустую кружку и вместо нее сунула тарелку с бараниной и огурцом-переростком. – Ешь, вон худой какой! Таких тощих Медный в армию не берет...

Толстяк говорил еще что-то ободряющее, но Шу не слушала его, не ела благоухающую чабрецом и чесноком баранину – в сумбуре грозы за окнами ей померещилось что-то чужое, страшное. Что-то – или кто-то?! Внезапный, иррациональный ужас придавал ей сил: ровно столько, чтобы стать невидимой, неслышимой и всеми забытой. И толстяком тоже – он замолк на полуслове, подозрительно вгляделся в «пустой» темный угол, пробормотал что-то о вреде пьянства и, почесывая бороду, вернулся за общий стол. А Шу порадовалась, что тарелка с бараниной тоже попала в область чар: ужас ужасом, но она трое суток толком не ела!

Через минуту, когда от баранины осталась кость, а от огурца – огрызок, Шу поняла, что ничего ей не померещилось. Там, на дороге, был хищник страшнее всех шаманов, вместе взятых. Его огненно-лиловая аура давила мощью, обжигала, манила и отталкивала, заставляла замирать от страха пополам с восторгом. И Шу догадывалась, кого принесли гоблины: темный шер Бастерхази так спешил исполнить свой долг, что пожаловал не завтра, а сегодня. Проклятье. Только бы ему не пришлось в голову зайти в таверну! Но с ее удачей – вряд ли.

Облизав пальцы, Шу вытерла их о подкладку куртки, тщательно утерла ею же лицо – морщась от отвращения к собственным манерам, но встретить темного шера с грязными руками и лоснящимися от жира щеками? Проще умереть!

Тарелку из-под баранины она сунула под стол, увесистую кружку придвинула поближе, с тоской вспомнив оставленную дома шпагу и дивясь собственной дури: оружие против темного мага. Но, ширхаб дери, какая разница?! Если ее найдут, она будет выглядеть полоумной что с кружкой, что без кружки.

А вдруг не найдут? Если хватило сил остановить зургов, может быть, хватит и спрятаться от магистра? Она же совсем маленькая и незаметная, ее же совсем не видно, она же – мышь, серая мышь...

Чтобы заглушить страх, Шу отпила вина. Неполные две кружки, всего-то! Что для истинного шера две кружки?! Они не мешают слушать и прятаться. Подумаешь, чуток пьяная мышь.

Шу хихикнула, зажала рот ладонью и снова прислушалась. Показалось, она различает не только пылающую тьму, разрезающую дождь подобно древнему фламбергу, но и свет – жемчуг, лазурь и фиалки, манящие прохладной негой. Наверное, это и есть целитель, о котором говорил Фрай.

Тьма и свет вместе, прямо как Двоединые, посмотреть бы на них поближе...

Грохот молнии ударил по ушам, эфирные потоки взбесились, закружили десятками шаровых молний и устремились к ней. Касание, взрыв, искры – щекотно! Нестерпимо захотелось самой взлететь вместе со стихией – под облака, нестись грозой над горами, до самого моря!

Последовать за мечтой Шуалейде не позволила распахнувшаяся дверь. В таверну ворвались струи дождя, вспыхнула ослепительная синева молнии, загрохотало – а следом донесся громкий, шальной мужской смех. На два голоса.

Шу замерла, вжалась в стену – не пытаясь обновить заклятие, не думая, она просто перестала быть, оставшись чистым слухом и зрением. Селяне и солдаты замолкли и

настороженно обернулись к дверям: не надо было быть мудрецом, чтобы понять – явились благородные шеры. Только благородные шеры, в чьих жилах течет драконий огонь, способны остановиться на пороге таверны в такой ливень и смеяться. Одна хозяйка таверны была рада гостям – быстро собрав на поднос неведомо откуда взявшиеся бокалы и пузатую бутылку, пошла к дверям, покачивая бедрами.

– Только после вас, мой темный шер! – Голос целителя был ярким и светлым, как его аура, и опасным, как бездонное ледяное озеро.

– Только раз вы настаиваете, мой светлый шер! – Голос Бастерхази обжигал, словно гудящее пламя.

– Вы уверены, мой темный шер, что сие скромное заведение достойно?..

– Зато здесь есть выпивка!

Оба снова рассмеялись. И наконец из бушующей за открытой дверью грозы появился темный. Перешагнув порог, встряхнулся, разбрызгивая воду с волос и рубахи. Прозрачный батист неприлично облепил сухощавое, тренированное тело. Хищник. Красивый, породистый, опасный хищник – какого ширхаба Шу понесло в таверну, где водится такое?! И где Медный?! Как он мог оставить ее одну рядом с этими?!

Оглядев зал и смерив хозяйку таверны по-мужски наглым взглядом, темный шер повел носом, похожим на ястребиный клюв, и обернулся к дверям:

– Здесь определенно есть выпивка, мой светлый шер! Правда, зовется она ослиной мочой. Да заходите уже! Мокро!

Бастерхази отмахнулся от залетающего в дверь дождя: струи воды изогнулись и плеснули прочь, натекая у порога лужа спешно выползла за дверь, оставив пол сухим. Селяне дружно ахнули и осенили лбы светлым окружьем, хозяйка таверны встряхнула кудрями и зазвенела бокалами на подносе.

– Для вас, благородные шеры, есть десятилетнее кардалонское! Да и ландесское возим в самое Фьонадири, императорская семья не брезгует!

Бастерхази снова с сомнением повел носом и заглянул в вырез хозяйкиной блузы.

– Так чего вы ждете, милочка? – послышался с порога голос светлого шера, не такой низкий, как у Бастерхази, но так же пробирающий до самого нутра. – Раз мы не брезгуем – несите!

Хозяйка глянула на целителя, ахнула и присела в неуклюжем реверансе. Селяне притихли.

А Шу просто смотрела на воду, текущую с собранных в хвост темных волос и по голой смуглой груди, на яркие до боли морские глаза – о боги, только у одной семьи такие глаза! – и сросшиеся брови в дождевых каплях, на небрежно касающуюся эфеса руку... Не может быть, чтобы это «мы» было всерьез! Нечего делать кронпринцу империи в захолустье! Если только не сватать себе племенную принцессу... а потом искать эту принцессу по всему королевству... Помилуй Светлая, бежать, немедленно бежать к Медному, пока эти двое не заметили! Встретиться с его высочеством Люкресом в таверне, чумазой и босой... какой позор!

Шу прикусила губу, но ни сдвинуться с места, ни оторвать глаз от шеров не смогла. Хотелось вдохнуть разлетевшиеся по всему залу искры тьмы и света, коснуться бесстыдно обнаженной кожи, сплетения стихийных потоков, хотелось надеяться, что шеры слишком заняты друг другом и не обратят внимания на тень в углу... Хотелось понять – как могут светлый и темный вот так шутить, смеяться вместе, словно лучшие друзья?

Глава 13

О шерах темных, шерах светлых и организованной преступности

Любое ментальное воздействие на членов королевской семьи приравнивается к государственной измене. Наблюдение за исполнением данного закона возлагается на Конвент и Магбезопасность.

Из закона империи

Таверна «Полкабана», Тавосса, тот же день

Дайм шер Дюбрайн

– Раз мы не брезгуем – несите!

Неохотно покинув дождевую прохладу, Дайм переступил порог и огляделся: селяне поили солдат Медного и праздновали победу над зургами. По всему залу метались сгустки разноцветного стихийного огня, видимые только шерам, шипели и разбрасывали по задубелым лицам и серым рубашам разноцветные блики. В зале пахло потом, пережаренной бараниной, кислятиной и мышами – обыкновенный букет придорожной забегаловки. С появлением шеров запахло еще и страхом, причем Дайма боялись больше, чем Бастерхази. Это должно было льстить, но лишь раздражало. Если б не Бастерхази, Дайм ни за что не стал бы выпендриваться и обращать на себя внимание. Но... ладно, можно ж иногда побыть высокородным мерзавцем? Для разнообразия.

Настоящий же мерзавец, который Бастерхази, тем временем неприкрыто прикидывал, не попользоваться ли хозяйкой заведения – а волоокая красотка мечтала отдалиться истинным шерам немедленно и уже молила Светлую, чтобы семя прижилось и ребенок получил хоть каплю дара. На миг подумалось: Бастерхази так же в точности пользуется Ристаной и так же в точности не собирается дарить ей ребенка – он не любит малышни и не любит давать кому-то в руки нитей, за которые его можно дернуть. Недаром же Ристана до сих пор бездетна.

Но долго думать о неприятном Дайм не мог. Слишком хороша была гроза, слишком давно – завтрак, и слишком хотелось утереть клюв недобитой птичке. Уложит голыми руками, как же! Шпага на боку не означает, что без шпаги Дайм ничего не стоит.

– Разрешим наш маленький спор до ужина, мой светлый шер? – Бастерхази тоже не терпелось.

– Всегда к вашим услугам, мой темный шер. – Дайм поклонился, изобразив фехтовальную стойку по обычаю дуэлянтов. – Развлечем публику победой света.

Несколько молний, до того хаотично порхавших по залу, устремились к нему, окружили, словно любопытные щенята, осыпали щекотными искрами. Они казались безобидными, но дотронуться Дайм не решился, хоть любопытство и подначивало: попробуй! Слишком часто безобидное с виду нечто оказывалось зубастым и голодным.

– Думаю, публика обойдется. Победа тьмы над светом – дело сугубо интимное, не предназначенное для газет и сплетен. – Бастерхази обернулся к замершей в недоумении и надежде хозяйке заведения, щелкнул пальцами и, бросив ей возникший ниоткуда империл, велел: – Милочка, принесите-ка нам ужин и приготовьте комнаты.

Милочка подобрала юбки и убежала, сжимая неожиданное богатство в кулаке, а Бастерхази еще раз щелкнул пальцами – и селяне вместе с солдатами, забыв недопитые кружки, потянулись к выходу.

– В такую погоду! – Дайм покачал головой и отошел от дверей: какой-то бородатый

толстяк пер прямо на него, не видя в упор. – Никакого милосердия.

Вместо ответа Бастерхази махнул рукой, уничтожая все следы застолья и сдвигая мебель по углам; на чистом деревянном полу проступил меловой дуэльный круг. Теперь молнии окружили темного, обнюхали и разлетелись – и как-то это было неправильно, слишком одушевленной казалась дикая стихия. Даже для пробужденной Шуалейдой грозовой аномалии.

Осторожно, чтобы не навести Бастерхази на ненужные подозрения, Дайм осмотрел таверну. Практически обнюхал – в поисках того самого манящего запаха дождя.

Она нашлась в самом дальнем углу: смутным ощущением девичьего любопытства и упыриного голода. Аномалия... да уж... только бы не назвать ее по имени – почует! Слава Светлой, такой дар встречается не каждый день – и с одним шис знает, что делать. За три дня Аномалия (пожалуй, это имя ей подходит!) и ураган настолько проросли друг в друга, что рвать связь – значит рисковать ее душевным и физическим здоровьем. Спасибо тем вурдалакам, что завели их с Бастерхази именно в эту таверну! Придется все же воевать этой ночью. Точнее, прямо сейчас, пока Аномалия уверена в своей незаметности.

– Приступим.

Вкрадчивый голос окружил со всех сторон, коснулся кожи сотней муравьиных лапок. До поединка темный без стеснения ворожил, очаровывал и морочил – не только противника, но и доверчивую Аномалию. Все правильно, так и надо. Пока девочка чувствует себя в безопасности, можно установить контакт, проникнуть в ее разум и начать работать. И сегодня Дайм готов наплевать на то, что Бастерхази – темный хитрожопый мозгокрут, с его помощью шансов вернуть девочку в здравый рассудок намного больше.

Сделав полшага вперед, Дайм обласкал восхищенным взглядом темного. Притворяться не пришлось, Роне – ах, как нежно зовет мерзавца Ристана! – был хорош. Высок, поджар, даже просвечивающие сквозь мокрый батист шрамы казались украшением наподобие племенных меток у зургов. Аура его, полыхая переливами кармина, лазури и аметиста, сворачивалась и закукливалась, оставляя его нагим, как бывает наг лишь обыкновенный человек... Красивым... вкусным...

«С каких это пор меня привлекают темные мерзавцы? – одернул себя Дайм. – Ну, Аномалия! Как мягко влияет! Из нее вышел бы отличный офицер Магбезопасности».

Со своей аурой Дайм сделал то же самое. Снять печать и десяток штатных заклятий-оболочек он не имел права, но спрятать – легко.

«Красивый, сильный – хочу!» – снова коснулись его эмоции Аномалии, обдали жаром и голодом.

А девочка-то уже выросла, и как положено истинному шеру – моральных ограничений в ней ни на ломаный динг. Что же будет, когда начнутся настоящие брачные танцы кобр? Ей всего пятнадцать, а их обоих – и Дайма, и Бастерхази – ведет от одного только ее внимания. Такой дар стоит любых танцев! Ради одного запаха грозы и сумерек можно убить, лишь бы она снова подумала: хочу!

– На лопатки, – сам удивившись появившейся в голосе хрипотце, уточнил условия Дайм, заодно пояснив их Аномалии: упаси Свет, она решит, что шеры хотят поубивать друг друга! Мало никому не покажется.

Бастерхази едва заметно изменил расслабленную позу, опустил центр тяжести: если не обманка, то дерется он в той же манере цуаньских ткачей, что и Паук. Опасный противник, главное, не убить и не покалечить, шисов сын нужен ему живым и здоровым!

На этом мысли Дайма о драке закончились. Тело действовало само, оставив сознанию свободу плести сеть и ловить нежную Аномалию – голыми, будь проклят Конвент со своей печатью, руками!

Там же и тогда же

Шуалейда

«Слава Двуетдиным, они дерутся не всерьез!» – беззвучно выдохнула Шу и немного расслабилась. Если ее не заметили до сих пор, то уж во время драки шерам точно будет не до нее. Жаль. Вот если бы они сражались для нее и за нее, как некогда великие магистры прошлого устраивали поединки во славу своих невест! Право, выбор был бы непрост.

Словно в ответ на ее мысли темный шер кинул вроде бы мимолетный и нечаянный взгляд в ее сторону – и Шу снова сжалась. О нет, не надо! Не надо турниров, принцесс и внимания, дайте только улизнуть незамеченной и вернуться к Медному, в безопасность!

Но благие намерения так и остались намерениями. Едва шеры ступили в круг, воздух вокруг нее загустел, губы пересохли, а живот свело странным, тягучим и жарким голодом. Она не могла оторвать глаз от быстрых, змеиных бросков, застывающих в обманчивой неподвижности тел – и новых ударов, каждый из которых мог бы быть смертельным, но казался лаской...

«Брачные танцы кобр», – показалось, его высочество Люкрес шепнул ей прямо на ухо, даже волосы зашевелились от горячего, пахнущего выдержанным кардалонским дыхания. Руки задрожали от потребности коснуться, убедиться, что это не сон, что в самом деле светлый кронпринц и темный шер дерутся посреди деревенской таверны ради какого-то глупого спора. Мужчины везде одинаковы, им только дай подраться! Но как двигаются!..

Прожив одиннадцать лет из своих пятнадцати в крепости Сойки, под боком у братьев Альбарра, Шу неплохо разбиралась в мужских развлечениях, да и сама могла выйти против любого из ветеранов. Тощий, мелкий ребенок? Конечно, именно так и думали солдаты, пока Энрике и Бертран посмеивались в стороне. Шер – не совсем человек. Даже ничтожная доля драконьей крови делает шера намного сильнее, быстрее и выносливее, позволяет скорее заживать раны и дольше жить, не говоря уже о владении творящей силой богов. А уж шеры с таким даром...

Вспышка чужой боли обожгла, как крепкое вино, ухнула в живот и оттуда растеклась по всему телу истомой. Перехватило дыхание: светлый пропустил удар, почти упал. Темный прижал его к себе, напрягся, стараясь свалить на пол – на долгое-долгое мгновение они застыли.

Показалось, Шу сама касается мокрой от пота и дождя кожи, под ее ладонями бугрятся мышцы, на ее губах соль, а в крови – азарт боя. И это касание было таким странным, таким терпким, что Шу прикусила губу: только бы не вскочить, не броситься в середину дуэльного круга. Голова закружилась, пол покачнулся, заставив ее ухватиться за стол... нет – за перила ложи, королевской ложи на ипподроме... или арене во Фьонадири? Нет, конечно же, это балкон в ее замке, с чего вдруг померещился ипподром?..

Шу крепче ухватилась за перила балкона, не отрывая взгляда от дуэлянтов. Светлый и темный, оба – сильные, оба – высокородны, оба жаждут ее расположения и готовы бросить к ее ногам целый мир. Так почему бы нет?.. Но не сейчас, еще немного просто посмотреть, еще чуть боли – а благородные шеры знают, что она любит чужую боль?..

«Знают, моя прекрасная Аномалия, – шепнул на ухо... кто? Шу резко обернулась и встретила взглядом с бирюзовыми глазами светлого принца. Да что ж такое, не узнать голоса собственного жениха?! И почему он за ее спиной, ведь только что был под балконом! Как все странно... – Темный подарит твою боль, светлый отдаст свою, выбери, что вкуснее, моя прелесть».

Приложив руку к сердцу, принц с кривоватой улыбкой поклонился и исчез, а Шу отвернулась к арене и вздрогнула. Снова горьким хмелем по жилам разлилась боль темного магистра, смешанная с досадой и злостью близкого поражения. Светлый шер сильнее? Ей выбрать светлого?

Она перегнулась через перила – рассмотреть движения танца, коснуться... понять: почему темному так больно, если это всего лишь шуточная драка?

В порванной рубашке мелькнул старый шрам, заломило руку, сломанную когда-то давно.

«Ты не прав, светлый принц, темный магистр отдаст мне достаточно себя!» – хотелось сказать ей, но еще больше хотелось слизать кровь с плеча светлого: откуда кровь, они же дерутся без оружия? Нет, так нельзя, нельзя!..

– Стойте!

Поздно, темный уже на полу, светлый держит его руку на излом, упирается коленом в лопатки. И оборачивается к Шу. Выбившиеся из хвоста пряди прилипли к щекам, он весь светится азартом, гордостью и... Взгляд сам собой соскользнул по влажной коже живота, по обтянувшим бедра мокрым штанам... О злые боги, да он возбужден! Шу вздрогнула, невольно прижала холодную руку к горячей щеке – и крикнула:

– Хватит!

– Как скажете, моя прекрасная Аномалия, – коротко кивнул светлый принц, блеснули бирюзовые глаза... знакомые? Или нет? Они же раньше не встречались, но она точно знает – это ее жених. Жених... Люкрес... светлый принц... Да что же такое сегодня, сплошные наваждения?! – Моя победа в вашу честь.

– Я... – Голос Шу сорвался, губы оказались совсем сухими.

– Да? – Люкрес улыбнулся, облизал пересохшие губы, и Шу почти почувствовала прикосновение, горячее, нежное... Наваждение! Но какое сладкое!..

Темный же, не пытаясь вырваться, тоже смотрел на нее – черными, как Бездна Ургаш, полными огня и предвкушения глазами. Как будто знал, что она сейчас скажет. Нет, не как будто – он точно знал!

И Шу знала, только...

– Не убивай его. Я... – Слова застряли в горле. Что-то мешало. Но что – стеснение? Воспитание? Мораль? Какие-то странные слова, странный день, а, к ширхабу! – Я выбираю обоих.

Победив мешающие странности, Шу засмеялась. Стало вдруг так легко, светло – ах, конечно же, сегодня фейерверк в честь ее помолвки с принцем Люкресом! И барабаны, и трубы, и фонтаны...

– Вы уверены, моя прелесть?

В тоне светлого проскользнуло удивление, смешанное с восхищением и досадой, но все заглушало тяжелое биение ее собственного сердца. Запах схватки кружил голову, заставлял руки искать опоры – крепких мужских рук... не только рук. Раз они оба – ее, значит... значит, ей можно... все?! Разве так бывает?!

Вместо ответа Шу вскочила на перила и, поймав ветер, спрыгнула в дуэльный круг. Почти спрыгнула: ветер не хотел отпускать ее, раздувал юбки парусами, нес прочь из замка – и стены поплыли, повинаясь ветру, растворились в грозе, вспышка молнии осветила хлипкие театральные декорации...

– Иди сюда. – Мужская рука легла на плечо. – Ты права, мы нужны тебе оба.

«Нет! – завизжал шквал, налетел, растрепал волосы и потянул за собой. – Ты – свободна! Мы свободны!»

– Ты свободна, моя Аномалия, свободна делать, что пожелаешь. – Светлый принц развернул ее к себе, вплеп пальцы в волосы; накатилась слабость, захотелось пить – сейчас, из его губ, его желание и восхищение, его боль и упрямство. – Не бойся, пей.

Шу вздрогнула: это же неправильно! Нельзя!..

«Нельзя! – торжествующе запел ветер, вылил на нее поток дождя: ледяного, острого,

пахнущего полетом и дальними странами. Шу задрожала, рванулась вслед за ветром. – Мы улетим отсюда, нам никто не нужен! Идем скорее!»

Свобода, свобода! Облака и птицы, горы и море – все мое!

– Можно. Твое. – Светлый принц крепко прижал ее к себе и вдруг позвал: – Роне, ты сдох, шис тебя дери?!

Шу замерла. Показалось, декорации рушатся под ударами шквала...

– Ты играл нечестно. С какой радости мне помогать? – слышался голос темного мага в грохоте взрывающихся софитов.

– Не время играть.

Синяя вспышка молнии высветила грязные столы деревенской таверны и вздувшиеся жилы на лбу светлого шера.

– Я побежден, – насмешливо отозвался темный шер.

Декорации задрожали, что-то загрохотало – и сквозь прореху в крыше заглянула зеленая луна, спустила лестницу из зуржых костей...

– Ты выиграл, шисов ты дысс, держи ее! – потребовал светлый.

На Шу снова плеснуло его болью, словно он на пределе сил, ранился и надрываясь, пытался удержать... грозу? Как глупо! Грозу не удержать, гроза – свободна! А надрываться не надо, незачем.

«Иди сюда!» – позвала луна, и Шу сделала шаг: удерживающие ее руки растворились в призрачном синем свете, но что-то закрыло луну, свет погас и лестница осыпалась с деревянным треском... почему в замке такие плохие лестницы? И где она?..

Шу обернулась, ничего не понимая. Где замок? Где луна? Что она тут делает, и кто эти двое?! И почему она не может взлететь, она же хочет!.. Хотела... или она хотела чего-то другого? Она совсем запуталась!

– Это всего лишь фейерверк в вашу честь, моя Аномалия, – вкрадчиво сказал незнакомец с темными, как Бездна, глазами. Опасный? Темный? Шу остро ощутила его руки на своих плечах, запах разгоряченного мужчины. – Вы же хотели фейерверка, моя сладкая.

– Да... – шепнула она. – Конечно... но гроза?..

– Шеры дрались в твою честь. Потому и гроза. – Второй незнакомец выдохнул в шею сзади. – Ты прекрасна, моя прелесть.

Незнакомец? Нет, это же принц Люкрес, ее жених! Красивый светлый шер с глазами, как пронизанное солнцем море, от его прикосновений сладко и жарко. И, злые боги, он не одет!

– Ты – моя гроза, – шепнул светлый шер.

Шу задохнулась от прозвучавшего в его голосе обещания.

– Моя гроза, – рыкнул темный шер и, дернув Шу к себе, впился в ее рот поцелуем.

Она схватилась за его плечи – оттолкнуть! – но вместо этого разомкнула губы.

От грохота близкой молнии заложило уши, кожу закололо разрядами. Ветер взвыл, завертел вокруг Шу обломки замка-миража, хлестнул дождем – но две пары рук держали слишком крепко, слишком сильно хотелось узнать: а что же дальше? Чего хотят он и она – светлый принц Люкрес и темный магистр Бастерхази.

– Отпусти ветер, пусть летит, – шепнул, касаясь губами уха, светлый; положил руку поверх ее руки, на плечо темного, и повел вниз, разрывая мокрый батист его сорочки. – Ветру нужна свобода.

«Отпустить?! – возмутилась она. – Мой ветер, мою грозу – отпустить? Нет, ни за что!..»

Оба, светлый и темный, разом отшатнулись. Шу еле удержалась на ногах, вмиг стало холодно, мокро и голодно. Она протянула руку к темному, потрогать нитку шрама на плече – он отступил, покачал головой.

– Отпусти грозу. Не держи.

– Я не могу. – Вдруг захотелось плакать, спрятаться, сбежать – домой, в безопасность. – Это мое, я! – Она развернулась к своему светлому принцу, заглянула в глубокие, понимающие глаза. – Как я буду без себя?.. Я не могу!

– Можешь. – Светлый принц улыбнулся, стер с ее щеки дождевую воду. – Ты хороша сама по себе, Аномалия. Тебе не нужна стихия на цепи. Отпусти ее.

– Нет, я...

– Да, ты. Дай руку.

Шу вложила пальцы в ладонь светлого, сверху легла рука темного. Прямо в душу заглянули черные, полные пламени глаза. Роне, она помнит, его зовут Роне...

– Видишь эту птицу? – спросил светлый принц.

Оба убрали руки. На открытой ладони Шу сидела иволга, склонив голову, блестела глазами-бусинками.

– Если держать ее в клетке, она умрет. Ты не хочешь, чтобы твой ветер умер?

– Нет...

– Отпусти. Пусть летит.

Голоса темного и светлого путались, смешивались и текли их черты – и дождь плакал о дальних странах и несбыточных мечтах. Шу разжала пальцы, иволга встряхнулась и взлетела под потолок, принялась кружить.

– Не плачь, маленькая.

Кто-то, светлый или темный, неважно, потянул ее к себе, заставил уткнуться в плечо и погладил по волосам. И вдруг Шу поняла, что если сейчас, сию секунду, она не вырвется, не улетит вместе с иволгой, то останется здесь навсегда. Без крыльев. Без свободы. Одна.

В панике она рванулась прочь, вслед за птицей – к зеленой луне, к облакам!..

– Останься со мной, – догнал ее голос светлого шера. – Прошу.

Помотав головой, Шу обернулась, хотела сказать... Что сказать, она забыла: бирюзовая глубина манила, затягивала в себя, и тело делалось тяжелым, плавилось под этим взглядом, казалось, сейчас она утонет...

– Ты не будешь одна, – пропели морские волны. – Никогда.

– Хватит!

Резкий голос Роне Бастерхази встряхнул ее, его же руки дернули вниз, уронили – Шу еле успела вцепиться в его обнаженные плечи, чтобы не рухнуть на пол. Ширхаб, как неприлично!

– Не дергайся, девочка, – велел Роне и огладил ее по спине: под его рукой одежда таяла, от кожи шел жар и разливался по всему телу. – Ветер, птички, глупости. Тебе нужно что-то более существенное...

Пальцы темного сжали ее бедра, Шу вскрикнула от неожиданности – а может быть, от удовольствия?

Показалось, где-то далеко прозвучало:

«Отпусти ее, хиссово отродье!»

И так же далеко послышался ответ:

«Трус!» – и смех.

Ее вскрик поймали мужские губы – не Люкреса Брайнона, светлый пахнет иначе... Проклятье, я уже различаю их на вкус?

– Ты же выбрала обоих, – сказал или подумал Роне Бастерхази.

Одновременно с его словами ее накрыла тяжелая волна чужих эмоций: смутная, запретная, вкусная до того, что Шу задохнулась... но вынырнула, схватившись за почти потерявшее смысл слово:

– Нельзя!

– Во сне можно, все можно. – В голосе Роне звучала насмешка, а под ней голод, такой же, как ее, темный голод. Этот голод затягивал, лишал остатков разума и требовал: – Бери все что хочешь!

О да, она хотела. Все. Обоих. Сейчас. И к ширхабу все «не должно»!

– Люкрес! – позвала она; вздрогнула, когда светлый коснулся губами ее затылка и обнял, приник всем телом; свет и тьма, молнии, полет – все это было ее, здесь, сейчас!.. – Еще!

– Тебе хорошо, – прикусив ее губу, выдохнул темный.

– Да...

– Ты спишь, – напомнил светлый, прижимая ее к себе: его ладонь протиснулась между ней и телом темного магистра, скользнула ей между ног, и по всему телу пробежала волна острого, на грани боли, наслаждения.

– Да, сплю, – выдохнула она прямо в губы темному, прижимаясь к светлому спиной еще теснее, еще ближе.

Она готова была согласиться с чем угодно, лишь бы и дальше пить это... эти...

– Это все сон. Забудешь, как проснешься, – хрипло и прерывисто велел Люкрес.

– Забудешь! – Роне заглянул ей в глаза, а потом снова поцеловал – так жарко, властно и сладко... и притиснулся всем телом... у нее закружилась голова, она попыталась вдохнуть воздуха, ставшего вдруг густым и терпким, будто старое кардалонское.

– Да! – едва вдохнув, шепнула она, снова глядя в темные, бездонные глаза...

Две красные луны подмигнули ей в ответ, и она полетела куда-то вверх или вниз, или куда-то еще, она не знала – она просто спала, уронив голову на стол в деревенской таверне.

Глава 14

Когда закончится гроза

...достичь равновесия и свободы от предопределенности. Ритуал Единения – высшее проявление любви между детьми Двуетиных,

показывающий Двуетиным, что дети выросли, стали разумными и достойны самостоятельно определять свое будущее...

Ману Одноглазый, трактат «О свободе», запрещенный к прочтению, распространению и хранению.

Там же и тогда же

Дамиен шер Дюбрайн

– Чтоб тебя зурги сожрали, Бастерхази, – выдохнул Дайм, едва Аномалия между ними исчезла.

Почти исчезла. Девочка... хотя какая она девочка, с такими-то желаниями! Девушка уснула, но снились-то ей по-прежнему они. Оба.

– Подавятся, – невыносимо довольным тоном отозвался Бастерхази, прижался плотнее, кожа к коже... и подсек Дайма под колени, одновременно толкая на пол.

Рефлексы сработали раньше, чем Дайм успел сообразить, что происходит. Так что меньше чем через половину мгновения Бастерхази валялся на полу, а сверху – Дайм, прижимая его всем весом и держа за горло (осторожно, чтобы не придушить).

Эмоциональную тираду, выданную Бастерхази, Дайм пропустил мимо ушей. А то он не знает, что он – шисом драный ублюдок и прочая, прочая. Он бы сказал больше: он еще и лопоухий идиот, недооценивший Аномалию. Катастрофически недооценивший. А еще он слишком близко к Бастерхази, и ему это нравится. Так нравится, что...

– ...отпусти меня, Мертвый тебя через колено...

Видимо, от шока Бастерхази забыл о ментальных щитах, а может быть, просто не смог восстановить после Аномалии. От него фонило возбуждением пополам с болью, и он весь – не столько телом, сколько даром – тянулся к Дайму, трогал его огненно-черными протуберанцами. От сумасшедшего контраста ледяной бездны и огня, сплетающихся с его собственными потоками воздуха и света, кружилась голова и хотелось... нет, требовалось! Ласкать темного в ответ, проникнуть в него, взять все это себе, сейчас же, немедленно!

– Лукавишь, Бастерхази, – хмыкнул Дайм, погладил напряженное горло, склонился еще ниже, почти касаясь губами его губ. – Ты хочешь совсем не этого.

Темный на мгновение заткнулся и замер, явно собираясь усыпить бдительность Дайма и взять реванш. Но не успел. Мгновения Дайму вполне хватило, чтобы скользнуть рукой в волосы Бастерхази и сжать, одновременно потянувшись к нему не столько телом, сколько даром – наплевав на остатки щитов, касаясь старых переломов, залечивая, вытягивая остатки темных проклятий, убирая боль.

Дайм ожидал в ответ чего угодно, но только не низкого голодного стоны и легших ему на плечи ладоней.

– Шисов ты сын, – выдохнул Дайм.

На миг ему показалось – сейчас Бастерхази сдастся...

Но через мгновение уже он сам валялся на полу, прижатый чужим телом. И самое ужасное, ему совершенно не хотелось ни сопротивляться, ни пытаться опять подмять Бастерхази под себя. Но если сейчас Дайм поддастся, потом... а что потом? Хиссов сын будет припоминать ему проигрыш следующие лет триста?..

Надо, шис дери, надо драться...

Не выходит.

Бастерхази тоже замер над ним. Они оба замерли, глядя друг другу в глаза. Пат. Никто из них не сдастся. Никто не позволит другому победить. Если только убить. Проклятье.

– Пари за мной, – мягко и тяжело потребовал Бастерхази, придавливая Дайма всей мощью темного дара.

Дайм чуть не задохнулся – от восхищения. Злые боги, да какая к шисам лысым вторая категория! Тут полноценная первая! Как он раньше не видел? Вот же сукин сын, как прятался!

– Шисов дысс тебе, – почти нежно отозвался Дайм, пропуская сквозь себя пылающую тьму: сумасшедше прекрасное ощущение!

В глазах Бастерхази мелькнуло удивление, но тут же сменилось злостью и восторгом – Дайм тоже раскрылся, позволяя ему ощутить всю свою силу, мягко толкнул, поднажал...

И ничего не вышло! Они опять оказались равны. Но, шис, дети, до чего хорош Бастерхази как есть! Настоящий темный шер, без вечных масок – то туповатой дубины, ученика Тхемши, то равнодушной темной скотины, страха и ужаса добрых подданных империи. Нет, на самом деле он – живой, яркий, весь он порыв и страсть. И его дар, его суть – великолепная, завораживающая тьма, бьющаяся в такт его сердцу, тянущаяся к Дайму, обволакивающая, обещающая полет, наслаждение и единство...

«Красиво...» – чей-то шепот нарушил равновесие сплетенных в смертельном объятии потоков света и тьмы.

Чьи-то руки коснулись Дайма – его губ, груди, рук, бедер.

Чье-то дыхание пощекотало его ухо.

«Еще, хочу еще! Не останавливайтесь!» – потребовал кто-то...

И за стенами таверны загрохотал гром, в прорехах крыши засверкали синие молнии.

– Ты тоже ее слышишь? – спросил Бастерхази, склоняясь к Дайму: в его глазах сверкали синие всполохи, в его голосе рокотал гром.

– Мы ей снимся, мой темный шер. – Наверное, он сейчас выглядел и звучал так же. Быть сном немного сумасшедшей сумрачной колдуньи, злые боги, это...

– Ради ее высочества Аномалии... моей Аномалии... – темный улыбался совершенно безумно.

– Сегодня – твоей, но за тобой будет должок. Ну?

– Шис с тобой, Бастерхази. Договорились, – ответил Дайм и, наплевав на все предупреждения Светлейшего, на собственные вопящие об опасности инстинкты, убрал все щиты и расслабился.

Всего лишь расслабился, прекращая драку и позволяя Бастерхази себя обнять. Почти по-братски. Так, как желали для своих детей Двуетидыне.

И обнял его в ответ.

Это было... странно. Не драться, не доказывать ничего, не бояться удара в спину. Просто чувствовать чужое тело и чужой дар – рядом, вплотную к себе, без щитов и готовых к

активации проклятий. Темный дар, глубокий и манящий, как Бездна, сплетающийся с его собственным светом, и совершенно невозможно различить – где касается его чужое тело, а где – темный дар.

Это было странно и безумно хорошо. Так хорошо, что хотелось поверить: светлый и темный могут быть друзьями. Братьями. Больше, чем друзьями и братьями. Благословение Двуетиных – не миф, не ложь Ману Одноглазого, а самая реальная реальность.

Обессиленно обнимая Бастерхази и ощущая невесомые, полные любопытства касания спящей в своем углу Аномалии, Дайм ясно понимал – вряд ли это сумасшедшее прекрасное ощущение возможно с кем-то другим. Уж точно – не с Ристаной. Ни с кем из бездарных, как бы Дайм ни был влюблен.

«Ристана? Ты любишь Ристану, не меня?!» – В шелесте дождя по крыше послышалась обида, и тут же совсем рядом ударила молния, заставив пол дрогнуть, а все волоски на теле Дайма подняться дыбом.

О боги...

– Тебя, – ответил Дайм вслух. – Ты – самая прекрасная Аномалия в мире.

– Только меня? – ревниво поинтересовалась Аномалия.

Повернув голову, Дайм посмотрел в угол, где она спала. Что-то маленькое, с тощими угловатыми запястьями, торчащими из рукавов мужской рубахи, острыми плечами, потрескавшимися губами и впалыми щеками. Нечеловеческая красота! Нет, Дайм даже не иронизировал: Аномалия не была человеком, и сейчас это виделось совершенно отчетливо. А внешность... да кого волнует внешность, когда она – стихия, гроза и ураган... и страсть. О да. В этой девочке страсти больше, чем в десятке Ристан.

– Только тебя, моя прелесть, – вздохнул Дайм.

– Я тоже буду тебя любить, светлый принц Люкрес, – откликнулась сумрачная колдунья и улыбнулась. Во сне.

А рядом с Даймом хмыкнул Бастерхази.

– Люкрес, значит. Ну-ну, твое светлое высочество. Мне даже интересно, как ты собираешься выпутываться, о честнейший из всех длинноухих ублюдков.

Если бы Дайм не знал точно, кто сейчас обнимает его, ни за что бы не поверил, что это сказал Бастерхази. Ни тебе едкого сарказма, ни зловещего прищура, ни леденящих кровь обертонов. Как будто нормальный человек, в смысле шер. Довольный, расслабленный и даже, о боги, добродушный! Сказать кому – не поверят.

– А ты и не скажешь, – так же расслабленно сказал Бастерхази. – И я не скажу. Спишем на Аномалию, наваждения и прочую мистику, не так ли, мой светлый шер?

– Спишем, – согласился Дайм, снова опуская голову ему на плечо. – Но не прямо сейчас. Думаю, гроза продлится до утра.

Бастерхази улыбнулся дырявому потолку и обнял Дайма крепче.

– А ведь Ману не врал. Темный и светлый, это... – В его голосе прозвучала неприкрытая тоска.

– Не врал, – согласился Дайм.

Но об этом он императору не расскажет. Это же не старинные манускрипты и не артефакты, не так ли? А о том, что получается, если повторить... ладно, частично повторить, без ритуалов... просто сделать то, что Ману Одноглазый положил в основу своих экспериментов и ритуалов – так вот, об этом император Дайма не спрашивал.

И очень жаль, что Ману не прав в другом. Темный и светлый не могут стать друзьями. Не потому что их природа не позволяет, а потому что... потому что... проклятье. Нет.

Сегодня Дайм не будет думать о политике и прочей дряни. Одну ночь. Всего одну ночь!

- Надо отнести Аномалию к Медному, пока он сам не приперся сюда со взводом солдат, - сказал Дайм, прежде чем подняться.

- Надо, - согласился Бастерхази.

- Тебе Аномалию, мне переговоры. Пошли, мой темный шер.

- Не может быть, ты доверишь мне сокровище?

- Только сегодня, Ястреб. Ты же помнишь, мы с тобой по-прежнему враги.

- Вспомню, - с той же рвущей душу тоской откликнулся Бастерхази, - утром, когда закончится гроза.

Рональд шер Бастерхази

Когда закончится гроза... Кого он обманывает? Он прекрасно помнит, что Дюбрайн - враг. Даже если светлomu шеру хочется совсем другого, а ему хочется.

Будь проклят Паук! Будь проклята империя с ее законами! Будь проклят Ману, поманивший свободой и проигравший! А ведь как просто было бы: темный и светлый, ритуал единения, свобода. Для обоих свобода!

Если бы Дюбрайну это было нужно. Но он такой же, как Зефрида, упертый светлый ублюдок. Она умерла, только чтобы не любить темного шера, чтобы не дать им обоим настоящую силу и свободу! Проклятье!

Едва заставив себя разомкнуть объятия и выпустить светлого ублюдка, к которому по-прежнему тянулась вся его темная суть, Роне одним прыжком вскочил на ноги, привычным заклинанием привел в порядок одежду и шагнул к спящей Аномалии. Своей последней надежде. Пусть Дюбрайн сколько угодно строит на нее планы - ни Люкрес, ни сам ублюдок ее не получают. Она не темная, нет, она - сумрачная, слава Двуетиным! Она понимает, что это такое, принадлежать Темному Хиссу, вечно слышать его зов, почувствовать дыхание ожидающей тебя Бездны.

Роне не до конца верил, что Дюбрайн в самом деле позволит ему прикоснуться к Аномалии. Зря. Он не только позволил взять ее на руки, он любезно открыл перед Роне дверь. Даже небрежным взмахом руки починил крышу таверны. Глупо заботиться о каких-то бездарных селянах, но что взять со светлых!

Аномалия в его руках мирно спала. Тощая, вся словно из острых углов, в мальчишеской одежде, чумазая и босая - сразу видно, принцесса. Но ее дар! Мертвый бы дважды удавился за такую добычу! Нет, Пауку ее показывать нельзя ни в коем случае. Сожрет, тварь ненасытная, и не подавится. Значит - спрятать. Обратно в крепость Сойки, и пусть сидит там. А потом она сама выберет его, Рональда Бастерхази. Дюбрайн сегодня неплохо подставился, позволив ей обмануться. Тоже еще, светлый принц Люкрес! Ха! Надо будет, кстати, позаботиться, чтобы девочка помнила его обман. Чтобы она все помнила. Тогда она не сможет устоять перед тем, что Роне ей предложит. Ни за что не сможет. А пока...

Пока он сдал Аномалию с рук на руки Медному, насмешливо ухмыльнулся тому в лицо - и затребовал отчета для Конвента. О, как Медному хотелось его убить! Ненависть, простая человеческая ненависть - как она прекрасна! Впрочем, сегодня доводить Медного до кипения Роне не стал, разрешив ему отчитаться утром. Сегодня, пока не кончится гроза, у него есть лучшее развлечение.

Дюбрайн. Шисово искушение. Так просто сейчас слинять, прикрыться той же ссорой с Медным и оставить за Дюбрайном должок. Напомнить о нем в самый удобный - для

Роне, разумеется – момент и полюбоваться, как светлый будет бледнеть от ярости.

Просто. И правильно. Но – нет.

Глядя, как Дюбрайн втолковывает Медному что-то о необходимости докладывать Конвенту о передвижениях Аномалии до того, как ее куда-то понесет, а не после катастрофы, Роне невольно любовался острыми взблесками бело-голубой, пронизанной фиолетовыми жилками ауры. Он и с даром обращается, как со шпагой. И ведь прячет свою силу, шисов сын, больше половины прячет! Интересно, ему-то зачем? С Роне все понятно, чем сильнее темный шер, тем больше у него шансов не угодить Магбезопасности и уйти в Ургаш молодым.

Глупо было вот так раскрыться. Очень глупо. Паук бы за такую глупость переломал ему половину костей. А плевать. Дюбрайн не проболтается, ему невыгодно.

– Вы закончили, мой светлый шер? – невежливо прервал он Дюбрайна, продолжающего срывать злость на Медном.

Тот краснел, бледнел, но не смел возражать. Еще бы. Длинноухий ублюдок в гневе – ничуть не лучше Аномалии. Не повезло Медному.

– Закончили, – буркнул Дюбрайн, оборачиваясь.

– Позаботьтесь об инфанте, генерал. А нам следует немедленно составить отчет для Конвента.

Медный сжал челюсти, кивнул – и молча унес Аномалию куда-то в глубину дома. Видимо, предоставляя Роне и Дюбрайну позаботиться о своем ночлеге самостоятельно.

– Доклад, значит. – Дюбрайн криво усмехнулся, глядя Роне в глаза. – Называть ее темной слишком жестоко. И неправда.

– Не темной, а сумеречной, склонность к тьме девять десятых, – тоном заправского стряпчего уточнил Роне. – За тобой долг, мой светлый шер.

– Ладно. Тьма на восемь десятых. И я заберу ее в Магадемию. Такое... – Ублюдок глянул на дверь, за которой скрылся Медный со спящей Аномалией на руках, затем на сверкающие за окном молнии, передернул плечами и выудил из воздуха бутыль. – Такое нельзя оставлять без присмотра.

– Ладно, так и быть. Присмотрю. Долг перед отечеством требует...

– Нет уж. Без твоего присмотра она как-нибудь обойдется. – Ублюдок отхлебнул сам и протянул бутыль Роне. – Будешь?

– Буду, – кивнул Роне и тоже отхлебнул.

Горло приятно обожгло выдержанное кардалонское.

– Значит, ты непустишь ее в Магадемию, а я не отдам ее под твою опеку.

– Пат, – довольно кивнул Роне. Его такая ситуация более чем устраивала, Дюбрайна, похоже, тоже. – Предлагаю вернуть ее до шестнадцати лет в Сойку. Ни вашим, ни нашим. А там видно будет.

– Идет. Пусть Медный отвезет ее в Сойку, а мы с тобой с рассветом обратно, в столицу.

– Не доверяешь, – хмыкнул Роне, шагая к Дюбрайну.

– Ни на ломаный динг, – в тон ему ответил ублюдок и тоже сделал шаг навстречу. – Полная взаимность, не так ли, мой темный шер?

– Полнейшая, – кивнул Роне, преодолел последний разделявший их шаг и положил руку Дюбрайну на плечо.

Светлый дар словно только и ждал прикосновения – вспыхнул, развернулся, обнял Роне ласковой прохладой... Ублюдок что-то такое сказал едкое и провокационное... и не

договорил. Замолк, накрыл ладонь Роне своей.

Что ж. Пока не кончилась гроза – можно себе позволить немного... надежды?

Глава 15

Волшебные подарки и странные превращения

...одним из способов быстрого пополнения резерва являются эмоции. Все шеры способны воспринимать эмоции полного спектра. Темные шеры лучше усваивают более жесткие вибрации – страх, боль, горе, ненависть, а светлые – более тонкие, такие как счастье, радость, энтузиазм. При этом шеры способны как усиливать, так и поглощать чужие эмоции. Следовательно, любой шер способен и помочь, и навредить...

С. ш. Парьен, трактат «Основы эмпатии»

17 день пыльника (следующий день). Дом шера Тавоссы, близ Кардалоны

Шуалейда шера Суардис

Проснувшись, она долго не могла понять, где находится. А главное, что произошло вчера. Два шера, светлый и темный, дрались за нее, для нее, и она целовалась с ними обоими. Это же не может быть правдой? Но если это неправда – почему тогда ей так хорошо? И по телу разливается теплая, уютная нега, словно ее по-прежнему ласкают черно-белые потоки чужой, но такой родной магии... и не только потоки...

Вспомнив ощущение двух мужских тел, прижимающихся к ней, Шу залилась жаром до самых ушей. И тут же разозлилась. Вот с чего она так смущается? Подумаешь, приснилось! Она уже взрослая, ей давно уже пора что-то такое чувствовать. А светлый шер – и вовсе ее жених, его высочество Люкрес!

Ведь если он не сватал ее, то какого ширхаба приехал в захолустье под Кардалоной?!

Ох. Ширхаб подери, ведь он – здесь! Совсем рядом! А она? Она до сих пор валяется в постели, непричесанная и неумытая!

Вскочив с кровати, Шу бросилась в умывальную приводить себя в порядок, а потом... остановилась на пороге, оглядела свою комнатку, брошенные на стул свежие бриджи, рубаху и синий офицерский френч без знаков различия.

Злые боги, ей придется показаться жениху вот в этом?! Ни одного платья с собой нет, и взять прямо сейчас негде: гостеприимная хозяйка вдвое шире Шуалейды и на голову ниже, ее платья будут болтаться, как на чучеле. Почему, почему она не слушала шеру Исельду и не училась простым бытовым заклинаниям?! Ведь тогда она могла бы сама превратить бриджи с сорочкой в платье! А теперь...

– Отставить истерику! – скомандовала Шу сама себе.

Она – принцесса. Сумрачная колдунья. Вчера вечером она была одета так же в точности, только еще чумакая и босая. Светлому принцу и темному магистру это вовсе не помешало восхищаться ею, драться для нее и ее целовать!

– И не краснеть, – велела она себе намного тише. – Подумаешь, поцелуи. Может быть, мне вообще все приснилось! Так что самое время пойти и разведать.

Натянув одежду и пообещав себе выучить все нужные заклинания, Шу прислушалась к потокам, пронизывающим дом шера Тавоссы или как его там.

Ни светлого принца Люкреса, ни темного магистра Бастерхази в доме не было. Следы – были. Шу могла бы легко показать комнату, где они ночевали... вместе? Как странно, неужели в доме шера Тавоссы не нашлось отдельной комнаты для самого принца? Или?..

Припомнив, как искрили темный и светлый шер, касаясь друг друга, как сплетались

черная и белая ауры, Шу снова залилась жаром. Это было красиво! И естественно! Они же – шеры, дети Драконов, а для Драконов такие мелочи, как пол, несущественны... Ох. И о чем она опять думает? Надо остыть! И неплохо бы вспомнить, почему она не хотела замуж за светлого Люкреса и считала врагом темного Бастерхази. Наверное, у нее были серьезные причины. Когда-то давно.

Вылив половину воды из кувшина себе на голову, а другую половину выпив, Шу несколько раз глубоко вдохнула, выдыхая медленно, на счет до пяти. А потом спокойно и с достоинством, подобающим истинной Суардис, дернула за шнур, вызывающий прислугу, и в ожидании остановилась у окна.

Там, за окном, светило солнце, пересвистывались иволги и шелестела блестящая, тугая после дождя листва. Сад шера Тавоссы, вчера казавшийся Шу облезлым и колючим буреломом, сегодня выглядел прелестной картинкой из модного журнала. Яркие клумбы, увитые виноградом беседки, стриженные самшиты и горделивые платаны словно звали любоваться и восхищаться ими.

А главное, сегодня Шу вовсе не чувствовала голода! Только сейчас, увидев сидящего под платаном солдата с рукой на перевязи, она поняла, что может даже не чувствовать чужой боли! Слава Двоединым!..

...и светлому Люкресу Брайнону. Наверняка именно он помог ей вчера. Он же сильный целитель, не зря в газетах пишут, что он собирается переаттестовываться на вторую категорию!

Когда в комнату вошла пожилая служанка, Шу обернулась к ней со счастливой улыбкой.

– Скажи-ка, завтрак уже был?

– Нет, ваше высочество, – не решаясь поднять на Шу взгляд, сказала служанка. – Завтрак через четверть часа, в девять.

– Замечательно! А магистры... его высочество Люкрес... они уже уехали?

– Магистры уехали на рассвете, ваше высочество. Сказали, обратно в столицу.

Отпустив служанку, Шу снова уставилась в окно. Значит, на рассвете. И ей не показалось – это в самом деле был Люкрес. Ее жених. То есть официальной помолвки, наверное, не было, но... он же приехал к ней? Только почему-то сразу уехал, даже не поговорил с ней...

А, хватит гадать! Надо просто спросить у Медного.

Именно это Шу и сделала, едва явившись в столовую и усевшись за стол напротив шера Тавоссы – седого, с военной выправкой и шрамом на половину лица. Надо же, раньше Шу и не замечала этого шрама. Вообще ничего вокруг не замечала, если уж начистоту.

– Фортунато, зачем приезжали его высочество и шер Бастерхази?

– Посмотреть на ваше высочество и грозовую аномалию, – невозмутимо отчитался Медный.

– И что сказали?

– Что вашему высочеству следует вернуться в крепость Сойки и еще год учиться у дру Бродерика и капитана Герашана. – И, опередив очередной нетерпеливый вопрос Шу, добавил: – Для вашего высочества оставили письма. Три штуки. И коробку. Ваше высочество получит их сразу после завтрака. И прошу вас, сначала прочитайте, а потом уже спрашивайте.

Пожав плечами, Шу пожелала всем приятного аппетита и принялась за завтрак. Что ж, она помнит уроки шеры Исельды и будет неустанно тренироваться. Во всей Валанте не найдется ученицы прилежнее! Так что в следующий раз, когда она встретится с Люкресом, она будет похожа на настоящую принцессу, а не растрепанного пажу. Так-то.

С письмами и коробкой, в которой что-то копошилось и царапалось, она чинно и благодарно ушла в свою комнату. Правда, половину дороги бежала бегом – но никто ж не видел!

Пока бежала, мысленно перебирала возможности – что же в коробке? Заглянуть в нее, не открывая, не получилось: подарок был окутан невидимой и непроницаемой воздушной пленкой. Насколько могла понять Шу, это заклинание еще и успокаивало то существо, что находилось внутри.

Так кто же тут?

С отчаянно бьющимся сердцем Шу поставила коробку на стол, вскрыла ее – и восторженно взвизгнула. В коробке сердито зашебуршали и заклекотали, требуя не орать и выпустить скорее из тесноты.

– Красавчик, ты мой красавчик, – заворковала Шу, обеими руками вынимая белоснежного ястреба.

Тот смотрел на нее любопытными глазами-бусинами и шевелил когтистыми лапами. По его оперению проскакивали жемчужно-голубые и сиреневые искры, такие знакомые и приятные на ощупь, что Шу не устояла. Прижала птицу к себе и прикрыла глаза, вспоминая – как это было во сне.

По всему телу тут же разлилось тепло, губ почти коснулись другие губы, запахло грозовой свежестью, разгоряченным мужским телом и морским ветром с отзвуками сосен, мокрого песка и оружейного масла. Сумасшедше прекрасный запах!

– Я назову тебя... назову тебя Ветер, – не открывая глаз и почти ощущая касание Люкреса кожей, сказала она птице.

Ястреб в ответ недовольно заелозил у нее в руках, намекая: с птицами надо аккуратнее, не поломать перья!

– Прости, красавчик. – Неохотно открыв глаза, Шу посадила его на спинку кресла, чтобы когтям было за что зацепиться, и велела: – Сиди спокойно.

Немного подергав крыльями и потоптавшись, Ветер успокоился и прикрыл глаза. А Шу принялась за осмотр. Магическое плетение было сложным и тонким, но при этом напоенным силой так, словно она лилась с неба.

Снова погладив ястреба по крылу, Шу улыбнулась. Почему словно-то? Этой ночью сила в самом деле лилась с неба, и светлomu шеру всего-то и надо было, что ею воспользоваться. Очень изящно и мастерски – плетение больше всего походило на драгоценное шелковое кружево, но при этом было надежнее стальной проволоки. Наверняка Ветер легко долетит до Метрополии, ни разу не приземлившись. Легко и быстро, куда быстрее обычной имперской почты.

– Спасибо тебе, светлый шер Люкрес, – шепнула Шу, погладила птицу по голове и почувствовала, как воздушные искры ласково щекочут ладонь.

Она бы, наверное, сейчас же побежала во двор, выпускать ястреба и смотреть на его полет, но взгляд упал на стол – и лежащие на нем письма. Три письма.

Одно – с королевским единорогом на синем сургуче, отцовское. Второе – с ястребом на темно-алом, судя по искрам огня и тьмы, от темного шера Бастерхази. И третье – с императорским кугуаром на бирюзовом. Его Шу сначала поднесла к лицу и вдохнула запах: недорогой бумаги, явно из запасов шера Тавоссы, и морского ветра, сосен...

Люкрес. Так пахнет Люкрес. Она помнит. Его запах, вкус его губ, тепло и силу его рук. И обещание любить только ее... ведь это – не приснилось, правда же?..

Успокоив бешено забившееся сердце, Шу опустила взгляд на ровные строчки.

«Прекрасная Шуалейда, сердце мое!» – начиналось письмо.

А дальше... дальше Шу прочитала десять раз подряд и выучила все наизусть. Потому что это было самое прекрасное письмо в ее жизни! Светлый шер Люкрес писал, что очарован ею, покорен и мечтает о скорейшей встрече. Увы, он не посмел разбудить ее, уезжая из Тавоссы на рассвете, ведь прекрасной Шуалейде требуется отдых и восстановление после ее великого деяния, а его ждут срочные государственные дела.

Он так и написал: ее великого деяния! И ни слова о том, что она – темная! Нет, он писал, что ее дар – сумрак, и что в ее силах сохранить дарованное ей Двуетидинами равновесие.

А еще он писал, что будет думать о ней. И будет ей писать – так часто, как только ястреб сможет летать через половину континента. И пусть Шуалейда пишет ему обо всем, о чем ей только захочется. Он хочет понять ее, узнать ближе...

На этом месте Шу залилась жаром. Ближе... она тоже хочет узнать его ближе. Совсем близко. Так близко, как это только возможно!

«...Смею надеяться, что приехав в Суард весной, я услышу согласие. Не от вашего отца, а от вас, прекраснейшая Гроза...»

Она почти слышала его голос – яркий, глубокий и обволакивающе-нежный, словно проникающий в самую душу.

И почему-то второй голос, ниже и с хрипотцой, похожей на отзвук ревающего пламени. Странное, будоражащее ощущение. Пугающее и манящее.

Она искоса глянула на второе письмо, от темного шера. Может быть, не открывать его? Вряд ли темный скажет что-то приятное... хотя... Этой ночью темный шер был совсем не похож на тот ужас, который запомнился Шу из детства. То есть клокочущая огненная бездна никуда не делась, но... но это была совсем другая бездна! Опасная, по-прежнему опасная, но готовая стать ручной, как рысь.

Шу зажмурилась и потрясла головой. Что с ней, а? Куда делась разумная и логичная Шуалейда, точно знающая, кто друг, а кто – враг? И главное, почему друг или враг. Тринадцать лет все было ясно, как светлый день: темный шер Бастерхази – враг. С самого рождения Каетано и появления Бастерхази в Суарде. Тот шер Бастерхази, который смотрел в рот Ристане и требовал, чтобы Шу и Каетано отослали из дома. Но не тот шер Бастерхази, который целовал ее и нес сонную на руках...

И всего полмесяца назад было ясно, что светлый Люкрес – тоже враг. Ему нужна корона, а не Шуалейда, и он ни перед чем не остановится, чтобы эту корону получить.

Но... это был совсем другой Люкрес! Тот, что в газетах! Тот же, который помог ей отпустить грозу, был другим, она точно знала – другим! Настоящим, сильным, светлым...

Боги. Она совсем, совсем запуталась. Ей нужно скорее домой, к Каю и друзьям. А пока – она прочитает письмо от отца, но не будет читать вот это, с алым сургучом. И напишет светлому Люкресу ответ. Короткий и вежливый, как учила шера Исельда.

Глава 16

О рогатках и подвигах

...предопределенность, заложенная преобладанием Света или Тьмы при рождении – условна. Двуетиные оставили своим детям путь к свободе. Каждый темный шер может возвыситься над судьбой и избежать Бездны.

Ману Одноглазый, трактат «О свободе», запрещенный к прочтению, распространению и хранению.

Вечер того же дня. Южный тракт, где-то между Кардалоной и Суардом

Дамиен шер Дюбрайн

Сумерки застали их в дороге, на подъезде к какой-то деревеньке: белые домики, зеленые виноградные холмы, апельсиновые сады, оливы... Идиллия, шис ее дери.

– За вами Мертвый гонится, мой светлый шер? – впервые за весь день заговорил с ним Бастерхази.

Его утренние попытки легкого приятельского трепы (целых две) не считались, все равно Дайм на них не отвечал.

Дайм мысленно выругался: темный был непозволительно близок к истине. Не то чтобы за ним гнался именно Мертвый, но...

– Достаточно вас, мой темный шер, – холодно ответил Дайм.

Белый коршун на его плече недовольно заклекотал, чувствуя его настроение. Тот самый коршун, который принес от Аномалии ответ в целых, шис их дери, две строчки. Очень вежливые, обтекаемые и недоверчивые две строчки. Которые Дайм, разумеется, не показал Бастерхази, но совершенно не был уверен в том, что Бастерхази не в курсе, что там написано. Никогда нельзя недооценивать темного шера. Так же, как никогда нельзя доверять темному шеру. Азы, написанные кровью и выученные Даймом еще на заре его службы в Магбезопасности.

– Вы так спешите обрадовать ее высочество Ристану, мой светлый шер? – не пожелал отвязаться Бастерхази.

– Оставляю эту честь вам, Бастерхази. – Дайм с ненавистью глянул сначала на пылающие закаты облака, затем на уходящую за горизонт стрелу Южного тракта. – У меня нет времени на дипломатические танцы.

– О, так вас ждет прекрасная дама в Метрополии... – насмешливо протянул темный.

Дайм еле сдержался, чтобы не запустить в него чем-нибудь тяжелым, вроде запрещенной «серой гнили» или хотя бы «молота раскаяния». Нельзя, Бастерхази при исполнении. И вообще не виноват. Вот если бы «раскаянием» можно было приложить августейшего брата Люкреса!..

– Хм... похоже, я ошибся, вас ждет не дама, – темный шер продолжал нарываться. – Юный прелестный адепт? Помнится, среди светлых целителей попадаются весьма, да, весьма.

– Шли бы вы в Бездну, Бастерхази.

– Предпочту вон ту таверну. Вы как хотите, мой светлый шер, а я буду ночевать под крышей. И в кровати.

Шисом драный Бастархази дал шенкелей своей химере и вырвался вперед. Он успел опередить Дайма всего на полкорпуса – еще не хватало уступить ему и здесь! Так что к таверне Дайм пришел первым. Всего на четверть корпуса, но – первым! Правда, разгоряченный Шутник попытался укунить химеру, та зашипела и плюнула какой-то едкой дрянью... В общем, им с Бастерхази пришлось еще и растаскивать зверюг, и самим загонять в конюшню, в денники на противоположных ее концах. И ставить щиты, чтобы разгоряченные зверюги не разнесли конюшню по бревнышку.

– Надеюсь, ваша тварь не подпалит здесь все, темный шер.

– Ну что вы, мой светлый шер, без приказа – никогда! Кстати, вы уверены, что ваша тварь не пытается закусить конюхом? А, нет, всего лишь его рубахой! – И темный заржал на зависть всей конюшне.

– Не подходи близко, если жизнь дорога. – Проигнорировав насмешки Бастерхази, Дайм бросил монету конюху, осеняющему себя светлым окружьем. – Насыпь Шутнику овса и проваливай.

Поймав серебряную «сестрицу» на лету, – монету прозвали так за изображение солнца на реверсе, – конюх поклонился, быстро высыпал в ясли полмешка овса и сбежал заливать шок вином и рассказывать свежайшую сплетню о конях-людоедах. И шис с ним. Слухом больше, слухом меньше, Магбезопасности плевать.

Дайм бы тоже не отказался залить утренний разговор со Светлейшим чем-нибудь крепким. И ведь ничего неожиданного Светлейший не сказал. Всего лишь выслушал отчет о ликвидации стихийной аномалии, предварительной аттестации дара и передал приказ императора:

– Ты должен сделать все возможное и невозможное, чтобы ее высочество Шуалейда сама захотела замуж за его императорское высочество Люкреса. Чтобы она влюбилась в него, как весенняя кошка. Его высочеству нужны ее верность и безусловное доверие.

Дайм чуть не поперхнулся. Вот так просто, да? Верность и безусловное доверие! От параноидальной менталистки – безусловное доверие! А подвязку Светлой не надо? Твою же...

– Его высочеству плевать, что Аномалия не светлая и никогда не будет светлой? Да она Люкреса раздавит и не заметит, с его-то жалким огрызком дара!

– Не твоя забота, Дюблайн. – Светлейший, разбуженный на рассвете, был не особенно любезен. – Тебе сказано – делай. И не забудь, она ни в коем случае не должна получить темную категорию. Головой отвечаешь.

– Она сумрачная, мой светлейший шер, и сумрачной останется. И кроме того – неадекватная менталистка. Люкрес не понимает, на ком собрался жениться!

– Понимает или нет, не твое дело.

– Вы... – Дайм проглотил вертевшиеся на языке ругательства и медленно выдохнул, так же медленно вдохнул и спросил совершенно ровно: – Я могу сопроводить Аномалию в крепость Сойки?

– Еще чего. От основной службы тебя никто не освобождал. Через неделю ты должен быть в Метрополии, а через две – на границе с восточными княжествами. Там завелась какая-то дрянь, надо разобраться.

– И как, по-вашему, я буду...

– Как хочешь! – оборвал его Светлейший. – Письма пиши, на ушах танцуй. Приказ слышал, наизусть выучил – выполняй, полковник Дюблайн!

– Слушаюсь, мой генерал! – рявкнул Дайм в гаснущее зеркало, от чего зеркало треснуло и со звоном осыпалось, длинно выругался...

Хорошо, что он надежно запер комнату двойным защитным контуром. Бастерхази не мог слышать, как он лается со Светлейшим Парьеном и как потом воет от боли. Печать не

одобряет ни таких эмоций, ни таких слов в адрес августейшего папеньки, да живет он вечно. Правда, за завтраком, где Дайм с трудом заставил себя хотя бы выпить шамьет, Бастерхази смотрел на него очень понимающе. Почти сочувственно. Его счастье, что только почти – посмей темный его пожалеть, Дайм бы убил. На месте. И плевать, что потом с ним сделал бы Конвент за нападение на полпреда при исполнении.

Полчаса медитации и упражнений по методу Тхемши (да, и от темных бывает польза!) помогли Дайму прийти в себя, выровнять эмоции и избавиться от выворачивающей наизнанку боли. Он даже смог написать Шуалейде вполне пристойное любовное письмо... ладно, писал он вполне искренне, она же менталистка, вранье почувствует на раз. Потому и не подписался, только поставил отпечаток собственного кольца с кугуаром. И торжественно поклялся сам себе, что спасет несчастного неразумного брата, а с ним и обожаемого папочку от страшной ошибки и ужасного кошмара в лице Аномалии. Он же верен императору? Верен! Всегда, во всем, и никаких собственных интересов. Все – только во благо империи и Элиаса Брайнона лично.

Пойманную прямо в саду птицу он зачаровал на совесть, вплетя в нее тончайшим намеком манок на императорскую кровь. Не приворот, упаси Светлая! Всего лишь обещание тепла, понимания и доверия. И восхищение. Свое собственное, неподдельное восхищение Аномалией. А что драгоценнейший братец Люкрес обоссался бы, увидев прошлым вечером столь желанную невесту – не проблемы Дайма. Совершенно не его. Ему сказано делать все возможное и невозможное, вот он и делает. И еще добавит. Столько, сколько потребуется.

...А вечером, в таверне неподалеку от Суарда, они с Бастерхази напились. Темный ни о чем не спрашивал, не подначивал – ничего. Просто молча принес в комнату Дайма четыре бутылки крепчайшего гномьего самогона на можжевелевой ягоде, три поставил на стол. С четвертой сам уселся на дальний от Дайма конец кровати, единственное место в комнате, где вообще можно было присесть.

Жареная рыба на закуску уже стыла на столе, Дайм к ужину так и не притронулся. Тошнило. Весь этот шисов день. И было противно от самого себя. Обманывать Аномалию... Светлая, ей всего пятнадцать! Девочка всю жизнь проторчала в богами забытой крепости, собственного отца видела от силы три раза, никогда и никому не была нужна – и рискнула собой, отбила перевал у зургов. И вот ей достойная награда – стать оружием в руках шисова интригана Люкреса. Оружием, племенной кобылой и...

Нет, Дайм даже думать не хотел о том, что будет, когда она все поймет. Не с ним самим будет. Он-то наверняка выберется даже из-под гнева Аномалии, а у Люкреса и всех, кто окажется рядом, вряд ли шансов уцелеть больше, чем было у зургов. Возможно, не только у Люкреса, но и у всей Метрополии. Там, конечно же, Конвент – но успеет ли Конвент, вот в чем вопрос.

– У тебя такое лицо, словно ты собрался на Мертвого с одной рогаткой, – тихо, словно в никуда, сказал Бастерхази.

– Рогатка – страшная сила, – пожал плечами Дайм, отхлебнул самогона и заставил себя улыбнуться, чтобы не показывать Бастерхази, до чего ж ему погано.

Рогатка. Когда-то у него была. В детстве. Когда он понятия не имел, что это такое – быть бастардом императора. Когда у него были любящие родители, младшие братья и мечта выучиться в Магадемии, стать великим магистром и совершить подвиг.

М-да. Желай осторожнее, как любит говорить учитель. Мечта-то сбылась – и учеба в Магадемии, у самого Светлейшего Парьена, и служба в легендарной Магбезопасности, и до шиса лысого подвигов во славу империи.

– Тебе никогда не хотелось все бросить и смотаться на край света, Дюбрайн? – так же, в никуда, продолжил Бастерхази. – Просто почувствовать себя свободным. От всего этого. Светлые, темные, интересы империи, судьбы мира... Ты не представляешь, как меня это все достало. Идти туда, куда тебя тянут за ниточки. Делать то, что нужно кукловодам. И ждать, бесконечно ждать, когда же им надоест в тебя играть, о тебе забудут и позволят

просто жить.

– Никогда им не надоест, – едва слышно отозвался Дайм и отхлебнул еще самогона: его оставалось на доньшке.

– Никогда, – согласился Бастерхази. – А мне надоело. Выпендриваться, бодаться с тобой, делать вид, что все это мне зачем-то нужно... Боги, какая чушь!..

– А что же тебе нужно на самом деле, Бастерхази?

– То же, что и тебе, Дюбрайн. Свобода. – Темный улыбнулся одной стороной рта. Выглядело это жутко, словно трещина в ритуальной маске зуржьего шамана. – Всего лишь свобода.

– Еще один Ману, – хмыкнул Дайм, щелчком пальцев зажигая свет, то есть рассыпая по комнате светящиеся шарики. – Свобода, равенство и братство, а, Бастерхази?

Почему-то светлячки получились не шариками, как обычно, а глазами. Моргающими, безумными разноцветными и разнокалиберными глазами, которые порхали по всей комнате. Жуть.

– К Мертвому равенство и братство, Дюбрайн. – Бастерхази отмахнулся от самого наглого глаза, решившего рассмотреть его поближе. – Я хочу свободу лично для себя, а все прочие могут и дальше развлекаться... А, к Мертвому! Надо выпить еще!

– Надо, – согласился Дайм. – За свободу лично для себя, Бастерхази. За шисом драную недостижимую мечту!

– А... недостижимую... – Бастерхази отрывисто засмеялся, сжимая горлышко бутылки, словно в уличной драке. – Светлые... вы, светлые, полные идиоты. Вы – свободны, вас после смерти не ждет Бездна.

– Зачем ей ждать? – Дайму вдруг стало весело. Глупый Бастерхази, куда ему понимать, что Бездна – она уже тут, что только сегодня утром Дайм выбрался из нее. Ненадолго. Она ждет, терпеливо ждет единственной ошибки, единственного неверного шага. – У каждого она своя, Бастерхази. За Бездну!

Он потянулся с почти пустой бутылкой вперед, навстречу такой же бутылке в руке Бастерхази – и тут светящиеся глаза вокруг него закружились, Дайм потерял равновесие...

Шисов темный поймал его, и почему-то его черные, полные пламени глаза оказались совсем близко, а его руки на плечах Дайма – горячими, крепкими, почти как гномий самогон.

– Ты видел Бездну, ты знаешь, – совершенно непонятно чему улыбнулся Бастерхази и прижался лбом ко лбу Дайма. – Ты тоже не хочешь туда, мой светлый шер.

– Вербовать меня – дурная идея, Бастерхази, – непослушными губами ответил Дайм.

Слишком близко. Слишком! Нельзя так, он же темный... враг... да пошел он...

Но вместо того, чтобы оттолкнуть Бастерхази, Дайм положил руки ему на плечи. Горячие, словно весь он, темный шер, был из огня. Манящего, ласкового, ручного огня...

Двуединые, какой же бред лезет в голову, кто-то слишком много пил!..

– Сам дурак, – в голосе Бастерхази прорезались рокошующие нотки, словно ревущее пламя. – Ты вообще представляешь, что могут светлый и темный вместе? Да этот Мертвым драный Конвент...

Не Конвент, отчетливо понял Дайм. Темнейший Паук лично. Незабвенный учитель, оставивший на теле Бастерхази несколько десятков шрамов и дюжину плохо сросшихся переломов. Тростью. В основном – тростью. Пару раз Дайм даже видел, как именно Паук это делает, тот не стеснялся лупить учеников прилюдно.

– Дранный Конвент, говоришь.

- К шисовым дыссам драный Конвент. Ты... мы с тобой вместе... Они не сунутся в Валанту... ты будешь отличным королем, я - твоим придворным, Мертвый дери, магом... Шуалейда - королевой. Нашей королевой, Дамиен.

- А как же свобода, равенство и... - Дайм хотел с насмешкой, а вышло с тоской.

- В Бездну братство, - прорычал Бастерхази. - Трое, Дамиен, нас может быть трое.

Дайм дрогнул от того, как шисов темный произнес его имя. С какой страстью. Так просто поверить, правда же? Темный мозгокрут, не зря Парьен предлагал амулет... или зря? Трое - свет, тьма и сумрак... шис... это даже не Конвент-радуга, это... даже у Ману в школе Одноглазой Рыбы не было сумрачного шера...

- Ты с ума сошел, Бастерхази. - Дайм попытался его все же оттолкнуть, но руки сами вцепились в его плечи, не желая отрываться.

- Ты давно мечтаешь показать шисовы хвосты своим братцам... - горячечно шептал Бастерхази. - Ну же, светлый, подумай головой! Головой подумай... хочешь, забирай Ристану себе... ну?

- Что ну, кретин ты темный? Хочешь ритуал Ману? Веришь, что эта дрянь сработает как надо, а не разнесет здесь все, как в Ирсиде? Еще одни Багряные Пески, твою мать!

- К Мертвому ритуалы, Пески и Конвент! Всех к Мертвому! Нам хватит силы без всяких ритуалов, ты же видел, ты же сам видел...

О да. Еще как видел. И чувствовал. Пил дармовую силу, прекрасную и первозданную, как в день, когда родились Драконы. И отдать ее, эту силу - темному шеру? Тому, кто полсотни лет проучился у Темнейшего Паука? Сумасшедшему маньяку? Хотя почему отдать-то, взять самому, снять к шисовым дыссам печать...

Острая, словно раскаленный прут, боль прошла его насквозь, до искр из глаз, до стога через закусенную губу. Нельзя было думать о печати, какой же он дурак, злые боги, какой же!..

Додумать эту ценную мысль Дайм не успел. Его закусенной губы коснулись горячие пальцы, вытягивая его боль.

Без ошеломляющей боли в голове вдруг стало легко и пусто - ровно настолько пусто, что единственный вопрос «почему бы и нет?» словно повис под куполом черепа, написанный горящими буквами... Боги, какой же бред...

- Дайм... - выдохнул Бастерхази, внезапно - мягко, почти нежно.

К шисам. Он просто не будет ни о чем думать. Вообще. Ни ритуалов, ни печатей, ничего! Достаточно просто ощущать чужие руки на своих плечах, биение чужого сердца и послушную, ласковую тьму. И почему-то безумно захотелось тоже назвать темного по имени:

- Роне.

Странно, непривычно. Правильно. Словно на самом деле они - братья, а не враги. Словно нет ничего естественнее, чем вот так сидеть, прислонившись головой к плечу темного шера.

В пустой голове порхали какие-то глупые обрывки мыслей, а тело - тело наслаждалось и пело. Каждое касание света к тьме, кожи к коже, осторожное, словно к незнакомому артефакту, к шкатулке с чумой... Темный Бастерхази, Роне, чума и холера... полет и пламя... мягкое и уютное, словно камин осенним вечером, словно...

Бездна. Ему в спину дышит Бездна, а они оба стоят на самом краю и смотрят вниз, в бездонную изначальную тьму. И Дайм знает, что там - нет ничего. Никакой страшной Бездны. Только Свет и Тьма, Брат и Сестра - два лика единого целого, как он сам и...

- Совсем не страшно, Роне, там совсем ничего нет, - поделился он со своим темным братом самым важным открытием...

И провалился в сон.

Наверное, если бы Дайм не уснул, он бы услышал, как Бастерхази сказал:

– Спи, Дайм, мой светлый шер. Спи. У нас... могло бы получиться...

Может быть, Дайм бы даже почувствовал, как Бастерхази укладывает его рядом и накрывает одеялом.

Но наверняка бы решил, что ему примерещилось.

Глава 17

Шер предполагает, а император располагает

...множественные смерти светлых шеров явились результатом невежества и истерии. Трактат Ману «О свободе», содержащий весьма спорные идеи, послужил катализатором возмущения и рецептом чуда. Впавшие в панику темные шеры ничего в нем не поняли и попытались использовать неточные формулы без малейшей попытки вникнуть в их суть. И вот закономерный итог. Темные шеры шантажом и пытками принуждали светлых шеров к ритуалу и обвиняли в неудаче кого угодно, кроме самих себя...

Из лекции по истории запрещенных культов.

18 день пыльника (следующий день). Риль Суардис, Валанта

Дамиен шер Дюбрайн

Зря Дайм надеялся, что хотя бы возвращение в Метрополию будет спокойным. После дипломатических танцев с Бастерхази и Аномалией ему как никогда требовалось хоть несколько дней тишины. Просто подумать. Без давления, искушений и прочего, на что темные шеры такие мастера.

Особенно на искушения. Корона Валанты – шис бы с ней, Дайм никогда не хотел взваливать на себя такую ответственность и готов был примириться с ней только ради Ристаны. Но вот свобода... Горячий шепот Бастерхази уже третьи сутки преследовал его: свобода, мой светлый шер, свобода!

О да. Ни шисом драной печати, ни придурковатых аристократов или взбесившейся нечисти, ни отчетов для совета Семи Корон, которые надо было сделать еще вчера. Люби кого хочешь, делай что хочешь. Так просто поверить, не правда ли? Если забыть, что Бастерхази – темный. И что сам Дайм понятия не имеет, как жить иначе, без взбесившихся аристократов и придурковатой нечисти, без дипломатических танцев и шпионских ухищрений. Сказать по чести, он и любить-то не умеет. Последняя встреча с Ристаной тому подтверждение.

Очень короткая встреча, к которой он и не стремился. Но раз уж Ристана дала себе труд встретить его прямо у дверей королевского кабинета...

Его величеству Тодору Дайм сказал чистую правду: Шуалейда – сумрачная шера, дар ее нестабилен, и рассматривать ее сейчас в качестве будущей королевы может только крайне неосмотрительный человек, читай, полный идиот. Да и Конвент наверняка запретит ей наследовать, так что его высочество Люкрес, женившись на ней, получит лишь массу проблем и никакого профита. Ристана же в королевы не годится хотя бы потому, что не сможет разумно распорядиться главным богатством Валанты, сумрачным даром собственной сестры.

Да, Дайм тоже виноват в том, что не сумел вовремя понять всей серьезности ситуации и не убедил Ристану отнестись иначе к брату и сестре. Сейчас уже поздно. Что-то изменить может только серьезное ментальное вмешательство, запрещенное законом. Нарушать закон Дайм не собирается, но если его величество Тодор получит официальное разрешение от Конвента – то Дайм, несомненно, сделает все необходимое. Правда, психика Ристаны все равно может пострадать, ведь ненависть давно уже стала одной из основ ее личности.

– Я не готов рисковать душевным здоровьем моей дочери, – хмуро отказался Тодор.

Король Валанты за тот неполный месяц, что прошел с предложения обсудить брак Люкреса и Шуалейды, очень сдал. Окончательно поседел, усох, некогда ярко-синие глаза выцвели. Жаль. Невероятно жаль. Самый приличный из ныне правящих королей.

- Вы правы, ваше величество. И всегда были правы, следующим королем Валанты должен стать ваш сын, Каетано.

- Вы так резко сменили курс, мой светлый шер. Вас больше не привлекает корона Валанты? - Доверия словам Дайма в тоне Тодора не было ни на ломаный динг.

- Будем откровенны, ваше величество. Корона не привлекала меня никогда. При других обстоятельствах я бы, возможно, стал консортом Ристаны - но не более. Слишком большая ответственность. Я бы с большей радостью увез ее высочество в Метрополию, но, - Дайм с искренним сожалением пожал плечами, - она этого не желает. Стать маркизой Дюбрайн - для нее слишком мало.

- Мне жаль, мой светлый шер. Возможно, вы могли бы сделать ее счастливой.

- Не смог бы. Мне тоже жаль, ваше величество. И жаль, что вам пришлось так волноваться из-за судьбы вашей второй дочери. Поверьте, ее никто не собирается принуждать. Мой августейший брат желает брака только по любви и собирается ухаживать за ее высочеством Шуалейдой.

Как именно ухаживать, Дайм не сказал - не стоит еще больше ронять авторитет императорской семьи в глазах короля провинции. Зато предложил Тодору свою помощь как целителя. Все равно после общения с Бастерхази сила все прибывала и прибывала. Дайм только что в своих покоях под завязку напился и зеркало связи, и защитные контуры, и даже родник под дворцом. Не говоря уже о десятке кристаллов-накопителей, которые можно будет весьма выгодно продать. Титул маркиза Дюбрайна, конечно же, высок, как и его должность заместителя главы Магбезопасности, но поместье к титулу прилагается более чем скромное, заниматься им Дайму некогда, а жалованье - ширхабовы слезы.

Проклятый Бастерхази! Знает же, на что давить, дери его...

Разумеется, Тодор согласился принять помощь, и Дайм подлечил его, насколько это вообще было возможно: жизненные силы утекали из короля Валанты, как из дырявого кувшина. Даже странно, почему Дайм не видел этого раньше! И еще более странно, что восстановить целостность оболочки не вышло, только немного укрепить и заделать самые значительные прорехи. Как будто Тодор сам не желал жить.

Вот только умирать ему было рано. Оставить Шуалейду и Каетано сейчас - все равно что подписать им смертный приговор. И не факт, что даже Дайм сможет их защитить. Даже не так: не факт, что светлейший кукловод позволит ему это сделать. Да и сам Тодор на самом деле не желал умирать.

Они расстались почти друзьями, и даже герцог Альгредо, присутствующий при беседе молчаливой тенью, уже не смотрел на Дайма с желанием убить и прикопать под ближайшим дубом.

- Надеюсь, вы не передумаете на следующей неделе, мой светлый шер, - проводив Дайма до дверей, любезно попрощался с ним Альгредо.

- Позаботьтесь о его величестве. - Шпильку Дайм проигнорировал: Альгредо тоже устал от дипломатических танцев и сходит с ума от беспокойства за побратима. Небольшая слабость ему простибельна. - Без помощи хорошего целителя он не протянет и полугода.

Альгредо побледнел, но кивнул.

- Я позабочусь.

А Дайм, мысленно обругав Конвент, приславший в Валанту темного полпреда, не способного исцелить не то что короля Тодора, а даже самого себя, вынул из-за пазухи мешочек с накопителями (всеми десятью) и протянул Альгредо.

- С ними справится даже шер третьей категории. На год-полтора должно хватить.

Благодарностей он слушать не стал. Толку от тех благодарностей, когда он только что отдал свое жалованье за четыре года!

В общем, Ристана выбрала неподходящий момент для разговора. Крайне неподходящий.

– Дайм! – Она обернулась от портрета императора Элиаса, которым упорно любовалась последнюю четверть часа, и протянула руку для поцелуя.

– Какая приятная неожиданность, ваше высочество! – Дайм поцеловал воздух в волоске от ее кожи и порадовался, что в очередной раз наплевал на этикет и надел перчатки сразу, как закончил с лечением Тодора. Сегодня он не испытывал ни малейшего желания тревожить шисову печать. – А я как раз надеялся, что у вас найдется для меня минута-другая.

– Для вас – всегда, мой светлый шер, – улыбнулась Ристана, взмахом руки отсылая из королевской приемной всех, включая секретаря, и приближаясь к Дайму почти вплотную.

– Чрезвычайно лестно это слышать, ваше высочество, – коротко поклонился Дайм и отступил на полшага. – Какая жалость, что мне необходимо покинуть Суард немедленно.

– Но... Дайм... – В ее глазах блеснули слезы, она прерывисто вздохнула: всего неделю назад Дайм тут же бросился бы ее утешать и заверять в своей любви и верности, а сейчас... увы, сейчас ему было все равно. Что-то сломалось безвозвратно.

– Вашему высочеству не о чем волноваться, – сказал он ровно. – Я исполню свое обещание. Прошу простить, ваше высочество, приказ императора не ждет.

Приказ в самом деле не ждал. Его всемогущество и его светлейшество желали, чтобы Дайм по дороге в Метрополию кое-куда заехал и кое-кого оттуда забрал. Именно сейчас и именно Дайм.

20 день Пыльника (два дня спустя. Южный тракт, в десяти лигах от границы с Метрополией)

Дамиен шер Дюбрайн

– Вы все поняли, лейтенант?

– Так точно, ваша светлость, – равнодушно ответил Вент, убирая пакет с письмом за пазуху.

– Действуйте.

Дайм с облегчением отвернулся от бирюзовых глаз лейтенанта лейб-гвардии, слишком похожих на его собственные, и тронул каблуками бока Шутника. Но ломкий от тщательно упрятанного страха и разочарования голос заставил его поморщиться и обернуться к покинутому отряду.

– Разве вы не поедете с нами, светлый шер Дюбрайн?

– Нет. Не беспокойтесь, лейтенант Вент доставит вас в столицу в целости и сохранности. До встречи в Магадемии, светлый шер Эрнандо.

– До встречи, ваша светлость. – Мальчишка с достоинством поклонился, тряхнув иссиня-черными локонами, и сощурился. – Да пребудет с вами благословение Светлой.

Дайм благочестиво осенил лоб малым окружьем, прежде чем повернуть коня к Суарду и обругать последними словами Светлейшего Парьена.

«...несомненно, одаренный мальчик. Насколько – неизвестно. Если верить словам его матери, минимум зеро. Решишь на месте, что с ним делать...»

На месте. Шис бы побрал это решение вместе с шерой Эрнандо, ее избалованным сыном

и папочкиным неугомонным дыссом! Семнадцатый незаконный отпрыск от тридцать третьей любовницы... Злые боги, запихать девять побочных дочерей в монастырь, из шести бастардов сделать големов-охранников, из седьмого – жупел для аристократии! А восьмого... «Решись на месте»! Вот спасибо, драгоценнейший папенька!

Решение Дайму претило, но альтернатива претила еще больше. Пусть лучше мальчишка воображает себя великим магом и непревзойденным дипломатом, все равно в учениках у Парьена спесь с него слетит в мгновение ока. Но обрекать единокровного брата на лишение личности и воли – увольте. Тем более какой-никакой дар у амбициозного щенка есть, в перспективе приличная третья категория. Если бы только, забирая мальчишку от гордых высокой честью родителей, можно было придушить их самих и вытряхнуть из его головы дурь, которой его пичкали все тринадцать лет.

«Блестящее будущее, титул маркиза, почет и уважение, влияние...»

Шера Эрнандо – курица. И муж ее индюк. Всерьез рассчитывают, что взлелеянный императорский бастард вытащит их из глухомани, принесет на блюдечке выгодные партии сестрам, высокую должность при дворе отчиму, а матери луну с неба и сокровища царицы Сирен в придачу. И все это с рефреном: «Посмотри на маркиза Дюбрайна – ты же лучше! Умнее, сильнее, хитрее, достойнее, и глаза у тебя совсем как у его всемогущества».

Дайм сплюнул. Скорее выбросить из головы смазливую высокомерную мордашку! Две с лишним недели дороги до Фьонадири в компании голема Вента, без слуг и нянек, пойдут дитяtku на пользу. Самому Дайму несколько десятков лет назад знакомство с его братом Диеном очень помогло сделать правильный выбор.

По сторонам дороги мелькали пыльные оливковые рощи, виноградники и абрикосовые сады, уже слышался гомон праздничной столицы. Но Дайм не обращал внимания на пейзажи. Он снова перебирал в памяти день перед новым, триста девяносто четвертым годом. Последний раз, когда он видел мать...

Глава 18

К вопросу о добре и кулаках

Королевство Ольбер – примерно пятая часть территории империи Фьонабер. С запада омывается Туманным проливом, на севере граничит с Ледяными Баронствами. Славится шерстяными тканями и лучшими на континенте элем и бренди.

Из учебника географии

393 год, 22 день снежника. Замок барона Маргрейта, королевство Ольбер

Дамиен шер Маргрейт

Тишину светлой комнаты нарушали только два негромких голоса, скрипучий старческий и ломкий юношеский. Резные шкафы с книгами, кресла с полосатой обивкой, зелено-золотистые шторы на стрельчатых окнах придавали баронской библиотеке уют. Из окон библиотеки открывался чудесный вид: сосновый бор и заснеженные поля, замерзшая река под стенами замка и большая снежная горка, полная ребятни с санками. Радостный гомон слышался даже через закрытые окна, солнечные блики сверкали на изукрашенном изморозью стекле и прыгали по столу, пятная пергаментные страницы.

– Светлый шер, не отвлекайтесь. Вы неверно произносите. – Голос наставника оторвал Дайма от созерцания братишки, намернувшегося вместе с санками в сугроб.

Урок языка Полуденной Марки шел своим чередом. Наставник, как всегда, требовал от ученика совершенства и выговаривал за каждую ошибку. К счастью, и логика, и математика, и алхимия, и прочие необходимые шеру науки давались баронету Маргрейту легко. Особенно же ему нравились история и экономика – новая, чрезвычайно интересная наука, придуманная гномами и пока не признанная в классических университетах.

Несмотря на желчный характер и строгость, наставник не возражал против изучения юным светлым хоть экономики, хоть троллзей наскальной живописи, лишь бы не в ущерб основной программе. Он гордился учеником, считая личной своей заслугой его неистребимую жажду знаний и способность мгновенно усваивать информацию. Но из принципа не хвалил.

Дайм уже предвкушал, как после урока скатится вниз по лестнице, накинёт волчью шубу, схватит санки и помчится к веселой компании на горке. Младший брат и старшие сестры давно закончили дела и развлекались. Иногда Дайм завидовал им, условным шерам – заниматься им приходилось куда меньше. Зато Дайм родился даже более одаренным, чем мать: целых две стихии, разум и вода. И кроме грамоты, математики, риторики и прочего ему приходилось изучать еще десяток наук, необходимых истинному шеру. Времени это занимало невероятное количество, правда, было настолько интересно, что никакие развлечения и в сравнение не шли. Разве что фехтование, которым истинные шеры частенько пренебрегали, привлекало Дайма не меньше учебы.

Но на горку Дайм в тот день так и не попал. Едва окончился урок, в дверях библиотеки появилась матушка. Блестящие каштановые локоны, улыбчивые золотисто-карие глаза и свежий румянец заставили бы незнакомого с баронессой Маргрейт человека принять ее скорее за старшую сестру Дайма, нежели за мать. Несмотря на четверых детей, старшей из которых недавно исполнилось восемнадцать, Летиция Маргрейт сохранила девичью стройность и гибкость.

– Светлый шер, будьте любезны, оставьте нас. – Баронесса сопровождала слова улыбкой, но Дайм видел в ее глазах тревогу и печаль. – Мне нужно поговорить с сыном.

Наставник поклонился и покинул библиотеку.

Дайм подошел к матери, так и стоящей у порога, и взял ее за обе руки.

– Что случилось, матушка, вы так взволнованы?

– Давай присядем. – Баронесса позволила сыну усадить себя в кресло и подвинуть скамеечку для ног, подождала, пока он сам устроится на стуле, и только тогда заговорила. – Дамиен, я должна просить у тебя прощения. Ты знаешь, я люблю тебя не меньше твоих сестер и братьев... может быть, даже больше...

Устремив взгляд в окно, баронесса замолчала. На гладком лбу обозначилась горькая складочка. Тонкая, украшенная кольцами рука затеребила юбку. Дайм смотрел на мать и понимал, что не хочет услышать то, что она собирается сказать. Хотя он уже догадывался, о чем пойдет речь.

– Матушка, право, не стоит.

– Стоит. Ты знаешь, кто твой отец.

– Да, конечно.

– Покойный барон никогда не говорил с тобой об этом. Он любил тебя, как родного сына. И слухи давно уже прекратились...

– Мне достаточно посмотреть в зеркало, матушка, – грустно улыбнулся Дайм.

Впервые он догадался, что вовсе не сын барона Маргрейта, лет в семь, подслушав разговор одного из гостей с матерью. Они говорили о фамильном сходстве двух дядюшек, что который год делят заливной луг. Дайм задумался: почему сестры и брат похожи на мать с отцом, и он – нет? У братишки золотисто-карие материнские глаза и отцовский профиль, даже говорит как отец, хоть и пятилетний карапуз. А Дайм на отца совершенно не похож. Разве что немного на мать. И ни у кого из родни нет ярко-бирюзовых глаз.

Попытка вывести правду у няньки, знающей все на свете, ни к чему не привела.

«Светлый шер, да что вы такое говорите? Да кто вам такую чушь посмел сказать? Ваша матушка будет плакать, если узнает, что вы такое спрашиваете, светлый шер», – вот все, чего он сумел добиться.

Но слова няньки Дайма не убедили, ведь ее взяли, когда он уже родился. Догадку подтверждало и то, что об императорском дворе и столице родители никогда не говорили – а по расчетам Дайма выходило, что барон и баронесса Маргрейт покинули столицу и переехали в поместье за семь месяцев до его появления на свет.

Дайм понял, кто его отец, едва увидев портрет императора Элиаса Брайнона.

Ему было одиннадцать, когда барона Маргрейта с семейством пригласил в гости дальний родственник, граф. В гостиной на самом видном месте висел портрет его всемогущества – в полный рост, в короне и мантии, со скипетром в виде головы кугуара.

Те же бирюзовые глаза, те же черты, даже упрямая посадка головы – та же. Словно посмотрел сам на себя, только взрослого и в короне.

Слава Светлой, никто не обратил внимания на побледневшего Дайма.

В его голову не закралось ни одной честолюбивой мысли. Он прекрасно помнил тщательно скрываемый за улыбками и шутками ужас матери, когда кто-либо из соседей или родни спрашивал, отчего баронесса не желает снова наведаться в столицу, ведь в свое время красавица Летиция произвела фурор в высшем свете и даже стала фрейлиной императрицы. И хоть до глухого угла среди лесов западного Ольбера новости из Метрополии доходили медленно, редко и в весьма искаженном виде, Дайм слышал о незавидной судьбе единокровных братьев-бастардов.

Вскоре после той поездки скончался отец: несмотря на свое открытие, Дайм даже в мыслях продолжал называть отцом человека, который вырастил и воспитал его. Смерть была мгновенной, барон сломал шею, вылетев из седла на полном скаку. После похорон

баронесса закрылась в замке и перестала приглашать соседей.

Теперь же случилось то, о чем мать и сын никогда не говорили, но чего оба опасались. Дайму не было надобности гадать, отчего матушка завела тяжелый разговор и отчего в глазах ее слезы: край конверта выглядывал из широкого рукава платья, а от него тянулся след чужой, страшной и словно неживой ауры. След этот вел вниз, в гостиную, где пил коричный грог незнакомец. От прикосновения к ауре незнакомца Дайма пробрала дрожь: опутанный и пронизанный насквозь заклинаниями, он походил не на человека, а на сложный смертоносный механизм.

– Его всемогущество требует твоего приезда в столицу. – Баронесса протянула конверт со сломанной бирюзовой печатью. – Вот, прочитай сам.

Письмо казалось Дайму змеей, готовой укусить. Он задержал дыхание, принимая его из рук матери, и долгие мгновения не решался развернуть. Ему показалось, что он не дышал, пока не дочитал: «...прибыть незамедлительно. Элиас Второй Брайнон».

А дочитав, вскочил, смяв проклятое письмо, швырнул его на пол... Он не очень-то понимал, как именно убьет то отвратительное существо, которое сейчас пьет глинтвейн в их гостиной. Которое посмело вторгнуться в их дом, оскорбить и расстроить матушку. Но точно знал: он никому, никогда не позволит!..

– Дайм! Дамиен, остановись! – уже на лестнице догнал его перепуганный голос матушки.

Дайм остановился лишь на полмгновения: сорвать висящий на стене меч, старый, переживший еще Мертвую войну, но по-прежнему крепкий и острый. И бросился к существу, выглядящему как человек и одетому в форму лейтенанта лейб-гвардии.

Он успел бросить ему в лицо перчатку и крикнуть:

– Защищайтесь, шер!

Даже сделать несколько выпадов, отбитых с легкостью. Равнодушно. Так же равнодушно из его рук выбили меч, подсекли грязным приемом под колено и уронили на пол. А потом, приставив шпагу к горлу, сообщили:

– Вы едете со мной, светлый шер Дамиен Дюбрайн. Или добровольно, тогда никто не пострадает. Или нет, но отвечать за ваше неповиновение императорскому приказу придется баронессе.

От ровного, какого-то механического голоса лейтенанта Дайма затошнило. А может быть – от ненависти. И к самому лейтенанту с руной «Диен», и к пославшему его императору.

– Я – Маргрейт, а не Дюбрайн! – выплюнул Дайм и швырнул в лейтенанта ментальный импульс, самый сильный, на который только был способен.

Вокруг лейтенанта на миг вспыхнули щиты, поглотившие импульс без остатка. Сам лейтенант его, похоже, и вовсе не заметил: дара в нем не было даже отблеска.

– У вас полчаса на сборы, шер Дюбрайн, – проигнорировав слова Дайма, сказал лейтенант Диен, вбросил шпагу в ножны и вернулся в кресло, к недопитому глинтвейну.

На Дайма, поднимающегося с пола, он даже не посмотрел. Но вот когда Дайм сделал шаг к отброшенному мечу, так же ровно и негромко предупредил:

– Мне приказано доставить живым и здоровым только вас, светлый шер.

Наверное, в этот момент Дайм и понял, что все это – всерьез. Не кошмарный сон. Не игра. И если он не подчинится приказу императора, это почти неживое существо сделает с его матушкой что-нибудь ужасное, а Дайм никак не сможет ему помешать. Вся его магия, которой он так гордился, вся его фехтовальная подготовка – ничто для императорского голема. Его собственного единокровного брата.

От этого понимания что-то внутри словно вспыхнуло, застряло колючим, обжигающим комом в горле, в глаза словно сыпанули песку...

– Я буду готов через полчаса, – хрипло, едва выдавливая слова через сжатое спазмом горло, пообещал Дайм и сбежал... нет, отступил.

Едва не наткнувшись на матушку, стоящую на последней ступеньке лестницы с таким лицом... Она ничего не сказала, но Дайму стало бесконечно стыдно. Что он подвел ее. Не сумел защитить. Вообще ничего не сумел. Даже повести себя достойно, как учил покойный отец.

– Простите меня, матушка. – Подойдя к ней, он склонил голову.

На самом деле ему больше всего на свете хотелось обнять ее, уткнуться и расплакаться, как в детстве. Но он не мог себе этого позволить. Он – взрослый шер, ему уже тринадцать, он единственный защитник семьи.

От которого толку ни на ломаный динг.

– Пойдем, мой мальчик. – Улыбнувшись одними губами, матушка погладила его по голове. – Мне так много нужно тебе сказать, а у нас осталось всего полчаса...

394 год, 2 день холодного солнца

Императорский дворец, Фьонадири

Пять суток, что со всей возможной скоростью маленький отряд двигался к столице империи, Дайм обдумывал рассказ матери и одну-единственную фразу из короткого письма его всемогущества.

История его рождения ничем не отличалась от множества таких же историй: ежегодно император обзаводился новой пассией, непременно из одаренных шеров, непременно красавицей, и так же непременно расставался с ней не более чем через семь-восемь месяцев. И не имело значения, замужем ли дама, желает ли столь высокой чести: воля императора не признавала преград. Любовницы принесли ему восемь дочерей, с рождения назначенных в монахини, и пятерых сыновей – в дополнение к трем законным принцам. Последний бастард родился на шесть лет раньше баронета Маргрейта. Именно его, лейтенанта лейб-гвардии Диена, император прислал за Даймом.

Свыкнуться с холодной, неживой аурой голема Дайм так и не смог, хотя всю дорогу рассматривал и изучал его – все равно делать больше было нечего. От человека в лейтенанте осталась только внешность и императорская кровь: пока в его жилах оставалась хоть капля, он был безусловно верен и послушен отцу. А в остальном... больше всего Диен походил на скорпиона: повадками, скоростью, запахом яда и ощущением непредсказуемой опасности.

«Никогда. Никогда я не буду таким, как ты, Диен. Никогда», – твердил про себя Дайм, изредка встречаясь с немигающим змеиным взглядом лейтенанта.

Кавалькада въехала во Фьонадири вечером второго дня нового года. Нарядная, освещенная цветными жучиными фонарями, украшенная стельями, – вечнозелеными деревьями, цветущими в середине зимы сказочно прекрасными гроздьями голубых звезд, – полная суеты и песен столица не заметила их.

Высокие стены голубоватого камня, украшенные резьбой и статуями в нишах, окружали дворцовый комплекс размером с небольшой город. Перед боковыми воротами дежурили гвардейцы в черной с серебром форме, увешанные магическими амулетами. На груди сержанта Дайм узнал драгоценный Даилла Умен, Истинный Светоч – оберег от убийц-теней. Сами стены и ворота мерцали переплетениями красного, голубого и черного – заклинаниями огня, воздуха и смерти.

За стеной открылся парк с фонтанами, беседками и скульптурами, с прямыми аллеями и стриженными деревьями. За парком сияли серебром башни и шпили дворца. А

неподалеку от ворот, рядом с каскадом журчащих, несмотря на мороз фонтанов, прятался в темной зелени кедров и пихт скромный двухэтажный павильон. К нему и направился, не снижая скорости, лейтенант Диен. Эфир над павильоном искрился и переливался всеми цветами радуги, манил и пугал... Словно там ждал не светлый мага-зеро, а перворожденный Дракон, почему-то не улетевший в Землю-За-Туманами.

К удивлению Дайма, измотанного скачкой и неопределенностью, ему не дали ни привести себя в порядок, ни передохнуть с дороги. Без всяких объяснений лейтенант Диен велел спешиться, сам отворил дверь и повел его за собой через вестибюль-оранжерею – гортензии, розы, бегонии заплетали стены и арки. За первой дверью снова никого не оказалось: лишь широкий коридор с белыми дверьми и картинами в бронзовых рамах.

Лейтенант Диен распахнул одну из дверей и кивком велел пройти, сам развернулся и таким же четким шагом пошел обратно. Но Дайм уже не обращал на него внимания. Он видел только сияние мага-зера: словно шаровая молния шагнула навстречу.

Средних лет русоволосый шер, одетый в строгий коричневый сюртук с бархатными отворотами, радушно улыбнулся Дайму. Улыбались и губы, и все скуластое лицо, и пронзительные карие глаза. От этой улыбки Дайма окутало теплом и покоем, словно он вдруг вернулся домой. Тепло это, окрашенное в лиловые цвета менталистики, обволакивало, проникало внутрь. Дайм не сопротивлялся. Бессмысленно мешать главе Конвента, раз он хочет знать, что творится в голове гостя.

– Здравствуй, Дамиен. Рад встрече с тобой.

– Здравствуйте, светлейший шер.

Дайм поклонился, с трудом преодолевая головокружение.

– Ты прямо с дороги. Ох уж эти военные. – Светлейший шер Парьен покачал головой. – Присаживайся сюда, к огню.

С видом заботливого дядюшки он усадил Дайма, устроился напротив и щелкнул пальцами. Тут же рядом образовался столик, сервированный к чаю: пирожные и тарталетки, конфеты и ароматные булочки, чайники и чашечки тонкого фарфора. В животе у Дайма забурчало, напоминая о давно миновавшем обеде.

Светлейший, казалось, обрадовался его смущению.

– И не покормили ребенка... Прощу к столу. – От улыбки Светлейшего растаяли бы льды Закрайней Ночи. – Соленые фисташки, мои любимые. Рекомендую.

Отправив в рот орешек, Светлейший принялся командовать посудой. Повинуясь магическим нитям, затанцевали чайники с чашками, наполняя комнату запахом цуаньского чая.

– Кушай, мальчик, не стесняйся. А я пока расскажу тебе кое-что. Эти вояки, от них слова не дождешься.

Дайм, проглотив тарталетку с паштетом, попытался ответить, но Парьен махнул рукой.

– Молчи и ешь. Вот, попробуй апельсиновый чай. Мой личный рецепт. – Заговорщицки подмигнув, он направил к Дайму еще один чайничек, благоухающий травами и цитрусом. – Вкусно? То-то же.

Попивая чай, светлейший шер рассказывал Дайму всякие разности, словно к нему в гости зашел любимый племянник, которого следует немедленно заманить в ученики. Говорил о магии, о политике, о столичной жизни – обо всем на свете, кроме того, что интересовало Дайма. Но он готов был ждать, пока Парьен читает лекцию о стихиях.

– ...Зеленый – единственный, недоступный людям. Все потомки ире владеют магией природы, но остальные стихии им неподвластны. Зеленый Дракон знал, что делал, когда запрещал своим потомкам браки с шерами иных стихий, ире единственные на суше сохранили Драконью кровь неразбавленной, – неторопливо рассказывал Парьен.

Все это Дайм и так знал, и наверняка Светлейший знал, что Дайм знает. А значит, стоит держать язык за зубами и внимательно слушать. Наверняка Светлейший говорит все это не потому, что обожает повторять азы необразованным мальчишкам.

- Отчасти из-за браков с бездарными истинных шеров становится все меньше, - продолжал Парьен, попивая цитрусовый чай и словно бы не замечая сидящего напротив Дайма. - Но, даже учитывая такие браки, магия истощается слишком быстро. По расчетам, сейчас двое из трех урожденных шеров должны бы иметь латентный дар, каждый третий - дар третьей нижней категории, каждый десятый - третьей полной, каждый пятидесятый - второй и каждый сотый - первой. На деле же обладает искрой дара лишь один из восьми, продолжительность жизни шеров стремительно падает. Таким темпом лет через пятьсот в империи не останется Драконьей крови. Конвент занимается исследованиями проблемы, но пока результаты не обнадеживают.

Вот это уже было намного интереснее. Наставник упоминал, что шеров рождается все меньше, но как-то в общем, без цифр и прогнозов. Как подозревал Дайм, цифры и прогнозы не предназначались для широкой публики. А значит - его собственное появление в столице связано... с чем-то таким... Мелькнувшая у Дайма мысль о возможной связи исчезновения дара у шеров и бесчисленными любовницами и бастардами императора показалась слишком бредовой, чтобы обдумывать ее всерьез.

- Но вернемся к спектрам, мой мальчик...

Парьен снова рассказывал давно известные вещи, но Дайм слушал с интересом. Его наставник по большей части ограничивался теорией, а глава Конвента показывал живые картинки. Он поместил над столом фигурку человека, окутанную разноцветными оболочками: изнутри белой, сиреневой и дальше по цветам радуги, а снаружи черной. Светлейший гасил или делал ярче некоторые из оболочек, объясняя, как проявляется драконья кровь. Особенно интересно магистр Парьен объяснял, чем отличаются светлые, темные и сумрачные шеры. До сих пор Дайм считал, что сумрачные - легенда. Но Парьен утверждал, что они хоть и редко, но встречаются, каждый раз ставя в тупик теоретиков Магадемии: сумрачный дар так же непредсказуем и ненормален, как сами сумрачные шеры. Но откровением для Дайма стали другие слова Парьена:

- ...у светлых и темных нет выбора? Ерунда. Врожденная склонность чрезвычайно сильна и почти непреодолима. Но в любом темном есть хоть отблеск Света, как и в любом светлом крупца Тьмы. Ману Одноглазый, хоть и еретик, был прав: два лика божества, Тьма и Свет не могут существовать отдельно. Мы, их дети, изначально находимся между ними. И путь к свободе от предопределенности есть для каждого, хоть и далеко не каждый может его пройти.

Постепенно Дайм начинал понимать, зачем Светлейший затеял лекцию о сущности магии. Если фраза о даре в письме императора значила именно то, на что надеялся Дайм, ни одна крупца информации не будет лишней. Он прочел достаточно книг, чтобы представлять себе и причины возникновения империи, и основу ее стабильности - Равновесие. Жесткие законы не допускали темных магов к верховной власти и ограждали королевские фамилии, армейский генералитет и чиновников от произвола магов лишь с одной целью: поддержание равновесия между Светом и Тьмой.

- Равновесие, я знаю. Но почему закон дает столько преимуществ светлым? - решил на вопрос Дайм.

- Ты понимаешь, чем темные отличаются от светлых, мальчик? Не цветом ауры, это лишь симптом. Тьма и Свет есть свойства духа и разума: для темных нет ничего важнее и дороже собственного Я, эгоцентризм их суть. Мораль и этика для них пустой звук, как любовь, верность, самопожертвование: все то, на чем основано мироощущение светлых. Потому нужен строгий закон. Темный никогда добровольно не откажется от престола, а что бывает со страной под властью темных, ты знаешь.

Дайм кивнул: упаси Светлая от еще одного Ману и еще одной пустыни! И подумал: а не было бы ордена Одноглазой Рыбы, удалось бы Роланду Святому Брайнону уломать совет Семи Корон на объединенную армию? Не будь в их сердцах страха перед Ману - а каждый в отдельности король был перед объединившимися темными беззащитен - вряд ли бы они осознали все преимущества единой денежной системы и единой армии.

– ...у монархов особая магия, – продолжал Парьен, не забывая подливать Дайму чай и подкладывать тарталетки. – Ни один шер-зеро не способен заменить даже бездарного короля: Двуетиды не благословят того, в ком нет королевской крови.

– А если единственный наследник – темный? – снова спросил Дайм.

Парьен довольно улыбнулся и кивнул.

– Верно мыслишь. Может случиться и такое. Но тогда на престол взойдет потомок любой другой королевской фамилии, скорее всего, один из сыновей императора. За всю историю империи такого не случалось, но... Помнишь, как императором Хмирны стал Красный Дракон?

Дайм кивнул. Кто же не знает, почему Красный Дракон до сих пор не оставил мир вслед за остальными Перворожденными!

– Как видишь, даже Драконы могут попасть в ловушку собственных обещаний. – Светлейший то ли с сожалением, то ли с восхищением покачал головой и сочувственно глянул на Дайма. – Ты совсем устал, мальчик. Иди отдохни.

В тот же миг в дверь кабинета открыл седой слуга, выправкой, кривыми ногами и стальным взглядом похожий на генерала от кавалерии. Только вместо сабли наголо в его руках был подсвечник, а вместо хриплого вопля «В атаку, шисовы дети!» он сказал:

– Извольте, я провожу вашу светлость.

Дайм невольно улыбнулся: в устах ливрейного генерала и эти слова прозвучали как приказ не брать пленных.

Глава 19

О пользе наглядных уроков

То, что добро для одного, зло для другого.

Все относительно.

С. ш. Парьен

394 год, 3 день холодного солнца

Императорский дворец, Фьонадири

Дамиен шер Маргрейт

Утром, сразу после завтрака, тот же генерал в ливрее отвел Дайма к Светлейшему, но на сей раз не в кабинет, а в сад позади павильона. Дайм поразился красоте и разнообразию экзотических растений. Под прозрачным зимним небом сад выглядел странно – ни купола оранжереи, ни ограждения. Просто свежая зелень и цветочная пестрота внезапно сменялись заснеженными пихтами и можжевельником.

Светлейшего Дайм застал за созерцанием порхающих над ярким цветком бабочек. При свете дня ему можно было дать на вид несколько больше, чем накануне. Он выглядел лет на сорок пять: раз в шесть меньше, чем на самом деле.

– Присаживайся. – Маг похлопал ладонью по деревянной скамье рядом с собой, не отводя взгляда от цветка и бабочек. – Это орхей лупус, растет на южных островах.

Сиренево-розовые лепестки с сочными перламутровыми прожилками казались странно холодными и липкими, но при этом притягательно прекрасными.

– Смотри внимательно.

Магистр кивнул на бабочку, подлетевшую к цветку совсем близко. Гладкие лепестки на миг покрылись рябью и испустили волну сладкого аромата, словно чувствуя приближение гостя. Цветок раскрылся, приглашая – и, едва лапки коснулись ярко-малиновой серединки, захлопнулся. Сомкнутые лепестки забились, потом успокоились и вновь раскрылись, еще более яркие и прекрасные, покрытые изнутри бархатной пылью.

– Как ты думаешь, кто создал его? Тьма или Свет?

Дайм покачал головой: в цветке не было магии, ни темной, ни светлой.

– Не знаешь или догадываешься?

Парьен заглянул ему в глаза. Очень серьезно и внимательно – и Дайм усомнился, что ему всего три сотни лет. На миг показалось, что за человеческой оболочкой прячется нечто вечное, мудрое и бесконечно далекое, как свет звезд.

– Вместе?

– Это просто цветок. – Парьен улыбнулся, развеивая наваждение. – Не добрый и не злой, не темный и не светлый. В нем есть все, как и в каждом из нас.

Он протянул руку, и на ладонь села бабочка. Желтые, с разноцветными пятнышками и синей каемкой по краю крылья медленно складывались и расправлялись, тонкие усики шевелились.

– А бабочка? Это добро или зло? Или то и другое? – Протянув руку к цветку, Парьен ссадил насекомое на лиловый лепесток. Цветок тут же закрылся, поедая добычу. – То, что добро для одного, зло для другого. Все относительно. Ты согласен?

– Нет. Для людей все не так. Есть Свет и есть Тьма, – ответил Дайм. Он не понимал, зачем спорит, но согласиться не мог.

– Разве? Близнецы едины, как день и ночь, как жизнь и смерть. Это люди придумали Свет и Тьму, добро и зло. Разве ты можешь сказать, что смерть есть зло? Или что день есть добро?

– Нет.

– Свет и Тьма условны, жизни нет без смерти. Природа – это гармония.

Парьен поднес очередную бабочку к цветку. Прямо к пушистой, сочной сердцевине. Бабочка сама перелетела, села на цветок и погрузила хоботок в цветочное нутро. Лепестки слегка вздрогнули и раскрылись еще шире.

– Люди не бабочки и не цветы.

– Думаешь? Люди рождаются и умирают, как бабочки и цветы.

– Но... вы же сами вчера говорили... о выборе? О свободной воле?

– У бабочки тоже есть выбор и воля. Садиться на цветок или нет.

– Нет. Богам нет дела до бабочек, но есть до людей. Почему? Зачем Хиссу души, если люди все равно что бабочки? Зачем Райне благословлять милосердие и любовь, если мы всего лишь цветы?

– Мальчик, ты никак споришь?

– Простите, ваша светлость.

– С чего ты взял, что богам есть дело до нас? Ты хоть раз видел их? Может, Светлая Райна спускалась к тебе по радуге? Или Хисс говорил с тобой? Молчишь... Что ты знаешь о богах... да и о людях.

Парьен поднялся и, не оглядываясь, пошел к дверям павильона. Дайм последовал за ним, все так же молча. Ему было неловко, будто он подглядел нечто, не предназначенное для посторонних глаз. Словно Светлейший разговаривал сейчас не с ним, а продолжал давнишний спор без конца и без начала – с кем-то очень близким и важным.

В гостиной Парьен сел в кресло за столом, взял в руки вазочку с солеными фисташками и, лишь неторопливо очистив орешек и закинув в рот, взглянул на остановившегося у дверей Дайма. Тысячелетний мудрец исчез, как и давешний добрый дядюшка, уступив место далекому от человеческих чувств главе Конвента. Время размышлений закончилось. Дайм понял, что сейчас узнает, зачем Светлейшему понадобился императорский бастард со светлым даром. В том, что не будь он истинным шером, с ним бы и разговаривать никто не стал, Дайм не сомневался ни мгновенья.

Откуда взялся сгусток огня, Дайм не понял. Алый жгучий шар, шипя и плюясь искрами, просто возник локтях в пятнадцати и неторопливо поплыл к нему. Дайм отпрянул в сторону. Шар скорректировал курс.

Дайм кинул быстрый взгляд на Светлейшего: тот, чистая очередной орешек, с искренним интересом следил за развитием событий, словно перед ним снова порхали бабочки.

Пылающий шар приближался медленно, но неотвратно. При каждой попытке убраться с дороги он замирал на миг и менял направление.

Убежать? Куда? Вряд ли Светлейший выпустит Дайма из гостиной – дверь за его спиной захлопнулась, и что-то ему подсказывало, что открыть ее не выйдет. Так что рано или поздно огонь его догонит. Остановить? Но как? Наставник не обучал Дайма боевой

магии, да и практической магии вообще – только теории. Все, что Дайм умел как маг, он вычитал в старых книгах из отцовской библиотеки или же придумал сам. Но сталкиваясь с настоящими боевыми заклинаниями, даже такими, замедленными, ему не приходилось, и защиты от них Дайм не знал.

Ментальный импульс – единственное, что у Дайма получалось само собой – на огненный шар не подействовал вообще никак. Прошел сквозь него, лишь отняв силы.

Вторая попытка оказалась не лучше. Каким-то чудом сплетенная воздушная сеть едва коснулась шара – и ладони Дайма обожгло чудовищной болью, словно он коснулся огня голыми руками. На коже тут же вздулись волдыри.

Зато после мгновенного головокружения мир вдруг прояснился, стал четким и резким. А шар, дери его шис, оказался еще ближе.

Дайм снова ушел с его курса, так, чтобы между ним и шаром оказалось кресло. Он не слишком-то надеялся, что такое простое препятствие остановит огонь, скорее хотел выгадать несколько мгновений и посмотреть, как шар отреагирует.

Шар обогнул кресло, не задев. Может быть, его можно остановить чем-то материальным?

Забыв об ожогах, Дайм схватил ближайший горшок с чем-то цветущим и запустил им в шар. Руки отозвались отчаянной болью, горшок вспыхнул и осыпался пеплом, а шар еще увеличился и ускорился.

Проклятье! Думай, шер Маргрейт, думай! Должен быть способ справиться, не требующий заклинаний! Должен! Не стал бы Светлейший сначала разговаривать разговоры, а потом – убивать. Значит...

Абстрагировавшись от страха и боли, как учил отец на уроках фехтования, Дайм сосредоточился не на самом огненном шаре, а на том, кто им управлял. И увидел ее! Управляющую нить. Тончайшую, мерцающую нить, натянутую между шаром и Светлейшим. Была бы шпага, проблемы бы уже не было. Но без оружия... Ладно, надо всего лишь оказаться между шаром и Светлейшим, дел-то!

Но шар опять издевался. Упорно загонял Дайма в угол, не позволяя приблизиться к управляющей нити, и еще ускорялся...

Не поддаваться. Не бояться. Двигаться быстрее и думать, думать. Что может остановить огонь? Где взять воду?

Но ни вазы с цветами, ни кувшина с водой в гостиной не было! Только мебель, горшки с цветами и драгоценные магические книги в шкафах. А огонь приближался, оставляя все меньше пространства для маневра.

Что ж, книги – тоже оружие, особенно драгоценные. Шиса с два Светлейший пожертвует своей библиотекой!

Разбив стекло в ближайшем шкафу – разумеется, запертом! – Дайм не глядя схватил фолиант и швырнул в приближающийся шар.

Тот подскочил, пропуская книгу под собой, и словно растерялся. Окрыленный успехом, Дайм швырнул вторую книгу, затем третью. Шар метался, шипел и плевался, но книги не жег. Схватив сразу два фолианта, Дайм метнул их один за другим – первый в сам шар, а второй – туда, где должна была оказаться мерцающая паутинка...

Шар с треском вспыхнул и погас, испустив печальную струйку дыма.

– Неплохо, неплохо, – кивнул Светлейший.

Так, словно проверка закончилась, и можно расслабиться, отвлечься...

Дайм отвлекся ровно на мгновение: хоть немного залечить кровавые ладони, но при этом расслабил плечи и всем своим видом показал, что невероятно устал и свалится прямо здесь. Вряд ли Светлейший поведется на такую простую уловку, но вдруг?

Светлейший лишь хмыкнул и захрустел следующими орешками. А упавшие на пол фолианты зашелестели страницами и взмыли в воздух. Пять ястребов, поблескивая лиловым оперением, закружили под потолком. Мгновение, и твердые клювы нацелились на Дайма...

Инстинктивно Дайм вскинул руки, даже не успев подумать – чем же он собирается отражать атаку. Хотя нет, он уже знал! Лиловое оперение – значит, ментальная магия. Иллюзия!

Пять снежков – остро белых, твердых и холодных – образовались в ладонях. Воспоминание, всего лишь воспоминание о последнем снежном бое с братом...

Ни один из ястребов не успел долететь. Касание, вспышка – и, трепеща страницами, книга падает на пол. Одна, вторая... Но не успел пятый фолиант коснуться ковра, как сквозь распахнувшееся окно в гостиную влетел снежный вихрь. Закружился, обжег, тысячью лезвий рассек незащищенную кожу рук и лица, располосовал одежду, выморозил дыхание. Струйки крови из ран тут же застыли сосульками, ресницы покрылись инеем и слиплись.

Дайм не успел ровным счетом ничего, даже удивиться: так нечестно! У него не было ни единого шанса! Зачем?!.. Глупость какая, замораживать его посреди гостиной...

Он уже не чувствовал ни рук, ни ног, лишь проникающий все глубже лед – к самому сердцу. И не мог ничего сделать, даже вдохнуть замерзший воздух. В голове не осталось ни одной мысли, только боль и страх, и на самом доньшке упрямство. Он – не бабочка, чтобы бессмысленно сдохнуть! Он – светлый шер, а не насекомое, и Светлой Райне есть до него дело!..

На миг ему показалось, что кто-то ласково погладил его по голове – кто-то огромный, похожий на сгусток мрака... Смерть? За ним пришел Темный Хисс? Нет, не может быть, он же светлый шер, он принадлежит Светлой Райне! Ему просто показалось!

Последними крохами ускользающего сознания он устремился вверх, к свету. Он сам словно превратился в стрелу, пробил тучи, почти добрался до солнца... и иссяк. Боль, холод и тьма почти поглотили его, когда Светлая Райна ответила. Тонким, как паутинка, лучом, ослепительным и горячим. Прямо в сердце.

Он очнулся на полу, в луже растаявшего льда и собственной крови, каждая мышца, каждая кость болели, словно его растоптал и исхлестал ядовитым хвостом бешеный мантикор. Последние осколки льда все еще таяли где-то внутри, даже дыхание отзывалось вспышками боли. Но думать боль не мешала. Скорее наоборот.

Дайм как никогда ясно понимал, что ошибся. В самом главном. Он решил, что его не станут убивать, потому что он нужен – императору или Светлейшему, не суть. Что испытание будет похоже на домашний экзамен, когда ему не грозило ничего страшнее выговора от наставника и укоризненного взгляда матушки.

Он ошибся всего один раз, но этого раза достаточно. Больше он не ошибется.

Теперь он четко понимает, что его жизнь и благополучие зависят только от него самого. Что он сможет взять силой ли, хитростью, как угодно – то и его, и ничего сверх. Ни Светлейший, ни император не станут заботиться о нем. Следует забыть все, чему учила его матушка. Ее мягкость и доброта не помогли ей. Тринадцать лет она пряталась в глуши, не смела показаться людям на глаза – и все равно император забрал то, что считал своим.

Так какого шиса Дайму повторять ее ошибки? Нет уж.

Стиснув зубы, Дайм поднялся с пола. Дар по-прежнему окутывал его привычными лилово-голубыми потоками, только теперь сила не плескалась ласковыми волнами, а ограждала упругим коконом, и к жемчужному мерцанию света добавилось что-то еще, неуловимое и непривычное, но правильное. Что-то, что давало свету опору.

– Садись. – Светлейший невозмутимо указал на второе кресло.

Наплевав на боль, Дайм подошел и сел. Не на краешек, как подобает робкому

просителю, а уверенно и безбоязненно. В глаза Светлейшему он посмотрел так же. Ему надоело бояться. Если Светлейший приготовил ему новые испытания – что ж, страх Дайма не заставит его передумать. Если же Светлейший решил, что из Дайма получится еще один голем лейб-гвардии – бояться тем более не имеет смысла. Страх помешает Дайму драться, а драться он будет. Потому что лучше умереть, чем потерять волю и разум. Тем более умирать не так уж страшно, теперь он знает это точно.

Светлейший чему-то мимолетно усмехнулся и кивнул. Читает его мысли? Да на здоровье. Скрывать Дайму тоже нечего.

– Пей.

На столе перед ним материализовалась большая кружка с молоком. Взяв ее в обе руки, Дайм принялся. Ничего, кроме молока.

– Думаешь, отравлю? Не доверяешь?

– Нет. Не доверяю.

– Логично, – снова кивнул Светлейший.

Теплое молоко показалось горьким и соленым, как кровь с пораненных губ. Но он выпил. И вторую кружку тоже – регенерация требует питания, а не глупой гордости.

– Еще?

– Нет, благодарю. А вы? Узнали все, что хотели?

– Пока не все. – Светлейший покачал головой. – Наставник не учил тебя боевой магии?

– Нет.

– И трактат о взаимозаменяемости не давал. Старый нытик. Но хоть «О сущности идеального и материального»?

– Я читал Палона, у нас в библиотеке все его сочинения.

Дайм сохранял невозмутимый вид, хотя внутри все кипело. Наставник клялся, что не имеет отношения к Конвенту и последние двадцать лет не был в столице. Он никогда не писал писем и не выезжал из поместья; был влюблен в баронессу искренне и безнадёжно; на все просьбы научить заклинаниям и прямому управлению потоками отговаривался неспособностью и незнанием... Боевой маг? Шпион Конвента? Смешно. И грустно. Матушка верила ему.

– У него не было выбора, в отличие от тебя, – ответил Светлейший так, словно Дайм сказал все это вслух.

– Приятно слышать, что у меня есть выбор.

– Зря язвишь, мальчик. Ты же догадываешься, что его всемогуществу не нужны трусы, гордецы или слабаки. Ты справился, молодец. Теперь нам есть о чем поговорить. Если ты готов.

– Вполне.

– Что ж, тогда сразу о главном. У тебя восемь единокровных братьев, с одним ты встречался лично. Трое принцев и пятеро непризнанных бастардов. Принцем тебе не быть, для лейб-гвардии ты слишком упрям. Но есть еще один вариант: император признает тебя, даст титул, а как выучишься – должность. – Светлейший на мгновение замолк, давая Дайму возможность вставить реплику. Но Дайм промолчал. Пусть для начала Светлейший скажет все, что имеет сказать. – Разумеется, полной свободы ты не получишь, но жизнь, свобода воли и разум – это не так уж мало.

Не так уж мало, действительно. Но и не так уж много. Не отнимать того, что у Дайма и так есть, и дать то, что Дайму никогда не было нужно.

Хотя следует признать, это предложение лучше, чем должность лейтенанта лейб-

гвардии и руна «Ешу» вместо имени. Свобода воли...

Светлейший Парьен ждал, ничем не выдавая своих эмоций, если они вообще были.

- Император немислимо щедр, – ровно и холодно сказал Дайм. – Что вы хотите от меня?

- Безусловную верность, подкрепленную клятвой. Для начала.

Дайм мысленно поежился: начало слишком отдавало руной «Ешу».

- Клятвы бывают разные, светлейший шер. Какую именно вы имеете в виду?

- Обычную, – так же равнодушно пояснил Светлейший. – Не причинять вреда жизни и здоровью, слушаться прямого приказа.

- Не причинять вреда действием или бездействием? Что в приоритете, прямой приказ или не причинение вреда? Формулировка слишком расплывчатая. Если император прикажет отрезать ему руку, то что бы я ни сделал – нарушу клятву, и вы потеряете свой инструмент.

Взгляд магистра чуть потеплел.

- Твой наставник не ошибся, из тебя может выйти толк. Однако клятва верности – обязательное условие. Вот текст.

На стол лег лист плотной бумаги, исписанный мелким четким почерком.

Дайм прочитал документ дважды, обдумывая и прикидывая: чем ему это все грозит. Итог ему категорически не понравился.

- Бестолковое вложение ваших сил и времени, Светлейший. – Дайм отложил лист на стол и откинулся на спинку кресла: сделать это было не просто, все его воспитание протестовало и требовало быть милым, почтительным юношей. Но вот беда, милый и почтительный юноша минут десять тому назад не мило и не почтительно сдох прямо на этом ковре. – Разумеется, вы не доверяете мне ни на динг. Это взаимно. Однако вы желаете, чтобы я служил вам и императору, и если вы собираетесь меня учить – значит, служба несколько более ценна, чем уборка листьев в саду. И наверняка я кому-то встану поперек горла. Я прав?

- Продолжай, мальчик.

- Итак, я прав. И любой мало-мальски разумный человек, недовольный моей службой, легко поставит меня в ситуацию, когда я так или иначе нарушу хотя бы один из пунктов. А кара для нарушителя, я уверен, обычная: смерть. Из этого вытекает вопрос: стоит ли делать ваше оружие хрупким?

- Оружие... да, с сомнением у тебя все отлично.

- Благодарю, Светлейший, – Дайм очень почтительно склонил голову, ничуть не сомневаясь: за этот мелкий демарш его не накажут. Но, возможно, так ему удастся взять чуть-чуть больше, чем ему собирались дать изначально. – Итак. Я нужен вам для чего-то, что не могут или не хотят делать чиновники, военные и обученные маги. Чего-то... необычного. Иначе бы вы не возились со мной вот уже второй день.

- Ладно, ты прав, – Светлейший хмыкнул и подкинул в ладони несколько орешков: они на миг зависли и стали медленно-медленно, словно невесомые перышки, планировать вниз. – И что же ты предлагаешь?

- Изменить формулировки и дать мне больше свободы маневра. Заменить немедленную смерть чем-то менее... э... радикальным.

- Ты много хочешь.

- Я хочу служить императору, а не бояться за собственную шкуру при малейшем неловком движении.

- Весьма похвальное намерение. Ладно, уговорил. – Светлейший забрал бумагу,

просмотрел и провел над ней ладонью, явно меняя что-то в тексте. – Ты не спрашиваешь, почему в клятве ни слова о наследнике престола.

– Это и так понятно. Я буду служить Конвенту и императору, а не наследнику или чьей-то двояродной кошке.

– Даже так, – почти по-человечески улыбнулся Светлейший. – Вероятно, из тебя выйдет толк.

– Выйдет.

– Ты понимаешь, что это будет непросто? И что ты будешь все время под контролем?

– Вы мне это очень доходчиво объяснили, светлейший шер. Повторяться нет необходимости.

– Хорошо. Если император одобрит твою самостоятельность, с завтрашнего дня беру тебя в ученики. А прямо сейчас ты забываешь, что был бароном Маргрейтом. Ты Дайм Дюблайн, побочный сын императора. Барон – это несерьезно. Герцога тебе многовато. Маркиз будет в самый раз. Маркиз Дюблайн.

Дайму очень хотелось сказать что-нибудь о том, куда император может засунуть титул маркиза вместе с фамилией Дюблайн, но он промолчал. Договор не заключен, и если он слишком обнаглеет – Светлейший может и передумать.

Проклятье. Отказаться от семьи, от памяти об отце! Барон Маргрейт – его настоящий отец! Он любил Дайма, он никогда бы не сделал с ним вот этого всего... И матушка... Дайм больше не увидит ее? Не сможет обнять? А кто же позаботится о ней, ведь брат совсем маленький?

Словно наяву, он услышал неживой голос лейтенанта Диена, увидел его змеиные глаза. «Отвечать будет ваша семья». И сейчас – тоже. Он зачем-то нужен императору и Светлейшему, и соображения справедливости или милосердия их не остановят.

В чем вообще разница между его службой и рабством?

Нет, не так. Его служба – лучше, чем судьба голема Ешу. И он сделает все, чтобы остаться самим собой и защитить семью. Даже откажется от имени и от семьи.

– Ваша светлость так и не объяснили, что я должен буду делать.

– Разве непонятно? Все, что прикажет император. И еще. Ты понимаешь, что непредусмотренных наследников быть не должно.

– Да, понимаю, – кивнул Дайм.

– Тебе нельзя будет жениться и иметь детей, если только сам император не прикажет обратного. – Тон Светлейшего был ровен, словно речь шла о цвете мундира.

– Включите в клятву и это.

«Спокойно. Я знал, что так будет. Это разумное требование. Спокойно».

– Клятву? Клятва тут ни при чем, – покачал головой Светлейший. – Пункт насчет детей слишком легко обойти. Ты физически не сможешь жениться и зачать детей. Это будет второй слой твоей печати верности.

С каждым словом Светлейшего становилось все холоднее и холоднее, а ощущение потери – все тяжелее. Не то чтобы Дайм был всерьез влюблен или мечтал о детях. Все это пока было скорее в теории, но... за каким шисом ему титул, если его даже некому будет передать? За каким шисом вообще все, если ему будут указывать, кого он может любить, а кого – нет?!

Горечь и злость мешали дышать. Дайм был уверен: это условие нужно не ради блага империи, а лишь чтобы держать его на коротком поводке и не позволить забыть, кто его хозяин.

- Нет необходимости... - все же попробовал возразить он.

- Есть, - оборвал его Светлейший. - Безопасность престола важнее твоих желаний. К тому же на мужчин запрет не распространяется.

- На мужчин?!

- Ты истинный шер, Дамиен Дюбрайн. Потомок Драконов. Или ты забыл, что Драконам без разницы, быть мужчиной или женщиной? И не делай круглые глаза.

К Дайму наконец вернулось самообладание, а вместе с ним и способность здраво оценивать то, что он видит. А видел он, что Светлейший в этом вопросе не уступит. Не потому что не хочет уступить, а потому что... вот и еще один ценный урок: даже Светлейший глава Конвента иногда делает то, что ему не нравится, если это - приказ императора.

- Это навсегда?

- Любое заклинание можно снять, если на то будет воля императора. Но послушай моего совета: не рассчитывай, что здесь что-то изменится. И не принимай так близко к сердцу. Вообще ничего не принимай близко к сердцу. Забудь, что оно у тебя когда-то было, мальчик.

- Я запомню ваш совет, светлейший шер. Однако я хотел бы кое-что прояснить. Насчет моей семьи.

- Ты не попрощался? - недоверчиво поднял бровь Светлейший.

- Я не об этом. Кто еще знает, кто я и откуда? Я не хочу, чтобы в один прекрасный день ваши противники прислали мне голову матери.

- От меня или от лейтенанта Диена никто ничего не узнает. Но тебя сопровождали семеро солдат. Это немало.

- Позаботьтесь, чтобы они обо всем забыли, ваша светлость. И о том, чтобы мой бывший наставник больше не предавал доверия баронессы. Вряд ли я смогу быть вам полезен, каждую минуту опасаясь за свою семью.

- Хорошо. Для такого юного мальчика очень хорошо, - кивнул Светлейший. - Надеюсь, ты не заставишь меня пожалеть.

- Ни в коем случае, учитель, - склонил голову Дайм. - И благодарю вас за бесценный урок.

Глава 20

Этикет, протокол и долг настоящей принцессы

Капитану Г. от полковника Д.:

«С сегодняшнего дня отчитываешься по Аномалии лично мне. Первый отчет – как только она вернется в Сойку. И учи ее держать дар под контролем. Ни слова о том, что в Тавоссе она видела не Люкреса. Головой отвечаешь».

Капитану Г. от генерала Альгредо:

«Будь осторожен с полковником Д. и помни, что твоя первоочередная задача – безопасность Каетано.

Головой отвечаешь!»

Капитан Г. жене:

«Любимая, ты не видела мою запасную голову?

Кажется, она мне скоро понадобится!»

17 день пыльника (тот же день). Тавосса, близ Кардалоны

Шуалейда шера Суардис

Письмо от шера Бастерхази она так и не прочитала – не успела. Только письмо отца, короткое и сумбурное. Из него Шу поняла, что отец сам не понимает, радоваться ему, что дочь оказалась настолько сильной шерой и спасла страну от зургов, или ругать ее за самовольную отлучку из безопасной крепости и влезание в самую гущу неприятностей. Но вот тому, что до ее совершеннолетия помолвки с Люкресом не будет – он точно радовался. И сама Шу должна была, но несмотря на доводы рассудка, она хотела снова увидеть его. И увидеть, и почувствовать...

Зеркало зазвенело, оповещая о том, что кто-то хочет с ней связаться, как раз когда Шу бессмысленно сидела над прочитанным отцовским письмом, держась за горящие щеки и мечтая, как это будет – их следующая встреча. Она даже не сразу поняла, что это за звук такой. А когда поняла – переполошилась, вскочила, почему-то первым делом вспомнив о том, что как наскоро заплела косу поутру, так и ходит растрепой.

Как она покажется в таком виде?

Вдруг с ней хочет поговорить Люкрес?..

Ее привел в чувство упавший стул. Она сама его сшибла, метнувшись к лежащему на туалетном столике гребешку.

– Кто-то не в себе, – сказала она вслух.

Вернула на место и стул, и гребешок. Ровным строевым шагом подошла к помутневшему зеркалу. Выдохнула. Нарисовала руну связи. И еле сдержалась, чтобы не выругаться то ли от облегчения, то ли от разочарования. Из тумана проступило узкое лицо со светлыми, голубовато-серебряными глазами.

– Светлого дня, ваше высочество, – официально поздоровался капитан Энрике Герашан, личный телохранитель Каетано и их с Шу наставник в магических науках.

– Дня, Энрике. К ширхабу официоз, я одна. Как поживает Каетано?

Капитан пожал плечами, обтянутыми синим мундиром.

– Злится. Поубивал все чучела на плацу. Непросто быть всего лишь младшим братишкой самой Хозяйки ветров, победительницы зургов и спасительницы отечества.

– Не издевайся. И прости, что не связалась с вами раньше. Я... я забыла. Глупо звучит, да?

Энрике улыбнулся и покачал головой:

– Я рад, что с тобой все хорошо. И мне очень жаль, что меня не было рядом. Полпред Конвента уже до тебя добрался?

Шу почувствовала, как заливается жаром. О да. Темный шер Бастерхази до нее добрался, еще как добрался...

– Все в порядке, они на рассвете уехали в Суард. Оба.

– Оба?..

– С его высочеством Люкресом. Инкогнито. Они... – Ей очень хотелось сказать, что они – удивительные, потрясающие, великолепные и целуются лучше всех на свете, но что-то ей подсказывало, что Энрике такой ее ответ не порадует. – Они очень торопились. Его высочество оставил письмо, и отец написал. Меня официально признали сумрачной, так что... вот.

Энрике слушал ее, хмуря светлые, почти бесцветные брови. Он знал, что она о чем-то умалчивает. И Шу знала, что он знает. Идиотская ситуация. У них с Энрике никогда не было секретов друг от друга, а теперь... теперь – есть. И это плохо.

– Что ж, хорошая новость. Но почему они не проводили тебя в Суард сами?

– Потому что я возвращаюсь в Сойку. Отец считает, что меня пока рано показывать народу. И знаешь, он прав. Я хочу домой, к Каetano.

– И ты хочешь что-то мне рассказать, не так ли, Шу?

– Не сейчас, Энрике. Прости, мне надо кое-что обдумать.

Капитан с неуловимым ехидством улыбнулся.

– Бален тебе поможет в этом нелегком деле. Думаю, она уже сегодня будет у тебя.

– Ты отпустил свою жену одну?!

– Ты так трогательно беспокоишься о тех, кто встретится моей Белочке по дороге, – хмыкнул капитан. – Но не волнуйся, Морковка за ней присмотрит. До скорой встречи, о великая грозная колдунья.

Шу тоже улыбнулась гаснущему зеркалу. Да уж. Две маленькие, беззащитные крошки – светлая шера Бален Герашан и рысь. И кто из них беззащитнее, одна Сестра знает.

Боги, как же Шу соскучилась по нормальной жизни! По брату, по Энрике и Белочке, по Зако... даже по полковнику Бертрану и шере Исельде! Скорее бы вернуться домой.

До Кардалоны небольшой отряд всадников добрался незадолго до заката. Шу не сразу поняла, что за толпа перед воротами. Даже подумала, а не придержать ли лошадь и не спросить ли у Медного: он деликатно позволил Шу и Бален вырваться на пару десятков локтей и наконец-то поговорить о своем, о девичьем. Шу уже успела рассказать подруге о встрече с будущим женихом и шером Бастерхази. Письма она тоже показала, все три.

Когда Баль увидела письмо от Бастерхази, у нее сделались такие глаза, словно Шу держала в руке не бумагу, а готовую броситься ядовитую тварь.

Хотя нет. С любой ядовитой тварью остроухая ире бы договорилась на раз, не зря же она – маг природы. Темный шер – совсем другое дело. Его Бален явно предпочла бы убить на месте, так что Шу даже не стала ей рассказывать, что он сумасшедше прекрасно целуется. Может быть, не так уж и прекрасно, а на самом деле ей все приснилось?.. В общем, чтобы не нервировать Баль, письмо от Бастерхази она спрятала в седельную сумку и не стала пересказывать, что именно он написал.

На самом деле – ничего особенного, деловое письмо в четыре строчки. Честно говоря, Шу была разочарована, хотя и сама не могла понять, чем именно. Не ждала же она в самом деле, что полномочный представитель Конвента в официальном письме станет признаваться ей в любви? Или хотя бы делать ей комплименты...

Бастерхази писал так сухо, словно накануне вечером ничего не было. Ни драки между ним и Люкресом, ни будоражащих кровь поцелуев, ни всего прочего... ох. Обо всем прочем, что ей приснилось, Шу боялась даже думать. Слишком это не походило на то, что ей рассказывали Энрике и оба брата Альбарра о темных шерах в целом и Бастерхази в частности. И на то, что она сама думала – о темных шерах и светлых принцах – тоже. А еще она никак не могла понять, кто же из них целуется лучше? Ведь на самом деле она не сможет выбрать их обоих! Такое возможно только во сне. И наверняка его высочество Люкрес не захочет, чтобы она принимала ухаживания темного шера Бастерхази, ведь она – невеста Люкреса...

Как же все сложно! И ужасно, просто ужасно непристойно! Вот бы еще как-то перестать вспоминать их поцелуи! Лучше она порадуетса официальному сообщению, что она – сумрачная и сможет претендовать на вторую категорию! Целую вторую!

Значит, она почти так же сильна, как сам принц Люкрес? Даже сильнее? Ведь у него третья... а в газетах пишут, что он собирается переаттестовываться на вторую...

Да нет. Не может она быть сильнее, ведь он...

Шу словно наяву окутали голубые и лиловые потоки его дара, пахнуло соснами и морским ветром, и губы загорелись, словно от прикосновения. Она даже прикрыла их затянутыми в перчатку пальцами, чтобы Бален не видела. Если она поймет, что Шу мечтает о двух шерах сразу, решит, что Шу сошла с ума. И будет права.

Все. Хватит. Пора вернуться в реальность!

– Надеюсь, это не по нашу душу, – буркнула Шу, глядя на бурление народа перед воротами. – Что у них там, цветы?

– Цветы-цветы, – отозвалась Бален. – Верные подданные по твою душу. Во главе с бургомистром... а, и граф Ландеха. Мерзкий тип.

Бален сморщила аккуратный веснушчатый носик, встряхнула рыжей копной и демонстративно чихнула – в точности, как это делала Морковка.

Само собой, расположившаяся на коленях Шу рысь ее поддержала таким же презрительным чихом, хотя вряд ли понимала, чем Бален не угодил самый богатый после герцога Кардалонского вельможа Юга. Сама Шу с ним не сталкивалась – в Сойку он не приезжал, а она не покидала крепость вплоть до единственной поездки в Олойское ущелье.

Толпа у ворот Шуалейде не нравилась гораздо больше, чем незнакомый граф. Слишком неоднородные эмоции. Тут и страх, и любопытство, и жадность, и восторг, и злость, и ширхаб знает что еще, и чего от них ждать – вообще непонятно.

– Что-то мне не хочется с ними встречаться, – передернула плечами Шу и обернулась к Медному: – Давай пообедем! Лучше заночуем в лесу!

Медный усмехнулся и покачал головой:

– Привыкайте, ваше высочество. – Ему даже не приходилось кричать, чтобы его услышали, вот что значит настоящий боевой генерал. – Вам через год возвращаться в столицу.

- Через год? – влезла Баль.

- Да, я ж говорила, отец написал. Мое совершеннолетие будем праздновать дома. А пока – учиться и еще учиться. Этикет, танцы и прочая ерунда. Я должна выглядеть настоящей принцессой, ширхаб это все нюхай!

- Должна – выгляди, проблем-то!

Вместо ответа Шу фыркнула. Действительно, проблем-то! Вот если бы Двуетиные дали ей такую же внешность, как у Бален... Ладно, цвет волос Шу бы все равно предпочла родной черный, а не рыжий. Но в остальном... Вот как Баль удастся быть одновременно и округлой во всех нужных местах, и тоненькой, и сверкать зелеными глазищами так, что в нее влюблен весь гарнизон? Про лицо сердечком, ямочки на щеках и опасно-вкрадчивую грацию дикой кошки вообще лучше не думать, чтобы не расстраиваться.

- Никаких проблем!

Шу фыркнула и расправила плечи. Раз Двуетиные не дали ей ни грации, ни очарования, ни ямочек на щеках, ни убийственной улыбки – будем работать с тем, что есть. Хотя если бы Шу была так же красива, как Бален, наверняка светлый шер Люкрес уже написал бы ей ответ. Что там ястребу лететь несколько лиг? Он бы успел за день до Суарда и обратно!

А может быть, Люкрес не отвечает, потому что ее письмо показалось ему слишком формальным? Наверное, следовало написать ему что-то более вдохновляющее. Или нет? Как вообще надо разговаривать с будущим женихом? Почему шера Исельда никогда не рассказывала?

- Эй, проснись, – позвала ее Баль, когда до толпы перед воротами оставалось всего с сотню локтей. – И улыбнись, не пугай бедняжек.

Разумеется, Шу улыбнулась и на всякий случай поставила щиты на весь отряд. Кто их знает, этих подданных, вдруг у них не только цветы, но и камни? Или отравленные стрелы. Безопасность – прежде всего! Тем более что бездарные все равно никаких щитов и не заметят.

Приветственные речи, по счастью, были недолгими. Что-то о благодарности спасителям города сказал пожилой и очень важный бургомистр, что-то добавил граф Ландеха. Наверное, он должен нравиться дамам: высокий, с модными усами и острой бородкой, разряженный во что-то бело-голубое, шелковое и с кружевами. Наверное, камзол по старинной моде, чтобы показать свое отличие от простонародья, хотя дара в нем – с Морковкин чих, условная категория. В тонкостях шерской моды и пускания пыли в глаза Шу не разбиралась, и тоже совершенно зря. Наверняка его высочество Люкрес уделяет много внимания одежде, он же принц...

В лицо бросился жар, стоило вспомнить его – обнаженного по пояс, в каплях дождя и сиянии светлого дара, его шальную улыбку и бирюзовые глаза... И шера Бастерхази – полную темного пламени бездну, хищный профиль и обтянутые мокрым батистом широкие плечи...

Ох, ширхаб! Вот зачем было это вспоминать? Совершенно незачем! Надо выучить наконец, чем отличается камзол от дублета и в каком веке носили накладные плечи... Боги, какая же это скука смертная! Еще хуже, чем торжественные речи!

- ...смирненно предлагаю вашему высочеству свой дом, – разливался соловьем граф Ландеха. – Конечно же, недостойный столь высоких гостей...

Шу очень хотелось спросить, за каким ширхабом зовешь, если недостойный? Нас бы устроил достойный постоянный двор или ближайший лесок! Но она сдержалась героическим усилием воли. Все же она принцесса, а принцесса должна вести себя в соответствии с сотней идиотских правил.

Зато теперь Шу отлично понимала Бален. В самом деле, граф Ландеха – мерзкий тип. Самовлюбленный и скользкий. Если бы Шу позволили выбирать, она бы лучше заночевала в лесу, чем в его доме. Но этикет и протокол, будь они неладны!

– Благодарю вас, граф. Мы с радостью примем ваше любезное предложение, а завтра на рассвете продолжим путь, – со всем возможным пафосом ответила Шу. – Мне нравится ваш прекрасный город, – добавила она, надо же было что-то сказать хорошее.

М-да. Плохо у нее с протоколом и прочим официозом. Очень плохо. Надо учиться. А то приедет Люкрес ее сватать, а она даже не знает, как правильно принять его предложение. Наверняка сказать что-то вроде «ладно, я согласна, но только если ты в самом деле целуешься так же хорошо, как мне снилось» будет не совсем правильно.

Дома графа Ландеха она толком не запомнила. Что-то роскошное, золоченое и неудобное, постели слишком мягкие, а сам граф слишком старается угодить. И зачем-то упомянул раз пять, что у него две дочери, юные шеры неземных достоинств. С какого перепугу Шу должны были заинтересовать его дочери? Вот если бы у него был сын, похожий на его высочество Люкреса... или хотя бы темного шера Бастерхази... и все же, что хотел сказать шер Бастерхази постскриптумом?

«Видимость и суть – не одно и то же. Не обманитесь, ваше высочество».

Глава 21

Искушения

Крепость Сойки построена в устье Свистящего перевала совместно людьми и гномами, чтобы защитить юг Валанты от нашествия зургов. Рунные щиты успешно выдержали Вторую и Третью волны нашествия. Во время же Четвертого Свистящий перевал был наглухо перекрыт искусственно вызванным землетрясением, после чего крепость потеряла стратегическое значение.

Из лекции дру Бродерика

26 день хмеля (три месяца спустя). Крепость Сойки

Шуалейда шера Суардис

По крепостной стене гордо вышагивал маленький полупрозрачный слон, а на его спине покачивалась роскошная золоченая беседка с сидящим в ней раджой. Вокруг так же гордо вышагивали кшиасы – сашмирские воины в ярких облачениях, – трепетали листьями пальмы и даже скакали обезьяны. А голос светлого Люка (Шу называла его так про себя и была уверена – он не будет против) рассказывал о празднике Урожая в Сашмире, на котором он был буквально позавчера...

Белоснежный Ветер сидел на плече Шу, прикрыв глаза и не обращая внимания ни на что. Наверное, спал – все же путь из Сашмира долог и труден даже для напитанной магией птицы, а он два часа назад принес целых два письма. Одно – без живых картинок, написанное на обычной бумаге. Его Шу читала одна, в своей комнате, и тут же спрятала под подушку. Глупость, конечно же, но... Но пусть ей снова приснится Люка! С этими снами год тянется не так долго!

Второе же письмо она по уже сложившейся традиции показала всем – Каю и Зако, Энрике и Баль. Читать его, то есть слушать и смотреть, они всей компанией устроились на крепостной стене, над морем.

Благодаря этим письмам даже Кай, поначалу наотрез отказывавшийся слушать восторги Шу в адрес светлого шера, оттаял. Он даже как-то сказал, что возможно – только возможно! – Люкрес в самом деле хочет саму Шуалейду и не станет освобождать для себя трон Валанты. Шу тут же затребовала от капитана Энрике подтверждения, что Люкрес – нормальный человек, а не бездушный политик...

– Понятия не имею, какой он на самом деле, Шу. Я с ним не знаком.

– Но эти письма! Не может светлый шер, который пишет такое, быть бессердечным мерзавцем!

– Тот, кто пишет эти письма, очень заинтересован в тебе. Я даже готов допустить, что ему не нужна корона Валанты. Но разве я учил тебя доверять красивым словам, а не делам? Ты не знаешь этого человека. Ты даже с ним ни разу не говорила.

– Ты зануда, Энрике.

– Спасибо, я стараюсь.

За три месяца, прошедших с ее возвращения в Сойку, мнение Энрике не изменилось. А вот Шу... Шу регулярно перечитывала письма Люка – и не находила в них ни единого признака лжи. Даже в сегодняшнем. Вот его она точно покажет Энрике, и Энрике непременно поверит, что Люка – истинно светлый шер, что он любит Шу и не представляет для Каetano угрозы!

«...Вы правы, моя Гроза, нам стоит быть откровенными друг с другом. Скажу вам больше, ваша искренность и непосредственность мне нравятся куда больше, чем принятые при дворе недомолвки и увиливания. Поэтому я честно отвечу на все ваши вопросы и начну с того, который вы не задали, но, без сомнения, желаете знать на него ответ.

Я не хочу быть королем Валанты. Я не хочу, чтобы вы стали ее королевой. Ваш брат – законный наследник, угодный Двуетиным. Идти поперек их воли – сущая глупость.

Мне нужны только вы, моя Гроза. Вы даже не представляете, насколько сильно вы мне нужны. С самой нашей встречи я постоянно думаю о вас...»

Пусть капитан Энрике не менталист, но он умеет видеть правду и ложь. Какие еще доказательства нужны?

Шу мечтательно вздохнула, представив, как они с Люка вместе отправятся путешествовать, ведь Люка часто ездит по дипломатическим делам. Он обещал показать ей весь мир! Даже таинственную Хмирну и восточные острова, где живут лишь вулканические саламандры!

А сам Люка тем временем рассказывал, как его надул сашмирский торговец коврами. Его, светлого шера, менталиста! Эти торговцы – совершенно удивительные люди, они могут торговаться по нескольку часов, у них целые ритуалы, даже танцы! Вы только представьте, чтобы продать вам какой-то медный кувшин, они готовы показать целое представление, а если вы не купите – будут плакать...

Над картинками с сашмирского базара смеялись все, даже Энрике. И именно он внезапно насторожился, прислушался – и сделал знак Шу, чтобы она убрала письмо.

Шу тоже прислушалась... нет, ей даже прислушиваться не пришлось. Как только она вынырнула из грез, она сразу почувствовала *это*.

Тьму. Огненную, опасную и манящую тьму, приближающуюся к стенам крепости.

– Бастерхази, – сказали они одновременно с Энрике и Бален, правда, с совершенно разными интонациями.

Бален – с ненавистью. Энрике – холодно. А Шу... она сама не знала. Бастерхази больше не писал ей и никак не давал о себе знать. Ну, если не считать редких заметок о нем в газетах, но это не считается. И вот, пожалуйста, явился.

– Он не войдет в крепость. – В голосе Энрике звучала сталь.

– Но он полпред Конвента, – недоуменно возразила Шу.

– Плевать. Его величество выразился ясно: ни один темный шер не должен войти в крепость Сойки, пока здесь Каетано. Будь он хоть сам Темнейший!

– Мы должны его выслушать, – вмешался Каетано.

– Скорее твоя сестра. – Зако Альбарра сверкнул на Шу жгучими черными глазами и кривовато усмехнулся.

На Шу даже сквозь его ментальный амулет пахнуло острой смесью ревности, досады и восхищения. Восхищения – правильного и привычного, она тоже восхищалась Зако и любила его как брата, но досада и ревность-то откуда? Как будто Зако сам хотел бы ее поцеловать... Да нет, чушь какая! Зако давно влюблен в Баль, как все обитатели крепости. Да и откуда ему знать? Она же никому, кроме Баль, не рассказывала о своем сне! Да-да, сне! Наяву она бы точно не стала целоваться с темным шером Бастерхази. Ни за что бы не стала. А сны, как говорит капитан Энрике, к делу не подошьешь.

– Сначала неплохо бы с ним хотя бы поздороваться и узнать, что ему нужно. – Шу попыталась быть голосом разума. – Может быть, он привез послание Конвента?..

– ...которое нельзя передать нормальным способом, – так же кривовато усмехнулся Энрике.

Да, вот почему мимика Зако показалась Шу странной, он просто копирует Энрике! Все просто, никакой глупой ревности.

– Неважно, – прекратил споры Кай. – Так мы идем к воротам или пропускаем все самое интересное?

Само собой, они всей компанией побежали к воротам, точнее – на стену над воротами. Хотя Кай явно чувствовал себя неудобно и не слишком-то хотел встречаться с темным шером, но признаться в трусости?! Ни за что. И Шу его очень понимала. Она и сама, не будь рядом зрителей, предпочла бы не показываться темному на глаза. Вот просто на всякий случай!

И наверняка бы пожалела, что пропустила все самое интересное.

– Ничего себе, – восторженно-испуганно шепнул Кай, когда шер Бастерхази показался из-за поворота горной дороги. – Ты уверена, что стены его остановят?

– Я уверена, что не хочу это проверять.

Ей тоже было страшновато. Нет, не так. Ей было страшно до дрожащих коленок. Наверное, в Тавоссе она была совсем не в себе, если при виде этого кошмара не сбежала обратно в Олой-Клыз, к зургам.

Хотя следовало признать, шер Бастерхази был не только ужасен, но и красив. Почти как грозовая аномалия над Олой-Клыз. Или как извергающийся вулкан, который Шу видела только на картинке в учебнике. И ей опять до покалывания в кончиках пальцев хотелось дотронуться до бурлящей алыми и лиловыми протуберанцами тьмы, убедиться, что это – живой человек, такой же, как она сама...

– Он что, тебе нравится?! – В тоне Кая звучал откровенный ужас, словно Шу у него на глазах сошла с ума.

– Он красивый, – сказала Шу из чистого упрямства.

Вот так она и призналась, что у нее поджилки трясутся! Особенно при воспоминании об их встрече.

Впрочем, он же ее не съел! Может быть, и сейчас не стоит так уж бояться? Тем более он в самом деле красив. Не только как стихия, но и как человек.

Высокий, широкоплечий, но при этом гибкий, а не массивный. Смуглый. Резкий и хищный, чем-то похожий на ястреба. Весь в черном, только плащ подбит алым шелком, и воротник с манжетами – белые. Кружевные.

Вот сейчас, после трех месяцев штудирования книг о моде и традициях, Шу точно могла сказать, что камзол и плащ Бастерхази соответствуют моде двухвековой давности. Что совершенно неприлично с точки зрения старых традиций, ведь шер должен носить то, что было в моде во времена его юности, а не за полтора века до его рождения. Впрочем, за неимением в Валанте настолько старых шеро вряд ли кто-то бы посмел упрекнуть Бастерхази за излишнюю пыль в глаза. Вот Шу бы не стала, потому что этот древний камзол шел ему просто невероятно.

И почему-то очень ясно представлялось – что там, под плащом и камзолом. Так ясно, что к щеками прилил жар. А страх... страх спрятался куда-то очень глубоко.

Наверное, от смущения и растерянности Шу не сразу обратила внимание на двух зверюг – на одной Бастерхази ехал, не давая себе труда даже придерживать поводья, а вторая следовала за ним, как привязанная... а, нет. Не словно. Вместо обычной веревки вторую зверюгу удерживал ментальный поводок.

С виду они походили на обычных вороных коней, тонконогих и длинногривых. Вот только глаза и гривы отливали красным, в пасти блестели клыки, и самое главное – сложная, многослойная аура мало походила на лошадиную. Да что там на лошадиную, на ауру

живого существа! Наверняка это и есть знаменитые кони-химеры, пасущиеся во снах и подчиняющиеся только истинным шерам.

Почувствовав ее взгляд, Бастерхази глянул вверх – и улыбнулся. Ей, лично ей. От неожиданности (и захлестнувшей ее волны жаркого смущения) Шу отпрянула, чуть не сбив с ног Кея, и перехватила полный ревности взгляд Зако. Ну вот опять! Надо будет потом с ним поговорить. Глупости какие, ревновать ее!

Встречать Бастерхази вышли полковник Бертран и капитан Энрике. Точнее, спрыгнули со стены на площадку перед запертыми воротами и сделали несколько шагов по опущенному мосту: Бертран впереди, Энрике на шаг позади.

– Чем обязаны чести видеть вас, темный шер? – спросил Бертран, едва Бастерхази спешился: ровно за шаг до границы магических щитов, окружающих крепость.

– И вам светлого дня, полковник Альбарра. – Бастерхази скептически оглядел запертые ворота и мерцающую полусферу щита. – Вы на осадном положении?

Шу стало немножко стыдно. Столь явное недоверие наверняка его оскорбляет. Вот ее бы точно оскорбило – особенно если бы она не замышляла ничего дурного. Да и вообще невежливо закрывать двери перед гостями.

– Как и последние тринадцать лет, – кивнул Бертран. – Приказ его величества, мой темный шер.

– Что ж, я вижу, вы отлично его исполняете, – улыбнулся Бастерхази.

Выглядело это так, словно он едва сдерживает смех. Еще бы, ему крепостные стены и даже магические щиты – на один зуб. Ведь она видела его... настоящим? Почему-то сейчас, не во сне, он выглядел намного слабее... ну... едва превосходил Энрике. Но Шу знала: это иллюзия. Отличная, способная обмануть кого угодно, но иллюзия.

А еще ей было очень странно понимать, что щиты Сойки, рассчитанные на самых сильных зуржких шаманов и на жрецов Мертвого, не устоят перед темным шером Бастерхази. Шером всего лишь второй категории! А ведь щиты ставили гномы и главы Конвента, Светлейший и Темнейший. Шеры категории зеро, сильнее которых не бывает...

Что-то здесь не то, и она непременно обдумает это несоответствие. Завтра.

– Я сообщу его величеству, что его дети под надежной защитой, – тем временем продолжил Бастерхази.

– Благодарю вас, темный шер. – Полковник Бертран сдержанно поклонился. – Могу я пригласить вас промочить горло и побеседовать на природе?

– Не откажусь. Могу я засвидетельствовать свое почтение их королевским высочествам?

Бертран на миг замялся – приказ короля был ясен: ни один темный шер не должен войти в крепость, а наследник – ее покинуть без специального королевского разрешения. Контакты между темными шером и наследником также запрещены. Однако Бастерхази не слепой и отлично видит обоих королевских детей на стене.

– Разумеется, мой темный шер, – спас его от неудобной ситуации Каетано, выглянув из промежутка между зубцами. – Рад с вами познакомиться.

Бертран облегченно выдохнул, Энрике за его спиной ухмыльнулся. А Шу тоже высунулась и даже помахала темному шеру рукой. Страх окончательно ушел, оставив вместо себя жгучее любопытство и какую-то отчаянную лихость.

– Светлого дня вам, темный шер, – с вызовом и самую малость с внутренней дрожью сказала она и улыбнулась.

– Приятно видеть ваши королевские высочества в добром здравии.

Бастерхази учтиво поклонился, подметя шляпой мост, а потом одарил Шу таким

взглядом... таким... Нет, никаких ментальных касаний, упаси Двоединые. Но это было и не нужно. Она и так почти почувствовала его губы на своих губах, и тепло его тела, и даже запах грозового ливня, выдержанного кардо и нагретого сандалового дерева.

– Вашими молитвами, темный шер! – Шу сама не поняла, какой ширхаб дергает ее за язык, но остановиться не могла. – Надеюсь, нашей дорогой сестре тоже будет приятно это известие. Ждем не дождемся воссоединения с семьей!

– Ваш августейший батюшка передал для ваших высочеств несколько редких книг из королевской библиотеки в надежде скрасить ваше ожидание. – Бастерхази снова поклонился, правда, вышло у него не то чтобы почтительно, а как-то насмешливо, что ли.

И тут...

Шу отреагировала быстрее, чем успела сообразить, в чем дело. Мгновения не прошло, как она уже поймала Кая воздушной сетью, не позволяя спрыгнуть на подъемный мост, и ею же оттолкнула от зубцов.

– Я не маленький, Шу! Какого ширхаба!..

– Какого – я тебе потом скажу, большой брат. – Ей опять было стыдно, на сей раз за Кая. Бастерхази там внизу наверняка смеется над ними. Да и за себя тоже. Вот только она слишком привыкла всегда, в любой ситуации защищать Каetano от любой опасности. Не зря же Энрике учил ее этому больше десяти лет. – Веди себя как принц.

– Каetano, не стоит лезть в пасть к темному, – поддержал ее Зако. – Его величество очень огорчится, если узнает.

Кай стряхнул с себя остатки воздушной сети и обернулся, гневно сверкая глазами.

– Вы еще укутайте меня в вату, как хмирский фарфор! Ну что он мне сделает на виду у всего гарнизона?

– Ровно то, что захочет, – нахмурился Зако.

– Ровно то же самое, что сделает, когда я вернусь в столицу, – тоже нахмурился Кай. – Мне надоело прятаться.

– Не подводи Бертрана, – без особой уверенности сказала Шу: по большому счету Кай был прав. – Не он запихнул нас в Сойку, а отвечать в случае чего – ему.

– Тебе, значит, можно плевать на все и воевать зургов, а мне – не сметь высунуть нос за ворота! – огрызнулся Каetano. – Да идите вы!..

– И пойдем, – Шу разозлилась, – ваше королевское высочество!

– Вы еще подеритесь, – насмешливо сверкнула глазами Бален, – на радость Ристане и ее темному любовнику.

Шу вместо ответа передернула плечами и отвернулась. Напоминание о том, что Бастерхази вот уже десяток лет любовник Ристаны, ее задело. Особенно тем, что она опять об этом забыла, как и три месяца назад, в Тавоссе. Шу нестерпимо хотелось то ли сбегать к себе, то ли самой спрыгнуть со стены и спросить у Бастерхази прямо: за каким ширхабом он явился? Это снова поручение Ристаны? И ведь если бы не Кай, спрыгнула бы! А теперь нельзя, она же старшая, она же должна подавать Каю пример... Ширхаб нюхай этот пример!

– Не подеремся. – Каetano упрямо выдвинул подбородок, став до невозможности похожим на портрет Эстебано Суардиса, первого короля Валанты. – Как и подобает нашим высочествам, мы пойдем через ворота.

Все трое – Зако, Баль и Шу – уставились на него в недоумении. Правда, Шу – еще и с гордостью, а заодно с облегчением. Наконец-то Каetano становится взрослым и решает сам за себя! Конечно, немножко вопреки приказу короля, но уж как-нибудь они обойдут эти формальности. Тем более что в крепости Каetano ничуть не в большей безопасности,

чем за одним столом с Бастерхази.

К тому же – ей самой до невозможности хочется пойти туда и потрогать настоящую химеру! Да-да, химеру, а не самого шера Бастерхази!

– Я тоже хочу промочить горло на природе, – в тон брату заявила Шу. – Инкогнито!

– Инкогнито! – кивнул Каetano все с тем же решительным и воинственным видом, но долго не выдержал, оглядел себя, Шу, усмехнулся и добавил: – Как предусмотрительно мы оставили регалии... хм...

– В сундуке у Бертрана, – подмигнула ему Шу, которую снова захлестнула веселая лихость.

И все четверо, больше не пытаясь быть примерными, послушными и благоразумными, ссыпались вниз со стены, к воротам. То есть к калитке в воротах, через которую солдаты уже выносили стол, плетеные стулья и корзины с едой.

– Еще четыре стула, – велел Каetano и, выдвинув подбородок а-ля Суардис Большой Кулак, первым вышел через калитку. Очень, очень важно и достойно, как и подобает принцу инкогнито.

Шу чувствовала себя словно во сне. Было невероятно легко, немножко смешно и самую капельку страшновато от собственной смелости. Ведь она открыто флиртвала с темным шером Бастерхази! Да что там, она впервые в жизни флиртвала! И темный шер оказался совсем не похож на тот мрачный ужас, о котором писали газеты и о котором рассказывал ей полковник Бертран.

О нет. Роне – он сразу предложил называть себя по имени, ведь они всего лишь обедают на природе, а не торчат на скучном официальном мероприятии, – шутил, рассказывал забавные истории из дворцовой жизни и жизни Магадемии, искренне интересовался их с Каем обучением и даже поспорил с капитаном Энрике на тему пользы фехтования...

– Вы говорите в точности как один мой друг. – Роне со смехом поднял руки, словно сдаваясь. – Азарт, снова азарт и еще раз азарт. Но по мне веселее сыграть в карты, чем махать железками.

Он бросил заговорщицкий взгляд на Шуалейду и улыбнулся самым краешком губ. Ей. Их общей тайне.

– Не может быть, чтобы такой важный и серьезный шер, как вы, играл в карты, – подначила его Шу, очень стараясь не краснеть и не смущаться. – Конвент же не одобряет.

– Делать только то, что одобряет Конвент, невероятно скучно. Разве вы сами иногда не нарушаете правила? Хотя бы самую капельку?

Она все же покраснела, слишком явственно припомнив – как именно темный и светлый шер нарушили все мыслимые правила и как ей это понравилось.

И ей, о ужас, было совершенно все равно, что сейчас ее горящие щеки видят и Кай, и Энрике, и даже денщик полковника Бертрана, прислуживающий им за столом. Даже все равно, что ей потом скажут они все!

Но пока шер Бастерхази очаровал всех без исключения, даже сурового капитана Магбезопасности. Да что там, даже Морковка позволила себя погладить, а Ветер благосклонно принял подношение – невесть откуда взявшегося живого мышонка! А уж когда Роне подарил Каю и Зако изумительные клинки гномьей стали, Бертрану – старинную подозрную трубу, Энрике – фолиант с легендами Ледяного края, а Бален – саженец какого-то дерева в глиняном горшочке, его уже готовы были признать если не воплощенным добром, то хотя бы «не таким уж гнусным типом».

Именно так и сказала Бален, как всегда любезная до скрежета зубовного.

– Я тоже рад убедиться, что слухи о каннибализме мислет-ире несколько преувеличены, – в тон ей ответил шер Бастерхази.

Бален в ответ только сверкнула глазами и улыбнулась, обнажая небольшие, но очень острые клыки, мол, младенцы – не для меня, а вот укусить темного шера я никогда не откажусь.

Но самым великолепным, потрясающим, изумительным и невероятным был подарок Шуалейде. Химера-трехлетка Муаре, выращенная в родовом поместье Бастерхази на севере Фьоны. Шу лишь читала о ездовых химерах, то есть потомках жеребцов-химер, чистокровной нечисти, и живых кобылиц особой породы. Химер выращивали всего несколько темных семей, держали технологию в строжайшем секрете и драли за химер безумные деньги.

Шу знала лишь, что каждая кобылица могла принести только одного жеребенка-химеру и погибала, едва его выкормив: жеребенок питался не только молоком, но и жизненными силами матери. Выращивание жеребенка и особенно его дрессировка тоже были крайне сложным и трудоемким процессом, не говоря уже о кормежке взрослой особи. Химеры не могли существовать без подпитки магией от хозяина, а если хозяин был недостаточно силен и умел как менталист (или не имел нужных амулетов) – легко могли сожрать его самого. Правда, со смертью хозяина погибала и химера, но тем неосмотрительным и самонадеянным шерам, которых съели их собственные «лошадки», это уже было безразлично.

– Как видите, Муаре называли так за муаровый рисунок, – пояснил Роне, проводя пальцами по едва заметным светлым линиям на черной шкуре. – Надеюсь, вашему высочеству понравится на ней кататься.

– Конечно! Спасибо, мой темный шер, это... это так... – У Шуалейды от восторга закончились слова.

– Очень неожиданно, мой темный шер, – закончил за нее Энрике, осматривающий Муаре так внимательно, словно она могла прямо сейчас сожрать и Шуалейду, и Каетано, и Зако с Баль: всех, кто любопытствовал с безопасного расстояния локтей в тридцать. – Неожиданно и крайне лестно. Насколько я знаю, владеть химерой из табунов Бастерхази имеют право лишь шеры второй категории и выше.

– Как вам известно, мой светлый шер, аттестация на категорию в данном случае не более чем формальность, – тонко улыбнулся Роне. – И даже без формальной аттестации я уверен в силах ее высочества. Право, одна химера не идет ни в какое сравнение с ордой зургов.

Энрике только бросил на Шу понимающий взгляд и кивнул:

– Хорошо. Но привязку, прошу вас, сделайте под моим наблюдением. Я должен буду доложить о подробностях своему начальству.

– А, полковнику Дюбрайну. – В тоне Роне проскользнули очень странные нотки, словно с замначальника МБ их связывала то ли давняя дружба, то ли еще более давняя вражда. – Непременно доложите, капитан. Можете даже записать в Око Рахмана, у меня чисто случайно есть с собой совершенно новое. Разумеется, лицензированное.

И почему-то покосился на сидящего на плече у Шуалейды белого ястреба. Который против обыкновения не дремал, а разглядывал Роне.

Шу тоже разглядывала его и Энрике, даже временно отвлекшись от химеры: та как раз знакомилась с Морковкой. Звери фырчали и порывивали друг на друга, совершенно одинаково задрав хвосты, припадая на передние ноги и скаля клыки. Кстати, у химеры они были значительно крупнее, чем у рыси.

Общение Энрике и Роне чем-то неуловимо походило на разговор рыси и химеры, разве что клыки не показывались и хвосты не задирались.

– Привязку можно сделать прямо сейчас? – встряла Шу, не дожидаясь, пока клыки прорежутся и у благородных шеров. С них станется. Вон, у Энрике уже глаза засветились. – А вы мне расскажете о химерах, Роне?

– С удовольствием, ваше высочество, и не только о химерах. – Из голоса Роне пропали саркастические нотки, зато появились бархатные, ласкающие, словно мягкая рысья лапа. – Надеюсь, Магбезопасность позволит вам опробовать подарок сегодня же.

– Энрике не будет против, правда же?!

Не надо было быть менталистом, чтобы понять: идея отпустить Шу на прогулку вдвоем с шером Бастерхази ему очень не нравилась. Но возражать Энрике не стал – за что Шу была несказанно благодарна. А вот за привязкой химеры к новой хозяйке наблюдал очень внимательно и, похоже, понял из нее куда больше, чем сама Шу, хотя Роне любезно объяснял все свои действия...

– ...Что ж, теперь Муаре – ваше продолжение. Я бы рекомендовал вам пользоваться и обычными поводьями, исключительно ради спокойствия окружающих. Сейчас Муаре выглядит, как и положено химере, но если вы захотите, станет на вид самой обычной вороной кобылой аштунской породы.

– А вы... в смысле, как зовут вашу химеру? – спросила Шу, обнимая свою Муаре за теплую шею. – И вы же не маскируете ее под обычную лошадь!

– Ни в коем случае, я же – ужасный темный шер, мне положено пугать простой народ, – усмехнулся Роне и мгновенно изменился...

Шу невольно вздрогнула и едва не отшатнулась, таким он стал мрачным, зловещим и опасным. Даже черты словно стали резче, более хищными, а взгляд... от этого взгляда все волоски на теле поднялись дыбом, а если бы у Шу был хвост – он бы уже лупил по бокам, и клыки бы скалились...

– Перестаньте меня пугать, а то я сейчас завизжу.

– О, не надо! – образ «кошмарного ужаса» сполз, и шер Бастерхази снова улыбался, подняв открытые ладони в жесте показного страха. – Я-то уцелею, а вот боюсь, Муаре от вашего боевого клича поседает. Не представляю, как его выдерживал ваш новорожденный брат... кстати, вам не пришлось лечить его высочество от частичной глухоты?

– Вы смеетесь надо мной! – Шу не могла понять, то ли ей стоит обидеться, то ли тоже посмеяться, то ли устроить шеру Бастерхази допрос с пристрастием.

– Ни в коем случае, моя прекрасная Гроза, – перешел он на доверительный шепот. – Я искренне восхищаюсь... или ужасаюсь. Помнится, после вашего визга у меня половину луны звенело в ушах. Для юной шеры двух лет от роду у вас был невероятный голос. И сила, моя прелесть.

От его голоса, от его близости – когда он успел оказаться к ней почти вплотную?! – у Шу перехватило дыхание, ослабли колени, и ей пришлось ухватиться за гриву своей химеры. Хотя на самом деле хотелось ухватиться за его плечи, так же, как тогда, в Тавоссе...

– Все же вы смеетесь...

– Окажите честь, позвольте помочь вам. – Он взял ее за руку, а сам встал на одно колено, чтобы она могла подняться к седлу, как по ступеньке.

На этот раз Шу не смогла скрыть дрожь. Она сама не понимала, почему от вида Роне у ее ног становится так горячо, и смутительно, и сладко замирает сердце, и хочется... О злые боги, лучше даже не думать о том, чего ей хочется! И не сжимать его ладонь так, словно он может сбежать – а она никак не может его отпустить! Что за наваждение!

– Благодарю вас, мой темный шер. – Странно, как ей удалось выговорить эти слова без запинки: язык не слушался, губы пересохли...

И да, ей очень нужна была помощь. Потому что голова кружилась. Это у нее-то, которая бегала по крепостным стенам, играя с братом в салочки, и прыгала в море с высоты двух сотен локтей!

Она немного пришла в себя только в седле, когда крепость и с завистью глядящий ей

вслед Каетано скрылись за поворотом горной дороги. Не настолько, чтобы без опаски посмотреть на Роне, но достаточно, чтобы понимать: надо срочно, немедленно отвлечься! На что-то... что-то... нейтральное и безопасное, вот! И она даже знает, на что именно. Что может быть нейтральнее и безопаснее, чем начальство Энрике?

– Роне, вы обещали рассказать мне... – Она замялась, потому что голос неожиданно засипел, словно она напилась ледяной воды.

– Все, что вам угодно, моя Гроза.

Шу опять вздрогнула: Роне называл ее так же, как Люка. Так же, как тогда, в Тавоссе. Может быть, расспросить его о Люка?.. Нет, нет, это – не нейтрально и не безопасно!

– Расскажите мне о полковнике Дюбрайне. Я знаю, он иногда приезжает в Суард... – она проглотила «к моей сестре», вот уж о ком она сейчас не хотела слышать ничего! – И вы вместе расследовали то, что случилось при рождении Каетано. Расскажите мне! Я ничего толком не помню.

– Поверьте, моя Гроза, если вы не помните, что произошло, значит, так и должно быть, – серьезно ответил шер Бастерхази. – Вы вспомните сами, когда на то будет воля Двуетиных.

– Но вы же знаете!

– Нет. Вы думаете, почему результаты расследования держатся в тайне?

– Потому что там случилось что-то ужасное. Я знаю, в газетах писали, а потом – раз, и перестали. Им запретили. Магбезопасность запретила.

– Магбезопасность и Конвент. Потому что слухи куда ужаснее реальности, кому, как не вам, знать.

Шу лишь пожала плечами. Да, она знала. О ней самой газеты писали такое, что в страшном сне не приснится. Наверное. Но вдруг это – правда? То, что Энрике нашел в случайно уцелевших старых газетах, тех, что вышли в первые две недели после рождения Кая.

– Так что же было на самом деле, Роне?

– Честно? Понятия не имею, Шу. Слава Двуетиным, меня там не было. Иначе, боюсь, я бы так и остался в башне Заката вместе с тем десятком несчастных.

– Десятком? Газеты писали о сотнях.

– Светлый шер Густав Кельмах, полпред Конвента. Две повитухи. Две горничные. Камеристка вашей матери. Лакей, принесший воду. Трое лейб-гвардейцев, охранявших башню Заката. Итого десять человек. Не верьте газетам, Шу.

– От чего они умерли?

– От старости.

Шу передернула плечами. Десять человек умерли от старости, когда королева Зефрида родила сына. Все десять человек, которые были рядом – все, кроме двухлетней Шуалейды, самой Зефриды и новорожденного Каетано. Старшая принцесса тут же обвинила в их смерти Зефриду, газеты подхватили – с воплями, что королева то ли темная, то ли жрица Мертвого, то ли вообще нечисть, и дети ее – нечисть.

– Я знаю точно только одно, Шу. Ваша мать была светлой шерой. Всегда только светлой. А виноват в том, что случилось, шер Кельмах. Даже среди представителей Конвента случаются безмозглые ослы.

– Не моя мать? Вы уверены?

– Ее величество никогда не хотела никого убивать. Она была... она была самой светлой из всех светлых. Слишком, даже слишком. Она безумно любила вас, своих детей, и своего мужа, но не стала бы убивать даже ради вас. Я уверен.

Шу не могла понять, что ей кажется неправильным в тоне... нет, в эмоциях Роне. Как будто для него история не закончена? Как будто для него светлая Зефрида – не просто королева Валанты, а что-то гораздо большее?

Она чуть было не спросила прямо: вы любили мою мать, Роне? Но что-то ей помешало. Может быть, горькая морщинка между его бровей. А может быть, она просто не хотела услышать «да» и понять, что для Роне она – всего лишь дочь некогда любимой женщины.

– Тогда расскажите мне, как все было. Вы тогда уже работали на Конвент?

– Нет, еще нет. Я сделал стремительную карьеру. – Он криво и зло усмехнулся, и Шу померещилась застарелая боль в переломанных костях. – Из ученика Темнейшего сразу в полномочные представители, безо всех этих интриг, подлизывания и прочего. Но вам вряд ли интересно, как простые шеры получают хлебные должности.

– Мне интересны вы, Роне.

Ей показалось, или Роне вздрогнул? Наверное, показалось. Он просто обернулся, глянул на нее хмуро, дернул ртом...

– Хотите правду, моя Гроза? Она вам не понравится. Никакой романтики.

– К ширхабу романтику, Роне. Я хочу правду.

– Что ж, правду – так правду...

Глава 22

О пользе скромности и послушания

Шеры основных категорий, то есть первой, второй и третьей, получают грамоту на белом или черном пергаменте, соответственно принадлежности дара. Цветная кайма на грамоте обозначает стихии, подвластные шеру.

Шеры условной категории получают грамоту серого цвета, так как стихию и принадлежность определить невозможно.

Сумрачные шеры получают грамоту цвета своей стихии либо нескольких стихий.

419 год, 4 день гончих (13 лет назад)

Фьонадири, дом Темнейшего главы Конвента, Великого Паука Тхемши

Рональд шер Бастерхази

Повелительный стук трости по полу старший ученик услышал сразу, едва Учитель вернулся из Магадемии. Привычно попросив Темного Хисса отвести мочу от головы Учителя, ученик сунул в карман скромной серой робы флакон с регенерирующим зельем: его он выменивал на амулеты-накопители у студентов-целителей. Подпольно, разумеется. Для визита к Учителю зелье – необходимейший предмет. Даже нужнее тупого и покорного выражения лица и ссутуленных плеч.

Добежав до кабинета – громко топая, чтобы Учитель ни на миг не усомнился в его спешке – старший ученик так же привычно прошел через закрытую дверь и опустился на колени сразу за порогом. Не поднимая глаз, сложив руки на коленях, все, как велят древние цуаньские традиции, и – подальше от Учителя с его тростью.

– Завтра едешь в Валанту полномочным представителем Конвента, – раздался над ухом надтреснутый голос Учителя.

Колена почти ласково коснулся острый конец трости: почтительная поза в исполнении старшего ученика никогда не была достаточно хороша, но Учитель неустанно заботился о ее совершенстве. Поправляя. Иногда, если очень везло – без переломов, ран и даже синяков. Вот как сегодня. Правда, в долгое везение старший ученик не верил и уже готов был к внезапному удару – Учитель таким образом вырабатывал у ленивых дубин интуицию и скорость реакции. В смысле, если ученик успевал ткнуться лбом в пол до того, как его касалась трость, обходилось без переломов. Впрочем, если ученик ошибался насчет намерений Учителя, то мог схлопотать по заправке за трусость.

А Темнейший тем временем продолжал:

– Этот светлый ишак Кельмах ввязался в интригу не по зубам, место полпреда теперь свободно. Я добьюсь, чтобы Конвент отдал его тебе. Расследуешь обстоятельства смерти Кельмаха и доложишь. Мне. Ясно?

– Да, Учитель! Благодарю за доверие! – Ученик поцеловал морщинистые пальцы с длинными, покрашенными хной ногтями. – Я сделаю все. Расследую, доложу, все, что прикажете!

Учитель безгласно отдернул руку, но судя по отсутствию удара тростью – остался доволен.

– Мне нужны двое родившихся в седьмой день Каштанового цвета два года назад. Запоминай модель ауры.

Перед учеником возникли две сферы в разрезе. Обе весьма необычные. Первая – сплетение лиловых, синих и голубых потоков в смешанном черно-белом сиянии. Судя по яркости цвета и соотношению черноты и белизны – сумрачный шер изрядной силы, с небольшой склонностью к Свету.

Вторая аура сияла чистым золотом в молочной дымке, что говорило о светлом даре искусства. А черные пятна и прожилки – о редчайшем даре Смерти. Если бы ученик, перед тем как попасть к Темнейшему, не проштудировал всю библиотеку в бабкином поместье и не знал бы, что такой существует. По крайней мере, в Новом Шерском уложении о даре Смерти не было ни слова, и подобной ауры за все полвека обучения у Темнейшего он не встречал.

– Да, Учитель, – через мгновение кивнул ученик: теперь он сможет воспроизвести эти две ауры когда угодно и где угодно.

– Мальчика найдешь и доставишь мне. Девочку... – Учитель переступил ногами в традиционных сандалиях на деревянной подошве, обутых поверх носков с отдельным большим пальцем: что-то ему не нравилось. – Девочка – принцесса Валанты. Не выпускай ее из виду, береги как собственную душу и делай что хочешь, но чтобы отец отдал ее мне в ученицы. Если упустишь...

Он не договорил, но и не нужно было. Старший ученик отлично знал, что бывает с дубинами, не оправдавшими надежд Учителя.

Темнейший хмыкнул, почувствовав его дрожь, потрепал по голове и велел:

– Вон.

Это было вчера. А сегодня старший ученик с особым тщанием творил образ для срочного заседания Конвента. Стянул бархатной лентой волосы в строгий хвост – никаких локонов или пудры с блестками, модных при дворе. Надел темно-серый камзол с черным шитьем, выпустил ровно на пол-ладони кружевные манжеты, обулся в туфли с квадратными носами и пряжками. Одежду ему присылала бабка, и как водится у истинных шеров – по моде собственной молодости, то есть позапрошлого века. Впрочем, как свойственно женщинам, свой возраст она преуменьшала раза в два.

Старший ученик придирчиво оглядел себя в зеркале: панталоны в меру мешковаты, шпага в меру прижавела к ножнам. По мнению Учителя, железки – удел бездарных, а оружие истинного шера – он сам. Разумеется, эту простую истину он неустанно вбивал в учеников, и старший ученик не испытывал ни малейшего желания нарваться на очередной урок. Но и явиться на заседание Конвента без положенного шеру оружия не мог, вот и приходилось лавировать. Как всегда.

Вид чучела в зеркале был признан удовлетворительным. Почти. Остался последний штрих.

Коснувшись отражения пальцами, он пригасил огненные отблески в черных глазах, стер морщинки между бровями и около рта, сгладил слишком резко очерченную челюсть, чуть загнул вниз углы губ. Провел по стеклу ладонью, добавляя лицу одутловатости и бледности. Слегка ссутулился, опустив правое плечо ниже левого. Вот теперь он выглядел, как подобает темному шеру, желающему прожить долгую, скромную жизнь подальше от внимания Магбезопасности.

– Эй ты! – слышался издали надтреснутый тенор. – Подай трость!

В нос ударил запах стоячей воды, свело сломанную на прошлой неделе руку. Но старший ученик остался на месте: сегодня Учитель желал видеть в роли собачки другого «счастливчика». И, даст Хисс, никогда больше ему не придется носить учительскую трость и преданно вилять хвостом.

Прикрыв глаза, он пропел умну отрешения и сосредоточения. Ученик должен быть сдержан, послушен и ни на миг не забывать о своем счастье: служить сильнейшему шеру империи, истинному потомку Темного Хисса. А все лишние мысли и чувства спрятать

туда, где не найдет даже Учитель, за скромность прозванный Великим, а за доброту – Пауком.

Сняв с полки фолиант, старший ученик погладил свое единственное сокровище по кожаной обложке с серебряным тиснением «Ссеубех. Аспекты прикладной химеристики». Подождал, пока книга уменьшится, станет невидимой и неосязаемой.

– Сегодня, – шепнул он.

В ладонях отозвалось ободряющим теплом: сегодня мы будем свободны! Спрятав сокровище за пазуху, он сбежал вниз, в просторный холл. Вовремя. Учитель как раз выходил из своих покоев. Первой из двустворчатых дверей выплыла трость эбенового дерева, знак Темнейшего Главы Конвента. За ней – сам Учитель, Великий Паук Тхемши. В ослепительно-черном ореоле магии, пяти локтей роста, с ухоженной раздвоенной бородой и раскосыми глазами, Учитель был бесконечно мудр и велик. Спина старшего ученика сама собой согнулась в поклоне, он едва удержался, чтобы не рухнуть на колени и не целовать подол скромнейшей черной мантии, накинутой поверх расписного шелкового ки. Но снова остался на месте: Учитель не любит лишних церемоний.

Как обычно, следом за Учителем несло папки, зонтик и веер пустоглазое умертвие: русоволосый северянин, из последних учеников. Северянин лицом походил на Светлейшего Главу Конвента, был одет в любимый Светлейшим двубортный сюртук и выглядел почти как живой.

Взгляд Учителя скользнул по старшему ученику, откликнулся липким холодом в кишках. Старший ученик, привычно подавив тошноту и позыв закрыться от чужого разума, поспешил распахнуть дверь перед Учителем. Спины он так и не разогнул: Великий не любит смотреть на учеников снизу вверх, не любит надевать душную мантию, не любит докучных вызовов в Конвент. Но всегда исполняет свой долг. Вот воистину пример благородства, достойный всяческого подражания! Величайшая честь для любого темного шера – внимать мудрости Великого, служить ему ассистентом и вешалкой для зонтика...

Учитель благосклонно кивнул его мыслям и прошествовал к запряженной шестеркой химер золоченой карете – не спускаясь на вымощенную плиткой дорожку, прямо по воздуху. А в карете указал на второе сиденье. Не то чтобы скамеечка у ног Великого была недостаточно почетна и удобна, но не все магистры Конвента, да провалятся они скопом в Бездну, разделяют мудрые учительские взгляды на воспитание юной поросли.

Поросли сорняков, добавил бы Учитель.

Лопухов и чертополоха, добавил бы старший ученик, но не стал бы уточнять, к кому относит себя – к недоумкам или колючкам.

Всю дорогу к Магадемии он внимал указаниям Учителя: без приказа рот не открывать, думать о магистрах Конвента с благоговением и трепетом – ибо эти маразматики, особенно Светлейший, мнят о себе невесть что и не стесняются копаться в мозгах чужих ассистентов. И не напутать в тексте клятвы, помилуй Двоединые. Куда катится этот мир, если лучший из молодых темных, правнук подруги юности – безнадежный тупица!

В ответ на упреки старший ученик кланялся и обещал не подвести, оправдать и сделать все, что прикажет Учитель, да воссияют его мудрость и милосердие вовеки. Учитель снова морщился, цедил ругательства по-цуаньски и сожалел, что рядом с ним – тупая дубина. Какого екая последний умный и даровитый ученик посмел воровать книги и проситься к Светлейшему в Магадемию хоть полomoйкой? Ведь Учитель прочил ему, неблагодарному, великолепную карьеру!..

Двухлетней давности вопли «даровитого» до сих пор звучали в ушах ученика и отдавались холодом в переломанных костях. Будучи живым, северянин не в меру гордился своим умом и славным именем рода, захиревшего еще до Мертвой войны. Разумеется, северянин похвастал краденой книгой перед менее умными и благородными – имени старшего ученика, называемого Учителем не иначе как «дубина», он не знал. Да

никто из учеников не знал – «дубина» еще в первые годы у Великого поклялся, что вспомнит имя предков, лишь когда будет этого имени достоин.

И разумеется, он первым доложил обожаемому Учителю о недоумке, так похожем на Светлейшего – что само по себе обещало великолепную карьеру доверенного слуги-умертвия. Он сам доставил недоумка в лабораторию и привязал к столу из черного обсидиана. Сам подавал скальпели, пока Учитель разделял материал и читал лекцию о пользе и надежности немертвых слуг. Слава Двуетиным, что есть такие даровитые – пока они есть, Учитель позволит ему еще немного пожить...

– Хватит дрожать, дубина, – усмехнулся Учитель, объевшийся его страха, и стукнул тростью по плечу: рубец в этом месте не успевал зажить, несмотря ни на какие регенерирующие зелья. Раны, нанесенные Темнейшим, вообще крайне плохо поддавались лечению. – Ты мой ассистент, благородный темный шер, а не суслик. Суслику не дадут должность.

Ученик вздрогнул и сжался: если он не получит эту должность – останется только молить Хисса, чтобы забрал в Бездну немедленно. Ибо даже повеситься ученик не может, как не может распоряжаться никаким имуществом Учителя.

«Умм-насон...» – Умна отрешения заглушила страх и боль: ученик и ассистент должен быть сдержан и послушен. Должен!

Он уставился в окно: карета проезжала торговые пассажи и желтеющие бульвары, полные гуляющих бездельников. Среди них нет и быть не может учеников Великого: Учитель не одобряет пустой траты времени, такой, как катание на трамвае...

Болезненную пустоту под ложечкой ученик привычно списал на скудный завтрак и городскую вонь – но никак не на зависть бездарным и свободным.

Прогулочный трамвай, недавно пущенный гномами вокруг императорского дворца и центральных кварталов, зазвенел на повороте и остался позади. Карета въехала в парк при Магадемии. Здесь, в отличие от города, желтых листьев не было в помине. Светлейший, аспида ему в печень, любил цветы, и в угоду ему студенты расстарались: джунгли, сельва, степь, горные луга и вишневые сады цвели круглый год. А над всем этим возвышались восемь башен Магадемии, соединенные ажурными воздушными галереями на высоте четвертого-пятого этажей. Основной корпус Магадемии – сливочный песчаник, стрельчатые окна в мелкий переплет, мозаики, колонны и резные карнизы – вместе с цветными башнями строили по проекту самого Золотого Дракона, задолго до Мертвой войны.

– Ладно тебе, – Учитель неожиданно звонко расхохотался. – Хоть ты и дубина, но все ж память о безвременно почившей Магде Бастерхази... Или еще не почившей, а? Еще скрипит старушка...

Ученик вздрогнул, услышав имя прабабки, и про себя повторил старательно забытую фамилию: Бастерхази. Сегодня он должен получить право вспомнить, кто он есть: Рональд шер Бастерхази, последний из Ястребов Бастерхази, сподвижников Ману Одноглазого Проклятого. Должен!

– ...почти внук мне. Ах, хороша была Магда... – Учитель причмокнул. – Не спи. Приехали!

«Почти внук» вскочил, не дожидаясь остановки кареты, распахнул дверцу и спрыгнул на черно-белые плиты внутреннего двора Магадемии. Опустил подножку, подал Учителю руку и склонил голову. Как только тот ступил на землю, достал с сиденья зонтик, веер, папку и шкатулку: пора исполнять обязанности ассистента, то есть вешалки. На трость опирался сам Учитель – при визитах в Конвент на него разом нападали хромота, глухота, слепота и склероз. Сильнейшая слепота: коляски с гербом Пламенной башни и светлую магистру Пламя с ассистенткой Учитель не заметил, пока по всему двору не пахло раскаленной медью и не раздалось насмешливое:

– Светлого дня, Темнейшие!

Дивной красоты шера-прим трех с половиной сотен лет от роду, похожая на костер – алые блики огня мешались с ржавью земли и лазурью воздуха, – помахала рукой и

присела в издевательском реверансе, подобрав расшитые жемчугами кринолины. Ее ассистентка, беловолосая девушка лет семнадцати на вид – на самом деле шести десятков, чуть младше Рональда – повторила реверанс и подмигнула коллеге из-за спины патронессы.

Он склонил голову, сохранив полную достоинства кислую мину: упаси Двуетидные, чтобы Учитель заметил на лице ассистента улыбку! И неважно, что смотрит в другую сторону. У Великого Паука восемь глаз, и половина даже не на затылке, а в самых неожиданных местах.

– И вам... – расплылся в улыбке Учитель, сделал широкий жест, мол, соблаговолите вперед, и добавил вполголоса: – Чирьев на языках, светлейшие.

Дамы не услышали: не для них было сказано. Зато один из столпившихся у подножия Лазурной башни студентов, смуглый и кудрявый первогодок с желтой перевязью факультета бардов поверх форменного белого сюртука, прыснул. Как же, величайший темный шер со времен Ману Одноглазого выглядит в точности как балаганный Злодей, которого всегда побеждает балаганный Герой. В ответ Учитель обернулся к насмешнику, нахмурил брови, потряс тростью и громко прошипел:

– Шишел-мышел! Плюнул-вышел!

Пестрая стайка молодежи невольно отпрянула от взблеска иссиня-черного огня: как бы Великий ни старался выглядеть забавным и безобидным, мощь Тьмы не спрятать. Но Великий желал, чтобы ему верили, и студенты верили. Они снова захихикали: ах, этот прелестный Злодей так мило шутит! Ах, наверное, учиться у такого оригинала – презабавно, повезло этому темному огневику... симпатичный, только блеклый... Что, три стихии? Надо же! С таким тупым лицом – и три стихии? Да нет, вот у декана Пламенной башни три – это же сила, вы видели вчера ее платье из живых саламандр?..

От зловонной пены чужих мыслей затошнило – не надо было прислушиваться. Но, к счастью, захлопнувшиеся двери Центральной башни отрезали Учителя и ученика от внешнего мира.

Здесь было тихо, свежо и безопасно. Здесь Учитель никогда его не бил, а иногда даже учил... напоказ и сущей ерунде – но об этом не думать, не думать...

– Выпрямись! Ты шер или погонщик ослов?

– Да, Учитель, – ответил он и расправил занывшие от паучьего шипения плечи.

Он старался шагать уверенно, широко, но папки выскальзывали из рук, шкатулка норовила прищемить пальцы.

– Хромой верблюд. Тьфу.

Учитель скривился и шагнул в отделанную перламутром арку подъемника. Ученик – следом. Несколько бесконечных секунд он дергал энергонити, дрожал, потел и не смел поднять глаз. Диск откликнулся еле-еле, всплывал косо, медленно и рывками, грозя в любой момент рухнуть.

– Единые боги, какой слепой ишак дал тебе третью категорию? За какие грехи мне такое?..

Ткнув ученика палкой, Учитель топнул по диску, и тот поплыл вверх по вертикальной трубе, минуя арки на каждом этаже – до последнего, седьмого.

– Любой из этих... – Учитель кивнул на дверь с гербом Конвента, весами, – давно бы выгнал тебя, дубина!

Восемь из девяти магистров были в сборе. Из-за двери полыхало сияние семи цветов радуги, блекнувшее в снежных протуберанцах ауры Светлейшего Парьена. Даже смотреть на это буйство стихий было больно, а понимать, что сам никогда не будешь таким – еще больнее. Но за сорок девять лет в учениках пришлось привыкнуть: сам Темнейший подавлял не меньше, если не больше всего Конвента, вместе взятого.

Дверь распахнулась сама, и бесплотный голос древнего, как башни Магадемии, заклинания прошелестел:

– Чжань Ли шер Тхемши, Темнейший глава Конвента. Рональд шер Бастерхази, ученик и ассистент шера Тхемши.

Кивнув тихо переговаривающимся магистрам, Учитель похромал к своему месту в середине подковообразного стола, между Светлейшим Парьеном и Зеленым ире, единственным на всю столицу.

Рональд шагнул следом и глубоко вдохнул сладкий воздух свободы. Не настоящей, пока – не настоящей, как не может быть настоящим кусочек джунглей посреди снегов столицы. Но в этом зале Рональд хоть иногда мог быть самим собой: здесь никто, даже Великий Паук, Темнейший Г. К., Учитель и прочая, не мог прочитать его или тем паче воздействовать ментально без искреннего, высказанного вслух и по ритуальной формуле согласия. Магистры, несомненно, доверяли друг другу в полной мере – но традиции, ах, эти древние традиции! И какой екай их только придумал!

– Зачем ему зонтик? – ровно на второй секунде ковыляния Паука по залу послышался проникающий до самых костей, вкрадчивый шепот фиолетового магистра, Мастера Миражей: вот уже сорок лет по этой реплике можно было сверять часы.

– Это не зонтик, а походная библиотека Ману Одноглазого. Ее нельзя оставлять без присмотра, сбежит, – таким же шепотом ответил синий магистр, Дождевой Дед.

Прикрывая вислые пегие усы кружевной манжетой, Дед захихикал над собственной шуткой номер четырнадцать, используемой только и исключительно на внеочередных заседаниях Конвента. Ничуть не менее плоской, чем остальные тринадцать – по одной на каждое ежемесячное собрание. Дождевого Деда поддержало смешками все левое крыло радуги: Мираж, Ветер и Пламя. Каменный Садовник с Зеленым на миг прервали обсуждение позавчерашних практических занятий на третьем курсе и одарили поборников традиции равнодушными взглядами.

С другого конца стола тихо фыркнула магистра Мандолина – декан кафедры бардов никогда не одобряла дешевого балагана и всегда ратовала за освежение традиций и оригинальный взгляд на мир, в подтверждение чего на каждое заседание являлась в новом платье. Сегодня черноокая дива щеголяла белым бурнусом с оплечьем из шакальих зубов и яшмы, какие носили караванщицы Багряных Песков до Мертвой войны.

А Темнейший, как водится, ничего не услышал и не заметил. Глухота, слепота и склероз, что вы хотите от почтенного мужа на пороге пятисотлетия?!

На все это веселье взирал Светлейший Парьен: на угловатом, невыразительном лице читалась усталая снисходительность, в точном соответствии с ролью воспитателя при «впавших в детство великих магах». Светлейший глава Конвента был неприлично молод, не больше трех сотен лет, стриг русые прямые волосы «под шлем», носил полевой загар и новомодный двубортный сюртук – вопреки традиции долгоживущих шеро夫 одеваться так, как было принято в годы их молодости.

Такой же загар и такой же сюртук носил его ассистент – светлый, разум и воздух, третья категория. Ублюдок. Везучий, как Золотой Бард, императорский бастард: бирюзовые глаза, сросшиеся брови, длинный нос и тяжелый подбородок – как срисован с папеньки. Даже фамилию ему император дал свою: Дюблайн, побочный сын Брайнона. Едва разменял пятый десяток, а уже майор Магбезопасности и ассистент Светлейшего! И к Шельме не ходи – спина без шрамов, руки не ломаны и зовет его учитель не дубиной, а по имени. Дамиен. Сладкая карамелька, дери его Мертвый. А гонору – на весь Конвент, даже придурь завел: никогда не снимает палаческие черные перчатки, даже в присутствии коронованных особ, когда все благородные шеры должны быть с обнаженными головами и руками, дабы свидетельствовать чистоту помыслов и дел.

Рональд избегал глядеть на ублюдка, с которым за пару десятков лет его стояния за креслом Светлейшего перемолвился едва полусотней слов. Одна его благостная улыбочка действовала на самообладание Рональда хуже, чем скальпель в руках Паука.

Зато на второго паучьего соседа, остроухого ире, Рональд мог любоваться бесконечно – и нюхать мятно-лимонную ауру, исходя слюной. Золотой Бард, основавший Конвент и предписавший его Темнейшему главе соседствовать с дивно вкусным Зеленым ире, любил пошутить.

Остроухий щеголял туникой без рукавов, изумрудным плащом и золотой пудрой на полусотне рыжих косичек. В его носу и пушистых ушах красовались серьги, левую руку обвивала татуировка-змея, а в изрядных клыках сверкали бриллианты. Сегодня эти клыки лениво скалились Рональду: суверенный Лес располагался в Валанте, и ире не желали видеть полномочным представителем Конвента темного шера.

Веселье прервал стук молоточка по столу: Светлейший призывал коллег к вниманию и намекал, что неплохо бы временно забыть о маразме и заняться делом.

Глава 23

О неожиданных подарках и нежеланных напарниках

Конвент Магистров присутствует в каждом королевстве в лице своего Полномочного Представителя. Полпред Конвента не подчиняется законам королевства, лишь законам империи и приказам Конвента. Полпред Конвента осуществляет надзор за исполнением законов империи, касающихся магии. Также Полпред осуществляет магическую поддержку королевской власти, проводит аттестацию на шерскую категорию и по собственному усмотрению решает вопросы, требующие вмешательства Конвента.

Новое Шерское уложение

419 год, 5 день гончих (13 лет назад)

Фьонадири, Серая Башня Магдемии, зал Конвента

Рональд шер Бастерхази

Паук внял. Последний десяток шагов он прошел быстро и не хромя. Отдал Рональду трость, забрал папку и, поправив на лысине шапку-кирпичик из тончайшего желтого шелка, уселся в кресло, похожее на трон. Окинул Конвент острым взглядом. В зале ощутимо потемнело, заискрили стыдливо притворяющиеся вазочками глушители и громоотводы, заодно наполняя амулеты-накопители. Магистры замолкли, сбросили маски безобидных маразматиков и приготовились драться.

– Предлагайте ваши кандидатуры на должность полпреда в Валанте, – без преамбул начал Светлейший и глянул на Мастера Истины и Миражей.

Тот покачал головой и кивнул на Паука. Пожав плечами, Светлейший обернулся к Пламени.

– Светлая шера-дуо Лью. – Из рук Пламени вспорхнула папка с личным делом и опустилась на стол перед Светлейшим. – Огонь, воздух. Замдекана Пламенной кафедры. Докторы по темам...

Пока она перечисляла научные степени и прочие достоинства ассистентки, Рональд в сотый раз рассматривал витражи над головами магистров. Семь Драконов, по числу стихий, и держащиеся за руки рыжеволосые дети с переменчивыми и неуловимыми лицами – Светлая Райна и Темный Хисс. Всегда кажется, что они смотрят прямо на тебя, а может, и не кажется – Двуетные все еще здесь, пусть и не могут спуститься на слишком хрупкую после Мертвой войны землю.

Почему-то над головой магистры Пламя сегодня оказался Золотой Бард – единственный из перворожденных Драконов, он изображался в человеческой ипостаси, золотоволосым юношей, и под ногами у него лежали сброшенные крылья.

А мысли Рональда все вертелись вокруг Дюбрайна: выставит его кандидатуру Светлейший Парьен или припас любимчику кусок пожирнее? Магистры не посмеют голосовать против воли Светлейшего. И тогда... что? Опять тайком читать книги в библиотеке Конвента, подсматривать за Пауком и стелиться ему под ноги, ожидая, когда Великому Интригану снова что-то настолько понадобится, что он рискнет отпустить игрушку на длинном поводке?..

«Мальчик и девочка. Рождены в седьмой день Каштанового цвета. След мальчика потерян в Валанте весной этого года...» Зачем два ребенка сдались Пауку? Ясно, что ни за чем хорошим. Но знать бы конкретно!

Пламя закончила воспевать свою ассистентку. Магистры переглянулись и уставились на

Светлейшего, тот кивнул и обернулся к Пауку. Слава Двуетиным, не вздумал в последний момент отдать должность ублюдку Дюбрайну!

- Темный шер-терц Бастерхази. - Паук подвинул личное дело к Светлейшему. - Огонь, разум, воздух. Без особого ума и особых достоинств. Научных работ не имеет. Единственный ваш шанс отдалить печальный конец.

Паук замолчал, не собираясь ничего объяснять, и откинулся в кресле. Рональд замер в ожидании, магистры - в недоумении.

- Демагогия. - Отмерев первой, Пламя стукнула веером по столу. - Вы бы еще приплели теорию Ману! Темный на высшем посту - это недопустимо!

Огненная шера Лью, прозванная Саламандрой, из-за ее спины метнула уничтожающий взгляд на Рональда.

- Лучше темный представитель Конвента, чем вторые Багряные Пески! - перебил магистру Дождевой Дед; молния сорвалась с униженных перстнями пальцев и втянулась в вазу с орхидеями.

- Мы должны поддерживать баланс, - вмешался Мираж непонятно на чьей стороне, вероятно, опять на своей собственной.

- Тише, коллеги! - оборвал их Светлейший. - Мы обсуждали это не один раз. И прекрасно понимаем, что Темнейший прав. Но...

Рональд выдохнул. Дальше пойдет торговля. Паук в торговле великий мастер, это наследственное. Еще его отец сумел не только удрать из Цуаня, захваченного последователями Мертвого, но и стать Темнейшим главой Конвента. А во времена восстания Ману Одноглазого - извернулся и остался у власти, хотя на темных шеров тогда охотились, как на бешеных волков. Да, Тхемши-старший сдал Магбезопасности половину своих коллег-темных. Не друзей, у темных не бывает друзей. Да, он помогал светлым в подавлении мятежа. Но он сохранил для темных хоть какие-то права, главное - право жить...

- Но за последние восемьдесят лет Конвент ни разу не назначал представителем темного, - перехватил инициативу Паук. - Мы закрываем глаза на постоянное притеснение темных, хотя закон империи ограничивает для темных лишь право занимать высшие государственные должности. Но так не может продолжаться вечно, если мы не хотим еще одного Ману или, хуже того, еще одной Мертвой войны!..

Паук говорил тихо, но магистры не смели перебить его: редкий случай, когда Темнейший позволил проглянуть своему истинному лицу. Бездне. Пожалуй, Рональд готов был поверить, что в этот раз Паук не врет и Темный Хисс в самом деле желает расставить фигуры в игре именно так. Кто знает, может, в самом деле Двуетиные говорят с шерами-зеро? Их не спросишь - ни богов, ни зеро.

- Вы сами знаете, что драконья кровь иссякает еще быстрее, чем предупреждал Ману, - продолжал Паук. - Потоки нестабильны, ключевые точки смещаются. Еще лет триста, и в империи перестанут рождаться шеры сильнее категории терц, через тысячу-две их не останется вовсе. В прошлом году в Магадемию поступило всего одиннадцать студентов. Из них только два темных. И ни одного выше категории терц.

- Вряд ли назначение темного полпредом в Валанте что-то изменит, - вмешалась Пламя. - Король Валанты - всего лишь условный шер, следовательно, представитель Конвента получит слишком много власти, а мы все знаем, что бывает, когда к власти приходят темные. Вам напомнить о жертвах Ману?

- Наша задача - любыми способами сохранить драконью кровь в империи, - устало повторил Светлейший.

- И мы сделаем для этого все возможное и невозможное, - в тон ему продолжил Паук. - Даже если это будет не по вкусу всем благолепным светлым, вместе взятым! Вот вы, Каменный Садовник, подписали бред, называемый Новым Шерским уложением. Вы позволили условным, тьфу, шерам называться шерами и наследовать титул. Вы возвели на престол империи Брайнона. Вы подписали буллу, лишаящую темных прав на корону.

Вы думали о равновесии или мстили за сестру всем темным без разбора?

Белокурый флегматик в жабо и дублете, самый старый из магистров, лениво вынул изо рта трубку и сказал куда-то в сторону вороных крыльев Хисса на витражах:

– Не стоит сейчас шатать основы империи. Что бы ни было сделано четыре века назад, оно уже сделано.

– О да. Ваша месть свершилась. И потому вы травите анекдоты, учите бездарную молодежь фейерверкам и уповаете на Двуетиных. А когда я предлагаю сделать хоть что-то, талдычите об основах. Вам не смешно?

Каменный Садовник выдохнул клуб дыма в форме вписанного в круг сдвоенного треугольника, мол, все в воле Двуетиных, и сунул трубку обратно в рот. Зато отозвался остроухий:

– Вы уже делаете, Темнейший. – Зеленый улыбнулся во все клыки. – Ваши бывшие ученики, похоже, заплотонили Потусторонний континент, потому как в империи их следов нет. Сколько одаренных темных шеро вы забрали прямо с экзаменов в Магадерию? И куда-то пропал ваш второй ассистент, вы вроде прочили юношу себе в приемники...

Взгляды магистров скрестились на Рональде – и наткнулись на вежливое недоумение. Ученики? Что не так с учениками? Все довольны – прекрасное обучение, великолепная карьера. Да, за пределами империи, но сами виноваты – темный шер здесь не получит должности серьезнее муниципального крысолова.

То есть Рональд, конечно же, прекрасно помнил наглого чесландского княжича Вацлава, который проучился у Темнейшего двенадцать лет. Один из немногих, кого Паук в самом деле учил, не грозился сделать из него умертвие и даже не называл дубиной.

Рональду частенько позволялось присутствовать на уроках и оттенять гений княжича собственной тупостью и криворукостью. Иногда ему приходилось служить манекеном для отработки запрещенных боевых заклинаний. Изображать тупость, криворукость и бездарность, но при этом остаться в живых и даже не дать себя покалечить было непросто, но Рональду удалось. А заодно научиться всему, чему учил шисова везунчика Паук, и еще немножко сверх – когда речь идет о собственном выживании, и не так извернешься.

Вацлав был одним из немногих, по кому Рональд почти скучал – когда Паук занимался с любимым учеником, ему было не до прочих дубин. Но пять лет назад княжич исчез, и у Паука снова появилось слишком много свободного времени.

Впрочем, если бы Вацлав не исчез сам, Рональду пришлось бы об этом позаботиться. Место вешалки для зонтика за креслом Паука в Конвенте – его и только его, а Паук стал слишком часто брать с собой Мертвым дракого княжича, и на двух ассистентов магистры Конвента уже как-то нехорошо косились. Того и гляди, Пауку бы пришла блажь брать только Вацлава...

В общем, вовремя чесландский выскочка пропал с глаз долой.

– Темный шер Вацлав – уже пять лет как лейтенант Магбезопасности, – неожиданно для всех ответил Светлейший и обвел магистров холодным взглядом; Дюблайн за его спиной едва заметно усмехнулся, так же едва заметно покосившись на невозмутимого Рональда. – Это останется между нами.

– Видят Двуетиные, – в один голос отозвались все присутствующие.

Вспышка Света и Тьмы ослепила Рональда – боги приняли клятву.

А сам Рональд в очередной раз пропел про себя умну отрешения. Ему вовсе не завидно. Он вовсе не желал бы оказаться на месте чеславского выскочки. Служить лейтенантом под началом ублюдка Дюблайна – нет, благодарствуйте, эта высокая честь не для потомка Ястреба Бастерхази. Герцога Бастерхази, между прочим, хоть о старых титулах, принадлежавших темным семьям, уже лет триста как предпочитают не говорить вслух, да и помнят только старые шеры – которых осталось ничтожно мало.

- Об остальных учениках Темнейшего мы поговорим несколько позже, - продолжил Светлейший. - А пока я напому вам, что представитель Конвента в Валанте погиб при крайне странных обстоятельствах, и погиб не один. Из всех, кто присутствовал при рождении дофина Каетано, выжили лишь королева, новорожденный дофин и инфанта двух с половиной лет от роду. В момент рождения дофина и смерти представителя Конвента зафиксировано сильнейшее возмущение стихийных потоков. Узловые точки сместились и до сих пор не стабилизировались, а прошло четверо суток! Связь ненадежна, целители из муниципалитета в растерянности, король не допускает их во дворец. Напому вам также, что наш представитель был светлым шером второй категории, притом в городе больше нет шеров той же категории и выше. Даже королева - терц! И на все запросы об обновлении ее грамоты после рождения детей король Валанты отвечает отказом...

- Если коллегам будет угодно, я буду курировать расследование и лично осматривать королевских детей. А студенты некоторое время обойдутся без декана, - снова вмешалась Пламя. - Возможно, дофин родился истинным шером, несмотря на ваши прогнозы, Светлейший.

Рональд вслушивался не только в слова Светлейшего, но в его эмоции: то, что эти эмоции вообще были, говорило о крайней серьезности и необычности дела. Жаль только, об инфанте Светлейший не сказал больше ни слова. А ведь наверняка она как-то причастна к случившемуся! Не зря же ей заинтересовался Паук.

- Благодарю, - кивнул ей Светлейший. - Но учитывая нестабильность потоков, присутствие шера-прим может привести к непредсказуемым последствиям. Боюсь, если мы не сумеем переломить тенденцию, то в скором времени нам с вами придется последовать примеру Драконов и покинуть этот прекрасный мир.

- Что ж, тогда мы обойдемся дальней связью. Светлая шера Лью достаточно опытна, чтобы внести в дело ясность и в дальнейшем держать ситуацию в Валанте под контролем.

- Не сомневаюсь в достоинствах вашей прелестной ассистентки. - Паук насмешливо поклонился, не отрывая зада от кресла. - Но не стоит забывать, что мы должны решить не одну проблему. Если Конвент не способен видеть ситуацию в целом, то кто тогда? Драконы уже покинули мир, Двуетные после Мертвой войны не могут вмешиваться прямо, полотно реальности слишком истончилось. А вы склонны закрываться в башне и любоваться собственным изящным носиком, не обращая внимания на то, что творится чуть дальше. И пусть Мертвый вернется, пусть мир рухнет! - Паук хлопнул ладонью по столу, громоотводы затрещали особенно громко. - Я уже сказал, - он сбавил тон. - Мы должны назначить темного и показать всему миру, что двойные стандарты Конвента - ложь. Равновесие, дорогие коллеги, это не только слова на бумаге! - Паук замолк; несколько мгновений слышалось лишь потрескивание глушителей и вороний гай за окнами. - Если у вас есть другие темные кандидаты, кроме шера Бастерхази, я с удовольствием проголосую за них. Это мой лучший ассистент, и я не горю желанием с ним расстаться.

- Без особых талантов, без особого ума, - передразнила его Пламя. - Слышала, вы зовете его дубиной, наверное, потому, что очень цените. Воистину, никто лучше дубины не справится с расследованием.

- То, что дубина для меня - предел мечтаний для вас. Кстати, вашей ассистентке присвоили категорию дуо авансом и по вашему настоянию, не так ли?

Рядом раздалось тихое фырканье. Рональд чуть не вздрогнул: напрочь забыл об ублюдке, изображающем мебель в паре локтей от него. Что за веселье в сваре магистров? Год за годом одно и то же, дележ игрушек и безрезультатные опыты по пробуждению дара у «условных» шеров. Драконья кровь не поддается уловкам смертных.

- Поздравляю с новой категорией, коллега, - шепнул ублюдок и подмигнул.

Врет? Или знает что-то? Дери его Мертвый! И почему Рональд недооценил возможную пользу от этого знакомства?.. Впрочем, риск все равно был больше. Вот теперь, если - нет, когда! - он станет полпредом Конвента, можно прощупать светлого шера на предмет обмена информацией, и не только на этот предмет. За время обучения у Паука

Рональду удалось обзавестись крайне малым количеством полезных знакомств.

Рональд сдержанно улыбнулся в ответ Дюбрайну и пожал плечами, мол, вашими молитвами, светлый шер. Я не против более близкого знакомства, раз уж вы сделали первый шаг... только неизвестно, шаг к чему. Доверять улыбке Брайнонов – прямой путь на плаху.

Тем временем Паук с Пламенем продолжали лаяться, остальные магистры подливали масла в огонь – маленькая интермедия в ожидании слова Светлейшего. Рональд ждал этого слова, как явления Светлой Райны: не верилось, что Паук решил дать ему вторую категорию. Он же говорил, что выше третьей дубине не подняться никогда! Неужели маленькая хитрость Рональда не сработала?

– К вопросу о категориях, – продолжил Светлейший. – Прежде чем мы назначим нового представителя, нам следует рассмотреть два прошения о переаттестации. Рональд шер-терц Бастерхази и Дамиен шер-терц Дюбрайн. Прошу вас, шеры.

Ах вот как – два прошения. Любопытно. И ублюдок не соврал, дал Рональду возможность подготовиться и не показать удивления. Еще любопытнее – зачем?

Покидая место за креслом Парьена, ублюдок снова подмигнул Рональду и получил в ответ еще одну улыбку, кивок и беззвучный шепот:

– И вас с повышением, мой светлый шер.

Сама процедура была скучна и муторна: несколько простых вопросов, измерения параметров ауры, очередная порция шпилек от Дождевого Деда и сердитые взгляды Пламени, а потом – новая Цветная грамота. Черное поле – принадлежность Тьме, яркая красно-лилово-голубая кайма – стихии, два стилизованных дракона – собственно вторая категория. Красиво. И без натяжек и авансов. Так же, как и у императорского ублюдка, полная категория дуо.

«Посмей только еще раз уронить подъемник, дубина», – громко подумал Паук и отечески улыбнулся.

Рональд еле сдержал дрожь: если Паук раскусил все его маски, лучше бы не выходить из этого зала. Никогда. Проклятый интриган, в чем еще он солгал?

Нестерпимо захотелось проверить сохранность спрятанного под камзол сокровища. Услышав его страх, сокровище потеплело, прижалось плотнее к коже – оно хотело сбежать от Паука ничуть не меньше Рональда. А сам Рональд гордо улыбался, кланялся и клялся служить Конвенту и империи верно и вечно – в один голос с ублюдком.

Выслушав благодарности, Светлейший перешел к голосованию. О результате Рональд не волновался: против всех ожиданий, Светлейший поддержал Темнейшего. Наверное, третий раз за те сорок лет, что Рональд присутствовал на заседаниях. Но вторая категория! Какие еще сюрпризы приготовил Паук? И какие – Светлейший? Слишком легко он отдал Пауку желаемое...

– Шесть голосов за шера Бастерхази. Благодарю, коллеги. – Светлейший обернулся к Рональду. – И поздравляю вас, шер Бастерхази. Если не возражаете, мы покончим с формальностями прямо сейчас.

– Как будет угодно Светлейшему.

Рональд снова вышел в центр круга. Магистры молчали, Паук щурился на ученика. Если бы не защита зала, Рональд бы поклялся, что Учитель сейчас читает его до самого дна, даже то, что он сам о себе не знает. Но – нет. Эту возможность лучше не рассматривать.

– Кхм. – Светлейший обернулся к Пауку. – Дорогой коллега?

Дорогой коллега поцокал языком, словно прицениваясь к коню на базаре. Рональда окатило холодом, разом заболели все шрамы и переломы – за полвека их накопилось предостаточно, а на светлого целителя для учеников Паук не тратился. Плох тот шер, на котором все не заживает быстрее, чем на собаке, и плевать, что темные не бывают целителями, лишь некромантами.

– М-м... да. Я освобождаю Рональда шера Бастерхази... – Паук подмигнул ему; дыхание прервалось, показалось, сейчас он проснется на лабораторном столе из черного обсидиана. – ...от всех обязательств ученика. Видят Двуетиные.

Застывший воздух проник в легкие вместе с холодом и жаром принятой клятвы, Рональд поклонился и ответил с должной долей сожаления и почтения:

– Благодарю вас, Чжань Ли шер Тхемши, за науку и заботу и свидетельствую: все обязательства учителя перед учеником исполнены. Видят Двуетиные, я никогда не забуду ваших уроков.

– Как трогательно, – громко шепнула Пламя. – Сейчас заплачу.

– О да. – Светлейший усмехнулся. – Но, к сожалению, вечеринки по сему торжественному поводу не будет. Шер Бастерхази, вы знаете обязанности полномочного представителя Конвента при королевском дворе?

– Да, Светлейший. Клянусь служить... хранить... поддерживать... докладывать... предпринимать меры... осознавая всю меру возложенной ответственности...

Клятву полномочного представителя Конвента Рональд выучил назубок еще сорок лет назад. Не он один – половина юных шеро мечтает о должности ППК, высшем poste, не требующем категории прим; другая половина – о службе в Магбезопасности. И все поголовно – о Цветной грамоте категории zero, белой (или черной) мантии главы Конвента и власти выше императорской. Ибо что такое император жалкой категории терц без Конвента, как не безрукий, безногий и безглазый калека?

Рональд декламировал текст с ровным достоинством, хотя ему хотелось прямо сейчас пуститься в пляс. Удавка, называемая «клятвой ученика», больше не душила его, он был свободен! Пусть ненадолго, лишь пока Конвент защищает его от паучьих лап. Учитель не отпустит свое имущество, обязательно свяжет новой клятвой или заклинанием, или еще какой пакостью. Но в этот раз поводок будет куда длиннее и не таким крепким – Конвент тоже не любит делиться.

– ...во имя равновесия. Видят Двуетиные, – закончил Рональд.

Пламя тихо фыркнула, Зеленый еще раз показал клыки и отвернулся, Каменный Садовник выпустил кольцо дыма, похожее на глаз: Конвент видит тебя!

Бляха с весами, драгоценный амулет, дарующий кусочек свободы и относительную безопасность, выпала из воздуха и прилепилась Рональду на грудь. Бляха обладала множеством полезных свойств, в том числе позволяла Конвенту видеть местонахождение Рональда, защищала от магических атак и давала доступ куда угодно и к кому угодно в пределах Валанты, а принадлежность к элите служащих Конвента отпечаталась на его ауре, едва Двуетиные приняли клятву.

– Поздравляю, шер Бастерхази. – Светлейший ласково улыбнулся Рональду. – Надеюсь, новая служба окажется вам по душе.

– Разумеется. – Паук поднялся. – Уверю вас, шер Бастерхази отлично справится.

– Не сомневаюсь. Но еще один момент, дорогой коллега. – Светлейший улыбнулся еще ласковее, на сей раз Пауку. – Как я уже говорил, нам следует быть весьма осторожными с нестабильными меридианами. Потому я попрошу у вас обещания не посещать территорию Валанты вплоть до моего разрешения. Само собой, я тоже воздержусь от поездок туда, и прошу о том же всех шеро-прим. Уверен, шер Бастерхази вполне справится самостоятельно, тем более что Конвент всегда будет на связи...

Рональд не верил своим ушам. Паук не сможет посещать Валанту?! То есть – он неопределенно долго не увидит обожаемого Учителя во плоти, не отведаст его палки, не попадет под скальпель или очередное мерзопакостное проклятие?! Нет, такого счастья не бывает.

– ...кроме того, мой ассистент, майор Магбезопасности Дюблайн, будет сопровождать шера Бастерхази в Суард. Уверен, юные шеры прекрасно справятся с расследованием, не так ли, дорогой коллега?

– Несомненно, дорогой коллега. – Паук сложил руки перед грудью и склонил голову в знак глубочайшего уважения перед старшим.

– Вот и чудно. – Светлейший предпочел не заметить насмешки. – Надеюсь, вам не составит труда прислать багаж шера Бастерхази с оказией. Потому что юные шеры отбывают немедленно. Все необходимое для путешествия уже упаковано, а также некоторые вещи, которые могут понадобиться шеру Бастерхази в первое время. За счет Конвента, разумеется. Здесь подъемные и жалованье за первый месяц.

Рональд еле успел поймать материализовавшийся перед ним мешочек весом в двести пятьдесят империалов – а неплохо платит Конвент! Да и вообще это первые вменяемые деньги, которые попали ему в руки за последние полвека. Однако рано расслабляться! Нельзя показать Пауку своей радости.

– Благодарю, Светлейший, – склонил голову Рональд. – Но...

Опустив мешочек в карман, Рональд кинул отчаянный и растерянный взгляд на Паука: пусть думает, что ученик не подготовился к такой удаче и покидает его голым и босым.

– Никаких «но». – Паук смерил Рональда непроницаемым взглядом. – Надеюсь, мне не придется пожалеть о своем доверии.

– Никогда, Учитель.

Рональд поклонился, прижимая рукой к сердцу спасенное из лап Паука сокровище. Все прочее не стоит и динга – пусть Паук подавится ношенными подштанниками и учебниками для первокурсников Магадемии.

Локтя Рональда коснулись затянутые в лайковую перчатку пальцы: ублюдок незаметно оказался рядом.

– Нам пора, мой темный шер, экипаж ждет.

В последний раз поклонившись магистрам Конвента, Рональд покинул зал вслед за Дюбрайном. Пожалуй, он готов был наплевать на зависть, недоверие, даже на благодатную улыбочку и модный сюртук – ублюдок нравился ему тем больше, чем меньше лез с разговорами и чем дальше они отъезжали от Метрополии. Особенно Рональду пришлось по душе предложение оставить коляску с багажом плестись позади и добраться до Валанты верхом – ибо служба не терпит промедления.

И лишь на рассвете третьего дня пути, когда приграничная таверна с валантским единорогом на вывеске осталась позади, Рональд позволил себе поверить, что теперь все будет иначе. Перед ним лежала новая страна, новая жизнь – и путь к свободе.

Глава 24

О красавицах и чудовищах

26 день хмеля (здесь и сейчас). Найрисский залив, близ крепости Сойки

Шуалейда шера Суардис

– Почему ты пошел в ученики к Темнейшему, если он такое чудовище? – На самом деле Шу хотелось спросить о другом, но ей чуть ли не впервые в жизни было неловко.

Она впервые осталась наедине с мужчиной, и не с Энрике, который ей как старший брат, а с Роне – опасным, манящим, пугающим темным шером. И он ни слова не сказал об их встрече в Тавоссе. О том, что же там случилось на самом деле. Вдруг его поцелуй ей только приснился? И теперь она не знала, как спросить. То есть... она могла бы взять и спросить прямо: ты целовал меня, Роне, или нет? Только почему-то не могла. И поэтому старалась не смотреть на него – хотя чувствовала его присутствие всей кожей, всей сутью, и даже если бы захотела – не смогла бы не чувствовать. Слишком он был другим. Темным. Горячим. И когда он рассказывал о Пауке – она чувствовала его боль и ненависть. Нет, не просто чувствовала! Он отдавал ей свои эмоции, делился ими щедро и безоглядно, и ему нравилось то, что она их брала.

Сегодня ненависть и боль были совсем иными на вкус, чем после бойни в Олойском ущелье. Без привкуса гнили и разложения, лишь острота и пряность, густая, вкусная...

И кто здесь, спрашивается, чудовище, употребляющее чужую боль на десерт?

– Паук не чудовище, – пожал плечами Роне и с едва уловимой понимающей улыбкой глянул на Шу. – По крайней мере, не большее чудовище, чем моя бабка или Светлейший.

«Не больше, чем я или ты», – мог бы сказать он, но деликатно промолчал.

И правильно. Нельзя сравнивать! Роне – не такой, как Паук. Роне не мучил и не убивал своих учеников... наверное...

В замешательстве и смущении Шу сжала коленями бока химеры, и та замедлила бег по прибрежным скалам.

– Ты считаешь его... нормальным?

Темный тоже придержал свою химеру, даже остановил ее на вершине скалы, рядом с искривленным, нависающим над обрывом можжевельником. И обернулся к Шу.

– Насколько нормальным может быть темный шер-зоро. Он давно уже не человек, и мерить его мерками людей – глупо, недальновидно и попросту опасно. Я сделаю все, чтобы не зависеть от Паука снова, и предпочту находиться от него как можно дальше. – Роне улыбнулся одними губами, пристально глядя ей в глаза. – Но Паук не чудовище. Он всего лишь хочет избежать вечности в Ургаше. Как и все мы.

Шу остановилась напротив, ласково погладила химеру по гриве – не отрывая взгляда от глаз темного и почти ощущая ладонью его волосы... Ширхаб, о чем она опять думает! И зачем смотрит на его губы? Хватит, надо собраться... сосредоточиться на важном. Когда еще выпадет шанс поговорить с темным шером откровенно?

– Ты опять об этом. Почему вечность в Ургаше? И почему вы, темные, так боитесь собственного прародителя? Я не понимаю.

– Понимаешь. Ты заглядывала в Бездну. Олойское ущелье. Ты знаешь, что это такое. Разве ты бы хотела после смерти оказаться там?

– Я не верю в страшные сказки. – Шу невольно передернулась и нахмурилась, не желая

вспоминать тот ужас. – Двуетиные не могли обречь своих детей на Бездну, неважно, светлых или темных!

– Ты не хочешь проверять на себе.

Шу опять показалось, что Роне хотел сказать что-то другое... или не хотел, а просто что-то недоговорил. Он очень много недоговаривал – и о Пауке Тхемши, и о собственном прошлом, и о настоящей цели своего расследования. Не то чтобы она всерьез рассчитывала на полную откровенность, но было самую малость обидно. Она же не маленькая, и она – не враг темному шеру Бастерхази.

Хотя и не друг.

А кто? Непонятно. Разобраться бы...

...приснилось ей или не приснилось?..

– Ладно, ты прав, проверять на себе я не хочу, – кивнула она, заставляя себя оторвать взгляд от его губ и посмотреть... да вот хоть на этот кривой можжевельник! Или на торчащий посреди моря скальный остров с руинами маяка. – Но то, что делали темные во времена Ману – не выход. И не работает. Ни один из ритуалов единения не дал нужного результата. Ты же не собираешься устраивать что-то подобное, правда же?

Про кривое дерево и остров она уже забыла. Ведь невежливо смотреть в сторону, когда с кем-то разговариваешь. А она – хорошо воспитанная принцесса... ладно, не очень хорошо, но она старается. Ради Люкреса. Да. И ради Каетано. И с Роне она сейчас разговаривает ради Каетано и Люкреса, а не потому что... не потому что, и точка!

– То, что делали перепуганные идиоты – ни за что. – В глубине глаз Роне сверкнули алые огни, похожие на лавовые разломы, и Шу обдало жаркой волной, словно от настоящей лавы. Правда, вместо запаха раскаленного камня был можжевельник, сандал и что-то древесно-пряное, таинственно-завораживающее. – Не может быть единения без согласия и желания обоих шеров.

Шу на миг стало страшно. Он так сказал о согласии и желании... так посмотрел... и этот охвативший ее жар... Роне – менталист, очень сильный менталист, а она – всего лишь глупая девчонка, почему-то решившая, что ей совершенно ничего не угрожает. С темным-то шером, одержимым свободой!

– Хорошо, что я сумрачная и не гожусь для ритуала, – с некоторым усилием улыбнулась она. – А то я бы сейчас испугалась.

– Бояться меня тебе определенно не стоит, хоть ты как сумрачная шера и годишься минимум для сотни запрещенных и неаппетитных ритуалов. Кстати, твои щиты не выстоят против сильного темного, особенно – менталиста.

Шу передернула плечами, скрывая невольную дрожь. Ну да, она поставила щиты. То есть они сами, стоило ей заподозрить возможную опасность. И ее щиты – хорошие! Энрике вместе с Баль и Каетано не могут ничего с ними сделать! Правда... ну ладно. Ладно. Роне – может. Если уж он способен снести щиты крепости Сойки. И ей надо было подумать об этом до того, как ее понесло на берег с ним вместе.

– Так расскажи мне, как сделать те, которые выстоят, – потребовала она, упрямо выставив подбородок в лучших традициях Суардисов.

Ширхаба с два она признается, что боится! И что собственный страх отдается в теле странной горячей дрожью, так похожей на предвкушение.

– Конечно, расскажу, даже покажу, – подмигнул ей Роне и повернулся к морю: оно сияло на солнце и казалось отражением неба. – А здесь очень красиво. Никогда раньше не забирался так далеко от Найриссы.

Шу очень надеялась, что Роне не заметил ее облегченного выдоха, и на всякий случай снова погладила химеру. Удивительная зверюга! Скачет по скалам и осыпям, словно по ровному тракту. Почти летит. И Роне...

Она искоса глянула на него – подставившего лицо морскому ветру, мечтательно прикрывшему глаза. Он казался отлитым из кипящей лавы, в темной ауре – как в клубах дыма, и этот его струящийся черно-алый плащ... Зря она считала это вульгарным и пафосным, это – красиво и кажется продолжением его дара! И очень, просто невыносимо хочется дотронуться.

– Хочешь – сделай, – не оборачиваясь, произнес он.

Шу вздрогнула. Она не привыкла, чтобы кто-то так легко читал ее мысли. Да что там, это всегда была ее прерогатива, читать всех как раскрытую книгу!

Но... почему бы нет?

Химера тронулась с места, едва Шу успела подумать – да, хочу. Сейчас. И приблизилась, встала рядом со зверюгой Бастерхази. Так, что Шу коленом коснулась его колена и едва подавила стон: это было похоже на касание к раскаленной лаве, только сладко, безумно сладко. Что с ней творится? Почему?..

– Ты так и не сказал, как зовут твою химеру, – спросила она почему-то хрипло, словно лава обожгла ее своим дыханием.

– Сколопендра, дочь Бурана, – сказал Бастерхази, продолжая рассматривать море. – Но она предпочитает зваться Нинья.

Химера отозвалась тихим довольным ржанием – низким, пробирающим до самых костей – и переступила тонкими ногами, словно ей не терпелось снова пуститься вскачь.

– Они никогда не устают?

– Устают, конечно. Если их долго держать в стойле и не позволять бегать. – Роне ласково потрепал свою зверюгу по ушам. – Они созданы для движения. С Муаре ты можешь добраться отсюда до Метрополии за восемь дней, а то и за пять, если не останавливаться на ночь. Главное, не вздумай спать в седле, а то проснешься где-нибудь в Хмирне или на Туманном острове, если не на Потустороннем континенте.

– Но ведь проснись? – Шу как замороженная наблюдала за движениями его пальцев, перебирающих искрящуюся на солнце гриву Ниньи.

– Ты – проснешься. Ты нравишься... – Роне обернулся, поймал взгляд Шу и совсем тихо добавил: – Мне.

На миг ей показалось, что сейчас он ее поцелует, и это был очень, очень горячий и сладкий миг. Но вместо этого Роне лишь снял с ее плеча белое перышко и пустил его по ветру.

Словно в ответ на фамильярность с неба послышался птичий крик, через мгновение по лицу Шу мазнуло воздушной волной, а в следующий миг Ветер опять поднялся ввысь.

– Кто-то тебя ревнует. – В голосе Роне явственно слышалась насмешка.

– Чушь! – вскинулась Шу. – Ветер не станет меня ревновать, Ветер знает, что я его люблю.

Роне лишь пожал плечами, мол, как скажешь. Но почему-то Шу показалось, что он имел в виду вовсе не птицу.

– Хочешь посмотреть, как химеры охотятся?

– Конечно хочу! А на кого?

– Да хоть на рыбу. – Роне спрыгнул на землю и потрепал свою химеру по холке. – Нинья обожает всякое чешуйчатое, думаю, Муаре тоже. Они же сестры.

– Сестры? То есть Муаре тоже дочь Бурана? А...

Шу осеклась, когда Роне коснулся ее руки, чтобы помочь слезть с химеры. Не то чтобы она не могла сама, она – не какая-нибудь изнеженная жеманница, она... просто она –

хорошо воспитанная принцесса. Да. Именно... Правда, что-то она совсем не помнит, что говорит этикет об объятиях темного шера... Очень горячих объятиях темного шера. И можно ли ему позволить вот так заглядывать ей в глаза и склоняться к ней близко-близко, и касаться пальцами ее щеки – нежно, с ума сойти, как нежно...

Ну, на этот-то раз он ее поцелует?!

Шу почти потянулась к нему сама... да что там, потянулась без всяких почти!

– Ты прекрасна, – шепнул, почти выдохнул ей в губы Роне.

И отстранился. Всего на шаг, продолжая держать ее за руку. Но Шу почувствовала себя одинокой, брошенной и замерзшей. Почему? Почему он не хочет? Если она прекрасна?!

– Смотри, – он подвел ее к обрыву и указал вниз.

О боги! Она забыла про химер! Она сошла с ума. Точно, сошла с ума... Роне тоже сошел – его рука едва заметно дрожала, он как-то слишком быстро и неглубоко дышал, и его аура...

Шу невольно улыбнулась. Его аура не умеет притворяться так же хорошо, как он сам. Но Шу, так уж и быть, сделает вид, что всему верит. А пока в самом деле посмотрит, как охотятся химеры. Это же безумно интересно!

Там, внизу, в прозрачной бирюзовой воде металось множество мелких серебристых росчерков и две черные тени, совершенно не похожие на лошадей. Скорее на акул или мурен, забравшихся в самый центр косяка сардин. Химеры щелкали пастями, то заглатывая рыб целиком, то перекусывая пополам – и тогда вокруг них расплывались розовые дымчатые пятна.

– Они не лопнут? – через несколько минут спросила Шу. К этому времени они с Роне уже сидели на краю обрыва, на заросшей мягкой травой площадке, и Роне обнимал ее за плечи. Словно бы поддерживая, но она-то знала – ему просто хочется ее обнимать. А предлог неважен. – И почему сардины не уплывают?

– Химеры никогда не лопаются, – усмехнулся Роне, – и никогда не пугают ту добычу, которую еще не успели поймать.

– Отличная стратегия, – в тон ему усмехнулась Шу. – Очень тебе подходит. Значит, ты не будешь меня пугать, пока не поймашь. А потом, Роне?

– Ох уж эти менталисты. Потом, моя прекрасная Гроза, – он с улыбкой притянул ее руку к своим губам, легко поцеловал костяшки пальцев и потерся о них губами, разгоняя по телу Шу щекотную горячую волну, – потом ты сделаешь то, что хочешь, и тебе будет хорошо. Нам обоим.

От его слов, от его близости, от его прикосновений кружилась голова и хотелось... Шу не очень понимала, чего именно. То есть – поцелуев, да. И еще...

– Еще?.. – отвечая на невысказанный вопрос, усмехнулся Роне и прикусил ее палец. Сильно. Так, что вспышка боли отозвалась во всем теле... и почему-то мгновенно сменилась жаркой и сладкой истомой. А Роне тут же зализал укус и снова прикусил – другой палец, и опять больно...

Шу вскрикнула и непроизвольно сжала бедра – ей показалось, что Роне касается ее там... и тут же новая сладкая волна прошла по телу, стекла вниз, и внизу живота словно все загорелось...

– Что ты делаешь!

Шу попыталась отобрать руку и отодвинуться, но Роне удержал ее за плечи, а ее ладонь прижал к своей щеке.

– То, что ты хочешь, – шепнул он, глядя ей в глаза, и потянул на себя.

Глава 25

Химеры, наваждения и благие намерения

26 день хмеля. Найрисский залив, близ крепости Сойки

Шуалейда шера Суардис

Шу не сразу поняла, что именно он хочет сделать, и только поэтому не стала сопротивляться – а потом оказалось поздно, она уже сидела, оседлав бедра Роне и держась за его плечи.

– Я не... – Она сама не понимала толком, что «не».

Не останавливайся? Не отпускай меня?

– Нет? Или да, моя Гроза? – Роне едва заметно пошевелился, и до Шу внезапно дошло, на чем именно – твердом, горячем и пульсирующем – она сидит.

Ее залило жаром, всю, от ушей и до пальчиков на ногах, а внизу живота сладко потянуло, и дыхание замерло – словно боясь любым неосторожным движением спугнуть это прекрасное, стыдное, обжигающее удовольствие.

– Да, – тихо-тихо, почти неслышно, шепнула она и внезапно ощутила сумасшедшую легкость, словно тело потеряло вес. – Да, я хочу.

На этот раз она сама потянулась к его губам. Но поцеловать не успела, то есть... то есть сам Роне с низким стоном впился в ее губы, сгреб обеими руками, вжал в себя – и ворвался языком в ее рот, словно пытался заполнить ее собой, слиться... и она поддалась, открылась ему, ответила на поцелуй – больше ни о чем не думая, не сомневаясь и не страшась...

Да, она делала то, что хочет. Выгибалась в его руках, терлась грудью, сжимала коленями его бедра и стонала, не в силах сдерживаться – и не желая сдерживаться. Не сейчас! Не с Роне!

И сама не сразу поняла, почему Роне громко и низко застонал, почти зарычал, а на язык полилось что-то терпкое, горячее и пьяняще-сладкое... Не только на язык, она ощутила это всем телом, всей своей сутью – почти как смерть зургов в Олойском ущелье, только еще слаще, еще вкуснее, острее, горячее! Горячо и сладко до судороги, до взрыва, словно внутри нее проснулся вулкан и наконец-то выплеснулся, освободился... Боги, как же хорошо!..

Только сглотнув *это*, – вместе со стоном Роне, с его дрожью наслаждения, с захлестнувшим ее всплеском огненной тьмы, – Шу сумела оторваться от его губ, вдохнуть, открыть глаза... с удивлением ощутить себя сытой, счастливой и усталой... И утонуть в бездонных, полыхающих лавой озерах его глаз.

– Ты очень быстро учишься, моя сумрачная шера, – пророкотал Роне и слизнул каплю крови с нижней, прокушенной губы.

– О ширхаб... – Ей должно было быть стыдно и неловко, должно – но не было. Эта капля и его язык, и ранка на губе снова притягивали ее, манили. – Прости, я...

– ...сделала то, что хотела. – Он медленно улыбнулся и так же медленно привлек ее к себе, потянулся за поцелуем. – То, чего хотел я. И хочу еще.

– Роне, это не... – Она из последних сил попыталась остановиться, прекратить это – неправильное, недостойное. Она уперлась ему в грудь ладонями, ощущая бешеное биение его сердца и жар его кожи сквозь... одну лишь сорочку? А куда делся камзол?

- Это не... невероятно прекрасно. Немыслимо. Не... - он внезапно засмеялся и упал на спину, увлекая ее за собой. - Нежно?

- Ты сумасшедший! - Почему-то ей, упавшей сверху и уткнувшейся лицом ему в грудь, тоже стало смешно и легко-легко.

А Роне зарылся пальцами в ее волосы, массируя и лаская, и словно бы больше не держал ее. Правда, она по-прежнему ощущала животом нечто твердое и горячее, и еще - его напряжение и желание, такое яркое и острое, почти до боли.

Жар бросился ей в лицо, воздух застрял в легких - не вздохнуть. А внизу живота опять стала закручиваться горячая, щекотная спираль желаний. Как раз в том месте, которым она касалась... которым она лежала на... ох, ширхаб...

- Сумасшедший темный шер и сумрачная Аномалия, - усмехнулся Роне. - Мы с тобой прекрасная пара.

Она вздрогнула, словно очнувшись от наваждения. Пара? Она и шер Бастерхази - пара? Но... как же светлый Люкрес, ее Люка? Как же... Каетано? Он не поймет. Если она выйдет замуж за темного шера, то Кай... разве тогда Кай сможет стать королем? Или... Что-то она совсем запуталась... с чего ей вообще пришла в голову такая ерунда - что она может выйти замуж за Роне?! Она любит Люкреса, она уже почти дала ему согласие. И то, что она сейчас делает - плохо. Нельзя обманывать жениха... ну, почти жениха. Неважно, кто он!

- Очень важно, Шу. - Роне погладил ее по напряженным лопаткам, и тело отозвалось еще одной волной тягучего, животного удовольствия. - Ты даже не представляешь, насколько важно.

- Ну так объясни мне. - С трудом преодолев желание прижиматься к нему, подставляться его ладоням и стонать от удовольствия, Шу приподнялась на локтях и заглянула ему в глаза. - Какого ширхаба происходит? Вы с Люкресом друзья или?..

От воспоминания об этом «или», которое приснилось ей в Тавоссе - или не приснилось? - она опять залилась жаром. А Роне, даже не думающий скрывать, что читает ее мысли, довольно усмехнулся. Но, вместо того чтобы сказать «или»...

- Я не знаком с его высочеством Люкресом, моя прекрасная упрямая Гроза.

- Ты!.. - Она хотела сказать «врешь», но осеклась. Он не врал! Роне говорил чистую правду! Но как?! - Как это может быть? Но... Роне...

- Видимо, ты имеешь в виду того драчливого светлого шера... хм... который просил не называть его имени. Шера Инкогнито. У него еще красивые бирюзовые глаза. - Роне улыбался довольно, как сожравшая кувшин сметаны рысь, разве что усы не облизывал - за неимением усов... А, нет... облизнул нижнюю губу с едва кровоточащей ранкой.

Не успев подумать, а стоит ли, Шу коснулась ее пальцем, забирая боль и залечивая собственный укус. И вздрогнула от прикосновения горячего языка к подушечке пальца. Роне лизнул ее палец и тут же легонько прикусил, продолжая ласкать языком и смотреть ей в глаза так... так хищно, так собственнически... так, что у нее закружилась голова и безумно захотелось потереться о него всем телом, кожа к коже...

- Ты совсем меня запутал, Роне, - получилось жалобно, хрипло и голодно. Да что же с ней такое творится? - Прекрати немедленно!

- Все, что угодно твоему высочеству, - низко, тягуче и без капли смирения пророкотал он.

Его голос отдавался в ней дрожью, а может быть, это была дрожь напряженного мужского тела под ней... Нет, так нельзя. Это непристойно. Недостойно, в конце концов!

- Нашему высочеству угодно... - начала она упрямо, - угодно, чтобы вы перестали морочить мне голову, темный шер Бастерхази!

- При чем тут голова, твое высочество?

- Ты!.. - тут же вскинулась Шу от прозвучавшей в его голосе насмешки.

- Ужасный, коварный черный колдун. Или я что-то упустил?

- Ты... не смей надо мной смеяться!

- Я не смеюсь, я... - Он сглотнул и едва-едва шевельнулся, но Шу внезапно почувствовала все его тело, каждую мышцу, каждую каплю крови в его венах. - Я хочу тебя.

Шу чуть не задохнулась от пламени в его глазах, от прозвучавшего в его голосе голода - знакомого, понятного ей голода. Такого же, как ее собственный. И от понимания, что именно это ей и нужно. Сейчас же. Немедленно! Какой глупостью было сомневаться и придумывать дурацкие отговорки! Или не глупостью? Это вообще ее собственные мысли или нет?!

- Роне... прекрати немедленно, - потребовала, нет, попросила она, прячась от его взгляда у него же на груди. - Это неправильно! Так нельзя!

Теперь она не видела его глаз, но слышала биение его сердца, его запах - разгоряченного, возбужденного мужчины - и чувствовала касание его рук, жадное и нежное, безумно нежное.

- Нельзя хотеть тебя? Или тебе - меня? Нельзя тебя целовать? Нельзя говорить, как ты прекрасна и желанна? Или, может быть, нельзя делать вот... - Не закончив фразу, он схватил замороженную Шу за плечи и, перекатив на спину, подмял под себя, рванул сорочку с ее плеча и впился губами в обнаженную кожу. И лишь когда она застонала, вцепившись обеими руками в его волосы, приподнялся на локтях и заглянул ей в глаза. - Вот так, твое высочество?

- Так?... - растерянно переспросила она, не понимая...

...Ничего не понимая. Ни где она, ни что с ней происходит, ни почему она все еще в чем-то сомневается. Ведь так хорошо, так сладко! И между ног все горит и пульсирует, и хочется тереться о мужское тело, быть ближе, еще ближе, заполнить жадную пустоту внутри себя - им, таким сильным, необходимым, красивым! Сумасшедше прекрасная тьма. И лава, и ветер, и лиловые молнии - над ней, вокруг нее, окутывающие ее ласковым, горячим коконом - желания, защиты, заботы...

- Так, - шепнул Роне ей в губы, раздвигая ее ноги коленом и вжимаясь в нее, сильно, горячо, до судороги сладко.

Перед глазами словно что-то вспыхнуло, из горла вырвался не то стон, не то всхлип - и показалось, отозвался где-то в небе пронзительным птичьим криком?..

- Моя Гроза, моя нежная, прекрасная Аномалия. - Шепот Роне сливался со вспышками света и тьмы, спиралями огня и воздуха, и он сам казался не человеком, а стихией, самой прекрасной на свете, самой необходимой, желанной силой. - Скажи мне «да», Шуалейда! Ты же хочешь.

- Роне... хочу! - Она неловкими пальцами потянула сорочку с его плеч, желая добраться до горячей шелковой кожи, попробовать ее на вкус, на ощупь...

Но он почему-то перехватил ее руки за запястья, прижал к траве и, едва касаясь ее губ своими, попросил... нет, потребовал:

- Скажи «да, Роне», - низко, рокошуще, словно пожирающее лес пламя. Весь он был пламенем - жадным, неодолимым, смертельно прекрасным, и только где-то в вышине метались и кричали от боли горящие птицы...

- Да, - потянувшись к его губам, к нему - всем телом, всей сутью - ответила Шу, желая лишь одного: нырнуть в это пламя, стать с ним одним целым.

- Всегда, вместе, единым целым. - Его слова проникали в нее, наполняли странной нетерпеливой дрожью, предвкушением чуда и счастья. Хотелось слушать их, впитывать, пить - и повторять вместе с ним, словно эти слова были вкусной ключевой водой. - Я,

Рональд Бастерхази, и ты, Шуалейда Суардис...

- Ты, Рональд Ба... Бастерхази, - повторила Шу, задыхаясь от наслаждения, - и я, Шуа...

Она не успела договорить, как с пронзительным клекотом с неба спикировало что-то... что-то белое? Нет, не успело - Роне лишь недовольно дернул бровью, отмахиваясь от ерунды, посмеившей отвлекать их...

И вдруг наваждение развеялось - диким, почти человеческим криком, треском пламени, запахом паленых перьев и ощущением ужасной, невосполнимой потери.

- Ветер?.. - Не желая верить, не желая чувствовать эту леденящую пустоту, шепнула Шу и обернулась... попыталась обернуться на крик.

- Всего лишь птица, - тихо сказал Роне, удерживая ее лицо в ладонях. - Шу, моя Гроза, это только птица...

В его глазах по-прежнему бушевало пламя, он весь был пламенем - смертельно прекрасной стихией. Он по-прежнему тянулся к ней, ласкал ее, обещал невероятное наслаждение, но...

Что-то сломалось. Потерялось. Может быть, доверие?

Шу стало холодно, горько и одиноко, несмотря на прижимающееся к ней горячее тело - чужое, опасное и нежеланное тело! И больше никто не метался над ней, не кричал, предупреждая: нельзя верить темным шерам, нельзя! Теперь она сама вспомнила - что нельзя. Жаль, поздно.

- Ты убил моего Ветра, - сказала она или, может быть, не она, а кусок льда внутри нее.

- Я не хотел его убивать. - Роне говорил правду, но было уже неважно, хотел он или нет.

- Мой Ветер сгорел, - повторила она слова, которые никак не должны были быть правдой. Слова, от которых очень хотелось плакать, но не получалось.

- Я верну его для тебя. - Роне нежно погладил Шу по щеке и улыбнулся. - Твой Ветер будет как новенький.

Все с той же уверенной улыбкой - которая почему-то казалась Шу насквозь фальшивой - он протянул руку в сторону комка обугленных перьев...

Никогда раньше Шу не видела, как делают умертвий. Она была уверена, что это - сложный, опасный, долгий ритуал. Обязательно с жертвоприношениями, кровью, таинственными символами и заклинаниями. Темный шер Бастерхази же... он просто протянул руку, и темное пламя окутало мертвую птицу. Всего на миг. А через миг снежно-белый коршун расправил одно за другим крылья, переступил с лапы на лапу и недовольно покосился на Шу ярким глазом.

- Видишь, все хорошо.

Все хорошо? Если комок льда там, где только что было доверие и желание, это хорошо - то да. Все было хорошо. Шуалейда снова была самой собой, разумной и осторожной шерой. Жаль только, поздно. Если бы она не потеряла разум от объятий темного шера, Ветер был бы живым, а не вот этим... умертвием.

Шер Бастерхази скатился с Шу, оказавшись между ней и птицей. Он явно не хотел выпускать ее из объятий, но она повела плечами, освобождаясь от его руки. И он, не сумев скрыть вспышки - боли? Досады? Слишком коротко, чтобы прочитать! - позволил ей отодвинуться и сесть. А сам щелкнул пальцами, подзывая коршуна, и тот вразвалочку подошел, путаясь когтистыми лапами в траве, и ткнулся своему создателю в ладонь. Бережно взяв коршуна двумя руками, шер Бастерхази поднес его Шуалейде.

Ветер был как живой. Бастерхази восстановил его полностью, не только сердцебиение и магические потоки, вплетенные в птицу Люкресом, но даже естественную птичью ауру. Только там, где раньше сияла крохотная капля света и жизни - теперь переливалась черная жемчужина тьмы и смерти. Если бы Шу не присматривалась и не знала, что

именно искать, ни за что не заметила бы отличия.

– Изумительно тонкая работа, – кивнула Шу, но птицу в руки не взяла. Хватит с нее обмана. – Вы великий мастер, шер Бастерхази.

Он едва заметно вздрогнул, а Шу обругала себя: что ей стоило назвать Бастерхази по имени? Задевать темного шера, когда они наедине и она зависит от его доброй воли – глупо и неосмотрительно.

– Благодарю за комплимент. – В его голосе скользнул отзвук боли, но опять такой короткий, что Шу усомнилась, не померещилось ли ей. Наверное, померещилось. Вот, он опять уверен в себе и непроницаем, на губах легкая ироничная улыбка. – Тебе он больше не нужен?

Фамильярность царапнула ее, но она не подала виду – сама же разрешила. Сама вела себя, как кошка в течке. Дура.

– Моего друга больше нет, а связанный заклинаниями слуга – нет, не нужен.

Бастерхази дернул углом рта, словно хотел сказать что-то едкое, но промолчал. И так же молча, держа белого коршуна в обеих ладонях, дунул на него. Сложнейшее плетение, вспыхнув, исчезло, и что-то белое, призрачное метнулось ввысь с радостным клекотом.

– Мягкой травы тебе, Ветер, – шепнул Бастерхази, высыпая из ладоней горстку невесомого праха.

– Мягкой травы тебе, Ветер, – повторила ритуальную формулу прощания Шуалейда и провела ладонью над местом упокоения коршуна.

Один из ростков тут же зашевелился, развернулся... нет, не один – сразу несколько, много ростков... буквально через мгновение белые и бирюзовые мелкие цветы раскрылись по всей крохотной полянке между скал, и почему-то запахло соснами, мокрым песком и самую капельку оружейным маслом.

Она не хотела делать ничего особенного. Да вообще ничего не хотела. Просто ей было жаль коршуна и хотелось поблагодарить его. За тепло. За письма от Люка. Письма, которых больше не будет – ведь она не напишет и не отошлет Люка ответ, а он сейчас в Сашмире... наверное, в Сашмире. Как бы Шу хотела оказаться там, рядом с ним!..

Прощай, Ветер. И спасибо, ты вовремя напомнил, что темным шерам нельзя доверять. Темные шеры вот так, не желая, убьют и не заметят. А потом с милой улыбкой сделают из тебя умертвие и скажут, что все хорошо.

Когда она подняла глаза, шер Бастерхази – одетый в безупречный камзол и плащ с кровавым подбоем – невозмутимо стоял чуть в стороне, между двух химер. Нинья прижалась мордой к его щеке – на миг Шу даже показалось, что она утешает хозяина... Да нет, показалось. Темный шер Бастерхази не нуждается ни в чьей жалости. И в извинениях тоже. Да и за что Шу извиняться? Что не позволила ему соблазнить себя? Или что не договорила те пафосные слова, так похожие на ритуал...

Ритуал?!

Злые боги... не может быть! Нет, это не мог быть ритуал Единения! Там же... там же – формулы, символы, непременно алтарь... она читала, она точно знает!..

Как и для изготовления умертвий – формулы, символы, жертвоприношения.

Или просто протянуть руку?..

На мгновение ее накрыло запоздалой паникой. Она чуть было не связала себя с темным шером! Со лжецом, убийцей и чудовищем! И кто знает, что после этого стало бы с ней? Те светлые, которым не повезло попасть в руки темным во времена Ману Одноглазого, сходили с ума и умирали.

Боги! Как вовремя Ветер остановил ее! Кажется, она должна ему гораздо больше, чем цветы среди погребальной травы. Неизмеримо больше.

- Муаре, - позвала она свою химеру, не очень-то уверенная, что та послушается.

И не очень-то уверенная, что темный шер Бастерхази позволит ей вот так просто вернуться домой. Но она не покажет страха. Ни за что! И вообще. Если он попробует хоть что-то с ней сделать - она... да, она знает, чем ответить. Один темный шер - это не хуже, чем орда зургов!

Химера с тихим ржанием побежала к ней, игриво ткнулась мордой в плечо. На этот раз Шу запрыгнула на нее сама - она не изнеженная пигалица, не способная без помощи даже сесть на лошадь! И тут же пустила химеру в галоп - ей не терпелось вернуться домой, запереться в своей комнате и хорошенько подумать.

Когда шер Бастерхази поравнялся с ней и ее коснулась ласковая, пьянящая тьма - она даже не вздрогнула. И не позволила себе коснуться тьмы в ответ, несмотря на отчаянную потребность, снова зарождающуюся где-то в глубине души... нет, не души - только тела! Плевать! Она хозяйка своих потребностей. Она справится.

- Понравилась ли твоему высочеству Муаре? - спросил Бастерхази как ни в чем не бывало. Так, словно все еще обнимал ее там, на вершине скалы над морем.

- Разумеется. Муаре прекрасна, послушна, - с трудом заставив свой голос звучать ровно, ответила она, - и очень быстра.

Бастерхази сделал вид, что не заметил ее страха... и не только страха.

- Я рад, что девочка нашла себе хозяйку. В одиночестве химеры дичают.

Шу только успела вежливо кивнуть и подумать, что не хотела бы она столкнуться с дикой химерой, как Бастерхази приблизился вплотную, положил руку на шею Муаре и велел:

- Домой, быстро!

Химера рванула вперед, так что Шу едва удержалась, вцепившись ей в гриву обеими руками. А Бастерхази рядом засмеялся, странно и недобро, и вместо скал под копытами химеры почему-то оказались темные облака. А сам Бастерхази вдруг стал бесплотным черным силуэтом, и пламя развевалось за его плечами - там, где только что был всего лишь пафосный плащ...

О боги, что это?.. Что он сделал? И как она могла опять все упустить, как же теперь... Каetano останется один? А Энрике, полковник Дюбрайн с него голову снимет за то, что упустил и не предотвратил... и где они находятся, почему Шу сама чувствует себя призраком?..

- Куда вы... меня?.. - задыхаясь в тяжелом и густом подобии воздуха, спросила она у кошмарного огненного призрака. Вот так, наверное, и выглядит Бездна.

- Я же сказал - домой, - отозвался гул пламени, и в этом гуле ей послышалось насмешливое торжество.

«Вот так и попадают доверчивые нежные фиалки, - подумала Шу, прижимаясь к шее химеры, сквозь тьму и огонь летящей в неизвестность. - Но ты рано радуешься, темный шер Бастерхази. Посмотрим, как тебе придется по вкусу не нежная и не доверчивая Аномалия! И что останется от твоего, ширхаб тебя нюхай, дома!»

Глава 26

Мертвые птицы и живые слоны

13 день хмеля, Сашмир (вечер того же дня)

Дамиен шер Дюбрайн

К тому моменту, как Дайм выиграл у султана партию в хатрандж и добрался до гостевых покоев дворца, он перебрал сто двенадцать способов убийства проклятого темного шера. Последний из них он чуть было не использовал на доверенном султанском слуге, вздумавшем перед самыми дверьми осведомиться, не желает ли драгоценный гость чего-нибудь еще – вина, наложниц, музыки?..

Гость желал. Еще как желал! Долго, со вкусом испытывать на Бастерхази все те неизящные устройства из дворцовых подвалов, которыми вчера хвастался султан. Интересно, долго бы Хиссов сын выдержал «железную деву»?

– Вон, – в высшей степени ровно и спокойно велел Дайм слуге.

Тот осекся на полуслове, икнул и попятился, не забывая мелко кланяться.

Возможно, завтра такое неподобающее витиевтому Востоку поведение и скажется на и сложных переговорах с султаном, но сейчас Дайму было плевать.

– Бастерхази! – рявкнул он в зеркало, едва захлопнув за собой дверь и на ходу активируя систему безопасности: султану не нужно знать, каким из ста двенадцати способов Дайм будет убивать темную сволочь.

– Дюбрайн, – откликнулся Бастерхази раньше, чем туман в зеркале рассеялся и показал самого темного шера.

Лощеный красавец нагло ухмыльнулся Дайму поверх бокала. Слышался шорох приборя, парящие вокруг светлячки освещали самого Бастерхази, сидящего в плетеном кресле, и какие-то заросшие ночными цветами скалы за его спиной. Что это за место, Дайма не интересовало. Да что там, он не успел даже толком разглядеть Бастерхази – без лишних слов бросил в него все сто двенадцать «убийств», сжатых в один ментальный удар.

Дзынь.

«Кирдык зеркалу», – с тенью сожаления подумал Дайм...

– С ума сошел, ублюдок!.. Ты!.. – тут же послышалось из покрывшегося сетью мелких трещинок зеркала.

«Не кирдык. Умели раньше делать».

Хриплые ругательства Бастерхази звучали слаще самых изысканных песен самых прекрасных султанских наложниц. Правда, Дайм не был уверен в том, чему радуется больше – что достал Бастерхази или что не убил его. Все же он бы предпочел сделать это лично и не так быстро. Видимо, заразился от султана изысками.

Хотя, несомненно, покрытый пятнами вина, крови и какой-то мерзкого вида плесени, вытаскивающий осколки из рук Бастерхази уже тешил его эстетическое чувство.

– С ума сошел один темный шисов дысс, если думал остаться безнаказанным, – тем же ядовито-сладким тоном, которым султан объяснял очередному заговорщику его ошибки, парировал Дайм. – Мы с тобой договорились, как разумные шеры, до совершеннолетия не трогать Аномалию. Но ты, видимо, решил, что если я в Сашмире, то ты можешь творить что угодно, и тебе за это ничего не будет.

Очередная тирада Бастерхази кроме фольклорных выражений содержала мысль «сначала бить, потом разбираться – в этом все светлые». Отчасти правильную мысль. Именно так и учил Парьен: сначала бить, потом разбираться, иначе делать это придется из Светлых Садов. Древние умертвия, одичавшие мантикоры и сбрендившие темные шеры убивают сразу и без переговоров. Именно эту мысль и донес до Бастерхази Дайм в простых и понятных выражениях родом из Тмерла-хен: ругаться кочевники умели, как никто другой.

– Значит, сбрендившие мантикоры. – Глаза Бастерхази загорелись алым, все следы проклятия исчезли, а голос из хриплого и злобного стал низким и угрожающим. Встав с кресла, он вплотную приблизился к зеркалу, или что там ему зеркало заменяло. – Как крепка твоя дружба, светлый.

– Сбрендившие и обнаглевшие в корягу, – кивнул Дайм, тоже подходя к зеркалу еще ближе. – Дружба, мой темный шер, это когда ты не пытаешься захватить Аномалию за моей спиной, не убиваешь мою птицу и не ставишь на Аномалии своих шисовых экспериментов.

– О, вот мы и дошли наконец-то до обвинений! И снова в духе Магбезопасности, – криво усмехнулся Бастерхази. – Да, я убил твоего соглядатая, но это – не моя вина. Какой идиот лезет под руку в такой момент!

– Ты прав, Бастерхази, я полный идиот, что слушал тебя и почти тебе поверил.

– А ты не пробовал поверить не почти, а по-человечески, Дюблайн? Допусти, что я не ставил никаких экспериментов, убил твою птицу случайно и не собираюсь хпать Аномалию себе. Просто допусти, ну?

– Да-да, и Мертвый заплакал.

На несколько мгновений повисло молчание. Дайму отчаянно хотелось дотянуться до Бастерхази и придушить, желательно голыми руками. А Бастерхази... судя по раздувающимся ноздрям и горящим глазам – того же самого, только в отношении Дайма.

Дайм не заметил, как сделал последний шаг к зеркалу, почти коснулся ледяной поверхности – он видел только ненавистные глаза темного шера.

Свобода? Дружба? Доверие? Нет. Только жадность, манипуляция и предательство.

– Нам нечего делить, Дайм, – неожиданно тихо сказал Бастерхази.

Дайм вздрогнул. Не оттого, что Бастерхази назвал его по имени, не оттого, что вспомнил – как это было в прошлый... нет, единственный раз. Просто... от неожиданности.

– Уж точно не невесту моего брата. – Надо было отойти от зеркала, но Дайм не мог. Клубящаяся за тонкой и ненадежной стеклянной преградой тьма притягивала, манила, обещала... снова обещала... – Еще раз приблизишься к ней...

– Дайм! – прервал его Бастерхази, коснувшись открытой ладонью разделяющего их стекла. – Дайм, пожалуйста, не надо.

Проклятье. Это «пожалуйста» и свой ответ Дайм тоже помнил. Так хорошо помнил, что сейчас все волоски на теле поднялись дыбом, а по спине прокатилась волна азартной дрожи.

– Ты... – Дайм сглотнул внезапно пересохшим горлом.

– Я не лезу в твои дела с братом. Хочешь лгать ей – на здоровье. Я всего лишь подарил ей химеру...

– И пытался отыметь и привязать ее к себе, – продолжил за него Дайм.

– Ты хочешь, чтобы ее получил Люкрес? – В голосе Бастерхази послышалось рычание пламени. – Если да, так и скажи, мой светлый шер. Ну, давай. Попроси меня отдать ее Люкресу, кланусь, я...

– Заткнись!

Дайм ударил ладонью по зеркалу – и замер, проглотив «я не могу».

Проклятье. Он почти себя выдал. Почти подписал себе смертный приговор.

А Хиссово отродье смотрело на него понимающе и с сочувствием, как будто знало... Нет, не может Бастерхази знать! Темнейший так же клялся перед Двуетиными, что никому и никогда не скажет о печати верности! Он бы сдох, нарушив клятву.

Как сдох бы Дайм, рассказав о своей печати Бастерхази.

– Ладно, – внезапно покладисто кивнул Бастерхази, и Дайму показалось, что он сквозь зеркало чувствует тепло его ладони. – Мне нужна не Шуалейда, мой светлый шер. И если ты попросишь – я не приближусь к ней до ее возвращения в Суард. Видят Двуетиные.

Вспышка Света и Тьмы подтвердила: боги приняли клятву.

А Дайм понял, что вообще перестал что-либо понимать. Но раз ему предложили – не станет отказываться.

– Да. Я прошу тебя, мой темный шер. Не приближайся к ней до того, как она вернется в Суард.

– Я не могу отказать тебе, когда ты просишь, мой светлый шер. – У шисова Бастерхази разве что в зрачках не светилась надпись: я помню так же хорошо, как и ты. – Видишь, как все на самом деле просто.

– Что тебе на самом деле нужно, Бастерхази?

– То же, что и тебе, Дайм. Свобода. И еще кое-что.

– Еще – что?

Бастерхази покачал головой, глядя Дайму в глаза.

– То же, что и тебе.

– Хватит юлить. – Дайм уперся лбом в зеркало, а может быть, в лоб Бастерхази, их ладони касались уже по-настоящему, даже чувствовалось пахнущее вином чужое дыхание, и казалось, еще чуть, и кто-нибудь из них шагнет через зеркало. – Хоть раз в жизни скажи правду, Ро...

С громким звоном зеркало рассыпалось, в комнате замигали взбесившиеся фейские груши, и охранная система его покоев лопнула, как мыльный пузырь.

Бастерхази, разумеется, никуда не шагнул – это невозможно, ходить через зеркала на тысячи лиг. Просто связь прервалась.

А в султанском дворце поднялся переполох: кто-то закричал, забегал, захлопал дверьми. Даже вроде гарью запахло.

О боги, только бы не пожар! Если шисом драный Бастерхази устроил пожар и загубил три месяца сложнейшей работы Дайма, ста двенадцатью смертями он не отделается!

Причина переполоха и грядущего изгнания Дайма из Сашмира нашлась сразу. Лопнула не только система безопасности его покоев, рухнула вся охрана дворца, включая тюрьмы, зверинцы и сокровищницы. Не совсем рухнула, все же запас прочности у нее был хороший, ставили-то еще до Мертвой войны. Но давно не подпитывали, так что она не выдержала. Да сушей ерунды не выдержала! Подумаешь, какой-то темный шер Бастерхази...

Ровно когда Дайм дотянулся до сгоревшей связи и начал ее восстанавливать, в его покои прибежал молочный брат султана. Именно прибежал, а не торжественно явился, колыхая тремя подбородками. Двое султанских кшиасов вбежали следом и замерли у дверей, пугая Дайма обнаженными саблями и зверскими рожами. Глупо. По сравнению с

вампирическим семейством, которое Дайм лично выжиг в позапрошлом году, живые и бездарные кшиасы – что-то вроде полевых ромашек.

– Не соизволит ли свет очей... – начал толстяк, мечущийся между страхом перед своим венценосным братом и послем императора, который внезапно начал оправдывать все те жуткие истории, что о нем рассказывали.

– Короче, – оборвал поток велеречивых любезностей Дайм; толстяк мешал, как назойливая муха, особенно мешал его беспорядочный страх.

– Прошу прощения, светлый шер. Султан желает... просит вас пожаловать...

Нормальная речь, без витийств, давалась толстяку нелегко, но Дайму было плевать. Лишь бы ничего не упустить и не перепутать, а то как-то не хочется самому становиться умертвием или еще какой немертвой дрянью вместе со всеми обитателями дворца.

– Ладно, пожалуй, – отмахнулся Дайм.

Молочный брат султана не понимал, что именно Дайм делает, но догадывался – колдует. Страшно и ужасно колдует, вон все кругом светится и трещит. Наверняка сейчас дворец обрушится им всем на головы, а он так и не успел попробовать новую наложницу!

– Простите... его величество ждет...

Картинка султана, лично вспарывающего ему кишки, вспыхнула в уме толстяка и забила все остатки разумных мыслей.

– Закончу – приду, – рявкнул на него Дайм, ставя ментальный блок: невозможно работать в такой обстановке!

Толстяк отшатнулся и затрясся, но из комнаты не вышел. Но хоть заткнулся и больше не жужжал.

Без жужжания Дайм наскоро залатал разорванное, подпитал истощившееся и проклял жлоба-султана. Это все надо было приводить в чувство еще сто лет назад, а лучше – двести! Но виноват все равно Бастерхази. Из-за него Дайм провалит переговоры и хорошо, если не обвалит дворец. Хиссово отродье!

В личные покои султана он пожаловал через полчаса, по дороге измышляя сто тринадцатый, самый медленный и мучительный способ казни Бастерхази. К примеру, похоронить его заживо под развалинами этого дворца и заставить тысячу лет выслушивать витиеватые стенания султана и его лизоблюдов, а заодно вместе с толстяком каждую минуту переживать очередную мучительную и позорную смерть. И откуда берутся такие трусы!

Трусливый толстяк и десяток кшиасов держались сильно позади. Вид Дайма лезть ближе не располагал: взъерошенный, злобный, весь в статической энергии – бездарные видят ее как цветные искры и разряды. А плевать. Он уже нарушил весь этикет и протокол, который только было возможно, и растоптал хрупкое, дери его во все дырки, доверие султана.

Сам султан расхаживал по комнате, нервно взмахивая кривой саблей. Совет в полном составе лежал ниц, один из советников – в луже крови и без головы, она валялась в полдюжине локтей от тела и пялилась в потолок вытаращенными глазами.

– Вы желали меня видеть, – начхав и на протокол, и на саблю в руках султана, с порога рявкнул Дайм.

Не то чтобы он хотел именно рявкнуть, но иначе не получалось. Магия бурлила, по-прежнему грозя снести в Ургаш систему безопасности, а с ней весь дворец, и удерживать ее получалось с большим трудом и только на волне злости. Сейчас чуть упусти контроль, и будет вам еще одна аномалия. Имени Бастерхази. А из нервного султана и его советников получатся отличные умертвия или еще какая дрянь.

Султан резко обернулся к Дайму, сабля хищно свистнула... и султан отступил на шаг, а саблю попытался спрятать за спину. Глаза он вытаращил примерно так же, как

валяющаяся на полу голова. От него резко завоняло страхом и обидой: ни советники, ни кшиасы, ни потеющий и трясущийся молочный брат не спешили встать между ним и ужасным колдуном. А ведь этот имперец казался полным мямлей! Три месяца терпел, и султан был уверен – и дальше будет покорно развлекать его ради договора, который султан и не собирался подписывать. И вдруг – такое! Да он похож на самого Мертвого, восставшего из могилы! Почему никто не предупредил султана, что этот светлый шер – сумасшедший?! Почему никто не сказал, что нельзя его злить, что он может разнести весь дворец?! Кругом сволочи и предатели! Всех казнить!..

Дайм рассмеялся бы, если мог.

– Э... возлюбленный брат мой... – стараясь не дрожать голосом, начал султан.

При слове «брат» он почему-то вспомнил о собственном младшем брате, удавленном по его приказу. Как вовремя он избавился от этого кошмара! Упаси Светла, из мальчишки выросло бы вот такое, как этот... этот... имперский палач! Почему, почему он вдруг разозлился? И как он сумел сломать неприступную крепость, цитадель и оплот!.. Тысячу лет султанский дворец стоял, как жемчужина несверленная, и тысячу лет должен был стоять, никто не мог... а этот – взял и поломал! И теперь сволочи, предатели, мерзавцы грабят сокровищницу, всех казнить, всех!.. Но как? Почему? Наверное, не стоило показывать имперцу казнь заговорщиков, он как-то неправильно понял... Кругом предатели, ведь ни одна сволочь не предупредила...

Взгляд султана метнулся к обезглавленному советнику, который посмел сказать, что императорский посол не испугается гнева султана.

– А ведь он был прав, – смеяться Дайму уже не хотелось, таким смрадом несло от мыслей султана. – Зря вы его так, сиятельный. Лучше б удавили, вы же не любите крови.

Султан вздрогнул, в панике потянулся щупать цацки на тюрбане, нашел их на месте и недоуменно воззрился на Дайма. Ведь все ментальные амулеты на месте! Самые лучшие, самые дорогие, придворный маг клялся – их не взломает и сам Конвент...

– Мошенник ваш придворный маг, – прокомментировал Дайм. – Жалкая третья категория, а эти побрякушки не стоят и гроша. Вы меня позвали полюбоваться или сказать что-нибудь дельное?

– Вы... ты... что ты сделал с моей сокровищницей? А мой гарем!.. А подвалы?! Ты ответишь! Да я... стража, взять его! Содрать с него кожу!..

– Бросьте ножик, сиятельный, порежетесь, – поморщился Дайм, взмахом руки приказывая сходящим с ума от ужаса кшиасам и советникам покинуть комнаты. Всем, кроме придворного мага, им оказался коленопреклоненный и трясущийся старик в дальнем углу.

Советники и охрана послушались, даже не понимая, кого именно слушаются.

А Дайму слегка полегчало – от их ужаса его тошнило не меньше, чем от воплей султана. Мерзость. И ведь казался почти приличным человеком – если не присматриваться и не слушать его мыслей. Тьфу, дрянь-то какая!

Само собой, ножика султан не бросил – и, размахивая им, порезал себе щеку и отсек кусок бороды. Слегка порезался, но завизжал, как резаный кабанчик.

– Ты... убирайся! Предатель! Изменник! Ты изменил императору! Оскорбил меня! Вы все покусились на меня!.. – И снова окровавленной саблей вжик-вжик, едва не снеся себе голову.

– Замри, – приказал Дайм и выбил у него из рук саблю; султан задрожал, но сдвинуться с места не смог. – Я с удовольствием уберусь из Сашмира прямо сейчас, ты мне надоел хуже твоих бесконечных шербетов и нытья о бедности.

– Да, убирайся! Немедленно убирайся!.. И передай императору, что по твоей милости я объявляю ему войну!

– С удовольствием уберусь. Надеюсь, наследник не во дворце?

– При чем тут?.. – Султан принялся судорожно перебирать своих живых сыновей: кто, кто из них мог предать, сговориться с имперцем? Нельзя было оставлять старшего в живых, он – изменник, он только и мечтает свергнуть отца и занять его трон!

– При том, что как только я уеду, вся эта красота рухнет. Когда Пхутра в последний раз питали энергокристалл, лет триста назад? Надо же быть настолько жадными!

– Дворец Пхутра вечен! Не тебе, жалкий имперский пес, угрожать! С тебя сдерут кожу и натянут на барабан! Твои глаза вы...

– Заткнись, – отмахнулся Дайм и поманил придворного мага. – Наследник такой же кровожадный идиот?

– Нет, светлый шер. – Старик с опаской покосился на вращающего глазами и беззвучно открывающего рот султана. – Его высочество разумен, осторожен и желает дружить с империей.

– Он во дворце?

– Да, светлый шер. Привести его?

– Покажи мне его.

Старик тяжело сглотнул и очень ясно представил себе султанского наследника: юношу лет двадцати, смуглого и горбоносого, со слабым огненным даром. Темным даром.

Дайма тряхнуло. Чем-то этот птенец напомнил Бастерхази – не только темным огнем, но и пронзительным взглядом черных глаз, гордой посадкой головы. Родня? Да нет, вряд ли, у Бастерхази нет родни в Сашмире. Кажется.

Плевать.

– Годится. Бери кшиасов и веди сюда наследника. Кто отвечает за энергокристалл?

– Я, светлый шер.

– Придурок. Ваша богадельня бы рухнула не сегодня, так через десяток лет. Что стоишь, бегом!

– Да, светлый шер! – Придворный маг не удержался, от двери показал безмолвному султану неприличный жест.

Султан мысленно пообещал ему колесование, сожжение и до шиса еще всяких неаппетитных смертей. На одном эшафоте с Даймом. И советниками. И наследником. И казначеем. И молочным братом. И главой кшиасов...

– Да уж, любят тебя, лучезарного и светоносного, что аж трещит, – покачал головой Дайм. – Я вот думаю, если ты убьешь всех, кого тебе хочется, кто ж останется-то?

«Верные слуги и подданные!» – с непререкаемой уверенностью подумал султан.

– Верные? В твоём возрасте, и такая наивность. Ай-ай-ай. Да, прости, мне надо связаться с Конвентом...

Потоки магии немного успокоились, так что Дайм в самом деле попытался установить связь прямо отсюда, из покоев султана. Но ни шиса лысого у него не вышло – сигнал блуждал и возвращался, словно система безопасности дворца замкнулась сама на себя. М-да. Его план посадить на трон нового султана, подписать с ним все нужные договоры и вернуться домой – прекрасен. Но только если ему удастся распутать то, что он сам... нет – что проклятый Бастерхази запутал. Одни проблемы от этих темных!

Про молчащего султана Дайм забыл, по самые уши влипнув в хитросплетения энергопотоков. Ох и намурили строители дворца! Вроде бы энергокристалл питан больше чем наполовину, все связи выправлены, контуры восстановлены... кто-то застрял в захлопнувшейся сокровищнице, кого-то придавило заново активировавшимися ловушками в подземельях, но в целом – во дворце наступал мир и порядок. Если не считать панических слухов, расползающихся от султанских покоев. Там же, за дверьми,

дюжина чудом избежавших смерти советников – и им никто заткнуться не велел.

Политика, шис ее дери!

А связь с внешним миром – отсутствует. Так что придется действовать без санкции Светлейшего, по обстоятельствам. И шис с ней, с санкцией. Параноидальный кровожадный вырожденец на троне Сашмира империи не выгоден. Да что там, опасен. Куда опаснее юного темного шера.

Дверь распахнулась, когда Дайм укреплял основной стержень, истончившийся за века без подпитки до совершенно неприличного состояния.

– Светлая... – восторженно-испуганно шепнул кто-то, и Дайм открыл глаза.

Перед его взглядом по-прежнему мешались потоки всех цветов радуги с преобладанием голубого и фиолетового – его собственных стихий. Так что он не сразу понял, что как-то незаметно для себя завис ровно посреди комнаты, локтях в трех над полом, и сотворил управляющую модель общей системы из самого себя. А султанский наследник, которого так и тянет назвать Ястребенком, пялится на него.

За спиной наследника стоял придворный маг, внезапно разогнувший спину и словно помолодевший. Наверняка хорошо напился дармовой магией.

– Тебя зовут?..

– Свами Пхутра, светлый шер. – Юноша низко поклонился, сложив ладони перед грудью. На своего отца, побагровевшего от натуги и по-прежнему безмолвного и неподвижного, он смотрел со смесью безггливости, жалости и опаски, словно на полураздавленную кобру. – Чем могу служить?

– Собери тех, кто будет тебе верен, и объяви о скоропостижной смерти прежнего султана. Ему, к сожалению, отказали мозги... хм... прости, сердце. Хотя как может отказать то, чего не было, не знаю.

– Да, светлый шер. Позвольте спросить вас?

– Спроси, и можно без придыхания. Я не сашмирец, меня неумеренные восторги не возбуждают.

– Простите, светлый шер. – Ястребенек отчетливо усмехнулся и сверкнул черными, с едва заметной алой искрой глазами. До чего ж похож на Бастерхази, Хиссов сын! – Мне не показалось, вы были не один? С вами бы темный шер?

– Темный? С чего ты взял, мой мальчик? – Дайм поймал себя на том, что заговорил с интонациями Светлейшего Парьена.

– Когда все это случилось... всплеск, и потоки словно взбесились... я почувствовал его. Огонь, разум и воздух, темный шер. Даже сейчас...

Юноша руками поймал один из блуждающих потоков, и до Дайма внезапно дошло: они же смешанные! Все блуждающие потоки – смешанные! Свет и тьма, разум, воздух и огонь. Шис! Как удачно, что связи с Конвентом нет! Вот только не хватало объясняться перед Парьеном, каким образом он умудрился почти протащить в Сашмир темного шера Бастерхази.

Нет уж. Вот все успокоится, тогда и будем писать отчеты. Пачку. Три пачки. Чем больше отчетов – тем меньше кто-нибудь что-нибудь в них поймет. А пока надо довести дело до конца. Раз уж начал.

– Сейчас здесь нет никакого темного шера, мой мальчик. Кроме тебя. – Дайм улыбнулся ему с намеком.

– Вы... я слышал, в империи темные шеры не могут наследовать. Зачем вы позвали меня?

– Затем, что мне неважно, темный ты, светлый или полосатый. Если ты готов удержать корону и сотрудничать с империей – корона будет твоей, Свами.

- Почему вы сами ее не возьмете? Вы – сын императора Брайнона и шер-прим... или вы зеро? Вы не чураетесь темных шеров. Вас примут проще, чем любого из Пхутра, и на вас будут молиться все сашмирцы. У нас уже два века не было правителей с сильным даром.

- Шер-дуо, – поправил его Дайм. – Мне не нужен трон под задницей, Сашмиру не нужно присоединение к империи, а империи хватит торгового союза и отмены рабства. А ты что, не хочешь стать султаном?

- Я или стану султаном, или меня убьют. Умирать я не хочу.

«Все равно сдохнешь, сдохнешь, все вы сдохнете, как собаки!» – так громко подумал скованный магией бывший султан, что Дайм поморщился.

А Ястребенек Свами нахмурился и покосился сначала на отца, потом на Дайма.

- Спрашивай, пока не лопнул.

- Светозарный говорил, что ментальные амулеты из сокровищницы Пхутра не сможет взломать даже сам Ману Одноглазый. Но вы их словно не замечаете. Это не настоящие амулеты?

- Настоящие. Я... – Стоило задуматься, почему он вдруг начал читать султана, хотя лишь вчера тот был закрыт наглухо, и Дайм понял. Все же просто. – Эти амулеты – часть охранной системы дворца, а я сейчас – центр всей системы. Кстати, тебе придется занять это место, если дворец дорог тебе как память. Боюсь, если не напитать кристалл полностью, без живого сердца дворец не выстоит.

- Но я не... я всего лишь шер-терц! – Юноша в страхе попятился.

- Придется рискнуть. Зато почувствуешь себя, с ума сойти, каким великим колдуном, – подмигнул ему Дайм.

«А я посмотрю, не продует ли величие твой чердак. Наследственность у тебя не очень, малыш».

- Вы очень убедительны, светлый шер Дюблайн, – склонил голову будущий султан. – А у меня нет выбора. Если я откажусь и выйду отсюда не султаном, меня убьют.

- Выбор есть всегда, даже если он тебе не нравится. Так что не притворяйся жертвой обстоятельств. Кстати, центром системы пока может стать светлый шер... э...

- Ньяха, светлый шер-дуо, – поклонился придворный маг, пряча сверкнувшие глаза.

Вот ему чердак продует на счет «раз», к Шельме не ходи.

- Вот-вот. Шер Ньяха станет центром системы, тебя мы отправим учиться в Магадемию, а султаном станет кто-нибудь из твоих братьев.

- И что будет со мной после Магадемии? В том случае, если новый султан не прикажет меня убить.

- Возьму тебя служить с Магбезопасность, если захочешь.

- Нет, светлый шер Дюблайн. Я рискну и останусь тут. Мои братья совсем маленькие, если султаном станет кто-то из них, Сашмиру придется плохо, а мне в итоге еще хуже. Что нужно делать?

- Да ничего особенного. Как я и сказал, зови своих людей, разбирайся с наследством. Рутин, мой мальчик, рутин. – И, когда Свами перестал бояться и задумался о насущных проблемах, коротко велел: – Лови.

Юноша поймал брошенный Даймом мячик, ойкнул, засветился...

А Дайм мысленно помолился Светлой: только бы чердак у мальчика уцелел. И тогда будет у Сашмира правитель с сильным даром. Если выдержит, категория дуо ему обеспечена, а заодно кое-какие забавные побочные эффекты вроде знания всего, что происходит во дворце, под дворцом и рядом с дворцом. Придется малышу быстро учиться

ставить ментальные блоки.

– Поздравляю, ваше величество, – поклонился ему Дайм, снял с бешено вращающего глазами бывшего султана тюбан с огромным рубином-амулетом и подал новому султану.

Свами принял его, бросил сомневающийся взгляд на своего отца, но тюбан надел.

– Вы можете сохранить ему жизнь, но стереть память? Я бы не хотел начинать правление с убийства.

Дайм усмехнулся. Нет, он был не прав – мальчик похож не на Бастерхази, а на него самого. Когда-то Дайм потребовал у Парьена безопасности для своей семьи, но не пожелал платить за нее смертями солдат. Он тогда считал, что жить без памяти лучше, чем умереть. Сейчас он куда милосерднее и готов подарить смерть тому, кому она нужна.

– Уже не могу, мой темный шер. Сожалею, но ваш отец надорвался, и ему не поможет даже самый лучший целитель.

Бывший султан от ужаса сумел дернуться в путах, потерял равновесие и упал навзничь. Уже мертвым.

Новый султан благочестиво осенил себя большим окружьем.

– Мягкой травы тебе, отец.

– Мягкой травы, – одновременно повторили за ним Дайм и придворный маг.

– Шер Ньяха, позовите советников. Мы должны с почестями предать нашего отца земле и объявить траур. И прикажите нести договор с империей, нашим первым указом будет наш вечный и нерушимый союз.

Дайм невольно восхитился. Как естественно у мальчика получается царственный тон! Это его «мы» – просто загляденье, хоть бери да кланяйся.

– Слушаюсь, светозарный.

Ястребенок поморщился.

– Я предпочитаю «сир». Светозарным может быть светлый шер, а я – темный и не собираюсь притворяться тем, чем не являюсь.

– Да, сир, – поклонился придворный маг еще ниже.

– Ступайте. А вы, мой светлый шер, что вы хотите кроме договора с империей? Я обязан вам жизнью, а настоящие Пхутра всегда отдают долги.

– Для начала отдохнуть, мой темный шер.

– Но... вы же поможете мне стабилизировать это все? Я не справлюсь сам. – Царственный тон сменился растерянным. – Вы намного сильнее, шер Дюбрайн... откуда вы брали столько энергии? Ведь это как-то связано с тем темным шером, которого сейчас здесь нет?

– Связано, – не стал отпираться Дайм. – Но не только с ним. Все не так просто, как может показаться, мой темный шер. И конечно же, я вам помогу.

– Благодарю вас, – склонил голову Свами.

А Дайм про себя ужаснулся: во что он опять влип? Вот только темного шера на троне Сашмира ему не хватало! Причем темного шера, который не то благодарен по самую траву, не то уже записал Дайма в персоны нон грата и никогда ему не простит своей зависимости.

* * *

Через месяц, после всенародных увеселений в честь нового султана, нерушимого союза с империей и отмены рабства Дайм покидал Сашмир. Как почетный гость, личный друг султана и сашмирский раджа – ему пожаловали титул и владения размером с половину Фьоны. Кроме титула и поместья Свами подарил ему целый сундук драгоценных побрякушек, разрешение на раскопки и исторические изыскания на всей территории Сашмира, полдюжины юных искусных наложников и, чтобы мало не показалось, слона. Редчайшего, молодого и полного сил белого слона с бивнями размером в половину человеческого роста.

– Зачем? И что мне с ним делать?! Свами, ты смеешься, какой слон в империи!

– Он вас любит, мой светлый шер. Не могу же я отказать своему лучшему слону в такой малости, как новый хозяин. Он не поймет. Зато он будет напоминать о вашей второй родине, где вас всегда ждут, мой светлый шер.

Ну и как тут было отказаться? Ох уж эти темные шеры...

И все же, все же... Почему Свами так похож на Бастерхази? При том, что сам не знает ни о каких родственниках из империи – его мать из старого сашмирского рода, такого же древнего, как Пхутра.

Эту загадку Дайм пообещал себе непременно разгадать. Потом. Когда подарит Светлейшему прекрасного, полного сил, молодого белого слона. А что? Он теперь раджа Джубрайн, ему положено дарить слонов обожаемому начальству. Тем более что слон как раз и везет отчеты для Конвента – подробные, дотошные и сугубо правдивые, в трех экземплярах. Все как положено! А что по сути они содержат лишь одну идею «оно само так получилось» – неважно. Главное, слон их как раз и довезет. А начальство порадует.

Глава 27

О пользе гостеприимства

432 год, 13 день холодных вод (полгода спустя). Валанта, графство Ландеха

Шуалейда шера Суардис

Свобода пахла упоительно – цветущими розами, влажной после дождя землей, свежими листьями винограда и конским потом. Шу неслась во весь опор, отпустив поводья и раскинув руки. Ей хотелось взлететь, вместо химеры покататься на ветре, забраться под самые облака...

Наверное, она опять желала слишком сильно, потому что в следующий миг обнаружила себя не на Южном тракте, ведущем в столицу, а на вершине скалы. Только что эта скала торчала в полутысяче локтей впереди, прямо рядом с дорогой, и вот – пожалуйста. Химера радостно фыркнула, мол, я занесу тебя куда угодно, ты только захоти, можешь даже вслух не говорить!

Шу засмеялась от переполняющей ее радости и ласково потрепала черные лоснящиеся уши. Муаре – прелесть! Настолько прелесть, что Шу даже почти простила подарившего ее темного шера Бастерхази за свой глупый страх. Почти, только почти! Но может быть, простит его совсем – потом. А пока она не хочет думать о сложностях. Слишком ей хорошо. Шутка ли, она всего второй раз за свои почти шестнадцать лет выезжает из крепости Сойки! И на этот раз – никакой войны с зургами, просто замечательное путешествие в столицу. Верхом. И плевать, что по этикету ей положено надеть неудобное платье и ехать в карете. Карета ползет медленно, из нее ни ширхаба не видно, и шера Исельда за неделю дороги проест ей всю голову «последними» наставлениями, и к тому же в карете торчат две новые фрейлины – разряженные жеманные красотки с шелухой в головах. Век бы их не видала!

То ли дело – верхом! Свобода как она есть!

Да, и свобода взлететь на неприступную скалу и с нее любоваться окрестностями – тоже!

Шу во все глаза смотрела вперед, на замок Ландеха – в нем они с братом должны будут остановиться на ночь. Замок напоминал изящную золотую игрушку, лежащую среди лоскутов зеленого и розового бархата: виноградников и цветущих полей. В лучах поллеполуденного солнца он сиял начищенной медной крышей, за одну из башенок с флюгерами-драконами зацепилось крохотное облако. Лазурные флаги Суардисов и зеленые графа Ландеха, выпущенные из многочисленных окон, полоскались на ветру. Казалось, один из флагов, пестрый, оторвался и летит навстречу Шу – это из замка ехали встречающие, наверняка во главе с самим графом.

Сердце забило быстрее, Шу невольно принялась выискивать среди встречающих одного-единственного человека – того, которого там не должно было быть. Но так хотелось, чтобы был! Ведь мог он сделать ей сюрприз? Мог же?.. Но нет. Пусть с такого расстояния Шу не смогла бы рассмотреть лиц, но она видела – среди всадников нет ни одного истинного шера. Те крохотные искры, что в самом графе Ландеха и ком-то из его рыцарей, не считаются.

Шу кольнуло мгновенным разочарованием, но она запретила себе расстраиваться. Люка же сказал – он придет в Суард. Да ему и неприлично было бы встречать ее в дороге, все же он наследник императора...

От сочетания «Люка» и «неприлично» щеки затопило жаром, а перед глазами встал сам Люка. Гибкая, по-бойцовски сильная фигура, мощные плечи, небрежно стянутые в хвост каштановые волосы, невероятной яркости бирюзовые глаза в длинных ресницах... Словно наяву почудилось прикосновение его губ, таких горячих и жадных, его запах – свежий, сосновый, с нотками морского ветра и оружейного масла...

Неделя, всего неделя осталась! Он же обещал, он написал ей... так горячо, так обжигающе горячо! И как всегда – без подписи, потому что ему важно, чтобы она видела в нем только его самого, а не его титулы и прочую ерунду.

«Я считаю дни до нашей встречи, моя прекрасная Гроза! – звучал в ушах его голос с едва заметным грассирующим акцентом, как говорят в Метрополии и на западе империи. – Чувствую себя совершенным мальчишкой, пишу и сжигаю уже шестое письмо, потому что не нахожу слов. Мне так много нужно сказать тебе, и могу лишь надеяться – ты поймешь меня.

Прошу тебя, всегда помни – единственное, что действительно имеет значение, это моя к тебе любовь. Смею надеяться, взаимная. Все прочее – пыль.

Всегда твой с. ш.»

Всегда. Всегда – ее! И она обязательно, непременно скажет ему, не напишет, а именно скажет – да, его любовь взаимна, конечно же! Разве может он сомневаться после всех их писем!..

Где-то наверху, прямо над головой Шу, раздался клекот. Шу привычно выставила руку в перчатке, и на нее спикировал пестрый сокол-пустельга. К сожалению, без нового письма, сокол это-то принес лишь вчера. Но Люка опять далеко, и даже зачарованная птица будет лететь к нему не меньше суток, и еще дня три ей нужно отдыхать. А ведь пустельгу Шу зачаровала на совесть! Не поленилась, вернулась на ту скалу, где темный шер Бастерхази сжег – пусть нечаянно, но сжег же! – подаренного Люка коршуна по имени Ветер, восстановила магическое плетение и повторила его. Ну да, не с первого раза, а с десятого, но смогла же! Сама! А рассказывать Люка о том, как темный шер пытался ее соблазнить и убил Ветра, не стала.

И не станет, ей самой не хочется об этом вспоминать. Особенно о том, как она перепугалась, впервые попав на ту грань реальности, где живут чистокровные химеры и по которой иногда носят своих всадников. Ужасно, просто отвратительно вспоминать о собственном глупом страхе! Надо же было подумать, что шер Бастерхази собирает ее похитить, как какую-нибудь томную девицу из романа! Наверняка он над ней смеялся...

Шу невольно передернулась и обругала себя дурой. Полгода прошло, а ее по-прежнему продувает ледяной дрожью, стоит вспомнить тот страх. А стоит вспомнить собственное облегчение и почему-то разочарование, когда химера вынесла ее прямо к воротам крепости Сойки и Бастерхази издевательски-вежливо сдал ее с рук на руки полковнику Бертрану, – страх сменяется жгучей обидой и уверенностью в том, что ее подло обманули. Все эти его сладкие речи, жаркие поцелуи – все это обман и только обман! И ширхаба с два Шу его простит! И никогда, никогда больше не будет доверять темным шерам!

Пустельга на ее перчатке недовольно заклекотала, чувствуя эмоции хозяйки. И хорошо. Отвлекла. Лучше Шу будет смотреть на пейзажи и сочинять следующее письмо Люка. Вот он совсем не похож на шера Бастерхази, он никогда ее не обманывал и не станет обманывать, он же светлый шер! И смеяться над ней не станет! Она непременно напишет Люка завтра же утром, ему нравится, когда она рассказывает о всяком разном. Она даже научилась создавать такие же живые картинки, как он. Правда, пока совсем коротенькие и без особых подробностей, но чтобы показать, как смешно ее Морковка охотится на дику газету – достаточно. Но Люка говорит, надо просто больше тренироваться и лучше сосредотачиваться. Вот у него получается просто замечательно, даже с запахами. А у нее завтра утром обязательно получится показать замок Ландеха отсюда, со скалы. И Люка будет ею гордиться!

К тому же – это просто красиво. Очень.

– Эй, спускайтесь на землю, ваше бешеное высочество! – послышался снизу смеющийся голос Энрике. – Не пугайте людей, они примут вас за бурю!

Шу лишь вздохнула. У Энрике отлично получается быть гласом разума. Очень вежливым и деликатным гласом. Она сама бы на его месте сказала не «бурю», а «ужасную темную колдунью, о которой без устали пишут газеты». Почти год, с самой ее недопомолвки с Люка и нашествия зургов, не писали – а тут снова. Ну как же, новость-то какая!

Младшие дети короля Тодора наконец-то возвращаются в столицу из изгнания! И ля-ля о скандалах, интригах и расследованиях на два разворота! Да еще специальные выпуски! Не то чтобы она читала эти развороты, за всю дорогу из Сойки ей не попалось на глаза ни одной газеты, словно кто-то очень тщательно их убирал с глаз долой, чтобы она не расстроилась и от расстройства не снесла ураганом редакцию-другую.

Вот зря Энрике так, очень зря. Она умеет держать себя в руках. Как Люка! Его вечно выставляют бездушным политиком, а ведь на самом деле он совершенно не такой...

Боги, как же Шу хочет скорее его увидеть!

– Давай-ка вниз, моя хорошая, – велела Шу своей химере, – и спрячь красоту. Я-то люблю тебя настоящей, а вот граф Ландеха, боюсь, хлопнется в обморок от такого счастья.

Муаре понимающе всхрипнула, и огненные искры в ее гриве погасли. Остальные признаки нечисти тоже исчезли – клыки в пасти, вертикальные зрачки, муаровый узор на шкуре. Химера стала похожа на обычную, если так можно сказать о самой красивой и дорогой породе, аштунскую кобылу. Что, впрочем, ей совершенно не помешало спуститься на мощеный древними камнями тракт в несколько прыжков, которым бы позавидовала любая горная коза. Да что там, даже Морковка, и та прыгала по скалам не так быстро и ловко! Все же рысь – обычная зверюга, а не нечисть.

Зато хорошо воспитанная зверюга! Она, хоть и ревниво скалилась на химеру, послушно держалась рядом с Бален.

Как и положено лучшей подруге, Бален не стала задавать дурацких вопросов типа «что, не приехал встречать?» или говорить «а я тебе говорила».

– Как тебе виды? – спросил Энрике.

– Отличные виды.

Тоненькую иголочку зависти она привычно проигнорировала. Энрике и Бален двигаются одинаково, улыбаются одинаково и продолжают фразы друг за другом. Даже одеты одинаково – в черные мундиры имперской МБ, только Энрике с капитанскими знаками отличия, а Бален без знаков отличия вовсе. Хотя Бален и предлагали должность и звание в Магбезопасности, она отказалась. Ведь тогда бы ей пришлось на год, а то и два уезжать в Магадемию – а оставлять так надолго Энрике она категорически отказалась. Да и зачем? Он и так ее обожает, без офицерского звания.

Когда-нибудь... нет, совсем скоро, на Шу будет так же восхищенно смотреть Люка, и они так же будут понимать друг друга без слов, и постоянно касаться друг друга, словно бы невзначай, и украдкой целоваться при каждом удобном случае. Совсем-совсем скоро!

– Я так понимаю, просить ваше высочество сесть в карету бесполезно? – Глас разума был еще и разумным в своих пожеланиях, за что Шу его особенно ценила.

– А толку, Энрике? Хороша я буду, вылезая из кареты в штанах.

Энрике с Бален одновременно хмыкнули и переглянулись. Ну да, да! Шу могла бы и сесть в карету, и даже сменить штаны на платье. Простым бытовым заклинаниям она научилась к вящей радости компаньонки. Но училась ради Люка, а не ради какого-то там графа-подхалима! Ради Люка она даже платье наденет! Хотя те платья, что ей прислали из дома, ей категорически не нравились, какие-то они были слишком кукольные. Ну куда ей, с ее-то фамильным сходством с Эстебано Кровавым Кулаком, розовые или белые оборочки с вышитыми цветочками? Она в них – как топор в торте.

Так что пусть граф Ландеха восхищается ею такой, какая она есть. Тем более в прошлый раз, когда она возвращалась в Сойку после победы над зургами, граф видел ее примерно в таком же костюме.

И между прочим, отличный костюм, пошитый на самого принца Каetano! Очень удобно, что у них с Каем один размер и рост. Ненадолго, конечно, через год Кай ее обгонит, все Суардисы высокие.

Подумав о брате, Шу обернулась назад – к догоняющей их процессии. Ужасно

торжественной. Хотя на самом деле Шу очень хотелось все это назвать обозом, так медленно он полз и таким количеством барахла был обременен. Прежде всего – свитой. Вот уж без этого барахла они с Каем преотлично бы обошлись!

И по причине этого же барахла у Каetano сейчас было такое надменное лицо. Ему, бедняге, приходилось соответствовать ожиданиям и привыкать к роли наследника короны.

Его побратим Зако, едущий от Каetano по левую руку, строил высокомерную физиономию ничуть не хуже. Да и приходилось ему не намного легче, чем Каю. Даже в чем-то сложнее. Для сопровождения наследника в столицу прислали десяток молодых дворян, сыновей самых знатных родов – сплошь старше, искушеннее в интригах и модах, давным-давно знающих друг друга, каждый со своим шкурным интересом. И все до единого куда богаче и знатнее шеро Альбарра.

Кстати, надо будет попросить отца, пусть исправит недоразумение. А то странно получается – двенадцать лет воспитывать королевского наследника полковник Альбарра достоин, а титула – не достоин. Про генерала Альбарра лучше вообще промолчать. Что он получил за победу над зургами, кроме ордена и полоскания в газетах? Как был коннетаблем и бароном, так и остался. И вообще, вот выйдет она замуж за его императорское высочество Люкреса и сама пожалует Медному графство, вот! Потому что если бы не Медный – ширхаба с два она бы сейчас была в здравом рассудке.

Хотя при взгляде на всю эту разряженную толпу придворных хлыщей ее брало сомнение: а стоит ли идти замуж за принца и влипнуть вот в этот кошмар? При императорском дворе придворных не счесть и гонору у них куда больше. А сумрачную шеру будут обсуждать и осуждать все, у кого язык не отсох. И попробуй тут удержишься, чтобы и в самом деле не отсохли.

Как все сложно-то!

По счастью, долго размышлять о сложностях ей не удалось. Сначала тихо зарычала Морковка: ей категорически не нравились придворные хлыщи. Они ужасно пахли духами, боялись ее и не кормили вкусненьким. Но главное – они не нравились хозяйке!

– Веди себя прилично, – велела Шу с долей злорадства: наконец-то это сказано не ей самой!

Рысь поморщилась и чихнула, высказывая этим все, что думает и о приличиях, и о придворных хлыщах. А заодно фрейлинах, куаферах, камергерах и прочей бесполезной толпе.

Судя по прищуре Бален – та была совершенно согласна со своей рыжей и клыкастой подружкой, и сама бы с удовольствием всю эту толпу перекусала и разогнала. Особенно фрейлин! По мнению Бален, в обязанности фрейлин входит поддерживать принцессу во всем, особенно в невинных шалостях, а не травить ее обоняние скверными духами и ее слух – жеманными рассуждениями об имперских модах и галантных кавалерах. И особенно в их обязанности не входит задира́ть нос перед маленькой, беззащитной Белочкой – которая, видите ли, не имеет титула и вообще происходит из лесных ире, дикарей и чуть ли не каннибалов.

Да уж. Непросто будет держать фрейлин подальше от беззащитной Белочки, у которой в каждом сапоге по ножичку, удавка в поясе и по паре боевых амулетов в милых, заостренных и покрытых золотым пушком ушках. А, да, и чисто на всякий случай – тяжелые кольца с острыми камнями, ведь девушке не пристало носить обычные кастеты.

Разумеется, Шу не раз ей намекала, что вообще-то она и сама не то чтобы нежный цветочек, который кто угодно может растоптать, и можно уменьшить постоянный арсенал хотя бы на несколько колец, они ж неудобные. Но Бален каждый раз нежно улыбалась и отвечала, что просто не желает терять навык. Не зря же любимый муж ее всему этому учил! Ну то есть не всему, а половине... и вообще, за их обменом опытом регулярно наблюдал весь гарнизон крепости, делая ставки и получая от зрелища истинное удовольствие... а Шуалеиду и Каetano с Зако учили оба...

Вот, кстати, завтра утром и надо будет слегка поумерить спесь придворных хлыщей.

Вряд ли кто-то из них выстоит против Зако хотя бы три минуты. Да что там, если Зако не захочет покрасоваться перед дамами, ширхаба с два продержатся и тридцать секунд. А церемониймейстера, который уже плешь проел с тем, что принцу и принцессе не подобает, обезвредить превентивно, в строгом соответствии с наставлениями светлого шера Герашана.

С такими прекрасными, подходящими истинно благовоспитанной принцессе мыслями Шу и встретила Каetano, наконец-то ее догнавшего. Свите пришлось перестроиться, освобождая ей место рядом с Каetano.

– Мне кажется, дорогой брат, тебя несколько утомило однообразное сидение в седле. Как думаешь, граф Ландеха устроит для нас достойные развлечения?

От того, чтобы покрутить пальцем у виска, Кая удержала только прилипшая намертво роль высокомерного ледяного принца. Так что он всего лишь повел бровью и осведомился, этак надменно:

– Ты скучаешь, моя драгоценная сестра?

От того, чтобы не покрутить пальцем у виска и не спросить, не заболел ли Кай, Шу удержали лишь знакомые хулиганские искры в его ауре. Лицо брат держал на зависть каменной статуе.

– Скучаю. Твои сиятельные шеры... – обернувшись, Шу смерила оценивающим взглядом ближайшего из свиты, – наверняка полны всяческих достоинств кроме тех, что демонстрируют на своих шляпах.

Кай фыркнул. Шляпы... о да, шляпы! По последней моде сиятельные шеры украшали свои шляпы и береты разноцветными перьями и драгоценными брошами. Когда-то в виде брошей делали ментальные амулеты, но сейчас во всем этом блеске не было ни малейшего толку. То есть амулеты-то были, все как положено – но настолько слабенькие, что Шу их и амулетами-то постыдилась бы назвать.

Сиятельные шеры отлично все услышали – Шу обдало волной досады пополам с надеждами. Кое-кто из свиты рассчитывал показаться во всей красе, выделиться и запомниться принцу, а там и подвинуть Зако с места любимчика.

Ну-ну. Будет вам шанс выделиться и запомниться. Завтра.

– Вот и посмотрим. Мне давно пора ближе узнать моих дорогих друзей, – все тем же тоном надменной сволочи заявил Каetano. – Заодно и разомнемся.

Кай и Шу едва успели заговорщицки переглянуться, как Энрике предупредил:

– Нас встречают.

– Его сиятельство граф Ландеха, – продолжила за мужем Бален таким тоном, что если бы Ландеха слышал – сбежал бы в Хмирну, чисто на всякий случай.

Из-за холма показалась кавалькада: всадники заблестели и засияли на ярком весеннем солнце, словно по дороге рассыпали сундук новеньких золотых монет.

– Опять шляпы, – еле слышно прокомментировал Каetano.

Сам он, кстати, от шляпы отказался, оставшись с непокрытой головой. Истинным шерам солнце не напекает, а рядом с Шу никакие ментальные амулеты ему не нужны... ну... ладно, будем откровенны – его ментальный амулет просто не так массивен, чтобы носить его на шляпе. А серьга с темным сапфиром ему очень идет.

Вообще, сейчас, глядя на Каetano, Шу удивлялась и гордилась – брат вырастает в красавца, даже лучше Зако. Детская мягкость сменяется фамильной резкостью Суардисов, плечи раздаются вширь, а когда он улыбается, на щеках появляются очаровательные ямочки, и глаза у него глубокие, как вечернее небо, и такие же темно-синие, почти черные. Неудивительно, что обе ее новые фрейлины при каждой возможности кидают на него томные взгляды.

- Шляпы, граф Ландеха и две его дочери на выданье, – тоном «держись, я с тобой!» добавил Зако. – Достойные невесты для принца.

- Вот сам на них и женись, раз достойные, – буркнул Каetano, не удержав образ, но тут же расправил плечи и задрал нос еще выше.

- Ради вашего высочества я готов пожертвовать собой! – заявил Зако и тоже задрал нос.

- И на жалованье шуту сэкономим, – шепнула Бален и очаровательно улыбнулась.

Шу тихонько засмеялась.

Правда, долго веселиться не получилось. От кавалькады встречающих отделился всадник, похожий на попугая в своем изумрудном камзоле, лиловой жилетке и винно-красных штанах.

- С каких это пор граф Ландеха стал истинным шером? – вполголоса поинтересовался Кай.

Шу только пожала плечами. Мало ли тщеславных идиотов на свете.

- Дурить законом не запрещено, – совсем тихо ответил Энрике, не меняя выражения лица «ужасно серьезного капитана МБ при исполнении» и поехал навстречу графу.

Шу с постно-торжественной миной наблюдала, как Энрике пафосно сообщает графу Ландеха, что их высочества счастливы видеть своего верного слугу и прочее ля-ля. Пока граф со своей стороны нес еще более пафосную чушь, Энрике его ментально сканировал. Собственно, ради ментальной проверки и были устроены протокольные танцы.

На всякий случай Шу тоже поинтересовалась, а не носит ли граф Ландеха ментальный амулет попрличнее, чем свита Каetano? И тут же разочарованно поморщилась. Амулет был определенно лучше, но взломать его смог бы и младенец. А мысли под ним были мыслями обычного придворного павлина.

- Граф Ландеха счастлив приветствовать ваши высочества в своих землях и просит оказать честь его семье, разделив кров, – вернувшись к Каetano, повторил Энрике слова графа.

Что ж, значит, Магбезопасность не обнаружила подвоха. И слава Двуетиным!

- Передайте графу Ландеха наше благоволение. Мы изволим остановиться в замке Ландеха, – ответил Каetano в точности, как отвечал трем предыдущим вельможам, у которых они ночевали всем торжественным, ширхаб его нюхай, обозом.

Шу улыбнулась как можно ласковее, чтобы не пугать и так нервного шера Ландеха, и закрылась наглухо. Еще не хватало портить настроение чужими мыслями!

В замке, едва вытерпев представление графини Ландеха и двух юных шер, Шу отмахнулась от предложенной помощи и пожелала отдохнуть в своих покоях до ужина.

В отличие от самого графа, замок ей понравился. Старый, построенный пять-шесть сотен лет назад, из золотистого песчаника, с высокими арочными потолками, росписями на божественные темы и фонтаном во внутреннем дворе. В ее комнате на столе уже стояли цветы и фрукты, кровать благоухала розами – графство Ландеха славилось не только вином, но и розовым маслом.

- Слишком сладко, но жить можно, – прокомментировала Бален, помогая Шу раздеться. – Надеюсь, в бадью налили капель десять, а не целый флакон. Роскошь, пф!

Шу только пожала плечами: ну да, роскошь. В крепости Сойки ее розовым маслом не особо-то баловали. То есть если б она хотела – могла бы выписывать себе и розовое масло, и лавандовое, и хмирские шелка, и ширхаб знает что еще. Отец выделял на ее содержание достаточно средств, но Шу предпочитала тратить их на книги, ингредиенты для зелий и материалы для артефактов. Если ей так и не удалось пойти учиться в Магадемию, это ж не значит, что она останется невеждой! Благодаря лекциям дру Бродерика и практическим занятиям с Энрике она научилась очень многому!

Самое главное – самоконтролю.

О, это было очень и очень сложно. Но она справилась! Потому что у нее есть цель. Нет, не так. Цель-с-большой-буквы. Только самоконтроль поможет ей не стать темной, получить свою вторую категорию и выйти наконец-то замуж за Люка.

И никто ей не мешает!

Ей не мешали до самого ужина, предваряемого «скромным приемом с танцами». Да и за ужином от нее не требовалось ничего, кроме милых улыбок в ответ на тосты. Местная знать глазела, восторгалась, опасливо шепталась и снова глазела. Тщательно выстроенные ментальные барьеры скрипели, трещали, но держались, и потому Шу была спокойна.

Она мило улыбалась, даже когда ее пытались пригласить танцевать. Улыбалась, качала головой и ссылалась на усталость после дороги. Ей вполне хватило чинного хозта, открывающего бал, и единственной вольты с Каetano. Вот полковник Бертран и шера Исельда явно наслаждались танцами. То есть шера Исельда – самим балом, а полковник – ее улыбкой. Танцевали и Энрике с Бален – исключительно друг с другом – и явно получали от танцев удовольствие. Приятно все же видеть счастливых людей!

Каetano и Зако тоже танцевали – в основном с графскими дочками, чем вызывали недовольство доброй половины присутствующих дам. Ведь их дочери, разряженные и напомаженные, остались не у дел.

– Благодарю, но я не танцую, – бездумно ответила Шу на что-то очень сладкое и любезное, сказанное очень сладким и любезным кавалером.

Если бы у кавалера был ментальный амулет получше, она бы, может, и согласилась. Но танцевать с тем, кто тебя боится и пригласил только ради хвастовства перед такими же, как он сам, безмозглыми жеребцами? Нет уж.

– Р-ры, – подтвердила ее отказ Морковка, и кавалера как ветром сдуло.

А рысь потерлась головой о ее руку, требуя похвалы, ласки и вкусняшки. К примеру, еще пирожного. От пирожных она готова была спасти хозяйку еще усерднее, чем от кавалеров. Потому что пирожные намного вкуснее!

С рысью и отобранной у лакея тарелочкой с пирожными Шу сбежала на террасу. Там она скормила добычу страшно довольной Морковке, немножко полюбовалась на закат и даже начала сочинять письмо для Люка... Правда, пока все варианты начинались со слов «как я хочу, чтобы рядом был ты, а не эти все лицемеры» и совершенно никуда не годились.

Она так и не успела придумать ничего достойного, когда за ее спиной отворились двери, и на террасу стали выходить гости.

– Фейерверк! Ваше высочество, фейерверк!

О злые боги. Ей же не обязательно присутствовать? Видела она этих фейерверков... Да что там, она сама может им запустить такой фейерверк, что потом год заикаться будут! От восторга, а не что вы там подумали!

Бежать, срочно бежать отсюда...

И опять она не успела. Только-только накрылась пеленой отвода глаз и собралась запрыгнуть на перила террасы, чтобы оттуда – во двор и к себе в комнаты, как толпа расступилась, давая дорогу Каetano. И брат ее, разумеется, увидел. Ведь отвод глаз был не для него, а для гостей...

– Вот ты где, дорогая моя сестра! – просиял улыбкой он.

«Спаси меня от этих пиявок!» – намного громче слов подумал он.

Пиявки прицепились к нему с обеих сторон. Одна в белом, другая в розовом. Две юные шеры Ландеха, завидные невесты, достойные самого принца. Причем ни одной из юных шер Каетано не нравится – высокомерная сволочь, надменная холодная скотина, капризный молокосос, и зачем папеньке сдался этот брак, мы и так богаты... Вот то ли дело шер Наба – и галантен, и одет по последней моде... Нет-нет, лучше Шу не будет читать их мысли, а то поубивает их ненароком.

Она мысленно передернулась. Темный шер Бастерхази преподавал ей бесценный урок: убить – легче легкого, а вот исправить уже ничего нельзя. Поэтому никогда, ни в коем случае нельзя отпускать контроль. Особенно если очень хочется его опустить и устроить прямо тут, на террасе замка Ландеха, грозовую аномалию.

Что ж, зато светлый шер Люка научил ее другому, не менее полезному – дипломатическим уловкам. Не зря же он ей рассказывал о переговорах то с Ледяным Лердом, то с сашмирскими раджами, то вовсе с древними призраками. Самое главное, у него же получалось никого не поубивать! Значит, и у Шу получится.

– Дорогой брат, – Шу протянула к нему руки, и Кай немедленно воспользовался возможностью оторваться от обеих пиявок. – Такой прекрасный вечер, не правда ли? – С невинной улыбкой она крутанулась на месте, взмахом юбок оттесняя и графа, и его дочек, а взглядом приказывая Зако: держи второй фланг. И, взяв брата за руку, похлопала ресницами. – Составь мне компанию.

Граф Ландеха поклонился и отпустил ей очередной комплимент. По его тону и улыбке никто бы не догадался, что ему отчаянно хочется сбросить капризную принцессу с террасы вниз, прямо на мощеную брусчаткой подъездную аллею. Она поломала ему такой прекрасный план! Наверняка юный Каетано уже почти влюбился в одну из его дочерей, ведь он в своем захолустье и не видел благородных девиц! Надо всего лишь подтолкнуть немного, и...

На этом месте графских размышлений на террасу явились Энрике с Белочкой и перегородили все оставшиеся подступы к Каетано. Совершенно, совершенно ненамеренно! Просто так получилось. И на юбку графской дочке – старшей, кажется, – Бален наступила случайно. Случайно наступила и случайно порвала.

– Ах, какая досада! Простите, милочка, я иногда бываю так неуклюжа! – невинно улыбнулась Бален.

Конечно. Кто может быть более неуклюж, чем мислет-ире? Разве что лесная кошка на охоте.

– Так мило с вашей стороны устроить фейерверки! – Шу улыбнулась графу Ландеха. – Велите принести кресла, мы сядем здесь. Мой дорогой брат утомился в дороге.

Очертив взмахом руки половину террасы, Шу заодно отбила желание заходить за черту у всех, включая самого графа. Даже у слуг – бывает, чуть перестаралась. Зато никого не убила. А что бедным слугам после того, как они все же переступили черту и поставили затребованные кресла, будут несколько ночей сниться кошмары... ну... даст им по серебряной сестрице потом, завтра.

– Как же они все мне надоели, – шепотом пожаловался Каетано. – Пожалуй, я не рискну что-то пить или есть в этом доме, еще нальют приворотного, проснусь завтра женатым на одной из кукол Ландеха.

– Не нальют, – Шу фыркнула.

– Я думал, ты скажешь «не проснешься», – уже не так сердито ответил Каетано.

– Если завтра кто-то и не проснется, это точно будешь не ты, братец.

Остаток вечера, включая ужин, они провели вместе – прикрывая Каетано от посягательств юных и не очень шер. По счастью, к ужину вышел и дру Бродерик – наставник юных высочеств во всевозможных науках. Дру Бродерик так живо заинтересовался фейерверками, что графу Ландеха волей-неволей пришлось весь ужин вести беседу с ним. А всем известно, если гном в кого вцепится, его не оторвать даже лебедкой. Вот и дру Бродерик, сверкая глазами и потрясая рыжей, заплетенной в семь

косиц бородой, заболтал графа напрочь.

Шу даже немножко графу посочувствовала. Сквозь смех. Потому что они составляли совершенно изумительную пару! Ученый наставник в честь торжественного ужина надел парадное национальное облачение, яркостью и пестротой не уступающее «историческому» наряду графа, а количеством нашитых самоцветов его превосходящее раз в двадцать. К тому же его заткнутая за пояс ритуальная кирка блестела и сияла, словно выточенная из цельного алмаза.

Но, честно говоря, на смех уже не оставалось сил. Единственное, на что Шу хватило после ужина – это проводить Каetano до его покоев, осмотреть их на предмет ядовитых цветов и гадюк под подушкой... и упасть без сил на его кровать.

– Я буду спать тут, – заявила она, прикрывая глаза. – А вы с Зако идите в мои комнаты. Да, и если придет дру Бродерик объяснять, что я опять вела себя безответственно, пошлите его к ширхабу от моего имени.

На мгновение повисла недоуменная тишина, но тут же Энрике распорядился:

– Идем. Капризы девушки – святое.

– Именно, – кивнула Шу, не открывая глаз.

Она даже не почувствовала, как верная Бален, поминая ширхаба, стягивает с нее туфли и платье, а потом накрывает одеялом и уходит в смежную комнату.

Интермедия

...услышу просящего, запишу просьбу в Книгу Теней и возьму сообразную плату. Каждое слово и помышление будет услышано, но исполнится лишь по воле Моей.

Из «Слова Брата» (Закона гильдии ткачей)

Ночь на 14 день месяца холодных вод, 432 год

Замок Ландеха

Он никогда не задавал Мастеру вопросов и всегда исполнял заказы точно и в срок. Без самостоятельности. Именно поэтому он был лучшим убийцей не только графства Ландеха, но и всего юга.

Сегодняшний контракт ничем не отличался от десятков предыдущих. Тихо прийти, убить, тихо уйти. Кто заказчик и кто объект – его не волновало. Темному Брату виднее, кого забирать в Бездну.

Ночь тоже была самой обычной. Отсюда, с тропы Тени, все казалось серым, зыбким и замедленным почти до неподвижности, а голоса перекликающихся стражников – невнятным растянутым гулом.

Обогнув замок с юга, убийца прислушался к амулету, данному заказчиком. Тот молчал, а значит, охранные чары поместья не представляли опасности. Он отпер неприметную дверь, легко тронул ее – если толкнуть сильнее, она разлетится от удара о стену, а поднимать шум не входит в его работу. Он скользнул в черный ход – темно, ни души, лишь крылатые силуэты демонов сопровождают брата по тропе Тени. Добрался до обозначенной на карте кладовки, тронул шкаф. Тот беззвучно повернулся на свежесмазанных петлях, открыв узкую винтовую лестницу.

На последней ступеньке лестнице мастер сошел с тропы Тени и прислушался: из-за стены доносилось лишь сонное дыхание, амулет на груди молчал. Тусклый луч пробивался сквозь щель в потайной дверице. Убийца заглянул в щель, но увидел лишь балдахин. Отодвинул панель – механизм не скрипнул. Шагнул в покои. Амулет нагрелся, преодолев защитные заклинания.

Убийца аккуратно прорезал балдахин над постелью, оглядел укрытую простыней фигуру: объект отвернулся, лица не видно, только из-под белой льняной простыни выбиваются черные пряди. Рядом с подушкой лежит простой армейский нож, последний рубеж обороны обреченного юноши.

Убийца не позволил себе и отзвука сожаления. Принц или нищий, мальчик или старик – гильдии ткачей нет разницы, Руке Брата тем более. Беззвучно достав из ножен кинжал с черным лезвием, он замахнулся...

Удовольствие от собственной отличной работы заставило его губы искривиться в улыбке.

Рано.

Не хватило четверти секунды, чтобы закончить работу.

Внезапно воздух остекленел, задержав руку с кинжалом на половине пути и не позволяя ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни спрятаться на тропе Тени. Амулет на груди вспыхнул, обжег льдом и погас.

А с несостоявшейся жертвы соскользнула простыня – и убийца встретился взглядом с бледной, худой девушкой. Глаза на узком лице светились мертвенно-лиловым светом, притягивали и требовали: умри!

«Темная колдунья! Заказчик обманул...»

Последним усилием воли он попытался сбросить колдовское оцепенение, но умирающее тело не послушалось. Он почувствовал, как падает – в черные зеркала девичьих зрачков, в знакомую холодную Бездну. И там, в Бездне, его уже ждали.

Рыжеволосый мальчик, сидя на белом песке, пересыпал из ладони в ладонь горсть черных и белых бусин, словно раздумывая: достоин этот человек Светлых Садов или Бездны? Но черных бусин оказалось намного, намного больше. Тогда мальчик улыбнулся и посмотрел ему в глаза.

И мертвый убийца услышал знакомый, пустой и холодный голос Темного Брата:

– Добро пожаловать домой, рука Моя. **Глава 28**

Тиха южная ночь

12/V/432 г.

Полковнику Д. от капитана Г.

Аномалия стабильна. Единственный всплеск зафиксирован после письма от «жениха». Тип «Свет», 4 балла по шкале Рахмана.

12/V/432 г.

Капитану Г. от полковника Д.

Будь осторожен. Ландеха чист, как голубка Светлой, но доверять ему не советую. Допустишь срыв Аномалии – разжалую в рядовые посмертно.

Ночь на 14 день холодных вод, 432 год. Замок Ландеха

Шуалейда шера Суардис

– Проснись! – сказал знакомый голос, напоминающий рокот пламени.

Она не успела даже испугаться, только распахнуть глаза и увидеть нож убийцы, направленный ей прямо в сердце. И тут же мир вздрогнул, полыхнул живой тьмой...

В следующий миг тело убийцы плавно опустилось на пол. Выпавший из мертвых рук нож тихо звякнул, упав на ковер.

Мелькнула мысль: хорошо, что пол не каменный, а то звону было бы...

И только тогда до Шуалейды дошло, что ее только что пытались убить. Пытались – ее, а убила она. Смешно, правда же?..

Задавив на корню подступающую истерику, Шу села на постели и закуталась в простыню. Прикрыла глаза. Потоки магии успокаивались, оставляя ее усталой и дрожащей, ветер уносил в раскрытое окно тошнотворный запах страха и смерти.

– Ширхаб вас... – еле выдавила сквозь пересохшее горло.

Отчаянно хотелось притвориться, что убийца – всего лишь продолжение кошмара, и если постараться, она проснется и ничегошеньки на полу не увидит. Но она слишком хорошо знала, что обмануть себя не выйдет.

Пыталась однажды. Хватит.

Трижды глубоко вдохнув и выдохнув, Шу открыла глаза и снова прикрыла: светящиеся груши под потолком словно взбесились. Вспыхивали, меняли цвет, потрескивали, между

ними проскакивали молнии. Интересно, иллюминация только в ее комнате или во всем замке?

Нет. Она не хотела знать ответ на этот вопрос. Не сейчас.

- Во всем, - раздался тихий голос одновременно со скрипом двери.

Шу резко обернулась и успела заметить, как в руке босого, одетого лишь в штаны и сорочку Энрике гаснет какое-то убийственное заклинание.

- Хорошо, если не во всем графстве, - так же тихо добавила Бален.

Она тенью стояла за плечом мужа, так же одетая лишь в ночную сорочку, но с парой ножей в руках, и светила зелеными звериными глазами.

- Багдыр`ца, - емким словом, больше подходящим солдату, чем принцессе, выразила Шу свое отношение к... да ко всему этому!

- Не могу не согласиться, - кивнул Энрике и выразительно поднял бровь: - Ну?

Прошипев под нос еще пару таких же емких выражений, Шу скривилась, мысленно дотянулась до ближайшего светильника и потянула к себе магические потоки, заставляющие замковое освещение сходиться с ума.

Потоки были темными от и до. Без единого проблеска света. Кто тут мечтал о светлой категории, на худой конец, о сумрачной? Уже никто? Вот и правильно.

Шу очень захотелось вылезти в окно и махнуть обратно в Сойку. А там запереться в своей комнате и не выходить, даже если за ней явится Конвент в полном составе.

Вот только она прекрасно понимала, что бегство ничего не изменит.

Ширхаб бы побрал убийцу и того, кто его нанял! А лучше найти нанимателя и безо всяких ширхабов...

Разжав зубы и кулаки, Шу еще раз медленно, очень медленно вдохнула и выдохнула. Нельзя злиться. Нельзя ненавидеть. Нельзя раскатать проклятый замок по камешку, попрыгать сверху и соорудить из котлована живописное озеро. Надо успокоиться и подумать головой. Потому что наверняка можно что-то сделать, вот только понять бы, что именно!

Для начала...

- Энрике, - окликнула она капитана МБ, внимательно рассматривающего труп. - Что там?..

И как удачно - даже дознавателя вызывать не надо, все уже на месте.

- Мертвый труп дохлого ткача, - с привычной иронией отозвался Энрике. - Как дипломированный фельдшер, констатирую смерть от разрыва сердца. Но ты же не об этом спрашивала?

- Само собой. Мы можем выяснить, кто хотел меня убить?

- Не тебя. Твоего брата, законного наследника престола, - вместо мужа ответила Бален.

- Каetano?..

На миг Шу застыла в недоумении, а потом схватилась за голову. Она же в покоях брата! Ее интуиция опять сработала. И опять через одно место! Вот почему она не догадалась, зачем ей встряло уснуть обязательно здесь, а Каetano отправить в свои покои?! Посадили бы в засаду Энрике с Бален, повязали бы убийцу, вызнали у него имя нанимателя. И никаких вам темных аномалий, ширхаб вас всех нюхай!

- Ни один гильдейский мастер не взял бы заказ на тебя, они ж не самоубийцы, - объяснил очевидное Энрике.

- Погоди... но гильдия не могла взять заказ на Кая! Ты же сам говорил, королевская семья неприкосновенна!

- Любой закон можно обойти. - Энрике пожал плечами.

А Бален села рядом с Шу на кровать, погладила ее по волосам, стряхивая шипящие сиреневые искры.

- Загляни в него, Шу. Может быть, найдется зацепка. - Глас разума по обыкновению принадлежал Энрике.

- Вот только некромантией я еще не баловалась.

- Я не предлагаю его поднять, всего лишь распотрошить память.

- Так посмотри его сам, Энрике.

- Мастера теней, убитого тобой? Ты переоцениваешь мои силы, Шу.

- Но я не умею. Поднимать трупы - тоже не умею!.. - Шу зажмурилась и сжала кулаки, гася приступ истерики. - Пожалуйста, помоги мне, Энрике. Пожалуйста...

Ее губ коснулось что-то прохладное.

- Пей, - велела Бален.

Вода была ледяной и с омерзительным привкусом тлена, но Шу ее послушно выпила. Всю. И это действительно помогло успокоиться.

- Ладно. Я попробую.

- Ты сделаешь. Время для «попробую» закончилось, Шу. Мне жаль. Давай, я буду тебя направлять.

Это было похоже на плавание в болоте, так же отвратительно и тяжело. К Шу липли обрывки чужих воспоминаний - не только картинки, но и запахи, вкусы, боль, удовольствие, радость и злость. В них самих не было ничего плохого, но беспорядочная и невнятная круговерть, из которой надо было вычленить хоть что-то, относящееся к последним дням жизни...

Через мгновение Шу вынырнула из чужой памяти, тяжело дыша и пытаясь сдержать рвоту.

Еще один кувшин холодной воды оказался у ее губ. И только когда Шу выпила половину, обливаясь водой и слезами, смогла нормально дышать. Бален по-прежнему обнимала ее за плечи так крепко, словно Шу могла сбежать. А капитан, бледный в прозелень, продолжил обыскивать тело убийцы. На пол ложились метательные звездочки, отмычки, какие-то гнутые железяки...

- Ага, вот он, - проворчал Энрике под нос и поднял за цепочку серый кулон с треугольным камнем.

Шу видела такие же треугольные амулеты в учебнике по артефакторике. Простой на вид, сложный по исполнению, амулет помог убийце обойти охрану. Наличие амулета говорило о... а ширхаб его знает о чем.

Ладно, надо попробовать записать для Магбезопасности воспоминания убийцы. Она никогда не делала ничего подобного, но раз Энрике сказал «надо» - в самом деле надо. Она должна уберечь брата от следующего покушения.

Зажмурившись, она протянула воображаемую ниточку между трупом убийцы и кристаллом записи, вложенном Энрике в ее ладонь.

Чужие воспоминания - смутные, неоформленные - зашевелились внутри ее головы, словно щупальца осьминога. Такие же склизкие, чужеродные и грубые. Перед глазами потемнело, из желудка поднялся ком вязкой горечи... И вдруг стало мокро и холодно. А еще - пусто, спокойно и хорошо. Изумительно хорошо!

Шу распахнула глаза и с удивлением уставилась на кувшин в руках Бален. Подруга сочувственно покачала головой и протянула Шу край простыни.

– Вытрись. И оставь эту дрянь Энрике.

Кивнув, Шу утерлась. А Энрике продолжал разглядывать кулон, морща лоб и беззвучно шевеля губами. Сам кулон окутывала голубоватая дымка воздуха с сиреневой искрой менталистики: похоже, пока она и Энрике вместе копались в мозгах убийцы, их дар каким-то образом смешался. Или Шу отдала ему каплю своего, на время. Она бы разобралась в этой научной загадке, если б было время. И силы. И голова не так кружилась при попытке что-то рассмотреть.

Нет уж. Лучше последовать совету Бален и не геройствовать.

– Как ты с этим справляешься, Энрике? – вздохнула Шу, чувствуя себя зеленым новобранцем, попавшим в один дозор с ветеранами. Вроде бы ничего особенного они не делают, но новобранцу по каждому их движению и взгляду понятно, какой он дремучий невежда.

– Старые навыки не пропьешь, – тихо хмыкнул капитан и протянул кулон Шу. – Взгляни, только осторожно. Он нестабилен.

Разумеется, Шу тут же вцепилась в добычу и тихо выругалась от разочарования. Магии в артефакте оставалось с кошачью совесть. Какие-то проволоочки, медные и свинцовые спайки, чешуйки и крохотная искра – черная с отзвуком огня, воздуха и разума – ровно такая, чтобы артефакт самоуничтожился...

Прямо у Шу в руках.

Вместе с ее последними иллюзиями.

Она перебросила цепочку с пустой оправой обратно Энрике – быстро, словно это был еще один отвратительный склизкий осьминог. Даже руки вытерла.

– Работа Бастерхази, – сказала она очень-очень ровно.

Ей почему-то казалось, что если она сейчас сделает хоть одно неосторожное движение, издаст хоть один резкий звук, ее хрупкое спокойствие разобьется и выплеснет наружу... Нет, она даже думать не хотела, что именно выплеснет. И останется ли после этого в замке хоть кто-то живой.

Вот она – точно не останется. Не после того, как Роне... Рональд шер Бастерхази, подаривший ей прекрасную химеру, славший ей цветы, целовавший ее – заказал убийство ее брата.

Странно. Ведь она знала, что темным шерам нельзя верить. Знала, что они убивают, как дышат. И все равно – больно, отчаянно больно. Словно где-то в глубине души она все еще надеялась, что темный шер Бастерхази способен на какие-то светлые чувства. Ужасно, просто ужасно глупо и неосторожно.

Поймав цепочку, Энрике кивнул:

– Да, Бастерхази. – Его голос прозвучал так же ровно.

И хорошо. Если бы он сейчас сказал хоть слово на тему «я тебя предупреждал», она бы... она бы... расплакалась? Или устроила локальный конец света?

Энрике в самом деле ее предупреждал и неоднократно. И о том, что темные шеры не умеют любить никого, кроме себя. И что лично Рональд шер Бастерхази – темный мозгокрут и может сколько угодно очаровывать Шу, но сути его ничто не изменит. Да что там, она сама в этом уже убедилась, когда он походя убил ее сокола и как ни в чем не бывало преподнес ей умертвие, но... но она продолжала верить в чудеса. Устрица безмозглая.

– Три стихии, тьма и как минимум вторая категория дара – почти личная подпись Бастерхази, – продолжал Энрике, словно бы не замечая метаний Шу. – Одна

неприятность: доказать мы ничего не сможем. Артефакт уничтожен, слепка ауры нет, ширхаб его дерит. Ладно, для рабочей гипотезы нам хватит...

Энрике что-то еще говорил, а до Шу с запозданием доходило: ее брата, ее маленького Кая, пытались убить. Их старшая сестра Ристана перешла от пассивной ненависти к активным действиям, и ей помогает не кто-нибудь, а придворный маг, гарант безопасности и законности! Сестра и придворный маг. Ристана и Бастерхази. Сладкая парочка, чтоб им... но это получается... получается... в столице они точно доберутся до Каетано! Шу не сможет быть с братом ежесекундно, и вряд ли ей снова в нужный момент приснится правильный сон...

«Проснись, Шуалейда!» – снова прозвучал в ее голове бархатный бас с отзвуками рокошущего пламени. Голос темного шера Бастерхази.

Он хотел ее предупредить? Но зачем? Или же она почувствовала его магию в амулете убийцы? Она разберется – потом. Когда они с Каетано будут в безопасности.

– Энрике, мы немедленно возвращаемся в крепость Сойки, – перебила она капитана. – Сейчас же буди Каетано, мы уезжаем!

– Конечно, сейчас... – Энрике подсел к ней, обнял за плечи поверх руки Бален. – Дыши, моя хорошая. Просто дыши. Мы справимся.

– Конечно справимся. Подумаешь, темный шер. – Бален погладила Шу по растрепанным волосам. – Ты же не какая-то жеманная клуша вроде твоих фрейлин.

А из Шу вдруг словно вынули стержень – она почувствовала себя слабой, как новорожденный котенок, безумно уставшей... а еще ей стало ужасно стыдно. Докатилась, впадает в истерику хуже собственных фрейлин. Как будто бегство хоть когда-то хоть что-то решало!

– Ну вот, успокоилась и стала самой собой, грозной сумрачной колдуньей.

– Угу. Даже начала думать головой, – фыркнула Шу, освобождаясь из дружеских объятий. – И голова мне подсказывает, что я ни ширхаба лысого не понимаю. Зачем, Энрике? Неужели Ристане так нужна корона, что она готова убить родного брата?..

– Единокровного, а не родного, – вполголоса поправила Бален.

– Неважно! Даже если меня она в расчет не берет... или рассчитывает избавиться и от меня... Ристана же не дура, в конце концов! Отец никогда не простит ей смерти Каетано.

– Ты права, – кивнул Энрике. – За исключением одного. Ты же слышишь замок?

Шу прислушалась.

– Нет. А что я должна слышать?

– Именно, что ничего! Все спят. Странно после ночной иллюминации.

– Ширхаб! Я... я должна была почувствовать сонное заклятие! Но... – Она готова была провалиться от стыда. Не заметить такой элементарной вещи могла только безмозглая устрица!

– Всем известно, что гильдия не берет заказов на королевскую семью. Всем известно, что ты, как самая одаренная, можешь претендовать на престол после смерти отца. Всем известно, что темные шеры злы и коварны по природе своей...

– Не надо, не продолжай. – Шу сжалась в комок, подтянув колени к груди и обняв их. – Опять в газетах вой про темную колдунью? Поэтому мне на глаза за всю дорогу не попало ни одной?

Энрике кивнул. Очень понимающе и очень сочувственно.

– Шу, ты же не думала, что Ристана смирилась с потерей короны и хуже того, с твоей помолвкой с кронпринцем. Она слишком привыкла быть самой большой тыквой на этой грядке. Так что интрига проста, как медный динг. Убийство Каетано свалили бы на тебя,

скандал прокатился бы по всей империи...

– ...и Ристана осталась единственной наследницей, – продолжила очевидное Шу. – Боги, как я ненавижу политику!

– ...а его высочество на тебе бы не женился, – совсем тихо добавила Бален.

Шу вздрогнула и зажмурилась. Бален права, наследник императора не может жениться на темной колдунье, которую обвиняют в убийстве брата. Злые боги, как же она ненавидит политику!

– Бастерхази... – задумчиво продолжил Энрике. – Странно, что он оставил столь явный след.

От упоминания Бастерхази Шу снова вздрогнула, но тут же подавила неуместную боль. Ей все равно. Она ничего другого от темного шера и не ожидала. И вообще, он не стоит... да, не стоит. Даже того, чтобы о нем говорить.

Намного важнее другое.

– А ты не боишься, Энрике, что это покушение спланировано Магбезопасностью? У Ристаны не один любовник, а два. Почему бы полковнику Дюбрайну не преподнести ей Валанту на блюдечке?

– Чушь! – вспыхнул Энрике, но тут же выдохнул и продолжил почти спокойно: – Во-первых, он не собирается ничего преподнести Ристане на блюдечке. Хотел бы, давно бы преподнес, без лишних сложностей. Во-вторых, если бы это покушение было спланировано им, оно бы удалось. А в-третьих... он – светлый шер, а не чудовище.

– То есть «имперский палач» – это не о нем? – из чистого упрямства уколола Шу.

– На том же газетном развороте, где и «темная принцесса-монстр», – не остался в долгу Энрике.

От привычного обмена шпильками Шу почувствовала себя намного лучше. Увереннее. Как будто мир постепенно становился на место. Ну... не то чтобы совсем, но хоть что-то в нем осталось по-прежнему. Однако...

– Я все равно не понимаю, Энрике. Ладно, если это не полковник Дюбрайн, а Ристана... Почему отец это допустил? Под самым своим носом!

– Прости, Шу. Его величество приказал не говорить вам с Каем, но раз такое дело... – Энрике потер виски. – Ни я, ни Бален не можем сказать прямо, мы принесли клятву. Но ты же сама уже поняла, не так ли? Ни одного письма от короля за последние три месяца, очередная шумиха в газетах о твоём темном даре, делами в королевстве заправляет Ристана.

– Нет, погоди... не может быть, что отец серьезно болен?!

Энрике с Бален в один голос вздохнули.

А Шу накрыло отчаянием. Она так надеялась, что отец позвал их с Каем домой только потому, что соскучился, или хотя бы потому, что Каetano пора знакомиться с делами королевства на практике, ему же скоро четырнадцать. Она надеялась, что у них с отцом будет достаточно времени, чтобы узнать друг друга, чтобы она наконец сказала ему, что любит, что понимает и не обижается на ссылку в приграничье...

Сказала бы, хотя на самом деле не понимает и обижается.

– Разве нельзя было обеспечить нашу с Каetano безопасность дома, в столице? – одними губами прошептала она. – Ты бы справился, точно бы справился!..

– Не с Бастерхази, и ты это прекрасно знаешь. Тебе придется выиграть эту войну самой. Его величество верит в тебя, иначе бы ни за что не просил вернуться домой.

– Я сама в себя не верю, Энрике. У меня голова кругом... что мы будем делать с этим всем?

- Для начала я обязан доложить начальству, а дальше – по обстоятельствам. Пора будить Бертрана.

- Нет! – Шу схватила Энрике за рукав. – Бертран ничего не должен знать! Никто не должен знать, особенно отец! Как ты не понимаешь, если он так сильно болен – это известие его просто убьет! Мы избавимся от тела, и не будет никакого покушения. Гильдия уж точно не растреплет газетчикам, что-то я не припомню ни одного интервью убийцы.

- Я должен доложить, Шу. Бертран мой непосредственный начальник...

- Именно поэтому ты носишь черный мундир Магбезопасности, а не синий ВС Валанты, как Бертран?

Энрике усмехнулся.

- Ладно, будем точнее: я в его распоряжении.

- А если еще точнее, то докладываешь лично полковнику Дюбрайну и подчиняешься только ему. Не думаешь же ты, что я не знаю, кому ты каждую неделю шлешь отчеты?

- Надеюсь, по крайней мере, ты их не читаешь.

- И похоже, очень зря! – отрезала Шу. – Итак. Бертрану ты не докладываешь, а отчет полковнику Дюбрайну пошлешь через неделю. Последний был вчера, так что у нас есть время. А с этим... с этой падалью пусть болит голова у нашего гостеприимного хозяина. Что-то мне подсказывает, что сонное заклятие – его рук дело, и планы замка убийце не бабка-гадалка рисовала. Кстати, надо проверить потайной ход, он открылся бесшумно – значит, дверные петли недавно смазывали. Косвенная улика, так это называется в МБ?

- Шу, полковник Дюбрайн с меня голову снимет, если я не доложу в течение получаса. Ты дала такой выплеск энергии, что у всех шпионов шпионилки сгорели.

- Плевать на шпионов. Надо доложить – доложишь хоть прямо сейчас. Давай, пиши: «Ваше превосходительство! Сегодня, в ночь на четырнадцатый день холодных вод, ее высочество...» Как вы меня называете, Аномалия? Ладно, сойдет. «...Аномалия убила мастера теней и, воспользовавшись инициированным сообщниками убийцы заклятием сна, подложила труп...»

- Что сделала? – Глаза у Энрике сделались большими и круглыми.

А Бален за спиной Шу хмыкнула: она-то сразу поняла, что именно они сейчас сделают, и посчитала это достойной мстью лжецу-графу. Между прочим, очень удачливому лжецу – ему удалось обмануть и капитана Энрике, и саму Шуалейду, проверяли-то его оба. Ну или проверять надо было графиню. В следующий раз Шу проверит всех, включая кошку с кухни!

- Подложила труп, – повторила Шу совершенно спокойно. – Я же сказала, пусть у графа теперь голова болит.

- О боги. Я с тобой поседею, Шу.

- Обязательно, но не сегодня. Ты, главное, не забудь написать в докладе все как есть!

Глава 29

Алмаз с подвохом

14 день холодных вод. Фьона, столица империи Фьонабер

Дамиен шер Дюбрайн

– «...подложила труп убийцы в спальню графа Ландеха в порядке следственного эксперимента. Эксперимент показал, что граф был не в курсе покушения на его высочество Каетано», – вслух, с выражением, зачитывал своему непосредственному начальству полковник Дюбрайн.

Непосредственное начальство, то есть Светлейший глава Конвента, генерал имперской Магбезопасности и прочая, шер Парьен сидел на подоконнике своего кабинета на десятом, верхнем этаже Магадемии и пил утренний шамьет со сливками, закусывая его неизменными солеными фисташками.

– Паршивка не постеснялась залезть графу в мозги, – прокомментировал Светлейший. – Как только его удар не хватил.

– Ее высочество растет, – с гордостью парировал Дайм и наконец пригубил свой шамьет, который до того держал в руке.

– Предлагаешь взять ее на службу в Магбезопасность? – спросил Светлейший, расправляя веером стопку утренних газет со всей империи. – Под твою ответственность.

Полминуты он просматривал газеты вприхлебку с шамьетом, традиционно не нашел ничего интересного и отправил бумажную стаю в полет до корзины у дверей кабинета. Последним приземлился «Голос свободы» с портретом его императорского высочества Анри шера Брайнона на первой странице. Дайм проводил портрет взглядом, привычно отметив, что для речи в Совете Семи Корон Анри не постеснялся подкрасить радужку в фамильный бирюзовый цвет. На газетном оттиске его глаза выглядели даже ярче, чем у императора, и почти такими же яркими, как у самого Дайма.

Его императорское высочество – мелкий мошенник. Ратует за равные права для бездарных, а сам прикидывается одаренным. С одной стороны, глупо – все знают, что первые два сына императора имеют лишь условную шерскую категорию, только младший, Люкрес – реальную третью. А с другой стороны, люди от сотворения мира знают, что чем ярче глаза шера и чем необычнее цвет, тем сильнее дар, и следовательно – тем крепче право на власть. Психология толпы, шис ее дери.

Вот у Аномалии глаза лиловые и чуть ли не светятся. Редкий алмаз. Правда, с подвохом, и подвох тот размером с Дремлинский хребет.

– Задатки неплохи, но сразу в МБ это перебор, светлейший шер. Тем более мой возлюбленный брат Люкрес твердо намеревается на ней жениться.

Правда, так и не удосужился сам с ней встретиться или хотя бы самостоятельно написать ей письмо. Ну да, действительно, зачем ему, если можно поручить доуку брату-бастарду! Похоже, Люкрес вообще не собирается встречаться с невестой до свадьбы. Любой разумный человек на его месте сначала внимательно присмотрелся бы к сокровищу и три раза подумал, а надо ли оно ему. Но не Люкрес. Ему, видите ли, довольно отчетов полковника Дюбрайна и сладких песен о будущем могуществе, напетых его любовницей, Саламандрой.

Той самой светлой шерой Лью, которая не сумела получить должность полпреда Конвента в Валанте. И той самой Саламандрой, которая не далее чем десять лет назад пела самому Дайму песни о том, каким он будет прекрасным императором, а она – его императрицей. Вот только Дайм ее вежливо послал, а Люкрес – нет. Что ж, она неплохо помогает кронпринцу подделывать ауру и прикидываться шером почти второй

категории, но против Шуалейды она – что карапуз с погремушкой. Подумать только, подкинуть труп убийцы в порядке следственного эксперимента! Вот это талант! Или наглость? Впрочем, талант без наглости, как наглость без таланта, недорого стоят.

– Как трогательно ты заботаешься об интересах брата, мой мальчик. Я почти прослезился. – Убедительности ради светлейший шер Парьен умиленно вздохнул. – Так что ж там пишет наш друг Энрике?

– «Прошу не ставить его величество Тодора в известность о самом инциденте и участии в нем ее высочества Аномалии как минимум до выяснения всех обстоятельств дела. Инцидент также показал, что Аномалия стабильна и способна держать под контролем обе стороны своего дара. Ввиду открывшихся в связи с покушением обстоятельств, прошу инициировать проверку Конвентом деятельности гильдии ткачей и полномочного представителя Конвента в Валанте. Кристалл с записью воспоминаний мастера теней и вещественные доказательства высланы курьером в штаб МБ», – дочитал Дайм.

Бумажка, вспорхнув из его рук, улеглась на свое место в папке. Щелкнул скоросшиватель, папка закрылась и плавно полетела на полку, к другим таким же.

– Хо-хо-хо, – четко и внятно проговорил Парьен. – Неужели Бастерхази был так неосторожен, что его поймали на горячем? Вот его Темнейшество расстроится, он возлагал на ученика такие надежды, такие надежды. Налей-ка мне еще шамьета, мой мальчик.

Дайм фыркнул про себя: как будто шамьет не нальется сам, стоит светлейшему шеру пожелать. Но нет, ему угодно поиграть в добрячка-дедулю. Сейчас еще за поясницу схватится и скажет что-то вроде «старость не радость». Конечно, не радость, и кто другой на исходе третьего века не только за поясницу хватался бы, а давно гроб заказал. Только не шер категории зеро, сильнейший в империи светлый. Вот лет через двести, быть может, светлейший шер задумается о пенсии. И то, вероятнее всего, о пенсии для своих учеников. Если выживут на нервной работе.

Однако шамьет из серебряного кувшинчика Дайм налил, добавил на четверть сливок и подал начальству. Ручками подал, ручками. Ему не лень, а Светлейшему приятно иногда поиграть в человека.

– Вас интересует что-то еще, мой светлый шер? – тоном опытного дворцового подхалима спросил Дайм.

Парьен хрюкнул... то есть, конечно же, величайший и мудрейший глава Конвента не может хрюкать, поэтому... ну, наверное, все же усмехнулся. Хотя Дайм бы зуб поставил, что обожравшийся желудей годовалый кабанчик издает в точности такие же звуки.

Итак, Парьен усмехнулся, очень мудро и очень величаво. И так же мудро и величаво отвесил Дайму отеческий подзатыльник. Собственноручно! Великая честь, если подумать. Но Дайм чести не оценил и мгновенно перехватил светлейшую длань.

– Простите, шеф, рефлексы.

– Паршивец, – неприлично довольнo констатировал Светлейший. – Никакого почтения.

– Никак нет, шеф. – Дайм сделал оловянные глаза и щелкнул каблуками.

Парьен рассмеялся. Сегодня ему определенно хотелось почувствовать себя простым смертным. Впрочем, Дайм уже лет несколько, как вполне его понимал. Особенно с тех пор, как по делам службы повстречался со своим младшим братом, внушительным, сидящим отцом семейства. А ведь братишке и пяти десятков нет! Дайм рядом с ним выглядел юношей, больше двадцати пяти бы никто не дал.

А Парьен, отсмеявшись, махнул на собственное любимое кресло.

– Все, хватит паясничать. – И, дождавшись, пока Дайм сядет, продолжил: – Поедешь в Валанту, устроишь Бастерхази проверку, наведешь в гильдии ткачей шороху. Но главное, малыш, не это. Главное – выясни наконец, что такое эта ваша Аномалия. Сдается мне, все намного серьезнее, чем ты написал в отчете девять месяцев назад. – Парьен кинул острый взгляд на Дайма, криво усмехнулся. – Не знаю и знать не хочу, что вы с

Бастерхази натворили и о чем не отчитались. Но последствия будут, и с ними тебе разбираться самому. Так что допивай свой шамьет, бери ноги в руки и отправляйся в Валанту. А то обленились тут на казенных харчах! И чтобы отчитывался каждый день, а то знаю я вас, артистов самодеятельности!

– Э... светлейший мой шер, мне отправляться как полковнику Дюбрайну? – недоуменно поднял бровь Дайм, памятуя о приказе императора не раскрывать «братской замены».

Возможность облениться на казенных харчах за один день, прошедший с его возвращения из Ледяных Баронств и полностью посвященный написанию горы отчетов, Дайм даже комментировать не стал. Светлейший такими мелочами не интересуется.

– Ну явно не как Ману Одноглазому! – Светлейший глянул на него, как на полного идиота. – Ты другие распоряжения слышал, нет? Вот и все. Вперед, полковник Дюбрайн... А, да. Его всемогущество просил тебе передать, чтобы как вернешься, шел к нему. Сразу. Думаю, он имел в виду, вернешься из Суарда, ведь из Баронств ты уже вернулся. Надеюсь, я понял его правильно... ох, старость же не радость... Что стоишь, мой мальчик? Бегом в Суард, чтобы через полчаса духу твоего здесь не было! Империя ждет от тебя великих дел, а мне что-то поясницу прихватило, пойти, что ли, в отпуск... туда, где апельсины цветут...

– Отпуск? Никогда не слышал такого слова, мой светлый шер. Разрешите идти?

– Иди, иди, – махнул на него серебряной ложечкой Парьен. – Что за молодежь нынче пошла, никакого уважения к радикулиту!

Об уважении к радикулиту Дайм дослушивал уже из-за двери. Ему было велено поторопиться? Было. Вот он и торопится, даже переодеваться не станет, сразу в дорогу. Все необходимое уже собрано (или не разобрано, какая разница). А визиты к императору и к возлюбленному брату Люкресу придется отложить до его возвращения из Валанты. Ужасно, просто ужасно жаль. Наверняка Люкрес хотел сказать ему что-то важное, возможно, даже дать очередные ценные указания.

И как только Дайм без них обойдется?

Насвистывая похоронный мотивчик в память о безвременно почивших указаниях, Дайм прихватил с ближайшего бюста кого-то из великих магистров прошлого шляпу – была мраморная, стала фетровая! – и, нахлобучив ее набекрень, зашагал к ближайшим деревьям. К вопросу озеленения территории Магадемии шер Зеленый подходил крайне ответственно, так что колосилось, цвело и чирикало здесь все, вплоть до башенных стен.

– Шутник, соскучился? – позвал Дайм.

Жеребец тут же откликнулся тихим ржанием, и только потом прорисовался в кусте белого шиповника. Сначала из благоухающего куста высунулась белая голова с хитрыми зелеными глазами, затем длинная шея, передние копыта... Последним вылез длиннющий белый хвост с запутавшимся в нем цветком. Почему-то апельсинового дерева. Видимо, кое-кто уже успел побывать в отпуске.

Ткнувшись мордой Дайму в плечо, Шутник тяжело вздохнул. Так тяжело, словно вот-вот схватится за поясницу и пожалуется: старость – не радость, а отпуск – миф.

– Невоспитанная ты скотина. И не стыдно тебе передразнивать светлейшего, мудрейшего, радеющего без сна и отдыха за нас, неразумных?

– Пф-ф-ф! – очень выразительно ответил Шутник и попробовал зажевать перо с новой шляпы.

Следующее «п-ф-ф!» прозвучало еще выразительнее, а откушенный кусок пера был с негодованием сплюнут на траву.

– А нечего жрать мрамор, зубы обломаешь.

Дайм похлопал Шутника по холке, на что тот лишь недовольно прятнул ушами и отвернулся. Как и всякий ире – двуногий, четвероногий или крылатый, – Шутник обожал дразнить и задирать всех встречаемых и поперечных, но ужасно не любил, чтобы кто-то

задевал его.

Дайм тоже не слишком-то любил, чтобы его дразнили. И сейчас ему почему-то казалось, что темный шер Бастерхази с этим покушением немножко издевается. Потому что если бы он хотел убить принца Валанты – убил бы, и никто бы ему не помешал. А вот этот балаган с узанными амулетами, подброшенными трупами и прочими кунштюками – чистой воды насмешка. И провокация. И... ладно. Разберемся. В конце концов, им с Бастерхази давно пора поговорить начистоту.

А еще ему давно пора поговорить начистоту с Шуалейдой. То, что начиналось как очередное задание, как-то само собой переросло... во что именно переросло, Дайму бы как раз очень хотелось понять. Не заигрался ли он, признаваясь в любви сумрачной колдунье? Ведь она до сих пор считает, что ей пишет Люкрес. Пусть Дайм не подписывался. Пусть он сам ни разу не назвался Люкресом. Но и не поправил ее ошибку.

И теперь, когда до их встречи оставались считанные дни – Дайм боялся. Не срыва Аномалии, нет. Он боялся, что она ответит «да» на его предложение. Ведь он предложит Шуалейде брак с его высочеством Люкресом Брайноном, а не светлым шером Дамиеном Дюбрайном, и у нее будут все резоны согласиться.

Глава 30

Приют утренних мышей

14 день холодных вод, 432 год. Замок Ландеха

Закариас шер Альбарра

Первым, что увидел Зако, открыв глаза, была стройная, молочной белизны женская ножка. По коленке скользил золотистой ладонью солнечный луч: туда и обратно, не позволяя оторвать взгляда от алебастрового великолепия в буйстве шафрана, кармина и зелени, разбавленном резкими штрихами черноты в синь.

Зако зажмурился и чихнул: отразившись от позолоты, солнечный зайчик ослепил на миг, прервав созерцание потолочной росписи. Но не тут-то было – Закариас шер Альбарра в свои пятнадцать твердо знал, чего хочет, и не отвлекался на ерунду. А каноническая сцена зачатия семи перворожденных Драконов, весьма отличная прорисовкой деталей от привычных миниатюр в Катренах Двуетинства, стоила пристального внимания, хоть лебединые крылья Райны и вороные Хисса скромно прикрывали самое интересное.

– Во всем есть положительные стороны, – повторил он мудрость дру Бродерика, продолжая начатое месяц тому назад убеждение Закариаса шера Альбарры. – В столице – роскошь, хорошие повара... дамы... м-да... увеселения, роскошь... тьфу!

Стукнув кулаком по подушке, Зако вскочил с безобразно мягкой постели и, как был в одних подштанниках, побежал к окну. Дернул раму – нараспашку. Отчаянный щебет вперемешку со свистом, шелканьем и чириканьем ворвался в окно вместе с прохладным ароматом сада. Зако глубоко вздохнул, еще разок потянулся и позвал:

– Кай! Сегодня отличная погода!

Со стороны пурпурного с золотым шитьем балдахина размером с походный шатер имперского главнокомандующего – как раз чтобы свободно разместился весь генштаб с адъютантами и конями – послышалось недовольное сопение и шебуршание.

– Кай! – еще раз позвал Зако, обернулся и засмеялся.

На широченной кровати, среди смятых простынь свернулся клубком его королевское высочество. Он отпихивал босой пяткой невидимого противника и прикрывал голову огромной подушкой: смуглые руки с характерными мозолями от клинка вцепились в расписанный цветущей сливой хмирский шелк, край простыни едва прикрывал спину и такие же, как у Зако, льняные подштанники.

Пожав плечами, Зако направился к принцу, по дороге прихватив из вазы на столе самое большое розовое яблоко. Он без малейших раздумий сдернул простыню и подушку. Недовольный Каetano прикрыл глаза рукой и сделал вид, что все еще спит. Зако ухмыльнулся и с хрустом откусил яблоко. Брызнул сок, в воздухе поплыл сладкий аромат. «Спящий» принц резко выбросил руку на звук и запах, но Зако отклонился и отступил на полшага, не забывая вкусно хрустеть.

– Уйди, вражья сила, – проворчал будущий король и отвернулся, подтянув ноги и нащупывая другую подушку.

– Извольте встать, ваше высочество! День на дворе, птичка кричит «кукаре»! – пропел Зако подхалимским голосом графа Ландеха.

– Не изволим... – капризно протянул Кай. И тут же, уцепив подушку, вскочил и набросился на Зако. – Вот тебе!

Хохоча и лягаясь, они покатались по полу. Забытое яблоко потерялось под кроватью, подушка улетела к окну.

Через пару минут, смеясь и задыхаясь, они расцепились. Кай уселся на полу, опершись спиной на кровать, Зако – напротив, скрестив ноги.

– Вкусное было яблоко, – вздохнул он.

– А нечего дразниться.

– А нечего спать до полудня, – парировал Зако. Он слегка преувеличил: до полудня оставалось еще часа три с половиной.

– Еще скажи, нечего ужинать до полуночи, – с явным отвращением припомнил Кай вчерашние развлечения.

На это Зако ничего не ответил, потому что где-то в доме раздался пронзительный, полный ужаса женский вопль. Оба вскинулись и настороженно прислушались: далеко, не в гостевом крыле, захлопали двери, под окном протопали обеспокоенные стражники.

Зако посмотрел на друга. В глазах Кая читался тот же вопрос: что опять натворила прекрасная принцесса, образчик кротости и благонравия? И как это связано с ее вчерашним капризом: «Не пойду к себе, буду спать тут»?

– И как всегда, нам ни слова! Я будущий король или кто?

Кай сердито сжал губы, вскочил и направился к двери.

– Точно будущий король?

Принц обернулся и смерил его гневным взглядом.

– Раз Шу молчит, значит, так надо. – Зако спокойно выдержал приступ августейшего недовольства и продолжил: – Вольная жизнь закончилась, твое высочество.

– Это не повод веселиться без меня!

Развить тему Каю не удалось. Двери распахнулись, и в покои зашел важный, застегнутый на все пуговицы и напудренный в соответствии с позабытым сто лет назад этикетом камердинер. Отвесил глубокий поклон, всем видом выражая неодобрение самовольной сменой комнат, и заявил:

– Счастлив видеть ваше высочество в добром здравии. Соблаговолите принять утренний туалет.

Еще раз поклонился и отступил в сторону, пропуская двух лакеев, нагруженных одеждой.

– Соблаговолью, – обреченно согласился принц, которого никто не слушал.

Показав Каю язык, пока старый зануда отвернулся, Зако нацепил на лицо подобающее сиятельному шеру и будущему королевскому советнику строгое выражение. И еле сдержал смех: пока камердинер отдавал распоряжения лакеям, принц принял торжественную позу и соорудил индюшачью физиономию – точь-в-точь знаток церемониала, присланный самим королем, дабы наставлять юного наследника.

Едва умывшись и позволив надеть на себя сорочку, Каetano взбунтовался.

– Это что? – Он ткнул пальцем во что-то ярко-желтое, узкое и отдаленно напоминающее штаны, которое ему поднес лично камердинер.

– Модные панталоны из лучшей ольберской саржи, пошитые личный портным его величества, ваше высочество, – со всем возможным почтением к дикому, не знающему таких простых вещей принцу ответил камердинер. Разумеется, с поклоном.

– Нет, это – попугайские перья. – Каetano нахмурился и приказал: – Принесите мундир. Мы желаем размяться на свежем воздухе.

– Но, ваше высочество, вам надлежит следовать заранее утвержденному...

– Вы меня не слышали? – В его голосе зазвенела сталь, а моднейшие желтые панталоны в руках камердинера затрепыхались, вырвались и птицей выпорхнули в раскрытое окно.

Глаза камердинера стали круглыми от возмущения, но ничего сказать он не успел. Зако опередил:

– Бегом! – рывкнул он в точности тем же тоном, что отец, гоняющий солдат через полосу препятствий.

А потому что нечего тут. Какой-то камердинер и будет указывать принцу, что надеть и как себя вести? Ага, сейчас. Три раза.

Камердинера сдуло, а следом за ним и его помощников. Почти всех, последнему Зако успел приказать:

– Стоять!

Напомаженный лакей вздрогнул, выронил что-то пестрое и обернулся, тараща на Зако перепуганные глаза.

– Кто кричал и почему? – куда мягче спросил лакея Кай: доброе высочество и его злой друг – суть безотказный, проверенный веками рецепт любви и верности двора.

– Кричал?.. – Лакей не сразу понял, о чем именно его спрашивают.

– Прямо перед тем, как камердинер зашел, – сурово сдвинув брови, помог ему освежить память Зако. – Женский вопль.

– А, так... не знаю, ваше высочество! Кричали в хозяйском крыле, а я был тут.

– Найди капитана Герашана и скажи, пусть сейчас же идет сюда. Бегом.

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – все так же вытаращив глаза, закивал лакей и, стоило Каetano махнуть рукой, мол, отпускаю, – вылетел за дверь, позабыв валяющуюся на полу яркую тряпку.

Подняв ее и полюбовавшись блеском золотого шитья, Зако только головой покачал:

– И это предполагалось твоим костюмом для выхода к завтраку? М-да.

– Твоим, мой суровый друг, – злоехидно покачал головой Каetano. – Тебе бы удивительно пошел малиновый сюртук с розовыми панталонами. Не хочешь ли примерить?

– Да иди ты!

– И локоны завить, чтобы дамы умерли от восторга, – не унимался Каetano. – И духов, духов побо... ай! Да я тебя!..

Явившийся в их покои капитан Герашан застал Кая и Зако валяющимися на полу и хохочущими. Несчастный малиновый сюртук болтался на золоченой люстре, по всей комнате летал пух из лопнувшей подушки.

– Вашему высочеству помочь победить выжившую постель? – непередаваемо ехидно осведомился Энрике и щелчком пальцев отправил пуховую метель обратно в подушку.

– Не-а, нашему высочеству помочь победить во-он то страшное чудовище! – Каetano, немножко заикаясь от смеха, ткнул пальцем в сюртук на люстре.

– Оно подкралось и набросилось? Ай-ай-ай! – Повинуясь воле Энрике, сюртук замахал рукавами, изображая не иначе как страшного черного колдуна, затем со зловещим шипением спланировал на пол и сложил рукава на груди.

– Энрике, кто вопил и почему? – Как и положено суровому другу, Зако первым перестал хохотать и вспомнил о деле.

– Графиня Ландеха. Наверное, увидела мышь, – пожал плечами капитан.

Зако ни на ломаный динг ему не поверил. То есть – про мышь.

– А, ну если мышь... – Каetano утер скупую слезу в память о безвременно почившем малиновом сюртуке и сел на пол. – Энрике, мы хотим пойти во двор и размяться. Надеюсь, там никаких страшных мышей нет?

– Думаю, все страшные мыши сдохли от вопля ее сиятельства, – хмыкнул Энрике. – Распинать ваших придворных бездельников, сир?

– А они еще дрыхнут? – Каetano сделал круглые глаза. – Мышей на них нет!

– Почему же нет? Дохлых мышей – сколько угодно, сир. – Энрике поклонился, почтительно приложив руку к сердцу.

Зако и Кай одновременно хмыкнули. Вот как нужно воспитывать принцев, а не малиновыми сюртуками и десятком лакеев для умывания. Дохлые мыши...

– И с тех пор замок Ландеха прозвали «Приютом утренних мышей», – тоном дру Бродерика, читающего лекцию по истории, продекламировал Каetano.

– ...ибо ровно за три часа до полудня на всех мирно спящих гостей графа упало по дохлой мыши, – в тон ему продолжил Зако.

– И раздался тогда великий вопль... – продолжил Энрике, на миг запнулся...

И тут раздался сразу десяток воплей. Очень громких, перепуганных и возмущенных. А за ними – топот, хлопанье дверьми и ругань.

– Надо же, а легенда не врет! – с искренним удивлением прокомментировал Каetano. – Опасный человек этот Ландеха. Пригласить наше высочество в замок, полный дохлых мышей, ай-ай-ай! Мы в гневе! – И сурово насупился, правда, выдержал всего пару секунд и захохотал.

Зако тоже. Жаль, они не видели лиц напыщенных индюков, на которых свалились дохлые мыши! Но ничего, и у него, и у Кая отличное живое воображение.

Через четверть часа Зако уже парировал удары Кая. После недели в торжественном обозе взять в руки шпагу было сумасшедшим удовольствием! Тело пело и наслаждалось каждым движением, шпаги звенели и бликовали, Кай счастливо смеялся при каждом удачном ударе – красота! Зако даже забыл, ради чего все затевалось. Вспомнил, лишь когда отсалютовал шпагой победившему Каю и обернулся на голос прекрасной добронравной принцессы:

– Браво, светлые шеры!

Если бы не голос – ширхаба с два он бы узнал в неземном создании, окутанном облаком чего-то жемчужно-переливчато-кружевного, ее сумрачное высочество. Нечто хрупкое, беззащитно-грациозное, восторженно вззирающее на них с Каем огромными влажными очами... брр! Изыди, наваждение!

Зако неосознанно коснулся такой же, как у Каetano, серьги с темным топазом – ментального амулета. Вдруг он ее потерял, и теперь кто-то морочит ему голову? Но нет. Серьга была на месте – и небесное создание тоже. Два небесных создания. Второе сияло зелеными наивными глазищами и огненно-рыжими локонами, уложенными во что-то замысловатое и украшенное жемчугами. Разумеется, сиятельные шеры из свиты Каetano тут же забыли о поединке. Взгляды замаслились, плечи расправились, павлиньи хвосты распушились. Еще миг, и затокуют, как тетерева.

– Восхитительно! – Рыжее видение похлопало ресницами и кокетливо обмахнулось веером, вызвав в дюжине сиятельных шеров прилив... э... воодушевления. – Это так мужественно, вы не находите, ваше высочество?

Зако безумно хотелось засмеяться. Даже в носу засвербело. Не то чтобы у двух

прекрасных шер получилось неубедительно, очень даже убедительно. Даже слишком. Но... кто подменил Шу? И что теперь делать вот с этим, неземным и хрупким? Раньше все было ясно и понятно: выдыхаешь, отдаешь ритуальный поклон шпаге в ее руке – и стараешься выжить хотя бы ближайшие три минуты. Иногда у Зако получалось, а несколько раз – даже выгрызть победу. И этими пятью победами он заслуженно гордился. Одолеть истинную шеру – это вам не какого-нибудь вшивого медведя или горную пуму. А это вот?! Неземное, хрупкое, в бантиках?! Хлопающее глазами так, словно шпагу видела только на гобеленах, в руках у сказочных героев.

От всего сердца попросив Светлую Сестру, чтобы она поскорее вернула им с Каем нормальную Шуалейду, Зако приосанился, аки индеек в прямой видимости индюшки, и поклонился прекрасному видению. Видение снова похлопало ресницами и с видом невиннейшим и наивнейшим оглядело сиятельных шеров. Те, разумеется, распушили хвосты и приняли самые выигрышные позы. А самый смелый (или заранее выбранный для определенной роли) шагнул вперед и поклонился Каetano.

– Сир, вы позволите?

Коренастый, словно топором вырубленный шер лет двадцати подмел шляпой плац, позволяя оценить изящество своих манер. А заодно неплохую координацию, гибкость и правильный бойцовский постав ног. Классический. И совсем краем газа – пару неприязненных взглядов от разряженных по последней моде павлинов. Их узкие штаны и неудобные туфли крайне плохо подходили для драки и лишали возможности блеснуть перед принцем и дамами.

На самом деле было смешно наблюдать, как их раздражают сомнения: вдруг принц Каetano в самом деле – будущий король? Бедняги. Совсем запутались в газетной и придворной лжи. Ведь наверняка их отобрала в свиту принца Ристана, и наверняка выбирала она по принципу «или дурак, или слабак, или верен Ристане по самую траву». Интересно, к которому виду относится шер Галесья? На слабака не похож, на дурака тоже. Происходит из старого графского рода, но не наследник. Третий сын. Для него свита принца – отличный шанс сделать карьеру. Возможно, карьеру предателя.

– Шер Галесья, – кивнул Кай. – Приятно видеть в рядах моих друзей столь похвальное рвение. Если шер Альбарра не устал...

– Ни в коем случае, сир. – Зако коротко поклонился Каю: сама скромность. – Мне крайне интересно познакомиться со столичной манерой фехтования.

Шер Галесья едва заметно хмыкнул. Не поверил в скромность? И ладно. Зако тоже не очень-то верил в дружеские чувства всей этой компании в целом и шера Галесья в частности.

Скинув сюртук и перевязав на руки кому-то из приятелей, шер остался в одной рубашке. К его чести, он не стал кокетничать перед дамами, а сразу отсалютовал шпагой и ступил в условный дуэльный круг.

– Для меня честь сразиться с вами, шер Альбарра.

– Взаимно, шер Галесья, – отсалютовал ему Зако.

И сделал первый выпад. Сегодня ему не нужно показывать всего, что он умеет. Только по необходимости. Поэтому выпад был простым и медленным. Шер Галесья ответил в том же духе – и тоже не стремясь показать сразу все свои достоинства. Это прощупывание продолжалось минуты три и убедило Зако, что ему достался противник умелый, внимательный и осторожный. Но очень, очень скучный.

На резкое повышение темпа шер Галесья отреагировал мгновенно, и торжественная хотта наконец-то стала как-то походить на бой. Даже – на интересный бой! Шер Галесья использовал не совсем классическую технику, некоторые финты Зако были знакомы лишь теоретически, и от подрубленных сухожилий его спасла лишь хорошая реакция.

По рядам зрителей пронесся разочарованный вздох: большинство зрителей желали победы в этом поединке не ему, а кое-кто явно сожалел, что для тренировочных боев на клинки надеваются защитные колпачки.

Зако лишь усмехнулся. Имеют значение лишь желания Кая и Шуалейды. А они с Каем договорились отделать сиятельных шеров не слишком больно. Может быть, поначалу даже сыграть вничью. Что ж, смелость должна быть вознаграждена, так что шер Галесья свою ничью получает.

Получил. На очередном его финте Зако пропустил укол... и одновременно с касанием шпаги шера Галесья к своим ребрам упер острие собственной ему под дых. Без защитного колпачка этот удар мог бы стать смертельным. Искреннее удивление шера Галесья послужило Зако достойной наградой за мелкое унижение – ничью с неодаренным шером, который по силе и скорости реакции в подметки не годится привычным партнерам Зако.

Чего больше было в очередном вздохе публики, радости или разочарования, он не разобрался. Зато очень хорошо почувствовал, что Кай и Шу довольны. Как всегда, словно мягкой лапой по загривку. Двумя мягкими лапами. Хотя от Шу он бы предпочел поцелуй. Хотя бы такой, ментальный.

– Благодарю за поединок, сиятельный шер Альбарра, – поклонился ему Галесья с нескрываемым уважением и легкой ноткой досады. – Буду счастлив повторить.

Зако ответил тем же, правда, без досады. В конце концов, должны же у него быть хоть какие-то преимущества перед шерами, с детства играющими в политические игры!

– Весьма, весьма недурно, шер Галесья, – улынулся Кай. – Приятно видеть, что наша безопасность в надежных руках.

О том, что на поле интриг сиятельные шеры куда опытнее, и в этом плане с безопасностью Кая все не так прекрасно, Зако убедился тут же. Об этом однозначно сказалось явление шера Наба – павлина, успевшего сменить узкие изумрудные штаны и такой же изумрудный сюртук на более подходящий для драки наряд. Умение быстро подстраиваться под новые обстоятельства и использовать их себе на пользу – очень ценно. Так что Зако однозначно хотелось бы видеть шера Наба в стане союзников, а не врагов.

Разумеется, павлин не пошел вторым, а пустил вперед другого шера, явно своего вассала. Неплохого бойца. Для сиятельного, в жизни не имевшего дела с истинными шерами. Его Зако разделал за минуту, и то пришлось потянуть время. И следующего за ним – тоже.

Взгляды сиятельных становились все острее и неприязненнее, что было правильно и ожидаемо. И перед выходом четвертого шера случилась небольшая заминка: до павлинов дошло, что ничья с Галесья – счастливая случайность для самого Галесья, явно считавшегося одним из лучших бойцов среди свиты Кая.

Заминку быстро обернул в свою пользу Кай. Он смерил взглядом переодетшегося для поединка павлина – от мягких сапог и песочных бриджей до тонкого породистого носа и убранных в хвост смоляных локонов – и поднял бровь.

– Не достаточно ли вы выждали, шер Наба? Не думаю, что сегодня мизерикордия в вашем гербе подсказывает верную тактику.

– Мой отец учил не лезть в реку, не пропустив вперед лошадь, сир. Именно поэтому род Наба верно и бессменно служит короне вот уже шесть сотен лет.

Зако усмехнулся про себя: как красиво сказали о себе эти скользкие, вечно выжидающие ублюдки! Барон Наба был одним из последних, кто принес вассальную клятву Эстебано Суардису, и сделал это лишь потому, что иначе бы его замок сровняли с землей. Эстебано Кровавый Кулак уважал врагов и никогда не оставлял их за спиной.

– Что ж, вам повезло с друзьями, благородством не уступающими этим прекрасным животным, – кивнул Каetano и перевел взгляд на толпу зрителей, собравшихся во дворе замка, нашел в ней Наба-старшего. Тот с достоинством склонил голову. – Барон Наба также вчера произвел на меня большое впечатление.

О да, куда уж большее. От его сдержанного почтения и уверений в верности наследнику серьга изрядно обожгла Зако. Хотя надо отдать должное барону Наба – он отлично

притворялся, и ему очень хотелось доверять. Без амулета, в который Шу и Герашан встроили еще и определитель лжи, Зако бы ему поверил.

– Благодарю, сир, от имени моего отца. Это большая честь, – поклонился Наба-младший. – Вы позволите доказать вам, что ваш выбор слуг был верным, сир?

– Вперед, сиятельный шер.

«Убей его», – раздался в голове Зако шепот, сопровождаемый легкой болью в висках: Шуалейде опять пришлось взломать его семейную ментальную защиту, что она делала крайне редко и только при острой необходимости.

«Убить Наба на глазах его отца и всех этих людей? Ты серьезно?»

«Да. Я серьезно. И не в сердце, пожалуйста», – ответила она и замолчала. Боль так же резко исчезла.

Заглянув в лилово мерцающие глаза сумрачной колдуньи, Зако вздрогнул. Она не шутила. Планы со вчерашнего дня сильно изменились. Жаль, он узнал об этом только сейчас и без подробностей. Но приказ он выполнит в любом случае, с подробностями или без. Его отец, в отличие от барона Наба, учил безусловно доверять сюзерену и выполнять приказы, даже если не понимаешь их причин. Именно это – верная служба, все же прочее – предательство.

– Для меня честь сразиться с вами, шер Наба. – Зако отдал своей жертве полный поклон.

Уважать врагов – тоже наука отца, и ей Зако следовал безусловно.

– Защищайтесь, шер Альбарра. – Сын предателя (иначе незачем было бы его убивать) исходил самоуверенностью.

Вполне оправданной, в чем Зако убедился буквально за несколько секунд. Наба атаковал, как гремучая змея: быстро, молча, убийственно. Зако даже на миг пожалел, что такой боец – и не будет на их стороне. Но раз Шу сказала убить, он убьет.

Долго сожалеть Зако не удалось. Наба был настолько хорош, что думать о чем-либо постороннем он просто не мог. Только движения его тела, взгляды, звонкие укусы клинка... и молниеносный бросок, тройной обманный финт – и защитный колпачок «случайно» слетает со шпаги Зако, падает кому-то под ноги...

Клинок словно сам собой вошел в податливое тело. Именно так, как учил капитан Энрике. Только Зако не остановил, а довел до конца движение, пронзившее шеру Наба печень.

И заглянул в удивленные глаза. «Это не могло случиться со мной!»

Шер Наба был еще жив. Он даже почти не чувствовал боли, затопленный азартом схватки. И будет жив, пока Зако не выдернет клинок.

– Прости, видит Светлая, я не хотел, – шепнул ему Зако. Чистую правду. Он не хотел убивать. И сейчас не хочет, но «по недомыслию» выдернет клинок, и тогда шер Наба истечет кровью. Почти мгновенно.

Выдернуть клинок Зако не успел.

– Зако, замри! – разнесся над внутренним двором замка Ландеха исполненный паники голос Шуалейды.

Хрупкой, беззащитной принцессы. Неземного видения, окутанного сиянием газа и жемчугов. И это видение сорвалось с места и побежало к Зако, подобрав юбки и всем своим видом показывая трагичность и случайность произошедшего.

При этом Зако отлично чувствовал потоки силы, оплетшие его вместе с шером Наба и не позволяющие выдернуть клинок. Значит, Шу не хочет, чтобы Наба умер по-настоящему. Хорошо. Убивать он в самом деле не хотел.

– Зако?! – В голосе Каэтано слышалось искренне недоумение. Как всегда точный,

аккуратный и хладнокровный Зако мог убить соперника в учебном поединке? Такого не может быть, потому что не может быть никогда!

Значит, Шуалейда не предупредила Каetano о своем плане. Вряд ли бы он сумел так убедительно сыграть.

– Зако... – слился с вопросом Каetano убитый шепот отца.

Бертран шер Альбарра тоже не верил своим глазам. И его тоже ни о чем не предупредили.

Не верил никто из высыпавших поглядеть на поединки. Кто-то из дам с громким «ах!» упал в обморок, Зако не разобрал, кто именно. Он так и замер, придерживая шера Наба, чтобы тот не дернулся, и наблюдая, как с него вместе с красками жизни сползает лоск самоуверенности.

А в следующий миг Зако вообще перестал понимать, что происходит. Потому что неземное хрупкое создание стало делать нечто вообще немыслимое. А именно – ахать, охать и суетиться, попутно нагнетая трагедию. Все эти: «Что же делать, ах, бедный шер Наба! Ах, Зако, бедный мой друг, кто же так плохо закрепил защиту? Ах, где же целитель, ах, такая страшная рана!» – могли обмануть и уже обманывали незнакомую с Шуалейдой публику, но не Зако.

Срастить ткани и вылечить шера Набу для Шуалейды – дело минуты. И для этого совсем не обязательно стелить на землю чей-то плащ и укладывать шера Набу на него. Не нужно ни бинтов, ни бренди, ни панических ахов и слез. Ладно, слез – не самой Шу, а шер Ландеха, фрейлин и даже Бален. Рыдающая Бален, этого же не может быть, она не умеет! Злые боги, что за балаган? И какое счастье, что Зако не пришлось в самом деле никого убивать.

От этой мысли закружилась голова, и Зако опустился на колени рядом с поверженным соперником, все так же придерживая клинок в ране.

– Я умру?.. – шепнул окончательно лишившийся веры в собственное бессмертие шер Наба. Сейчас он казался, да и был сущим мальчишкой. Таким же, как сам Зако. Таким же, как Кай. Как вся дюжина благородных шеро – до которых внезапно дошло, что их не совсем настоящая служба не совсем настоящему принцу может стоить им жизни. Всерьез. По-настоящему.

А Зако никак не мог понять, чего ждет Шуалейда. Чтобы пришел целитель и вывел ее на чистую воду? Хотя, кажется, у Ландеха нет целителя-шера, только травник.

Он понял, чего ждет Шу, лишь когда над ними, растолкав толпу, возник бледный до зелени барон Наба, упал на колени рядом с сыном, глянул на его белое лицо с запавшими глазами...

– Спасите его, прошу вас! Спасите моего сына, ваше высочество!

Глава 31

Кошачья совесть

...опасность ментального воздействия второго порядка в его непредсказуемости и кажущейся естественности. Чуждые психике, навязанные эмоции ломают устоявшиеся ассоциативные связи и образуют новые, зачастую вступающие в противоречие со старыми, что порождает когнитивный диссонанс и прочие расстройства...

Из лекции с. ш. Парьена по основам менталистики

14 день холодных вод, 432 год. Замок Ландеха

Шуалейда

- Спасите его, прошу вас! Спасите моего сына, ваше высочество!

Шу едва удержалась, чтобы не ответить: «В обмен на ваше чистосердечное признание, барон».

Удержалась. Орден ей за терпение.

Хотя на самом деле младшего Наба ей было жаль, заглянуть в глаза смерти только потому, что твой отец – изменник... Что-то в этом есть неправильное.

Сожаления она тоже загнала в самый дальний угол сознания, к остальным чувствам. Это все потом. Сначала – дело.

- Я... я сделаю все возможное... – с настоящей слезой и дрожью в голосе ответила она, не отрывая взгляда от бледного лица. – Спите, светлый шер, спите... все... будет хорошо.

Младший Наба смотрел на нее с такой надеждой, что Шу почти устыдилась. Но «почти» не считается. Если бы она рассказала полковнику Бертрану о покушении на Каetano, сейчас бы оба – и барон Наба, и его сын – были заперты в подвале и молили Светлую о быстрой смерти. Шуалейда же дает им обоим шанс.

Лишь отправив раненого в забытие, Шу взглянула в подлые глаза барона Наба. Подлые, самонадеянные глаза того, кто рисовал планы потайных ходов и отдавал Мастеру Ткачу амулет, изготовленный шером Бастерхази, и подсчитывал прибыль от расположения будущей королевы Ристаны. Сейчас в этих глазах стояли слезы, а сердце предателя готово было разорваться от страха за собственного единственного сына. Но вот совесть в нем так и не проснулась. Прав Люка, страх заглушает любые другие чувства даже лучше алчности.

Шу водила дрожащими, окруженными фальшивым молочным свечением руками над бессознательным телом младшего Наба (которому на самом деле уже давно ничто не угрожало). Зако медленно вынимал клинок. А барон продолжал бояться и надеяться, надеяться и бояться. Его страх и надежду Шуалейда усилила. Она не очень-то задумывалась, как ей удалось взломать его ментальный амулет, сделанный Бастерхази: об этом она успеет подумать потом, на досуге. А сейчас она чутко прислушивалась к эмоциям барона, ожидая перелома.

И он наступил – едва клинок покинул тело Наба-младшего, оставив лишь едва заметную розовую отметину.

Облегчение, счастье, благодарность и наконец-то хоть проблеск совести! Вот за этот проблеск Шу и ухватилась – полить, удобрить, взрастить и собрать плоды. Скоро.

- Получилось... – выдохнула она, погасила световую иллюзию и мешком упала прямо на

своего пациента.

Не то чтобы она в самом деле настолько обессилела, что не могла даже стоять на коленях, но сейчас был очень важен тактильный контакт и ассоциативная связь. Грубо говоря, картинка распростертого сына и Шу на нем, как символ спасения, благодарности и зависимости. О том, как это работает, ей тоже рассказал Люка после того, как возвел на сашмирский престол нового султана.

Что ж, султан не султан, а с бароном и его сыном Шу все сделает правильно. С первого же раза!

– Мой мальчик... он будет жить? – Не веря собственному счастью, барон Наба обвел взглядом Бален, Энрике, Зако... остановился на Каetano...

Ага, вот они – муки совести пополам с зарождающимся гневом на тему «если бы ты вчера сдох – моему сыну бы сегодня не пришлось умирать». Гнев надо сразу же погасить, а благодарность и вину усилить...

Ширхаб, как это, оказывается, сложно! И ведь надо сделать все так, чтобы барон не заподозрил ментального вмешательства! Хотя – ширхаб с ним, даже если заподозрит, ему уже некуда деваться.

– Будет, барон Наба. Суардисы никогда не оставляют верных подданных в беде, – хмуро сказал Каetano и подал руку барону. – Вставайте. Ваш сын скоро очнется.

– Ваше высочество? – присела рядом с Шу верная сообщница Бален; Шу не видела, но точно знала: на лице ее отражается трагедия, достойная имперской оперы. – Вы можете встать? Позвольте, я вам помогу.

Помощь в самом деле понадобилась. Неожиданно закружилась голова, и если бы не поддержка Бален, Шу могла бы и упасть. Видимо, переоценила свои силы. Но ничего. Она справится. Акт первый, публичный, окончен – остался второй, самый важный. Энрике уже поднимает спящего шера Наба, чтобы отнести...

– В мои покои, капитан, – приказал Каetano. Какой братишка молодец, все делает правильно, и ни единого лишнего слова или жеста! Несмотря на то, что ему очень хочется сказать Шу несколько емких и выразительных слов. – Идемте, барон.

Барон тоже поднялся с колен, растерянно оглянулся, словно не понимая, что вообще происходит. Наткнулся взглядом на Зако...

– Ты, ты... – начал барон, на глазах оживая и наливаясь дурной кровью.

О нет! Гнев – не то, что нам сейчас нужно, хотя, конечно же, это самая простая и удобная реакция для барона. И привычная, в отличие от благодарности и угрызений совести. Убрать!

Барон вздрогнул и поперхнулся, закашлялся. Снова поник плечами. Запнулся о неровность мостовой. Сожалеть о своей резкости Шу не стала – она устала, а барон сам виноват. Был бы верным подданным – ничего бы не случилось.

Его поймал за плечи Зако, поддержал и помог выровняться – и барон даже не попытался его оттолкнуть, лишь глянул растерянно. Словно на месте привычной реакции вдруг обнаружилась пустота... нет, хуже того – что-то непривычное, неудобное. Вроде раскаяния. Да-да. Раскаивайся, Хиссов сын, раскаивайся! Только из-за тебя твой сын чуть не умер!

– Ваше высочество, позвольте... – выскочил откуда-то перепуганный насмерть, но не утративший навыков царедворца граф Ландеха.

Шу не стала вслушиваться в его сбивчивые извинения и обещания сурово покарать нерадивого слугу, который не закрепил как следует защиту на клинке Зако. Кай тоже не вслушивался. Зато воспользовался небольшой передышкой перед вторым актом.

«А теперь объясни мне, что здесь творится, любимая сестра! – скорее устало, чем сердито, спросил он. Разумеется, мысленно. – И не вздумай делать вид, что ты меня не

слышишь!»

«Ты отлично держишься, братишка. Прости, что не сказала сразу, мне нужна была твоя естественная реакция. – Шу вздохнула. – Если коротко, то на тебя покушалась гильдия ткачей. Их нанял барон Наба, наверняка по наущению Ристаны. Прочитать его глубоко я пока не смогла, на нем хороший амулет».

«Если не смогла почитать, то почему уверена, что это он?»

«Во-первых, этой ночью Энрике поговорил с местным главой гильдии. Неофициально. Энрике знает правила гильдии и все лазейки, так что имя заказчика он узнал. Во-вторых, барон Наба раскрылся от страха за сына, и его мысль "если бы принц вчера сдох, с моим сыном бы ничего не случилось" – однозначно показывает, что он в курсе покушения».

«Какого ширхаба вы не доложили полковнику Бертрану?! Я сейчас же...»

«Замри! И не руби с плеча. Бертран тут же доложит отцу, а отец очень серьезно болен. Почти при смерти. Что с ним будет, если он узнает, что его старшая дочь пыталась убить его сына?»

«Ристана должна ответить!»

«Она ответит. Я обещаю. А ты обещаю, что о покушении никто не узнает. Только ты, я и Герашаны. И Зако, но с него придется взять клятву о неразглашении, иначе он вынужден будет доложить полковнику Бертрану, и тогда мы приедем аккурат на похороны отца».

Ругательства Кая в адрес Ристаны и ее прихвостней Шуалейда слушать уже не стала. Она знала: брат поругается, успокоится и будет действовать здраво. Как и положено будущему королю.

Шуалейда продержалась до того момента, как Энрике уложил бесчувственного юношу на кровать Каетано, а Бален закрыла двери прямо перед носом любопытствующей толпы. Она даже успела потребовать со всех присутствующих клятву о неразглашении.

Даже ее получить.

И позорно разрыдалась, осев на край кровати.

Она не собиралась рыдать. То есть собиралась, но не по-настоящему же! Ей надо сначала дожать барона Наба... вот только успокоить дыхание, вытереть слезы, и...

– Шу, ну что ты, все уже хорошо, все хорошо! – Кай обнял ее, прижал к себе.

А на Шу внезапно нахлынули воспоминания, которые она почти сумела похоронить. Олойское ущелье, зурги и смерть, подступившая к самым стенам крепости. Она сама, ставшая смертью.

– Не хочу... Кай, я не хочу, чтобы кто-то еще умер! Я не позволю!..

– Ваше высочество, ведь ничего ужасного не случилось, – подал голос оглушенный выплеском ее эмоций барон Наба.

– Не случилось?! Этой ночью чуть не погиб мой брат, мой Кай! Вы... если бы видели... этот убийца... – Она снова разрыдалась, не в силах даже говорить.

Кажется, барон Наба дрогнул – а может быть, ей только показалось. Сейчас ей было все равно. Лишь бы только больше никого не убивать...

Вместо нее о покушении на Каетано рассказал Энрике – кратко, без лишних подробностей и обвинений. А Шуалейда все пыталась успокоиться и снова забыть мертвых зургов, ураган, перепуганных солдат и собственную жажду. Кажется, она сквозь слезы жаловалась, что не хочет больше убивать, никого, никогда... что она – не темная, она не хочет...

– Ты не виновата, Шу, – утешал ее Кай. – Ты убила зургов, но спасла наших подданных!

Вот, смотри, барон и его сын живы только благодаря тебе! Ведь баронство Наба – рядом с Олойским ущельем, зурги бы разорили его подчистую! А что было бы с одаренным шером Наба-младшим, попадись он в лапы зуржых шаманов, страшно даже подумать!

Шу только успела подумать, что Кай – молодец, надо дожимать проклятого барона. И плевать, что она своим вмешательством и этой истерикой наверняка покалечила его психику. Связь-то не разорвана, и что сейчас барону отчетливо видятся все страхи Шу, только применительно к его собственной семье...

Эти соображения помогли Шу взять себя в руки и начать мыслить здраво, несмотря на слезы ручьем и всхлипы.

А вот барон Наба разрыдался. Напор эмоций смыл все наносное – расчеты, самооправдания, даже гнев – и оставил чистое раскаяние. До него дошло, что он не просто предал собственного короля, но и отплатил черной неблагодарностью тем, кто спас его семью и его земли. И что только волей богов не случилось непоправимое!

– Мне нет прощения, сир... – Наба бросился в ноги Каetano и принялся каяться.

Искренне.

Наверное, Шу стоило порадоваться: чудо свершилось. Но у нее не получалось. Слишком тяжело ей далась эта проклятая интрига. Первая, всего лишь первая! Ведь они с Каем даже не успели добраться до столицы, а их уже пытаются убить.

По счастью, ее участия пока не требовалось. Все нужные слова сказал Каetano. Нет, он не простил барона и не кинулся ему в объятия – он Суардис, а не томная экзальтированная барышня. Как и положено будущему королю, Каetano высказал барону все. И о позоре древнего рода, и о преданном доверии, и об ответственности перед собственными детьми. Ведь его сын – светлый шер, он приносил присягу Суардисам перед лицом Двуетиных!

– Мануэль не знал, ваше высочество, клянусь, мой сын не виноват! Я один... я отвечу за все!.. Пощадите мальчика!..

Наконец-то слезы Шуалейды сменились здоровой злостью.

– Вы серьезно, барон? Серьезно думаете, я бы спасла... Мануэля... – Она запнулась перед именем младшего Наба. Хорошо, что она узнала его сейчас, а не перед дуэлью, человека с именем убить гораздо сложнее. – Спасла, чтобы отправить на плаху? Ваш сын не виноват, что его отец – предатель и дурак!

Она снова всхлипнула и зло утерла слезы белоснежной вышитой перчаткой, перепачканной кровью Мануэля Наба. Имени самого барона она не помнила и помнить не хотела. Предатель – он и есть предатель.

– Неужели вы рассчитывали на благодарность Ристаны? – продолжил вместо нее Каetano. – Она – Суардис. Она не оставляет предателей за спиной. Не удивлюсь, если гильдия уже приняла заказ на вас.

– Разумеется, приняла, – кивнул Энрике. – Барон должен был умереть сразу после вас, сир. Гильдия практична, оба заказа достались одному мастеру теней.

Это известие добило барона. Он опустил плечи и закрыл лицо руками. А Шу поразились: в столь почтенном возрасте – и такая наивность! Ведь он искренне считал себя в безопасности!

– То есть раз мастер теней убит – заказ считается неудачным Хиссу? – уточнила до того молчавшая Бален.

– За вторым дело не станет, – покачал головой Энрике. – Не факт, что все семейство Наба доживет до плахи.

Барон вздрогнул и полыхнул страхом.

Что, только сейчас дошло, что за измену королю карают весь род?

Однако барон быстро взял себя в руки. Собрался. И попробовал торговаться, хорошо хоть, не открыто.

– Ваше высочество желает?..

– Письменного признания, заверенного настоятелем храма Светлой и Магбезопасностью, – ответил Каetano. – Затем вы уедете в поместье и останетесь там до моего распоряжения. Возможно, Темный Хисс явит милость, и гильдия ткачей не возьмет второго заказа на вас. Молитесь ему.

– А мой сын? Мануэль?

– Ваш сын получит шанс искупить вашу вину службой лично мне.

– Заложником...

– Живым и не запятанным предательством. Это лучше, чем плаха, не находите?

– Нахожу. Я ошибся, посчитав вас наивными детьми, сир. Могу лишь молить Двуетиных, чтобы мой сын не повторил этой ошибки.

– Не портите впечатление лестью, барон, – поморщилась Шу. Она уже вполне успокоилась, содрала к ширхабам лысым окровавленные перчатки и даже проверила младшего Наба, чтобы не вздумал очнуться не вовремя. – У вас будет возможность поговорить с сыном. И дайте ваш ментальный амулет. Как давно он у вас?

– Десять лет, ваше высочество. – Барон, так и не встав с колен, протянул Шуалейде топазовую брошь, которой был заколот его шейный платок.

– А тот амулет, который вы передали Мастеру Ткачу, вам дал сам Бастерхази?

– Нет, ваше высочество. Я нашел его в своей комнате в Риль Суардисе, он был в бархатном мешочке без каких-либо знаков, без записки или письма. Я опознал его, потому что с юности увлекаюсь артефактами. Я вообще не имел дела с придворным магом ни разу за последние три года.

Дальше вопросы задавал Энрике. Барон отвечал подробно и правдиво: без ментального амулета его эмоции были как на ладони. Но оба, и барон, и Ристана, вели себя как истинные параноики: ни единого слова о смерти Каetano! Все только на уровне «я знал, чего на самом деле хочет ее высочество», и «ее высочество любезно предложила моему сыну место в свите наследника». Благолепие, ширхаб его нюхай, и ни единого доказательства участия в заговоре Ристаны.

– Поздравляю, барон, – Энрике сочувственно похлопал его по плечу, – подставили вас. Такого хитрого, такого осторожного, ай-ай-ай.

Барон скривился и покосился на мирно спящего сына.

– Не беспокойтесь, Мануэль не узнает о вашем позоре. – Каetano был в бешенстве, но разговаривал спокойно и разумно, как истинный Суардис. – Не от нас. Мне нужен одаренный шер рядом. Как друг, а не как заложник или должник.

– Благодарю вас, сир, – склонил голову барон Наба.

Что ж. Его благодарность, раскаяние в собственной дури и уважение к победителям было искренним. Теперь оставалась сущая малость – сделать Мануэля Наба другом Каetano. А, да. И что-нибудь правдоподобное соврать Бертрану.

Злые боги, как же Шуалейда ненавидела врать!

– Ступайте к себе, барон, скажитесь больным и ни с кем не разговаривайте, – велел Энрике и напомнил: – Вы едете с нами до ближайшего храма Светлой, а дальше – в свое поместье.

Лишь когда барон ушел, даже не заикнувшись о возвращении ментального амулета, все пятеро переглянулись.

- Я справлюсь, - сказал Зако, кивнув на спящего Мануэля Наба. - Тебе нужен верный друг, а не жертва ментальной манипуляции, не так ли, твое высочество?

- Разумеется, ты справишься. - Кай похлопал Зако по плечу. - Я же вижу, он тебе нравится.

- Не так часто мне достается почти равный противник, - усмехнулся Зако. - Хотя и опять одаренный шер. Чем хоть одаренный?

- Земля, третья светлая категория. Та третья, которая когда-то была слабенькой четвертой, но по нынешним временам - сокровище, - отозвался Энрике. - Твой ментальный дар лишь самую малость слабее.

Зако лишь пожал плечами. Его дара хватало только на самопроизвольный ментальный блок и способность видеть сильные магические потоки. Ну и по мелочи - реакция, здоровье, капелька везения. Но даже на третью категорию его уже не хватало. И что Шуалейде всегда очень нравилось в Зако - так это полное отсутствие зависти к дару друзей.

- А нам придется как-то объясняться с полковником Бертраном, - вздохнул Кай.

- Ну, думаю, в дела барона Наба с Магбезопасностью мы лезть не станем. - Шу взяла его за руку и слабо улыбнулась. - Рана Мануэля - следствие чьего-то дурного глаза, вопль шерсти Ландеха с утра пораньше - мыш. Я сама поговорю с ним, Кай. Привыкай - ты добрый, хороший наследник короны, а я... мне можно быть не совсем примерной девочкой.

- Я не собираюсь снова прятаться за твоей юбкой! - возмутился Кай, но его оборвал Энрике:

- Не уподобляйтесь барону Наба, ваше высочество. Вам придется еще не раз разыгрывать эту партию и не раз прикрывать сестру там, где она не справится сама. Доблесть правителя не в том, чтобы лезть на передовую, забыв мозги в кармане, а в том, чтобы принимать неприятные, но необходимые решения для блага семьи и подданных.

- Ты зануда, - лишь вздохнул Кай.

- Как дохлая мыш, - кивнул Энрике и стряхнул несуществующую пылинку с обшлага своего черного капитанского мундира.

Кай с Зако хмыкнули и переглянулись, а Шу подумала: как только поговорит с Бертраном - непременно выяснит, при чем тут дохлые мыши. И конечно же, расскажет эту историю светлому шеру Люка, чтобы он мог ею гордиться. Ведь если бы не его рассказы, ей бы и в голову не пришел такой замечательный план!

Ох, боги, когда же наконец они встретятся? И она обязательно, непременно скажет ему «да»!

Интермедия

Метрополия, некоторое время назад

Дайм шер Дюбрайн

– ...Ты ни в коем случае, никоим образом не раскроешь Шуалейде тайну своего имени, пока она не выйдет за Люкреса. – Император удостоил своего бастарда приватной беседой в Малой гостиной, за утренним шамьетом. – Ни ты сам, ни твои подчиненные или друзья. Ни вслух, ни мысленно, ни письменно. Надеюсь, ты хорошо понимаешь, Дамиен, насколько важен этот брак для империи.

От ласковой отеческой улыбки хотелось кричать и крушить все вокруг, но Дайм лишь почтительно кивнул:

– Хорошо понимаю, ваше всемогущество.

– Твой брат планирует сам просить ее руки после Весеннего бала, как только она получит Цветную грамоту. Подготовь почву и сделай все возможное, чтобы Шуалейда согласилась. Если она откажет Люкресу, я буду крайне тобой недоволен.

Дайм снова склонил голову и мысленно повторил умну отрешения. Он дважды вызывал неудовольствие императора – не крайнее, а так, легкое. И оба раза молил Сестру, чтобы она позволила ему сдохнуть. О том, на что будет похоже «крайнее неудовольствие», он не желал даже думать.

– Если ты все сделаешь как должно, я дам тебе герцогский титул и позволю взять старшую Суардис в супруги. Подданным понравится двойная свадьба. А когда Шуалейда родит Люкресу одаренного наследника, ваш с Ристаной сын станет его наперсником, защитником и опорой. Кровь Браинонов должна быть едина, Дамиен.

Злые, насмешливые боги!

Дайм двенадцать лет мечтал о том, что ему сейчас обещал император, готов был горы свернуть, чтобы снять второй слой печати, жениться на Ристане и обзавестись наследниками. Служить и поддерживать единственного из своих братьев, кто относился к нему, как к брату, а не как к цепному псу.

Дайм искренне верил в братские чувства Люкреса – пока не услышал его разговора со Светлейшим и не понял, что Люкрес лишь прикармливал пса, но никогда не считал его братом. Дайм искренне верил в возможность семейного счастья с Ристаной – пока не встретил Шуалейду и не увидел свою бывшую возлюбленную такой, какая она есть.

И вот самая заветная, сама главная его мечта перед ним. Протяни руку и возьми. Всего-то и надо, что немного обмануть неискушенную в интригах сумрачную шеру, забыть все лишнее – в том числе страстную мечту темного шера Бастерхази о свободе для них обоих – и наслаждаться заслуженной наградой. Всего-то отказаться от глупой и нереальной надежды, не пытаться пройти по краю Бездны, наплевать на смутное предчувствие счастья.

Всего-то. Сущая мелочь, когда речь идет об избавлении от строгого ошейника и блистательном будущем опоры трона!

– Ваше всемогущество очень щедры, – ответил Дайм чистую правду.

– Я прекрасно вижу, как искренне ты служишь империи, Дамиен, и я доволен вашей дружбой с Люкресом. Держитесь вместе, как должно братьям, и я со спокойным сердцем оставляю империю вам. Как в старые времена Роланда Святого и Рогнеды Светлейшей.

Всего месяц назад, услышав от императора, что тот прочит его в преемники Светлейшему Парьену, Дайм бы летал на крыльях восторга. Его наконец-то оценили по достоинству, его не считают лишь цепным псом, ему готовы доверить ответственность за всю империю. Сейчас же...

- Благодарю, ваше всемогущество. Видят Двуетиные, я сделаю все, чтобы быть достойным вашего доверия.

- Я в тебе не сомневаюсь, сын мой, - улыбнулся император. - Да пребудет с тобой благословение Двуетиных.

О да. Благословение Двуетиных ему понадобится. Хотя бы для того, чтобы сделать правильный выбор между свободой для себя и свободой для той, которую он любит. И что бы он ни выбрал, ему придется доиграть свою партию до конца.

Конец первой книги

Продолжение следует Приложение Мир

Мир Райхи создан Двуетиными, детьми-богами Темным Хиссом и Светлой Райной. История создания и развития мира записана в Катренах Двуетинства - священной книге.

Основная религия мира - Двуетинство. Светлая Сестра отвечает за жизнь, Темный Брат - за смерть. Храмов, соответственно, два: Райны и Хисса. Их всегда строят парой, на одной площади и одного размера. Настоятель светлого храма - непременно светлый шер, темного - темный. В старину настоятели всегда были братьями или сестрами (пол не имеет значения). При этом священники не имеют цвета стихии, только черный или белый. Сколько они живут и как общаются с богами, никому не известно. Возможно, иногда боги вселяются в них, но это тоже никому точно не известно.

Первые дети Двуетиных - семь Драконов, каждый отвечает за одну стихию. Красный - огонь, Оранжевый - земля, Желтый - искусство, Зеленый - природа, Голубой - воздух, Синий - вода, Фиолетовый - разум. Драконы изначально не имеют пола, и в драконьей ипостаси не размножаются. Зато могут превращаться в кого (или во что) угодно. Предпочитают в людей, это интересно и весело, опять же, можно заниматься любовью. А то что за дела, Брат и Сестра могут, а они - нет! У каждого Дракона постепенно образовалась любимая человеческая ипостась, к примеру, Желтый - блондинистый вихрастый подросток с неизменной дудочкой. Кстати, той самой, которую ему подарили на день рождения Двуетиные. Однако каждый Дракон может быть как мужчиной, так и женщиной.

Люди были созданы Двуетиными приблизительно по собственному образу и подобию, но, скорее, они и этот образ где-то подсмотрели и просто решили в него поиграть. Дети, что с них взять. Зато подошли творчески! Натворили разных рас, правда, язык изначально дали один, дальше люди сами постарались. Кстати, Единый до сих пор используется как язык священных писаний и дипломатии. А в империи Фьонабер на нем до сих пор говорят и со страшной силой гордятся принадлежностью к истокам.

От первородных Драконов и людей произошли шеры: те же люди, но с магическим даром. Первые шеры были невероятно круты. Само собой, первые шеры владели лишь одной стихией - родительской. Ну, не считая тех, которые произошли от любви двух Драконов друг к другу, тем досталось по две. А дальше, как водится, люди подошли к делу творчески, так что кровь перемешалась, и теперь стихии встречаются в любых, самых причудливых сочетаниях. За исключением Природы: Зеленый оказался страшным занудой и наотрез отказался от экспериментов над потомками. Вообще запретил им скрещиваться абы с кем! Или чистокровные люди, или шеры-природники, без вариантов. Результат оказался интересным и специфическим: потомки Зеленого обособились фактически в отдельную расу с характерными признаками. Острые уши, большие глаза, тонкая кость, зеленые глаза и рыжие выющиеся волосы, и как вишенка на торте - снобизм 100 лвл. Местами оправданный, так как все ире магически одарены, с точки зрения эстетики совершенны и живут минимум лет по 300. А с другой - с людьми и гномами они благополучно разругались.

Согласно воле Двуетиных, все шеры после смерти возвращаются к своим прародителям, в Светлые сады Райны или Бездну Ургаш к Хиссу, пересматривают и переоценивают свою прошлую жизнь и, если того достойны, отправляются на перерождение. Попадание к Хиссу или Райне не зависит от цвета стихии, только от принадлежности дара, светлого

или темного. Короче, Драконы изрядно наэкспериментировали, Мендели хвостатые.

По неофициальной версии, упадок магии в мире происходит потому, что Двуетиные все дольше задерживают шероу у себя и многим вовсе не позволяют переродиться. На самом деле... короче, на самом деле все сложно, но совсем не так, как кажется. И причина раздрая кроется по традиции в чьей-то дури, она же излишняя доверчивость. Дети, они всегда дети, хоть и боги.

Около полутора тысяч лет назад в мире появилось третье божество, Карум, впоследствии названный богом-демоном и Мертвым. Все это описано в Катренах Двуетинства. Бог-демон попросился поиграть в чужую песочницу, и как водится, попытался подгрести весь песочек под себя. Какой в этом смысл, если песку на берегах Океана Вечности – бесконечность, никто не знает. Но логика, как следует из его дальнейшего поведения, не его сильная сторона.

Начал Карум со свободы, равенства и братства, то есть затребовал себе равные права с создателями мира. Ему дали, ну а что, жалко, что ли? Затем ему захотелось любви, секса и шубу, то есть своих детей. А то что это, у Хисса и Райны есть Драконы, а ему – шиш? Нацменьшинства протестуют! Так что Райна родила ему парочку зургов и на этом посчитала материнский долг исполненным. Но зургов Каруму показалось мало, и он принялся вербовать себе сторонников среди людей. Секта – страшная сила! Особенно когда во главе тот еще Мавроди. Короче, Карум захотел себе не только прав равнее прочих, но и захватить всю творческую силу Двуетиных. Они ж влили ее в мир вместе со своей кровью – и теперь животворящая сила в крови шероу. Вот ее Карум и принялся собирать, как голоса электората. Разумеется, Двуетиные намекнули, что так товарищи коммунисты не поступают, на что Карум сделал большие глаза: а я что, а я ничего, они сами, все сами! И продолжил грести магию под себя.

Где-то под тысячу лет Двуетиные и Карум бодались без вооруженных конфликтов. Но когда Карум поднакопил силенок и наглости (а магии в мире стало намного меньше, из-за чего Драконам пришлось резко сократить визиты в тварный мир), Хисс и Райна поняли, что добрым словом ни хрена они этого мальчиша-плохиша не перевоспитают. Пора братья за пистолет. Для начала – ввести новый закон о перерождении.

Изначально шероу уходили на перерождение сразу, с заходом в Светлые Сады или Бездну строго на добровольных началах. Хочется пообщаться с Двуетиными, отдохнуть на курорте – милости просим, а нет – так развлекайтесь, детки, дальше. Чем и воспользовался Мертвый. Сектанты, завербованные Мертвым, после смерти отдавали душу ему, а вместе с душой – творящую силу магии. Никакого перерождения они, само собой, не получали. И за тысячу лет Мертвому накапало очень изрядно.

Теперь же Двуетиные объявили новое правило: после смерти все шероу, независимо от вероисповедания, стройными рядами идут к прародителям. Во избежание утечки кадров шишу под хвост! Ясен пень, Мертвому это не понравилось. Его маленький бизнес накрылся медным тазом. И он, как истинно свободный предприниматель, провел пиар-акцию: а, кошмар, притеснение, бедненькие шероу обречены на адские мучения после смерти! Злые боги выдадут им по первое число за всю бяку, сотворенную при жизни!

Как и завещал Макиавелли, в эту наглую ложь поверили тем охотнее, чем более она была неправдоподобной. Но поверили же! Особенно темные шероу. Светлым-то что, светлые попадут к доброй Сестре на курорт, а вот темным-то придется вечно мучиться в Бездне Ургаш, где наверняка уже завелись шисы треххвостые со сковородками и прочими неприятными девайсами.

Так что зерно конфликта проросло, а что из него выросло – это уже не в Катренах Двуетинства, а в истории Ману, местного Че Гевары, его Школы Одноглазой Рыбы и Черного Бунта.

Но до того как проросло зерно, случилась Мертвая война. Где-то за полсотни лет до Черного Бунта. Поток магии иссяк, Карум не стерпел такой несправедливости (хотя по всем законам физики и совести уже давно должен был лопнуть, как Робин Бобин Барабек) и призвал своих последователей к священной войне. Раз нам не дают добровольно, возьмем силой! Он одарил своих последователей новейшими артефактами, способными вытянуть из шера, да что там, из самого мира, творящую силу. Но так как шероу почуяли запах керосина и перестали идти в секту, за свежей кровью сектанты

пошли сами. Мировая война, что может быть лучше для всеобщего благоденствия под сенью самого доброго и справедливого из богов?

Короче говоря, Двуетидные выиграли битву, но проиграли войну. Карума убили – поэтому он стал называться Мертвым. Его последователей разгромили, острова, где они жили, уничтожил лично Красный Дракон, воплотившийся в изначальную ипостась в последний раз. Остатки карумитов переселились на дикие острова архипелага Акулий Плавник, а кто не смотался, теряя тапки, – тех повыловили и обезвредили во имя Добра и Света. Но вернуть проглоченное тараканищем солнышко, то бишь магию, так и не вышло. Свое добро Карум унес с собой в могилу, но обещал вернуться и всем показать Шварценеггерову мать.

Собственно, после Мертвой войны и началась новая эпоха в мире Райхи. Эпоха упадка магии и взросления мира, которому приходится учиться жить самому, без постоянной помощи родителей. Правда, родители пока не ушли далеко, присматривают и немного вмешиваются... совсем немного и очень аккуратно... но так даже интереснее!

География и население

Единственный населенный и пригодный для жизни континент – **Твердь**. Окружен **Бесконечным океаном**, около континента участки океана называются морями. **Северное, Южное, Неспящее** (так красивее и короче, чем Юго-западное), **Ледяное** и прочие. Океан называется Бесконечным потому, что ни одному идиоту не пришло в голову добраться до его конца. Все знают, что там нет ничего интересного, кроме воды, причем местами эта вода смертельно опасна.

Конечно, некоторые особо одаренные авантюристы время от времени пытаются организовать экспедицию к **Потустороннему континенту**, но так как ни один из них не вернулся, то Потусторонний континент так и считается мифом, причем мифом неаппетитным. По некоторым данным, не вошедшим в Катрены Двуетности, именно там Двуетные проводили первые эксперименты с флорой, фауной, климатом, ландшафтом и прочая, так что корректнее было бы назвать континент Полигоном или Черновиком. По другим данным, на Потусторонний континент попадают те особенно нехорошие люди, которых Двуетные не желают видеть даже в Бездне. Так же ходят легенды о несметных сокровищах, дивных тварях, невероятном волшебстве и чуть ли не новых Драконах – но что из этого правда, не знают и сами Двуетные.

Юго-западную часть Тверди отделяет **Дремлинский хребет**. На территориях между хребтом и **Неспящим морем** живут зурги, потомки **Мертвого** и **Сестры**. Они ведут кочевую жизнь, предводительствуют ими шаманы. Поклоняются Прародителю, он же Мертвый, приносят ему жертвы с целью воскресить и вернуть в мир. При малейшей возможности перебираются через горы и нападают на людей, гномов или ире, самая ценная добыча для них – одаренные шеры, носители волшебной крови. Не брезгают и человеческими женщинами, которые годятся для рождения детей. Когда-то зурги освоили мореплавание и пиратствовали, но еще до Мертвой войны шеры объединенными усилиями наложили заклятия на море, так что оно стало непригодным для судоходства.

Сам Дремлинский хребет принадлежит гномам. Их столица, **Дремстор**, расположена между **Зурговыми пустошами** и **Валантой**. Гномы, творения Оранжевого Дракона, не обладают магией, зато отличные ученые, механики и прочая. Единственные в этом мире, кто не привык полагаться на магию, а рассчитывает только на собственные руки и мозги. Ну и на богатства горных недр, исправно поставляющих гномам полезные ископаемые вплоть до энергетических кристаллов. Именно поэтому гномов не затронули последствия **Мертвой войны**: чихать они хотели на вырождение магии, им и так хорошо.

На данный момент гномы расселились по всей империи, держат монополию на большинство полезных ископаемых, владеют банками и при поддержке императора Элиаса **Брайнона** строят железные дороги.

Кстати, гномы не способны к скрещиванию с людьми. Разные биологические виды, даром что выглядят похоже. Ну или при сотворении людей **Двуетные** просто не задумались о том, что неплохо бы и тут оставить простор для экспериментов, а потом поздно было.

Второй хребет, **Кондор**, отделяет **Ледяные Баронства** и империю **Фьонабер** от **Тмерла-хен**. Хребет идет с севера на юг, от Северного моря на две трети континента, на юге превращается в отдельные горные образования и острова.

Третий, **Хвост Дракона**, идет дугой сначала с северо-востока на юго-запад, а потом загибается на восток, отделяя **Хмирну** от **Сашмира** и **Тмерла-хен**.

На изгибе Хвоста располагается группа мелких горных государств, самоназвание – **Шималай**. Здесь располагается множество монастырей, в которых обитают познающие Бесконечную Гармонию мудрецы. К шималайским мудрецам отправляются паломники, желающие приобщиться к тайнам мироздания, узнать прошлое и будущее либо просто подышать свежим горным воздухом и привезти сувениры на зависть соседям.

Хвост Дракона уходит в **Рассветное море**, превращаясь в небольшой архипелаг. До Мертвой войны на островах жили карумиты, называвшие свою родину **Цветущей Землей**, так как благодаря уникальному климату и горячим источникам на островах круглый год что-нибудь да цвело. Сейчас же острова покрыты пеплом и непригодны для

жизни. На некоторых из них проснулись вулканы, из-за чего Рассветное море стало весьма бурным и опасным.

К югу от Тверди находится архипелаг **Акулий Плавник**, продолжение Дремлинского хребта. После Мертвой войны там обосновались карумиты, назвав свое государство **Полуденной Маркой**. Строй – теократия, всем заправляют жрецы Мертвого. Религия, она же цель существования каждого карумита – возвращение к жизни своего несправедливо оболганного и неправедно убитого Мертвого бога. Святыня Полуденной Марки – **груша Ци-се**, вывезенное с погибшей Цветущей Земли последнее прибежище духа Мертвого бога. Когда жрецы достаточно напоят землю священной горы **Микару** кровью и магией шеров, груша Ци-се снова зацветет, и тогда бог Карум вернется к своему народу. Дипломатических отношений с остальным миром Марка не поддерживает, живет рыболовством, скудным земледелием и пиратством, которое прикрывается морской торговлей. Их бы давно добились, но вот беда – на территории Марки магия не работает, вся уходит к Мертвому. А завоевать острова с помощью одного только флота не выходит, там сплошные рифы и мели, нормальные суда не пройдут. Сами карумиты ходят на узких плоскодонках, называемых **укки**. Имперский флот попытался взять их на вооружение, но эксперимент провалился. Почему – как раз выясняет имперская **Магбезопасность**.

В Западном море остров только один, Туманный. По преданиям, **Туманный остров** – родина ире, но никто точно этого не знает, потому что никто там не был. Ире не дураки, пускать на свою территорию людей. Люди, как известно, грубые и невоспитанные, топчут зеленые ростки и пытаются оторвать у единорога рог на сувениры. Поэтому остров скрыт непроницаемыми туманами, и все слишком наглые мореходы в этих туманах блуждают, пока их не выбросит где-нибудь у берегов Зурговых Пустошей.

Часть ире живет на континенте, почему – Хиссова пятка знает. Захотелось. А может быть, поругались с родичами Туманного острова. Ире о причинах молчат, да их никто и не спрашивает – дураков нет нарываться.

Когда-то **Изначальный лес** на континенте был отдельным государством, но когда людей стало слишком много и они начали захватывать опушки, начались конфликты, перешедшие в открытую войну. Мир между ире и людьми установил **Эстебано Кровавый Кулак Суардис**. С тех пор, вот уже больше 600 лет, Изначальный лес входит в состав Валанты на правах автономии (мы не трогаем вас, вы не трогаете нас, всем хорошо).

В Изначальном лесу сохранились волшебные животные: единороги, мантикоры, фениксы, виверры и прочая. Хотя есть вероятность, что не просто так сохранились, а являются плодами генетических экспериментов ире. Нигде, кроме ирийских территорий, волшебные животные не живут. Исключение – особо недоступные уголки Тмерла-Хен, где, по легендам, какая только дрянь не обитает. Какая именно, опять же никто достоверно не знает, ибо дрянь обладает большими зубами и хорошим аппетитом.

Политическая география

Самое крупное по территории государство континента – **Тмерла-Хен**. Бесконечные степи на западе упираются в хребет Кондор, на востоке – в Хвост Дракона, а на юге – в Багряные Пески и непроходимые джунгли Сашмира. При том, что территория огромна, населения мало, а на политическую арену Тмерла-Хен не суется, плевать кочевники хотели на все, чего не видят. По сути Тмерла-хен даже не является единым государством. Лишь раз в десять лет около Звездного Озера собирается Сабантуй (совет шаманов), где приносят жертвы Хсы (Хиссу) и Риус (Райне), а заодно организуется Великая Ярмарка. Кочевники – народ сугубо практичный и основательный, поэтому длится все это удовольствие минимум три месяца.

В Тмерла-хен сейчас год не то 5, не то 6 тысяч какой-то, у каждого Большого Шамана племени свое мнение, и через пару лет на очередном Сабантуе состоится очередное выяснение, кто же прав. По традиции каждый останется при своем и еще десять лет будет готовиться к следующему раунду теологического диспута под крепчайшую мухоморовку.

Второе по территории и первое по древности государство – **Хмирна**. Основал его лично Красный Дракон. Когда мир стал слишком хрупким, чтобы выдерживать Первородных, Красный отдал свою кровь детям-шерам, отказался от крыльев и воплотился в человека. Он основал Хмирну, дал своему народу строгие и справедливые законы. С тех пор он неотлучно заботится о подданных и потомках, раз в сто лет умирая и возрождаясь в одном из своих сыновей. По этому случаю непременно устраивается государственный праздник, невероятно масштабный и красивый. На него стекаются гости со всего континента, правда, не всех пускают.

Население Хмирны огромно, законы жестки, благосостояние высоко. Крайне традиционное государство, что немудрено: ни восстаний, ни заговоров, даже преступность где-то на уровне плинтуса. Император Ци Вей (что переводится с хмирского как «живущая вечно мудрость») милостив, заботлив и мудр, и если кто не ценит – имеет все шансы повысить благонадежность на рудниках. Летосчисление со дня Первого Рождения императора, так что в Хмирне сейчас 1499 год (Год Умиряющего Дракона, вот такие хмирцы пафосные).

Третье по территории государство – **империя Фьонабер**, она же Семь Королевств. Государство молодое, фактически образовалось во времена Мертвой войны, то есть четыреста с небольшим лет назад. Семь Королевств объединились, чтобы вместе противостоять карумитам.

Летосчисление в империи Фьон ведется со дня основания империи. Официально днем основания империи считается день подписания союзного договора между семью королевствами: **Фьона** (метрополия, запад), **Ольбер** (северо-запад), **Бресконь** (север, северо-восток), **Валанта** (юго-запад), **Скаленца** (юг), **Ирсида** (юго-восток) и **Чесландия** (объединенные княжества на востоке). В состав империи вошли не все княжества. Между Тмерла-хен и Чесландией осталось еще несколько десятков мелких государств. Также мелкие королевства, эмираты и прочие республики располагаются между Тмерла-хен и Сашмиром.

Звали в компанию **Ледяные баронства**, но те не пошли. До северных лесов и фьордов карумиты добраться не успели, так что лерды тихо отсиделись в сторонке. За что традиционно нелюбимы всеми остальными народами.

Государственная система Ледяных баронств – клановая. Бароном, то есть главой клана, становится самый сильный шер, независимо от принадлежности дара к свету или тьме. Силу доказывают в испытаниях, местами кровавых, но в основном – зрелищных, ведь

судей как таковых нет, только общее собрание клана. При выборах нового Лерда все куда серьезнее, тут уже решает совет баронов, в последние 400 лет с привлечением имперского Конвента (магов-зеро уважают и боятся даже ледяные бароны).

Пятое большое государство – **Сашмир**, родина слонов и бывший оплот карумитов на континенте. Во время Мертвой войны Сашмир пострадал серьезнее всех, поэтому одаренных шеров в Сашмире крайне мало. Правит Сашмиром султан из династии *Пхутра*, узаконено многоженство и рабство. В отличие от империи, в Сашмире темные и светлые шеры равны в правах, и поэтому значительная часть темных родов переселилась из империи в Сашмир. Как следствие, на данный момент темных шеров в Сашмире раза в два больше, чем светлых.

Летосчисление в Сашмире считается так же, как в империи Фьон. Причина проста: после победы в Мертвой войне император Роланд Святой самолично посадил на трон первого султана из династии Пхутра.

Еще несколько небольших государств располагаются в горах к югу от Хмирны. Самое значительное из них – **Цуань**, знаменито своими целителями и травами, а также тем, что именно в Цуане родился Великий Паук Тхемши, темнейший глава Конвента.

И чуть подробнее о **Валанте**.

Города Валанты по правому берегу **Вали-Эр**: **Суард** – столица, **Кардалона** – к югу от столицы, герцогство Кардалонское.

Найрисса – самый южный крупный город Валанты, герцогство Найрисское, герцог Найрисский – шер Альгредо.

Оратава, столица герцогства **Удолье**, к северу от Суарда. **Хуррилья** и **Лас-Беньяс** – небольшие города в герцогстве Удолье. Между **Суардо** (бывшее баронство Суардо, ныне королевский майорат) и Удольем расположен Истинный Лес, **Даилла Ире**.

По левому берегу Вали-Эр два герцогства, **Сальепус** (столица – Сальепус-дель-Риу) и **Фолькарей**, с одноименной столицей. Герцогство Фолькарей – тоже владения короны, титул герцога Фолькарей носит наследник престола. Левобережные герцогства не так плодородны и богаты, как правобережные, так как граничат с Ирсидой, и их коснулись климатические и прочие аномалии, порожденные столкновением имперских войск и школы Одноглазой Рыбы.

Графство **Ландеха** – часть герцогства Кадалонского.

Графство **Седейра** – часть герцогства Сальепус.

Графство **Сильво** – в герцогстве Фолькарей.

Маркизат **Торрелавьеха** – север Удоля, граница с Фьоней.

Баронство **Наба** – герцогство Кардалонское.

Баронство **Барра** – герцогство Фолькарей.

Баронство **Уго** (замок Уго-дель-Риу) – север герцогства Кардалонского, на границе с землями Суардо.

Связь, путешествия и прочая

Связь в империи – по старинке, письмами (имперская почта) или через зеркала – но это только для одаренных шеров. Причем имеет значение и дальность, и уровень дара обоих собеседников. Для срочных депеш используется почтовый телепорт, безумно затратная штука, но независимая от чьего-то дара: вход и выход – специально зачарованные шкатулки, обычно довольно маленькие, так как размер и вес прямо пропорциональны энергозатратам на перемещение. Состоятельные люди, в основном шеры, пользуются также воздушной почтой: зачарованные голубы, соколы, вороны и прочие летучие твари, вплоть до нетопырей (по спецзаказам для особых эстетов).

Дороги в империи традиционно содержатся в отличном состоянии. В основном используется конный и водный транспорт, благо в империи несколько судоходных рек, самая крупная из которых – Вали-Эр, основная водная артерия Валанты. Одаренные пользуются магомодифицированными лошадьми либо волшебными существами: светлые – смесками единорогов, называемыми ирийскими лошадьми, темные – смесками химер, ездовыми химерами.

Смески очень редки и безумно дороги, потому что нестабильны. Бездарного они не будут слушаться, без подпитки магией погибнут. Химеры способны нести всадника тропами Тени – со множеством ограничений и побочных эффектов, так что воспользоваться этой их способностью могут лишь самые одаренные, но не самые здравомыслящие. Химеры – ночные твари, имеют вертикальный зрачок и отличное ночное зрение, не любят конюшни, хотя могут сделать хозяину одолжение и прикинуться нормальной лошадью. Очень убедительно прикинуться: ни вертикальных зрачков, ни заостренных копыт, ни клыков в пасти или искр в гриве никто не увидит.

Ирийские лошади ходят лесными тропами, побочных эффектов нет вовсе, а ограничений всего два: по лесным тропам они носят только светлых шеров и только девственников, всех прочих – быстро, надежно, но без изысков типа «вошел в лес на одном конце континента, через пару часов вышел из леса на другом». Поэтому, как легко догадаться, на лесных тропах пробок не бывает, а всадники ирийских лошадей служат предметом насмешек. Конечно, если недостаточно зубасты. Кстати, сами ирийские лошади тоже те еще зубастые и драчливые твари. Если к ним без достаточного пиетета, могут не то что руку, голову оттяпать. И съесть, ибо экология превыше всего и добро продать не должно. Соответственно, те же особенности строения, что у химер, и те же способности к маскировке.

Магомодифицированные лошади дешевле смесков, так как требуют меньше затрат при выращивании. Они травоядны, не так капризны, способны прожить несколько лет без подпитки магией, но не имеют тех особых свойств, что смески. Поэтому распространены гораздо шире, в том числе среди неодаренных, но состоятельных людей.

В отличие от людей, гномы предпочитают механические средства передвижения. У себя в Дремсторе они давным-давно пользуются общественным железнодорожным транспортом, от вагонеток до подземных экспрессов, соединяющих самые дальние поселки со столицей.

Около полусотни лет назад гномы начали строить железные дороги на поверхности, сначала – городской транспорт в Метрополии, знаменитые трамваи, работающие на энергокристаллах. Их добывают в самых глубоких шахтах, там, где камень горячий от близости спящего Оранжевого Дракона. Считается, что энергокристаллы – это пар его дыхания. Люди так глубоко под землю спускаться не могут, гномы – естественные монополисты.

Империя долго не хотела связываться с железными дорогами, чтобы не зависеть от гномов. Ситуацию изменил Элиас Брайнон. Он организовал совместную с гномами кампанию, часть акций распродав народу, оставив контрольный пакет себе и Яшмовому Трону пополам. Сейчас гномы вместе с людьми строят железные дороги по всей империи, самый масштабный проект – трансконтинентальная дорога от Метрополии до Хмирны, через хребет Кондор и степи Тмерла-хен. Строится уже 30 лет, до завершения еще лет 100 в лучшем случае. Гномы – народ основательный и медленный, так как живут по 400 лет и смысла торопиться не видят.

Кроме железных дорог, гномы пользуются колесными мобилями – вещь чрезвычайно редкая, изготавливается с толком и расстановкой строго по индивидуальным проектам, людям не продается, ибо недостойны. Топливо – те же энергокристаллы. Кстати, все попытки угнать мобиль проваливались, потому что гномы – еще и непревзойденные мастера замков и охранных систем. Да что там, единственные мастера, люди даже не пытаются с ними тягаться. Гномьи охранные системы базируются на рунах, люди считают руны магией, но мы-то знаем, что в микросхемах нет совершенно ничего волшебного, не так ли?

Энергокристаллы бывают не только оранжевыми самородными, но и многозарядными, любой из стихий. Стихийные кристаллы называются амулетами-накопителями. Официально шеры имеют право продавать их только государству, за весьма умеренную плату. Но практически это товар черного рынка, используется слабыми шерами как подпитка собственного резерва. Накопители также очень востребованы целителями, так как их резерва постоянно не хватает, и всеми теми, кто просто хочет прожить дольше естественного срока.

Использовать накопители для транспорта нереально, так как готовых продавать свою силу шеров крайне мало, а законопроект Партии Прогресса об обязательном отборе части силы у шеров на нужды государства Конвент заворачивает регулярно и единогласно.

Однако эта возможность несколько сдерживает амбиции гномов. Также император инициировал поиск других источников энергии для транспорта, освещения и производства. Как бы это ни было смешно, пока в научных изысканиях лидируют все те же гномы. Почему они собственноручно растят себе конкуренцию? А из чистого научного интереса, как завещал Оранжевый Дракон. Наука должна быть, и точка. Если держатели акций горнодобывающих компаний не согласны, то это определенно не проблемы ученых.

Один из таких ученых, кстати, дру Беррилан Бродерик, наставник Каетано и Шуалейды в точных и естественных науках. Король Валанты выделил ему финансирование, лабораторию в крепости Сойки, обеспечил охрану и секретность, да к тому же несколько юных впечатлительных душ в качестве восторженной публики и помощников в экспериментах. Так что исследования дру Бродерика идут полным ходом, а на мнение Яшмового Трона о том, что электричество – это лженаука, дру Бродерик кайло клал.

Пару слов о традиционном освещении. Во-первых, это фейские груши – волшебные деревья со светящимися плодами. Без магии не растут и не светятся, поэтому ими освещают жилища только одаренные шеры либо самые богатые неодаренные, которые могут себе позволить услуги шера-фонарщика.

Более просты и доступны фонарные жуки. В них самих магии нет, они светятся за счет содержащегося в надкрыльях фосфора. Одно но: без магии они не растут крупнее тыквенной семечки и светятся довольно слабо, поэтому разведением фонарных жуков для нужд городов и простого народа занимаются опять же шеры. Фонарщики – очень уважаемая и денежная профессия для слабо одаренных шеров.

Так как магия иссякает, и соответственно жуки и фейские груши дорожают, в империи начинают все шире использовать другие средства для освещения вроде восковых свечей, масляных и спиртовых ламп, газовых рожков. Однако отношение к подобному освещению до сих пор презрительное, несмотря на все усилия партии Равенства и Прогресса. Особенно презрительно относятся к «бедняцкому» освещению жители Ледяных баронств, даилла-ире и, как ни странно, гномы. Но у гномов все на энергокристаллах, даже плиты для приготовления еды. За что их, монополистов зажавшихся, предсказуемо недолюбливают.

Шерские категории

Зеро – маг вне категорий, то есть его сила не поддается измерению. Шер зеро – возможная аватара Хисса, Райны или одного из первородных Драконов. Продолжительность жизни – пока не надоест. На данный момент официально известны 3 шера категории зеро: Светлейший Парьен (юноша всего-то лет 300), Темнейший Паук Тхемши (постарше, застал еще Мертвую войну) и Ци Вей, император Хмирны и очередное воплощение Красного (огненного) Дракона. Вот Ци Вею около ста лет, потому что Красный Дракон регулярно перевоплощается. Зачем? А ему нравится чувствовать себя человеком, да и обретение нового императора – всегда праздник для народа, а свой народ Красный очень любит.

По недостоверным данным, шеры-зеро встречаются среди Больших Шаманов Тмерла-хен, также на категорию прим мог бы претендовать кое-кто из истинных ире, шималийских мудрецов, хмирских мандаринов и даже Ледяных баронов. Но почему-то им плевать на категории. Наверное, потому что дикий народ, не понимает благ имперской цивилизации.

Первая категория, шер-прим: редчайшая редкость, доподлинно известно примерно о пяти десятках шеров первой категории. Из них 7 – деканы стихийных факультетов Магадемии, также официально первая категория у Ледяного Лерда (чтоб все так жили, как он приbedняется!). Больше всего шеров-прим, около трех десятков – в Хмирне, родственники императора, все же почти неразбавленная кровь Красного Дракона. Живут шеры-прим лет по 400–500, примерно как гномы.

Вторая категория, шер-дуо: тоже изрядная редкость. Если до Мертвой войны вторая категория не считалась чем-то выдающимся, то к настоящему времени вторую категорию получает в лучшем случае один из сотни одаренных. В империи насчитывается около полусотни шеров-дуо, из них два короля (Ольбер и Чесландия), пять герцогов, входящих в императорский совет, четыре Полномочных Представителя Конвента (Бресконь, Валанта, Ирсида, Скаленца), несколько преподавателей Магадемии, несколько офицеров Магбезопасности. Продолжительность жизни 300–350 лет.

Третья категория, шер-терц: самая многочисленная и наиболее «размазанная». Третью категорию получают как довольно сильные шеры, так и едва-едва одаренные. Примерно через 100 лет после Мертвой войны, когда рождаемость одаренных шеров резко сократилась, император ввел закон о наследуемой (условной) категории, а Конвент изменил параметры аттестации. Если до Мертвой войны для получения третьей категории надо было пройти серьезные экзамены, то сейчас достаточно всего лишь иметь опознаваемый визуально цвет дара и принадлежность к Свету или Тьме. На данный момент существует неофициальное разделение: «полная» категория и «нижняя», она же «слабая» категория. Продолжительность жизни шера-терц соответственно колеблется от 100 до 250 лет.

Четвертая категория, шер-кватро: на данный момент – условная, наследуемая категория. Аналог дворянства. Для ее получения не нужно никаких экзаменов, достаточно родиться в семье шеров. В последний век условные шеры составляют больше 70 % всех шеров, из них примерно половина – носители латентного дара, половина же бездарна вовсе. До Мертвой войны четвертую категорию получали так же, как сейчас третью. Живут как обычные люди, максимум 100 лет.

Шер получает категорию сразу после совершеннолетия, т. е. в 16 лет. Свидетельством категории является **Цветная грамота**. Ее выдают по результатам аттестации, которую имеют право проводить минимум два шера категории не ниже второй. В столице империи аттестация традиционно проводится в Магадемии, также в Магадемии проводится переаттестация на вторую категорию и выше.

Грамота называется Цветной, потому что по ней видны стихии и принадлежность к свету или тьме. Светлый шер получает грамоту на белом пергаменте с каймой цвета стихии либо нескольких стихий. Темный шер – соответственно на черном пергаменте с цветной каймой. Урожденный сумрачный шер (такая же редкость, как шер-зеро) – на сером пергаменте с каймой. Яркость стихийных цветов на грамоте обозначает категорию. Самые яркие цвета у шеров-прим.

Условным шерам выдается грамота цвета стихии, но блеклая. Для огня – бледно-розовая, для воздуха и воды – бледно-голубая, для искусства и земли – желтоватая и бежевая, для разума – блекло-сиреневая.

Грамот нет лишь у шеров категории зеро. Им грамоты ни к чему, чихать они хотели на все эти глупые игрушки. У шеров-зеро на самом деле и принадлежность к свету или тьме – лишь дань привычке, на самом же деле они «истинно сумрачные», они же «равновесные» шеры.

На Совете Семи Корон вот уже двадцать лет обсуждается закон о введении пятой и шестой категорий, для того чтобы разделить шеров, способных к серьезным магическим действиям (хотя бы зарядке кристаллов) и тех, чьего дара хватит максимум в карты смухлевать. То есть по проекту третья категория официально разделится на две, третью и четвертую, а четвертая – на пятую (носители латентного дара) и условную (никакую). Однако законопроекту противодействуют те шеры, которые сейчас имеют третью категорию, что звучит гордо, но при переаттестации уйдут в четвертую, что будет звучать как «неудачник», и Партия Прогресса – которая вообще ратует за отмену категорий, чтобы не оскорблять чувства «нормальных», читай бездарных, шеров. **Счет времени, меры веса и длины**

Основная мера длины – **локоть**, примерно треть метра. Две сотни локтей (65 метров) – **перестрел**. Сто перестрелов – миля, пятьдесят миль – **лига**.

Основная мера веса – **динг**, около одного грамма. Тысяча дингов составляет **куш**.

Благодаря гномам в империи меры длины и веса стандартны. В Хмирне этим же озаботился сам император. В мелких княжествах, среди кочевников Тмерла-хен и даже в Ледяных баронствах к мерам относятся куда как более вольно.

Год состоит из 13 месяцев, месяц – из 26 дней или двух полумесяцев. В сутках 24 часа, по 60 минут, по 60 секунд. Новый год празднуется зимой, в день зимнего солнцестояния, называется праздником Середины зимы.

Названия месяцев в империи:

Холодного солнца, холод (приблизительно январь, начинается в первый день после солнцестояния); **Птичий, птица** (февраль); **Холодных вод, ручьев** (март); **Травник** (апрель); **Каштановый цвет, каштан** (май) – первый день Каштанового цвета считается днем начала лета, празднуется во всех королевствах империи и в Сашмире; **Ягодник** (июнь); **Пыльник** (июль); **Ласточки, ласточек** (июль-август); **Хмель** (август); **Гончих, гончие** (сентябрь); **Золотой, золото, золота** (октябрь); **Мокрый, хмарь** (ноябрь); **Снежник** (Декабрь).

Глоссарий

Алью Райна и Алью Хисс – храм Райны и храм Хисса. Всегда строятся парами, друг напротив друга.

Брайноны – династия властителей Фьоны, не менялась с основания королевства, то есть около 3 тысяч лет.

Брат, Темный Хисс, Темный Брат – один из Двуетиных, Близнецов, творцов и богов этого мира. Дарит своим потомкам темную магию, отвечает за тьму, смерть, некромантию, ужасы и злодеяния. Создал Бездну Ургаши и основал гильдию ткачей.

Валанта – южное королевство, входит в состав империи Фьонабер, она же империя Семи Корон.

Гильдия ткачей – боевой орден, основанный лично слепым Нье (шером-зеро, аватарой Хисса) в разгар Мертвой войны. Когда карумиты с помощью Мертвой благодати стали одерживать верх над последователями Двуетиных, Хисс в последний раз сошел в мир, но не сам, а в аватаре, чтобы его явление не принесло разрушений больше, чем вся Мертвая война. Гильдия ткачей изначально не имеет централизованной структуры, работая по принципу независимых ячеек. Поэтому во время Мертвой войны ни один Мастер Ткач не мог выдать карумитам другого Мастера Ткача и соответственно другую ячейку организации. У каждого Мастера Ткача есть Книга Заказов.

Гномы – раса, созданная Оранжевым Драконом из земли и камня. Старше людей минимум на несколько тысячелетий. Точно неизвестно, потому что гномы ведут летосчисление не по сменам времен года на поверхности, а по «чешуйкам на хвосте Дракона» – какое это отношение имеет к настоящему Оранжевому Дракону, который явно не сидел на месте в гномьих пещерах, человеческой науке неизвестно. Есть версия, что имеются в виду какие-то геологические процессы. Ростом гномы ниже среднего человека примерно в полтора раза, более коренасты. Очень выносливы, видят в темноте, способны дышать тем, что для дыхания людей не годится. Невосприимчивы к большинству известных ядов, способны питаться любой органикой и даже некоторыми видами неорганики. Живут в среднем около 400 лет. Предпочитают поселения в горах, по большей части подземные. Гениальные строители, механики, металлурги и ювелиры, а также финансисты. Не бывают одаренными шеррами. Среди гномов принято обращение «дру» к мужчинам и «фре» к женщинам.

Гончих, гончие – сентябрь. В первый день месяца гончих родился Каetano Суардис.

Даилла Сейе – Истинный Лес, государство даилла-ире. Располагается неподалеку от столицы Валанты.

Даилла-ире – истинные ире.

Двуетиность – основная религия. Светлая Сестра отвечает за жизнь, Темный Брат – за смерть. Храмов соответственно два: Райны и Хисса. Их всегда строят парой, рядом и одного размера. Настоятель светлого храма – непременно светлый шер, темного – темный. В старину настоятели всегда были братьями или сестрами (пол не имеет значения). При этом священники не имеют цвета стихии, только черный или белый. Сколько они живут и как общаются с богами, никому не известно. Возможно, иногда боги вселяются в них, но это тоже никому точно не известно.

Демоны Ургаши – мифологические существа, похожие на зургов с крыльями, только полностью черные. Воплощение бессмысленного и беспощадного Зла. Произошли от бяки-закалки, нарисованной Хиссом на песке Океана Вечности. Основное занятие Демонов Ургаши – пугать маленьких детей, чтобы хорошо кушали и слушались родителей. Также выполняют декоративную функцию, украшая храмы Хисса как статуи.

Динг – медная монета, единая для всей империи, она же самая мелкая мера веса – около 1 грамма. Динги имеют право чеканить герцоги, на аверсе профиль герцога, на реверсе – клеймо «чистая медь». Чеканятся также монеты достоинством 2 динга, «рыбка» – на реверсе прыгающий дельфин, откуда взялся – науке неизвестно; 5 дингов, «голубка» или «птичка» – на реверсе голубь, один из символов Светлой; 10 дингов, «камень», «булыжник», «кирпич» – на реверсе башня, теоретически – герцогского замка.

Драконы – первые дети Двуетиных, семь Драконов, каждый отвечает за одну стихию. Красный – огонь, Оранжевый – земля, Золотой – искусство, Зеленый – природа, Голубой – воздух, Синий – вода, Фиолетовый – разум. Драконы изначально не имеют пола, и в драконьей ипостаси не размножаются. Зато могут превращаться в кого (или во что) угодно. Предпочитают в людей, это интересно и весело, опять же, можно заниматься любовью. А то что за дела, Брат и Сестра могут, а они – нет! У каждого Дракона постепенно образовалась любимая человеческая ипостась, к примеру, Золотой – блондинистый вихрастый подросток и неизменной дудочкой. Кстати, той самой, которую ему подарили на день рождения Двуетиные. Каждый Дракон может быть как мужчиной, так и женщиной.

Дремстор – государство гномов, располагается в Валанте, в восточных предгорьях Дремлинского хребта. По большей части находится под самим Дремлинским хребтом. Столица также называется Дремстор, других крупных городов у гномов нет. Правит Дремстором совет кланов, председатель которого занимает Яшмовый Трон. Всего кланов тринадцать, по числу месяцев.

Золотой, золото, золота – октябрь.

Зурги – произошедшая от Карума Мертвого и Светлой Райны раса крупных краснокожих существ, похожих на людей, но с некоторыми чертами хищников: ночное зрение, клыки, агрессивный характер. Размножаются плохо, поэтому для сохранения популяции воруют человеческих детей и воспитывают как своих, а затем скрещивают с зургами под присмотром шаманов. Также воруют женщин, чтобы те рожали от зургов. У зургов-воинов считается почетным иметь несколько жен и как можно больше детей. Живут племенами, разводят крупный рогатый скот. У зургов отсутствует письменность в привычном людям виде, они сохраняют знания в основном изустной передачей. Искусные резчики по кости и дереву. Поклоняются Прародителю, то есть Каруму. Мать считают злобным божеством, одной рукой дающим жизнь, другой ее отбирающим. На данный момент заперты в Зурговых Пустошах на юго-востоке Тверди.

Империа́л, котик – золотая монета весом 1,5 динга и стоимостью 10 серебряных. Чеканится только имперским монетным двором, на аверсе – профиль императора, на реверсе – герб империи, кугуар в короне и венке из колосьев. Поэтому в народе ласково зовется «котик». Есть также монета достоинством в 2 империа́ла, называется «шера» или «радуга» – на реверсе весы, знак Конвента. И самая дорогая монета в 10 империа́лов зовется «драконом» за изображение дракона на реверсе.

Ире, даилла-ире и мислет-ире – потомки Зеленого Дракона, истинные ире и дикие ире. Зеленый оказался страшным занудой и наотрез отказался от экспериментов над потомками. Вообще запретил им скрещиваться абы с кем! Или чистокровные люди, или шеры-природники, без вариантов. Результат оказался интересным и специфическим: потомки Зеленого обособились фактически в отдельную расу с характерными признаками. Острые уши, большие глаза, тонкая кость, зеленые глаза и рыжие вьющиеся волосы, и как вишенка на торте – снобизм 100 лвл. Местами оправданный, так как все ире магически одарены, с точки зрения эстетики совершенны и живут минимум лет по 300. А с другой – с людьми и гномами они благополучно разосрались и после Мертвой войны оказались на грани вымирания.

Ирийские лошади – смеси единорогов и обычных лошадей. Бесплодны. Обычно белые, безрогие. Очень сильны, выносливы, быстры и умны. Всеядны. Требуют постоянной подпитки магией, слушаются только одаренных шеро́в. Ирийских лошадей разводят только светлые шеры и только по договору с истинными ире, так как для каждого поколения требуется единорог-производитель.

Карум, он же Мертвый – бог-демон, явившийся к создателям мира Хиссу и Райне и попросившийся с ними поиграть. Виновник упадка магии. Последователи Карума начали Мертвую войну, в результате которой Карум погиб (и стал Мертвым), карумиты были разгромлены и сбежали на южные острова, где основали государство Полуденная Марка.

Каштановый цвет, каштан (май) – первый день Каштанового цвета считается днем начала лета, празднуется во всех королевствах империи и в Сашмире. В седьмой день Каштанового цвета родилась Шуалейда Суардис.

Книга Заказов Мастера Ткача – магическая книга, в которую вносились имена будущих целей – как известных жрецов Мертвого, так и его тайных сторонников. Часто записи в этих книгах появлялись сами собой, только по воле Хисса или Райны. Каждый заказ должен быть исполнен, и единственной причиной неисполнения может быть смерть всей ячейки гильдии, включая Мастера Ткача, мастеров теней и подмастерьев.

Конвент, Конвент магистров, Радуга – совет самых сильных магов империи, созданный по подобию божественной семьи. Состоит из семи магов, каждый – воплощение своей стихии: огонь, земля, искусство, природа, воздух, вода и разум. Возглавляют Конвент обязательно два мага, Светлейший и Темнейший (наместники Райны и Хисса). Традиционно магистры Конвента также являются деканами соответствующих кафедр Магадемии.

Ласточки, ласточек – июль-август.

Магадемия – учебное заведение для одаренных шеров, основано около двух тысяч лет назад королем Фьоны Гийомом Мудрым Брайноном, шером первой категории, и Золотым Бардом – аватаром Золотого Дракона. Архитектурный проект основного здания Магадемии принадлежит Золотому Барду. Тогда же произошло разделение Кабинета министров и Конвента на власть светскую и магическую. Темнейшей главой Конвента на тот момент была сестра Гийома, Вивиана Ураганная, шер категории зеро.

Магтелепорт – очень дорогой и энергозатратный способ связи. Перемещает только неживые предметы (живое существо либо погибнет в процессе перемещения, либо не сможет переместиться вовсе). Используется для срочных депеш или посылок. Максимальная дальность – в пределах континента.

Мантикора – волшебное существо (плод генетических экспериментов то ли Двуетиных, то ли даилла-ире) с почти человеческой головой, львиным телом и скорпионьим хвостом. Отличается хитростью, злопамятностью, скрытностью и живучестью. Ядовито со всех сторон – жало на хвосте и зубы, как у змеи, плюс плюется какой-то едкой дрянью. Зачем его вывели – тайна, покрытая мраком. Возможно, это всего лишь побочный продукт какого-то эксперимента ире, упившихся мухоморовкой, но даже если это и так, ире ни за что не признаются.

Мертвая благодать – во время Мертвой войны так называлось извращенное заклинание карумитов, поглощающее души и магию шеров, применялось как боевое самыми сильными жрецами Мертвого. Сейчас – ругательство, не имеющее магической силы.

Мертвый – см. Карум

Микару – священная гора карумитов, располагается где-то на островах Полуденной Марки.

Мокрый, хмарь – ноябрь.

Полуденная Марка – государство карумитов на островах архипелага Акулий Плавник.

Потусторонний континент – мифическая земля, используется как идиома в значении «Место, которого нет», «Место, о котором лгут». На самом деле Потусторонний континент существует, но не заселен людьми. Использовался Двуетиными как полигон для генетических, климатических и прочих экспериментов, поэтому там до сих пор живут и свободно размножаются (либо свободно поедают друг друга) самые причудливые твари. Очистить его и сделать город-сад у Двуетиных все не доходили руки, а после Мертвой войны это и вовсе стало невозможно – творящей силы не хватает, мир заостенел. В общем, этот континент на всякий случай окружили рифами, течениями и прочими заградительными сооружениями, чтобы ни один любопытный человеческий нос туда не совался. Ибо нефиг подглядывать в черновики.

Почта – имперская служба доставки писем и посылок, а также целая система постоянных дворов, где почтовые кареты и курьеры могут сменить лошадей, поесть и переночевать. Покровитель почты – Голубой Дракон, поэтому эмблема почты – голубые крылья. Благодаря благословию Дракона почтовые кареты и курьеры неприкосновенны. Говорят, попытку напасть, убить или ограбить почтальона он пресекает лично.

Достоверных данных об этом не сохранилось, потому что проверять на себе дураков нет.

Птичий, птица – февраль.

Пыльник – июль.

Райна – см. Сестра.

Светлые Сады – мифический рай, место обитания Райны. Сюда между перерождениями попадают светлые шеры.

Сестра, Светлая Райна, Светлая Сестра – одна из Двуетиных, Близнецов, творцов и богов этого мира. Дарит своим потомкам светлую магию, отвечает за свет, жизнь, милосердие, добро.

Сестрица – серебряная монета, единая для всей империи, весом в 1 динг и стоимостью в 20 дингов. Чеканят ее короли, на аверсе королевский герб, на реверсе – солнце, знак Светлой Сестры, потому монета и зовется «сестрица». Бывает также «близнецы» – монета достоинством в 2 сестрицы, на реверсе «дуо», символ Двуетинства: терцанг (сдвоенный треугольник) Хисса, вписанный в круг Сестры. Сохранились также монеты достоинством в 3 сестрицы, «братцы» – с терцангом на реверсе. Их прекратили чеканить во времена Темного бунта, он же мятеж Ману Одноглазого, так как в народе резко изменилось отношение к Темному Брату, прародителю темных шеров. Более распространены монеты достоинством в 5 сестриц, «мечи» – на реверсе у них свиток и меч, символ Магбезопасности.

Снежник – декабрь.

Стелья или зимнее дерево, – вечнозеленые деревья средней полосы и юга, цветут в середине зимы сказочно прекрасными гроздьями голубых звезд, ими традиционно засаживают бульвары и проспекты в империи, Сашмире и восточных княжествах. Символ праздника Середины Зимы.

Твердь – единственный населенный континент. Окружен Бесконечным океаном, около континента участки океана называются морями. Северное, Южное, Неспящее (так красивее и короче, чем Юго-западное) и прочие. Океан называется Бесконечным потому, что ни одному идиоту пока не пришло в голову добраться до его конца. Все знают, что там нет ничего, кроме воды.

Тень – магическое подпространство, которое часто путают с Бездной Ургаш. Не существует само по себе, не имеет места-времени-протяженности, ничем не населено. Создано Хиссом и Райной специально для бойцов гильдии ткачей, чтобы те могли противостоять жрецам Мертвого. Ткачами бойцы называются, потому что ткут новую судьбу мира и складывают обычное пространство как ткань, перемещаясь между складками и под самой тканью, «как жук под скатертью».

Терцанг – знак Хисса, сдвоенный треугольник.

Травник – апрель.

Туманный остров – по преданиям, родина ире, но никто точно этого не знает, потому что никто там не был. Ире не дураки, пускать на свою территорию людей. Люди, как известно, грубые и невоспитанные, топчут зеленые ростки и пытаются оторвать у единорога рог на сувениры.

Ургаш – мифологическая Бездна, где живет Темный Брат. Научкой существование Бездны не подтверждено. Слепой Нье утверждает, что никакой Бездны Ургаш в реальности не существует, это метафизическое понятие, обозначающее нравственное падение души. Так как большинство нормальных людей не знает таких слов, ему не верят и продолжают бояться Бездны примерно как пыточного подвала.

Фейская груша – см. груша цель.

Химеры ездовые, в просторечии **химеры** – бесплодное потомство живых кобыл аштунской породы и зооморфной нечисти. Хищники. Пасутся во снах, питаются как живой пищей, так и всеми видами страха. Способны ходить тропами Тени, но если

всадник недостаточно силен, умел или химера его не любит – есть риск таким образом попасть вовсе не туда, куда направлялся, и хуже того, выйти с троп Тени лет так через пятьдесят-сто. В естественном виде – воронье с алыми глазами и искрящимися черными гривами, вместо лошадиных зубов – клыки. Могут менять облик и выглядеть как обычные воронье лошади. Живая кобыла приносит только одного жеребенка-химеру, так как он полностью высасывает жизненные силы матери. Химер разводят исключительно темные шеры из старых семей, самые известные заводчики химер – Бастерхази из Старой Бести. Химеры все более редки и дороги, так как для рождения и выращивания требуют значительного количества магии. Содержать химеру и ездить на ней также может лишь одаренный шер, причем неважно, светлый или темный, однако в последние несколько веков ездить на химерах рискуют лишь темные.

Хисс – см. Брат

Хмель – август.

Хмирна – государство, основанное Красным Драконом, оплот порядка и гармонии. Располагается на востоке Тверди.

Холодного солнца, холод (приблизительно январь, начинается в первый день после солнцестояния).

Холодных вод, ручьев – март.

Цветущая Земля – уничтоженное государство карумитов. Располагалось восточнее Хмирны, на островах в Рассветном море. Существовало до Мертвой войны. Благодаря уникальному климату и горячим источникам на островах круглый год что-нибудь да цвело, отсюда и название. Сейчас же острова покрыты пеплом и непригодны для жизни. На некоторых из них проснулись вулканы, из-за чего Рассветное море стало весьма бурным и опасным.

Циль – груша циль, фейская груша. Волшебное дерево со светящимися плодами. Фейские груши, снятые с дерева, светятся в темноте приятным желтоватым светом. Реагируют на магию, для свечения требуют подпитки магией, в общем, для нормальных людей – малодоступная роскошь.

Ци-се – святыня Полуденной Марки, груша циль, вывезенная с погибшей Цветущей Земли, последнее прибежище духа Мертвого бога. Когда жрецы достаточно напоят землю священной горы Микару кровью и магией шеров, Ци-се снова зацветет, и тогда бог Карум вернется к своему народу.

Шер – маг, потомок первородных Драконов, есть 4 категории шеров по силе дара. По Новому Шерскому уложению четвертая категория – наследуемая, дает привилегии благородного звания даже без магического дара.

Шималай – высокогорная область между Хмирной и Сашмиром, славится своими монастырями и мудрецами.

Ширхаб – вредная мелкая нечисть, обожающая нюхать ношеную обувь и носки.

Шис – аналог черта.

Эстебано Кровавый Кулак Суардис – первый король Валанты, объединивший вечно воюющие друг с другом баронства и заключивший договор о дружбе и единстве с гномами и даилла-ире.

Ягодник – июнь.